

ЧАТЫР-ДАГ — НЕКРОПОЛЬ РИМСКОЙ ЭПОХИ В КРЫМУ

В. Л. МЫЦ, А. В. ЛЫСЕНКО, М. Б. ЩУКИН, О. В. ШАРОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ЧАТЫР-ДАГ — НЕКРОПОЛЬ РИМСКОЙ ЭПОХИ В КРЫМУ

В. Л. МЫЦ, А. В. ЛЫСЕНКО, М. Б. ЩУКИН, О. В. ШАРОВ

Издательство СПбИИ РАН
“Нестор-История”

Санкт-Петербург
2006

УДК 930.26:947.011«2/3»
ББК 63.443.23(2Укр-4Кры)

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В.

Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006. 208 с., ил.

Книга посвящена публикации материалов чрезвычайно интересного памятника III–IV вв. н. э. Некрополь расположен на склоне горы Чатыр-Даг под Алуштой. Все захоронения здесь совершены по обряду кремации, что довольно редко для Крыма этого времени. Сожженный прах либо ссыпался в яму, либо помещался в урну — чаще всего в амфору, которую укладывали в каменный ящик. Там же размещали другие сосуды и вещи — оружие, пряжки, серпы, топоры-мотыги. Сочетание в одном погребении и оружия, и «сельскохозяйственного» инвентаря особенно любопытно, поскольку подобное явление наблюдается лишь в одном уголке (германского мира) Европы — в южной Норвегии. В могилах не редкость и римские монеты, относящиеся в основном к узкому интервалу рубежа III–IV вв.

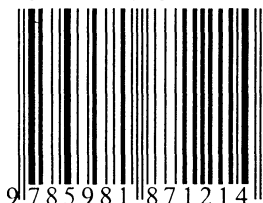
Рассматриваемые в публикации комплексы Чатыр-Дага ставят перед исследователями много задач, порой трудно разрешимых, исходя из устоявшихся научных представлений о публикуемых здесь материалах и об этой эпохе, но, безусловно, памятник является одним из важнейших пунктов при реконструкции этнополитических событий III–IV вв. н. э. в Крыму.

Данная монография несомненно может представлять интерес как для специалистов в области истории и археологии Крыма, так и для всех интересующихся нашим прошлым.

Под общей редакцией М. Б. Щукина

Рецензент М. Казанский

ISBN 5-98187-121-0

© Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В., 2006
© Савченков П. О., оформление, 2006
© Издательство СПбИИ РАН «Нестор-История», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ НЕКРОПОЛЯ	5
1. Введение. Из истории исследования некрополя	5
2. Общая характеристика некрополя	7
3. Южная часть некрополя. Раскопки 1980–1982 гг.	9
4. Северная часть могильника, раскоп IX	12
5. Поминальные ямы	27
6. Пространство между «северной» и «южной» частями некрополя	29
7. Таблицы	31
ЧАСТЬ II. АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИНВЕНТАРЯ	95
Погребальный обряд	95
<i>Северная часть некрополя</i>	99
<i>Южная часть некрополя</i>	104
Погребальный инвентарь	107
1. <i>Керамика</i>	107
2. <i>Предметы вооружения</i>	117
3. <i>Орудия труда</i>	123
4. <i>Монеты</i>	127
5. <i>Детали одежды</i>	127
6. <i>Украшения</i>	134
7. <i>Предметы неясного назначения</i>	144
ЧАСТЬ III. К ХРОНОЛОГИИ НЕКРОПОЛЯ ЧАТЫР-ДАГ	145
ЧАСТЬ IV. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ ...	176
Abstract. Chatyr-Dag: a nekropolis of Roman Period in the Crimea by V.L. Myts, A.V. Lysenko, M.B. Shchukin, O.V. Sharov	189
Список литературы	194
Список сокращений	207

В свое время, еще в 60-е годы прошлого столетия московское начальство Института Археологии потребовало, чтобы на заседании «Славянского сектора» ЛОИА был обсужден вопрос о создании коллективных монографий. Особенно запомнилось из событий тех дней весьма ехидное выступление скептически настроенного ко всяким новшествам Ивана Ивановича Ляпушкина, который сказал, что, по его мнению, всякая коллективная монография есть ни что иное, как щи из топора. Кто-то положит топор, а другой добавит маслица, картошечки, а кто-то только соли и перца...

Так и с нашей монографией. Топор, безусловно, положил В.Л. Мыц в виде добытых им материалов 1980, 1982 гг., 1988, 1990, 1993–1996 гг., в виде полевых отчетов об этих раскопках, полевых дневников, статей 1983 и 1987 гг., публикующих часть материалов, а также в виде личных воспоминаний и уточнений.

Описание могил, а, значит, «добавление основных компонентов для приготовления блюда» было выполнено А.В. Лысенко, опиравшегося на полевые отчеты и дневники В.Л. Мыца, а также на материалы, хранящиеся в Алуштинском историко-краеведческом музее. Корпус таблиц был выполнен С.В. Семиным, который, как и А.В. Лысенко, принимал участие в раскопках могильника на склонах Чатыр-Дага в 1994–1996 гг.

Что касается аналитической части, то основа ее была написана в 2000–2001 гг. А.В. Лысенко и сильно изменена и дополнена в 2002–2005 гг. М.Б. Щукиным и О.В. Шаровым. Особенно это касается раздела о хронологии, где итоговые хронологические таблицы были составлены М.Б. Щукиным, а все рисунки различных категорий погребального инвентаря и целый ряд хронологических разработок были выполнены О.В. Шаровым.

Соавторы не всегда и не во всем сходились во мнениях, и в таком случае в тексте сохранились все варианты трактовки комплекса или отдельных типов вещей. Это, конечно, привело к некоторой разностильности изложения и к повторам, но для коллективных монографий это неизбежно.

В общем и целом текст, предлагаемый сейчас читателю книги, был готов к началу 2002 года. Оставалось его отредактировать, отрецензировать и отдать в типографию.

Но возник целый ряд сложностей, как финансовых, так и личных у отдельных соавторов, отвлеченных другими неотложными работами.

Вернуться к рукописи «Чатыр-Даг» удалось только летом 2005 года. За четыре года, конечно, много воды утекло, появились новые книги, новые публикации и новые материалы. Конечно, все это было бы нужно ввести в текст монографии.

Но мы решили отказаться от такой идеи. Если мы, разделенные тысячами километров, займемся переделкой текста, на это уйдет много месяцев кропотливой работы. Мы решили — пусть будет так, как есть, а читатель пусть простит нас за некоторые анахронизмы в изложении. Считайте, что книга вышла еще в 2002 или в 2003 году. Главное — памятник будет опубликован полностью, а после, и любой читатель, и любой из соавторов может разрабатывать те или иные сюжеты, связанные с некрополем Чатыр-Даг по своему усмотрению с привлечением новых материалов и новой литературы.

Часть I

ПУБЛИКАЦИЯ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА

1. ВВЕДЕНИЕ. ИЗ ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЯ

Некрополь находится в центральной части Южного Крыма, на юго-восточном склоне г. Чатыр-Даг, на высоте 517–557 м над уровнем моря, в 8 км от берега Черного моря (к северо-западу от Алушты), на левом берегу небольшого ручья (правый приток реки Демерджи), в 600 м к югу от памятника М. И. Кутузову, сооруженного на источнике Сунгу-Су и известного под названием «Кутузовский фонтан». В настоящее время значительная часть площади могильника занята постройками подсобного хозяйства бывшего Треста столовых и ресторанов г. Алушты и прилегающего к нему небольшого поселка (Таб. 1).

Эта местность привлекла внимание исследователей еще в XIX веке. В 1890 г. появилось сообщение о случайно открытой на южном склоне г. Чатыр-Даг плитовой могиле. Обследовавший объект Ф. Ф. Лашков писал: «...осенью 1877 г., выше Кутузовского фонтана, на горной дороге, местный житель спускал буковое дерево, концом которого раскрыл гробницу. В ней оказалось: кувшин с землей, который был разбит на мелкие осколки, человеческий скелет и примерно на груди шесть медных монет от 177 до 232 гг. Р.Х., две мозаические разноцветные бусы, крупная стеклянная буса, медная струковидная, служившая привескою, с остатками узора, пластинка; медный перстень;

кольцо из медной пластинки со сглаженными узорами, с продетой проволочкой (служившими, вероятно, серьгами); два браслета из толстой медной проволоки; железная пластинка и 3/4 кольца» (Лашков, 1890, с. 199–200).

Собранные на месте разрушения могилы и найденные в ней предметы поступили в Таврическую ученую архивную комиссию. Дальнейшая судьба их не ясна. Погребение было одиночным и совершено в каменном ящике. По заключению Ф. А. Ребеца, изучавшего находки из могилы, погребение женское и относится к V в. н. э., «...потому что одну изглаженную монету он отнес к этому времени» (Лашков, 1890, с. 200). Точное местонахождение памятника к настоящему времени неизвестно, вещи, видимо, утрачены, поэтому проверить выводы первоисследователей пока не представляется возможным. Не ясно также, относится ли эта могила к Чатыр-Дагскому некрополю.

В 1978 г. во время разведок, проводившихся на склонах г. Чатыр-Даг, вблизи поселка подсобного хозяйства обнаружены следы культурных отложений первых веков нашей эры, интерпретированные автором находки как остатки поселения (Мыц, 1979, с. 15, Таб. 23, 31).

В 1980 г. на территории поселка при земляных работах разрушили несколько плитовых могил III–IV вв. н. э. с погребениями по

обряду кремации. При этом рабочими найдены и впоследствии переданы в Алуштинский краеведческий музей следующие предметы: согнутый меч, два наконечника копий, нож, серп, обломки амфор и краснолаковой керамики.

В том же году было начато изучение нового памятника Горно-Крымской экспедицией ОАК. При осмотре котлована и просеивании грунта возле разрушенных могил обнаружены: медная монета Максимиана Дайи (308–313 г.н.э.), два бронзовых браслета, железный нож, большая бусина из черного стекла, обломки двух амфор и краснолаковых сосудов, бронзовая ажурная подвеска, три железных пряжки (две из них оплавлены в огне), железная обкладка от ножен меча, фрагмент медного перстня с завитками, бронзовая пластинка, круглая с позолотой, украшенная двумя точечными концентрическими окружностями бляшка (Таб. 8–А). При раскопках удалось полностью исследовать одно погребальное сооружение, а также определить местонахождение и ориентацию трех разрушенных **могил №№ 1–4**: Таб. 2, 3) (Мыц, 1981, с. 133–134; Мыц, 1983, с. 153–156).

В 1982 г. работы возобновились. Было заложено 8 раскопов общей площадью 128 кв. м. В пределах 4 из них изучено 7 могил с погребениями по обряду кремации (**могилы №№ 5–11**) (Мыц, 1987, с. 144–164, Таб. 2, 3).

В 1988 г. севернее известного участка некрополя при сооружении котлована под водозаборники строители экскаватором вскрыли 6–7 могил. В 1990 г. здесь были предприняты охранные раскопки, в процессе которых было исследовано 11 могил (**№№ 12–23**) (Мыц, 1991, с. 2–9). Материалы полностью не были опубликованы.

В 1993 г. в рамках отработки методики поиска неизученных погребальных сооружений на территории некрополя, примыкающей к раскопу 1990 г. (№ IX по общей нумерации) археофизической группой Санкт-Петербургского университета под руководством Т.Н. Смекаловой и Горно-Крымской экспедицией Крымского филиала Института археологии Национальной Академии Наук Украины (в дальнейшем КФ ИА НАНУ) проводились геофизические исследования. Магнитная съемка определенных результатов не дала. Однако при предварительной очистке места работ от современных металлических предметов с помощью миноискателя армейского образца и разведочной шурфовке было обнаружено не-

сколько артефактов, видимо, относящихся к могильнику (Мыц и др., 1995, с. 16–18, Таб. 44–48).

В течение трех последующих полевых сезонов (1994–1996 гг.) исследования Чатыр-Дагского некрополя и его окрестностей осуществлялись совместными силами Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ и Славяно-Сарматской экспедиции Государственного Эрмитажа Российской Федерации. Частично эти работы финансировались также грантом INTAS. Координатором гранта был Клаус Рансдборг из Копенгагенского университета, который некоторое время и сам принимал участие в работах. Были продолжены раскопки на новом участке могильника, обнаруженном в 1988 году. Изучено еще 33 погребения (**№№ 24–27, 29–55**), в том числе и одно из самых интересных — погребение № 55 в каменном ящике, избежавшее нарушений при строительных работах. Впервые раскопки в эти годы были проведены широкой площадью (более 400 кв. м). Исследования 1994–1996 гг. подтвердили высказывавшееся ранее предположение о том, что погребальные сооружения размещались на территории некрополя отдельными группами («кустами»), между которыми оставалось пространство не занятое захоронениями. Удалось довольно полно открыть один такой «куст»: выявить его границы, определить примерные размеры, состав, особенности планировки, а также пополнить сведения об обряде захоронений.

Кроме того, была предпринята разведка прилегающей к некрополю территории. Обнаруженные при этом культурные напластования римского времени были исследованы в пределах раскопов X («розовое поле» — площадь 140 кв. м) и XI («лавандовое поле» — площадь 112 кв. м). В ходе работ были получены новые данные о поселении, синхронном могильнику, о структуре его отложений и его хронологии. К сожалению, была осуществлена только предварительная публикация полученных с поселения материалов (Щукин, 1996, с. 8–9; Щукин, Шаров и др. 1997, с. 14–15; Мыц, Лысенко, Семин, Тесленко, Щукин, 1997, с. 211–221).

Впоследствии, в 2001–2002 гг., на памятнике проводились лишь небольшие работы, направленные на завершение исследования объектов, выявленных на раскопе XI, и на поиски неизвестных участков древнего могильника. При этом на территории некрополя был

заложен раскоп XII, где удалось обнаружить и изучить еще одно погребальное сооружение, которому был присвоен случайно пропущенный ранее № 28 (Лысенко, 2004, с. 36–39).

Всего за 7 лет в пределах некрополя было открыто и изучено 55 могил. По многочисленным находкам памятник датирован концом III–IV вв. н. э. Анализ погребального обряда Чатыр-Дагского могильника позволил исследователям заключить, что оставившее его население по своему этническому составу относилось к группе германских племен, которые могли быть носителями пшеворской или вельбаркской культур (Мыц, 1987, с. 160; Мыц и др., 1997, с. 218).

Результаты работ были частично опубликованы (Мыц, 1983, с. 153–156; Мыц, 1987,

с. 144–164; Мыц и др., 1997, с. 211–221; Вознесенская, Левада, 1999, с. 252–276; Шукин, 2002, с. 7–15; Лысенко, 2004–А, с. 226–239; Шукин, 2005, с. 431–441) и, в связи с неослабевающим интересом исследователей к этнополитической истории Крыма позднеримского времени, они активно используются в научных разработках (см. напр. (Гей, Бажан, 1997, с. 31–35; Пиоро, 1999, с. 232; Айбабин, 1999–Б, с. 244–245; Храпунов, 2005, с. 234, 239 и др.)). Однако отсутствие добротной публикации всех материалов некрополя не позволяет полноценно использовать полученные данные.

В связи с этим монографическое издание результатов исследований памятника представляется нам необходимым.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕКРОПОЛЯ

Прежде чем перейти к описанию памятника необходимо кратко изложить проблемы методического и, как следствие, терминологического порядка, возникшие еще в процессе полевых исследований некрополя, а в дальнейшем так и не нашедшие удовлетворительного однозначного решения.

Обнаруженные при раскопках объекты по морфологии делятся на две группы. Первую, малую группу (12 объектов, могилы №№ 1–4, 12–16, 20, 21, 55) составляют погребальные сооружения с каменными конструкциями, содержащие довольно многочисленные кальцинированные кости и разнообразные предметы. Вторую, большую (42 объекта, могилы №№ 5–11, 17–19, 22–27, 29–54) образуют незначительные углубления в материковом грунте, в заполнении которых найдены обломки керамических сосудов (в том числе и обожженные вторично), пепел, угли, кальцинированные кости и небольшое количество изделий из металла, стекла и камня (часто побывавших в огне) в различном сочетании.

Все объекты двух групп (№№ 1–54), вскрытые сотрудниками Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ, в полевой документации и предварительных публикациях были названы «могилами», хотя в отношении атрибуции некоторых из них, представляющих со-

бой ямки с незначительным количеством фрагментов кальцинированных костей, возникали определенные сомнения. Сотрудники Эрмитажа уже имели опыт работы с объектами такого рода — ямками разной формы, размеров и конфигурации, заполненными черепками пережженной керамики, угольками, обломками кальцинированных костей. Иногда в культурном слое некрополя встречались отдельные бусы и фрагменты металлических предметов. В 1980 г. Славяно-Сарматская экспедиция раскапывала могильник киевской культуры у хутора Кулига в Курской области. Обнаруженные здесь кальцинированные кости были отданы для определения шведскому палеозоологу и антропологу Элизабет Ирегрэн (Государственный Исторический Музей, Стокгольм), специально занимающейся антропологическими остатками. Вердикт был неожиданным: «No human bones». Человеческих костей не оказалось даже в большой урне (Шукин, 1990, с. 111–133). Условно памятник был определен не как «могильник», а как «поминальник». Не исключено, что и на Чатыр-Дагском некрополе некоторые объекты представляют собой не захоронения в собственном смысле этого слова, а места каких-то иных ритуальных действий, характер которых сейчас уже трудно определить. Если бы у нас появилась возможность провести антропологический и

палеозоологический анализы сожженных костных останков, то число «поминальничков» могло бы оказаться и больше. Поэтому все объекты (кроме могилы № 55, содержащей довольно богатое захоронение в «каменном ящике»), выявленные Славяно-Сарматской экспедицией условно из осторожности названы «поминальными ямами». Из них, по крайней мере, две — №№ 2 и 3 по морфологии и составу заполнения аналогичны «могилам». В остальных ямах кальцинированных костей не зафиксировано.

В целом по этому поводу следует отметить следующее. Обломки кальцинированных костей, обнаруженные на Чатыр-Дагском некрополе, в основном очень мелкие (часто не более 1 см в поперечнике). Подавляющее большинство из них прокалено до белого цвета, что соответствует III степени обгорания по В.И. Добряку. Определить даже видовую принадлежность такого материала чаще всего довольно сложно (Добряк, 1969, с. 146). Кроме того, по объективным причинам антропологической обработке кости не подвергались. Теоретически в любом из изученных комплексов, в том числе и с урнами, содержащими помимо обломков костей инвентарь, могли находиться лишь останки животных. Такие случаи известны, например, на могильниках черняховской культуры (см: Никитина, 1995, с. 119–121, табл. 47). По мнению М.П. Грязнова, отдельное погребальное сооружение, полностью соответствующее стереотипу конкретного некрополя, но содержащее вместо человеческих костей останки животного (в особенности, снабженные инвентарем, соответствующим стереотипу посмертного набора человеческого погребения на данном некрополе) следует рассматривать как кенотаф, в котором человеческое тело заменено телом животного (Грязнов, 1962, с. 98–99; цит. по: Смирнов, 1997, с. 216–217). Человеческие останки, определимые без специального исследования, найдены в богатой могиле с каменными конструкциями № 21 и в погребальных сооружениях «второй группы» — №№ 8, 10 и 11. Каких-либо кардинальных отличий между этими могилами и остальными объектами некрополя, содержащими кальцинированные кости, не отмечено. Разница заключается лишь в количестве фрагментов костей и особенностях их залегания (рассеянное или компактное). В связи с этим на данном этапе изучения памятника разрешить каким-либо образом

обозначенную проблему не представляется возможным, и в следующем ниже описании объектов некрополя за ними сохранены наименования, данные им в полевых условиях.

Особый интерес представляет яма № 8 (Таб. 57А). Как и все прочие «поминальные ямы» она расположена на вершущке холма северного участка, но по очертаниям и в разрезе она напоминает яму, оставленную большим тесанным под квадрат столбом! Не является ли она следом установленного здесь некогда деревянного идола?

Несмотря на многолетние исследования, точные границы древнего некрополя установить пока не удалось. Выявлены лишь две его части, располагающиеся примерно в 120 м друг от друга, а также одна могила (№ 28), находящаяся между ними. В дальнейшем для удобства изложения, эти части будут именоваться «*южная*» (Таб. 1, раскопы I–VIII) и «*северная*» (Таб. 1, раскоп IX). Поскольку эти участки некрополя находятся в различных геоморфологических условиях, и, видимо, являются отдельными территориально, а, возможно, и хронологически обособленными единицами ритуально-обрядового комплекса могильника, целесообразно описать каждую из них из них особо. Погребальное сооружение № 28 (Таб. 1, раскоп XII) также будет описано отдельно по причине его особого планиграфического и стратиграфического положения.

Кроме того, необходимо отметить, что в 1994–1996 годах Славяно-Сарматская экспедиция вела вблизи Чатыр-Дагского могильника исследования остатков некогда весьма обширного поселения римского времени. Оно было практически уничтожено плантажной распашкой для посадки плантаций роз и лаванды, и только на незатронутых этими земляными работами покрытых лесом участках склонов сохранились развалины саманных построек на каменных фундаментах с многочисленными находками: целые амфоры, другая гончарная и лепная керамика. Это раскопы X и XI, упоминаемые выше. Эти комплексы заслуживают, несомненно, специального изучения и отдельной публикации. Здесь они рассматриваться не будут. Некоторые детали строительных конструкций и отдельные материалы поселения уже были кратко освещены в литературе (Мыц и др., 1997; Шукин, 2005, с. 438, Таб. 160–162).

3. ЮЖНАЯ ЧАСТЬ НЕКРОПОЛЯ. РАСКОПКИ 1980–1982 ГГ.

Южная часть некрополя занимает нижний, относительно пологий участок юго-восточного склона одного из отрогов горы Чатыр-Даг на левом берегу ручья, являющегося правым притоком реки Демерджи. В настоящее время эта территория занята подъездными путями, коммуникациями, строениями и приусадебными участками поселка, что во многом определило размеры, расположение и конфигурацию заложённых здесь раскопов (Таб. 1, раскопы I–VIII; Таб. 2).

Погребальные сооружения обнаружены в раскопах I, IV, VII, VIII (Таб. 1, 2). Прослеженная в их пределах стратиграфическая ситуация выглядит следующим образом (Таб. 2). Под слоем рыхлого серо-коричневого переложённого грунта мощностью 0,16–0,38 м залегал сравнительно плотный глинистый желто-коричневый грунт со значительным количеством мелкого делювиального щебня мощностью 0,08–0,52 м. Под ним располагались слои плотного желто-коричневого грунта со значительным количеством крупного делювиального щебня, а местами — выходы желто-коричневой материковой глины. Эти отложения вмещали в себя также значительные по размерам глыбы верхнеюрского известняка. Верхняя граница этих слоев, видимо, является древней дневной поверхностью, так как с нее были впущены все исследованные на данном участке некрополя могилы. Косвенно это подтверждается также и тем, что в процессе раскопок здесь были обнаружены немногочисленные артефакты, видимо, относящиеся ко времени функционирования некрополя. Они представлены исключительно керамикой: фрагментами стенок красноглиняных амфор и кувшинов, а также отдельными фрагментами лепных сосудов.

Границы и площадь «южной» части могильника по указанным выше причинам определить не удалось. Не выяснено также и общее количество образывавших ее погребений. Из 11 вскрытых здесь могил 3 были практически уничтожены при земляных работах, 1 нарушена, а 7 сохранились полностью (Таб. 2). При первом осмотре места разрушения погребальных сооружений в отвалах грунта обнаружено более полутора десятков переотложённых предметов, вероятно, сопро-

вождавших погребённых в скрытых экскаватором могилах. Впоследствии, по расположению предметов в соответствующих отвалах большую часть этих вещей удалось соотнести с конкретными разрушенными погребальными сооружениями. Неясным осталось первоначальное местонахождение лишь некоторых из них: железных обкладки от ножен меча (табл. 8А–4) и 3 пряжек (табл. 8А–1, 2, 3), а также бронзовых пластинок из листового металла (табл. 8А–6) и круглой позолоченной нашивки (или обломка щитка пряжки), декорированной «пунсонным» орнаментом в виде двух концентрических окружностей (табл. 8А–5). Каких либо признаков древнего ограбления этой части некрополя не отмечено.

Описание могил «южной» части некрополя Раскопки 1980, 1982 гг. Раскопы I, IV, VII, VIII

Могилы 1 (Таб. 1, I; Таб. 2, I-1; Таб. 3; Таб. 4). Представляет собой яму подпрямоугольной в плане формы, ориентированную по линии СЗ — ЮВ (Таб. 3, III). Верхняя часть погребального сооружения частично срезана экскаватором. Длина его 1,22 м, ширина 0,32–0,60 м (сужается к низу, в поперечном сечении трапециевидной формы), первоначальную глубину установить не удалось (не менее 0,27 м). Дно и нижняя часть стенок могильной ямы выложены плитами песчаника толщиной до 0,04 м, образующими трапециевидный в поперечном сечении «каменный ящик» длиной не менее 1,20 м, шириной 0,23–0,51 м, глубиной 0,21–0,22 м. Сверху его перекрывали разномерные плиты, первоначально лежавшие, видимо, в несколько слоев, внаброс (перекрытие сохранилось частично) и опиравшиеся на боковые плиты и древнюю дневную поверхность (Таб. 3, I). Края заклада заходили за пределы могилы не менее чем на 0,18 м. Внутреннее пространство ящика было заполнено грунтом, просыпавшимся, видимо, сквозь щели между плитами перекрытия. Остатки трупосожжения в виде мелких обломков кальцинированных костей, перемешанных с золой и угольками, помещались в красноглиняной

амфоре (раздавлена грунтом), использовавшей-ся в качестве погребальной урны, залегавшей на боку, горлом на юго-восток (Таб. 3, II, 5; Таб. 4, 1). Горловина амфоры была накрыта краснолаковой чашкой (дном наружу, раздавлена) (Таб. 3, II; Таб. 4, 5). Точно определить положение всех вещей, сопровождавших погребение достаточно сложно, так как амфора с прахом разрушена. Большая часть найденных в могиле предметов размещалась, видимо, на дне каменного ящика, под урной и вокруг нее. Некоторые вещи преднамеренно фрагментированы в древности. Керамики (кроме амфоры и чашки, являющихся в данном случае конструктивными элементами погребального сооружения) в могиле не обнаружено. Орудия труда представлены железным ножом (Таб. 3, II, 4; Таб. 4, 4), залегавшим под амфорой вместе с костью конечности крупного животного (млекопитающего). Функциональных металлических деталей костюма не найдено. В числе украшений бронзовый перстень, декорированный четырьмя завитками (Таб. 3, II, 3; Таб. 4, 3) и два обломка браслета (Таб. 3, II, 2; Таб. 4, 2) из того же материала. Кроме того, по всей могиле были рассредоточены 15 медных римских монет (Таб. 3, II, Таб. 4, 6-II), чеканенных от имени императоров-тетрархов: Диоклетиана (284–305 гг. н.э.) (1 шт.), Констанция Хлора (305–306 гг. н.э.) (1 шт.), Максимиана (284–305 гг. н.э.) (1 шт.), Галерия (305–311 гг. н.э.) (8 шт.), Максимиана Дайи (308–313 гг. н.э.) (3 шт.), Лициния (307–323 гг. н.э.) (1 шт.).

Могилы 2 (Таб. 1, I; Таб. 2, I-2, Таб. 5, M2; Таб. 6). Практически полностью уничтожена при строительных работах. Прослежен лишь контур дна могильной ямы, которая была, видимо, подпрямоугольной в плане формы, длиной не менее чем 1,2 м, шириной не менее 0,5 м. Ориентирована по линии СЗ—ЮВ. У северо-западного торцевого борта могилы зафиксирован обломок нижней части стоявшей вертикально плиты мелкоструктурного песчаника толщиной 0,02–0,03 м, являвшейся, видимо, конструктивным элементом «каменного ящика», устроенного в яме (Таб. 5, M2). В северо-восточной части могилы найдены обломки днища красноглиняной амфоры (Таб. 6, 1). Вероятно, она залегала в «ящике» на боку, горлом на юго-восток, и использовалась в качестве погребальной урны. В отвалах грунта северо-западнее могилы рабочими собраны фрагменты

этой же амфоры, а также часть вещей (железные предметы вооружения и орудия труда), видимо, сопровождавших погребение. Найдены длинный обоюдоострый меч, согнутый в древности (Таб. 6, 2), большой листовидный наконечник копья с восьмигранной втулкой (Таб. 6, 3), наконечник дротика с круглой втулкой (Таб. 6, 4), серп (Таб. 6, 5) и нож (Таб. 6, 6).

Могилы 3 (Таб. 1 — I; Таб. 2, I — 3; Таб. 5, M3; Таб. 7). Сильно разрушена при строительных работах. Прослежен контур нижней части могильной ямы, которая была, видимо, подпрямоугольной в плане формы, длиной не менее чем 1,1 м, шириной не менее 0,52 м. Ориентирована по линии СЗ—ЮВ. У северо-западного торцевого и северо-восточного продольного бортов могилы зафиксированы обломки нижних краев стоявших вертикально плит мелкоструктурного песчаника толщиной 0,02–0,03 м, являвшихся, видимо, конструктивными элементами прямоугольного в плане «каменного ящика», устроенного в яме (Таб. 5, M3). В центральной части могилы найдено несколько обломков стенок светлоглиняной амфоры (Таб. 7—6) возможно, использовавшейся в качестве погребальной урны (в отвалах грунта возле могилы собрано около 80 фрагментов этой же амфоры). Из сопровождавшего погребение инвентаря *in situ* удалось зафиксировать лишь некоторые железные предметы вооружения и орудия труда, располагавшиеся в пространстве между северо-западной плитой «каменного ящика» и бортом могильной ямы (Таб. 5, M3—1, 2, 3, 4, 5). Здесь найдены наконечник копья с круглой втулкой (Таб. 7—1), топор-тесло (Таб. 7—2), шлемовидный умбон (Таб. 7—4), ручка от щита (Таб. 7—5), а также серп (Таб. 7—3).

Могилы 4 (Таб. 1 — I; Таб. 2 — I, 4; Таб. 5, M4; Таб. 8Б). Практически полностью уничтожена экскаватором. Прослежен лишь контур дна могильной ямы, которая была, видимо, подпрямоугольной в плане формы, длиной не менее чем 0,98 м, шириной не менее 0,48 м. Ориентирована по линии СЗ—ЮВ. У северо-западного торцевого борта могилы зафиксированы обломки нижних частей стоявших вертикально плит мелкоструктурного песчаника толщиной 0,02–0,03 м, являвшихся, видимо, конструктивными элементами «каменного ящика», устроенного в яме. В центре могилы на дне зафиксировано овальное в плане (0,20–0,55 м) пятно темно-коричневого грунта с мел-

кими углями (Таб. 5, М4). Никаких вещей среди сохранившихся *in situ* остатков погребального сооружения не найдено. В отвалах грунта возле могилы собрано несколько предметов, видимо, сопровождавших погребение. В их числе краснолаковые кувшин (Таб. 8Б, 9) и канфар (Таб. 8Б, 8), железный нож (Таб. 8Б, 6), бронзовый перстень с завитками (Таб. 8Б, 2), два бронзовых браслета (Таб. 8Б, 4, 5), «ажурная» бронзовая подвеска (Таб. 8Б, 3), бусина из черного стекла (Таб. 8Б, 1) и бронзовая монета Максимиана Дайи (308–313 гг. н. э.) (Таб. 8Б, 7).

Могилы 5 (Таб. 1—IV; Таб. 2, IV—5; Таб. 9). Яма овальной в плане формы, размером 0,40×0,60 м, глубиной 0,05 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелкими угольками. Остатки трупосожжения размещались в южной части могильной ямы, в нижнем слое заполнения в виде линзы, образованной очищенными от углей и пепла многочисленными мелкими фрагментами кальцинированных костей, слипшимися в комок (Таб. 9). Среди них найдены обломки крупного лепного сосуда с ручкой (Таб. 9—3), использовавшегося, видимо, в качестве погребальной урны. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены в заполнении могилы. Среди них 64 обожженных вторично обломка тонкостенного красноглиняного кувшина (Таб. 9—2) и 50 бусин: 2 фаянсовые, 2 из горного хрусталя и 46 агатовых (Таб. 9—1).

Могилы 6 (Таб. 1—IV; Таб. 2—4, 6; Таб. 10Б). Яма овальной в плане формы, размером 0,38×0,58 м, глубиной 0,08 м, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелкими угольками. Остатки трупосожжения в виде очищенных от пепла и углей мелких фрагментов кальцинированных костей размещались в центральной части могильной ямы, в крупном обломке стенки толстостенного краснолакового кувшина, к моменту раскопок раздавленном грунтом (15 фрагментов). Других артефактов в заполнении могилы не найдено.

Могилы 7 (Таб. 1—IV; Таб. 2—IV, 7; Таб. 11Б). Яма овальной в плане формы, размером 0,46×0,65 м, глубиной 0,05 м, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Около северо-западной части зафиксировано несколько крупных камней. Заполнена рыхлым черным золистым грун-

том с мелкими угольками. Окружена рядом крупных камней. Остатки трупосожжения в виде мелких фрагментов кальцинированных костей были рассредоточены в заполнении могилы. Здесь же располагались и вещи, сопровождавшие погребение. Найдены обломки двух гончарных сосудов: фрагмент ручки светлоглиняной амфоры (Таб. 11Б, 2) и разрозненные обломки вторично обожженного красноглиняного кувшина (Таб. 11Б, 1, 3).

Могилы 8 (Таб. 1—IV; Таб. 2—IV, 8; Таб. 12А). Яма овальной в плане формы, размером 0,55–0,75 м, глубиной 0,07 м, ориентированная по линии С-Ю. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелкими угольками. Остатки трупосожжения в виде очищенных от пепла и углей фрагментов кальцинированных костей (среди них определяются обломки ребер и зубы ребенка) размещались в центре могильной ямы (Таб. 12А), в основном в донной части крупного толстостенного краснолакового кувшина (Таб. 12А, 2), к моменту раскопок раздавленной грунтом (108 фрагментов). Отдельные фрагменты кальцинированных костей найдены также в заполнении могилы. Здесь же залегали и вещи, сопровождавшие погребение. Керамика представлена обломками тонкостенного краснолакового кувшина (Таб. 12А, 3) и фрагментами лепного сосуда. В числе украшений единственная крупная бусина из синего стекла с черными глазками, обведенными желтыми кольцами (Таб. 12А, 1).

Могилы 9 (Таб. 1—IV; Таб. 2—IV, 9; Таб. 11А). Яма овальной в плане формы, размером 0,38–0,55 м, глубиной 0,14 м, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелкими угольками. Остатки трупосожжения в виде мелких фрагментов кальцинированных костей, перемешанных с пеплом и углями, размещались в центре могильной ямы (Таб. 11А), в крупном лепном горшке (Таб. 11А, 2), использовавшемся, видимо, в качестве погребальной урны (к моменту раскопок был раздавлен грунтом, венчик не сохранился). Горшок залегал на боку, устьем на юго-восток. Вещи, сопровождавшие погребение, обнаружены в урне и в заполнении могилы. Керамика представлена многочисленными обожженными вторично обломками красноглиняного гончарного кувшина, рассредоточенными по по-

гребальному сооружению. В числе украшений найдена единственная, побывавшая в огне агатовая бусина (Таб. 11А, 1), залегавшая среди кальцинированных костей.

Могила 10 (Таб. 1—VII; Таб. 2—VII, 10; Таб. 10А). Яма овальной в плане формы, размером 0,35–0,48 м, глубиной 0,08 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелкими угольками. Остатки трупосожжения в виде фрагментов кальцинированных костей (среди них определяются детские зубы), очищенных от углей и пепла, залегали компактно, у юго-восточного борта могильной ямы, в нижней части заполнения. Вещи, сопровождавшие погребение, располагались стратиграфически выше остатков кремации. Найдены собирающиеся обломки небольшого сероглиняного кувшина (Таб. 10А, 1).

Могила 11 (Таб. 1—VIII; Таб. 2—VIII, 11; Таб. 12Б). Яма овальной в плане формы, размером 0,60–0,90 м, глубиной 0,15 м, ориентированная по линии СВ—ЮЗ. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелкими угольками. Остатки трупосожжения в виде мелких фрагментов кальцинированных костей, очищенных от пепла и углей, размещались в центре могильной ямы, среди обломков крупного лепного сосуда, использовавшегося, видимо, в качестве погребальной урны (к моменту раскопок был разбит, возможно, еще в древности). Обгорелые берцовые кости, принадлежавшие взрослому человеку, залегали рядом с фрагментами урны. Вещи, сопровождавшие погребение, обнаружены в заполнении могилы. Найдены разрозненные фрагменты стенок двух гончарных сосудов: красноглиняной амфоры и красноглиняного кувшина.

4. СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ МОГИЛЬНИКА, РАСКОП IX

«Северная» часть некрополя (Таб. 1–IX; Таб. 13) расположена на поляне, в 120 м от южной части и отделена от нее небольшой балкой. Поляна занимает вершину и западный склон каменистого холма, сложенного верхнеюрскими известняками. По всей его площади встречаются многочисленные выходы материковой скалы. С запада этот участок ограничен строительным котлованом, в котором располагаются водосборные сооружения эфиромасличного комбината, а с юга и востока — густым низкорослым лесом. Вершина холма относительно ровная, с небольшим уклоном к югу. Крутизна западного склона составляет примерно 15 градусов.

Раскоп был разбит сеткой квадратов размером 2×2 м. Северо-западная часть отличается по ориентации от основного участка, что обусловлено наличием ограничивающих ее лесных зарослей (Таб. 13).

Перед началом раскопок вся площадь обследовалась металлоискателем для очистки территории от посторонних металлических предметов, а также с целью обнаружения новых захоронений с оружием. Результатом этих работ явились находки в верхней части дернового слоя нескольких изделий из железа, которые явно имеют отношение к исследуе-

мому некрополю (Таб. 13—IX—XII, Таб. 15Б, 1–8). Большинство их располагалось компактно, группой: наконечник копья с круглой втулкой и листовидным лезвием, ромбовидным в сечении (Таб. 15Б, 5); черешковый нож (Таб. 15Б, 3); фрагменты серпа (Таб. 15Б, 1); четырехгранное в сечении шило со скругленным острием (Таб. 15Б, 2); рамка от поясной пряжки (Таб. 15Б, 6). Все эти вещи побывали в огне. Наконечник загнут, пряжка разогнута, видимо, в древности. Судя по составу «комплекса» эти артефакты могли находиться в одном погребальном сооружении и сопровождать довольно богатое воинское погребение. Отдельно, в другом месте, обнаружен черешковый нож с узким лезвием (Таб. 13—IV; Таб. 15—4). При последующих раскопках на местах находок никаких признаков погребений не выявлено. Видимо, перечисленные предметы происходят из могил, разрушенных до начала археологического исследования данного участка некрополя или результатом каких-то поминальных действий.

Стратиграфическая ситуация, прослеженная в пределах раскопа, достаточно проста (Таб. 13). В верхней части склона, непосредственно под слоем дерна мощностью 0,1–0,2 м, залегал плотный желто-коричневый, сильно

щербнистый материковый суглинок, в который были впущены могилы. В северо-западной части изученной площади под дерном вскрыт слой рыхлого коричневого грунта с небольшим количеством делювиального щебня. Верхняя граница указанных слоев, видимо, является древней дневной поверхностью. Это подтверждается тем, что в процессе раскопок на ней были обнаружены немногочисленные артефакты, относящиеся, возможно, ко времени функционирования некрополя (Таб. 13, I—III, V—VIII, XIV).

В их числе: железный проушной топор (Таб. 13—XIV; Таб. 15Б, 9), фрагменты железного кольца (Таб. 15Б, 7), подвеска из стертой медной боспорской монеты (Таб. 13—I), железная фибула с перевитой дужкой (Таб. 13—VI; Таб. 14—5), игла от бронзовой фибулы (Таб. 13—VII), три бусины (Таб. 13—II, III, V; Таб. 14—3) из стекла глухого красного цвета (две сильно оплавлены) и пряслице, изготовленное из фрагмента стенки гончарного сосуда (Таб. 13—VIII). Данные предметы найдены в некотором отдалении от участка, занятого могилами (от 2 до 20 м), в основном выше по склону и на вершине холма. Таким образом, вероятность происхождения перечисленных артефактов из разрушенных погребальных сооружений и последующего перемещения их под действием естественных сил (например, смыва) невелика. Топор залегал в вертикальном положении, обухом вверх, как будто был воткнут в землю. В расположении остальных вещей каких-либо особенностей не отмечено. Помимо этого по всей площади раскопа встречены скопления и отдельные обломки лепных и гончарных сосудов (амфор, краснолаковых кувшинов и чаш). Некоторые из находок со следами вторичного обжига.

Границы территории, на которой размещались погребальные сооружения, не совсем ясны, так как в ее юго-западной части могилы уничтожены при земляных работах. Площадь сохранившегося участка около 175 кв. м (Таб. 13). Вряд ли возможно определить и точное количество погребений, образывавших данную группу. В располагавшихся недалеко от раскопа отвалах грунта удалось локализовать и изучить залегавшие компактно остатки трех могил. Здесь же найдено несколько вещей, происходящих видимо, из других захоронений: фрагменты стенок 1–2 красноглиняных амфор; обломок железной иглы (Таб. 14А, 4); остроконечный фрагмент дру-

гого железного предмета, возможно, наконечника копья или дротика (Таб. 14А, 2); подвеска из истертой и окислившейся медной монеты (боспорской?) с отверстием у края и продетым в него кольцом из тонкой железной проволоки (Таб. 14А, 1).

В пределах сохранившегося участка северной части некрополя исследовано 41 погребальное сооружение (Таб. 13, 12—14, 17, 27, 29—55). Исходя из особенностей его планировки можно предположить, что примерная общая численность могил этой группы (с учетом возможности наличия неизученных) достигала 50–60, а занятая ими площадь составляла около 300 кв. м. На древней дневной поверхности данной территории помимо темных пятен заполнения погребальных сооружений зафиксирован обожженный участок склона (20 кв. м). Воздействие огня было, видимо, непродолжительным (прокала грунта не отмечено), однако, вероятно, достаточно сильным, так как находившиеся здесь известняковые камни оказались пережженными до молочно-белого цвета (Таб. 13).

Из изученных в 1990–1995 гг. 44 могил 3 разрушены и 4 частично нарушены экскаватором. Остальные 37 комплексов сохранились полностью. Из них 43 содержали остатки кремаций, а в одной, возможно, помещалось два погребения — трупосожжение и труположение. Кроме того, обнаружено 11 ям различных размеров, формы и времени. Каких-либо признаков древнего или современного ограбления на изученной части некрополя не отмечено.

Описание могил «северной» части некрополя

Могила 12 (Таб. 13—12; Таб. 15А). Разрушена при строительстве. Точное местоположение не установлено, предположительно — на месте строительного котлована в западной части исследуемого участка некрополя. Рабочими переданы в Ялтинский краеведческий музей происходящие из этого погребения предметы вооружения: кинжал (или короткий меч) и наконечник копья (Таб. 15А). Кинжал двулезвийный, с черешком для крепления рукояти и вырезами в нижней части лезвия (Таб. 15А, 1). Наконечник пиковидный, четырехгранный в сечении, с восьмигранной втулкой, по краю орнаментированной фасетками

(Таб. 15А, 2). Во втулке имеется отверстие со штифтом для крепления древка копья.

Мои́ла 13 (Таб. 13—13; Таб. 16). Обнаружена в срезе восточного борта строительного котлована (Таб. 13—13). Юго-западный край сооружения разрушен. Могила представляет собой яму прямоугольной в плане формы, ориентированную по линии СВ—ЮЗ. Сохранившаяся длина ее 0,43 м, ширина 0,20–0,50 м (сужается к низу, в сечении трапецевидной формы), глубина 0,50–0,63 м (врезана в склон). Дно и нижняя часть стенок могильной ямы выложены плитами песчаника толщиной 0,02–0,05 м, образующими трапецевидный в сечении «каменный ящик» длиной 0,30—около 0,50 м, шириной 0,16–0,30 м, глубиной 0,20–0,25 м. Сверху его перекрывали более мелкие плитки, лежавшие в 2–5 слоев, внаброс. Остатки трупосожжения в виде линзы рыхлого черного золистого грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей мощностью до 0,07 м размещались в «ящике», у его северо-восточного края, в средней части заполнения (в 0,04–0,12 м от дна). Изначально они, видимо, были помещены в обломки стенок красноглиняной амфоры с гладкой поверхностью, найденные тут же. У дна «ящика» прослежен рыхлый темно-коричневый грунт. Пространство между плитами перекрытия и верхняя часть ямы (над ними) были заполнены сравнительно плотным коричневым суглинком с делювиальным щебнем и размерными камнями (Таб. 16). Вещи, сопровождавшие погребение, располагались во внутреннем пространстве «ящика», в основном у его юго-западного края, в нижней части заполнения, несколько в стороне от остатков сожжения, стратиграфически ниже. Некоторые из них фрагментированы в древности. Керамика представлена обломком дна краснолакового сосуда (кувшина?) (Таб. 16—7). Большую часть инвентаря составляют предметы личного убора, изготовленные из бронзы: 4 круглых в сечении браслета с расширяющимися концами (один разломан в древности) (Таб. 16—ба, б, г, е, ж); два фрагмента четырехгранного в сечении браслета (Таб. 16—бв, д); 5 перстней, изготовленных из свернутых в спираль узких обрезков металлического листа (Таб. 16—1а–д), украшенных орнаментом из косых насечек в виде «елочки»; две проволоочные серьги (разломаны) (Таб. 16—4); пластинка из листового ме-

талла с заклепкой (Таб. 16—5); спиралевидная подвеска (или обломок пружины от фибулы) из проволоки (Таб. 16—2). Встречена также свинцовая бусина, полукруглая в сечении (Таб. 16—3).

Мои́ла 14 (Таб. 13—14; Таб. 17; Таб. 18). Обнаружена в северном борту котлована (Таб. 13–14). Представляет собой яму прямоугольной в плане формы, ориентированную по линии С–Ю. Сохранившаяся длина ее 0,70 м, ширина 0,40–0,45 м (стенки практически вертикальные), глубина 0,60–0,78 м (расположена поперек склона, восточный борт выше западного). Дно и нижняя часть стенок могильной ямы выложены плитами песчаника толщиной 0,02–0,05 м, образующими прямоугольный в сечении «каменный ящик» длиной 0,60 м, шириной 0,34 м, глубиной 0,30 м. Сверху его перекрывали более мелкие плитки толщиной до 0,03 м, лежавшие в 3–4 слоя, внаброс. Верхний край одной из крупных вертикально стоящих плит, образующих северный борт «ящика», значительно возвышался над его перекрытием и в древности, видимо, выступал над дневной поверхностью примерно на 0,12 м, обозначая местоположение могилы на местности. Остатки трупосожжения в виде линзы рыхлого черного золистого грунта с угольками и фрагментами кальцинированных костей мощностью до 0,07 м размещались в «ящике», в основном у его северного края, в верхней части заполнения (в 0,13–0,20 м от дна). Изначально они, видимо, были помещены в найденные тут же обломки стенок двух красноглиняных амфор (поверхность одной покрыта белым ангобом). У дна «ящика» прослежен рыхлый темно-коричневый грунт с отдельными угольками и фрагментами кальцинированных костей. Пространство между плитами перекрытия и верхняя часть ямы (над ними) были заполнены сравнительно плотным коричневым суглинком с делювиальным щебнем. Большая часть вещей, сопровождавших погребение, залегала во внутреннем пространстве «ящика», у его южного края, в средней и нижней частях заполнения, несколько в стороне от остатков сожжения, стратиграфически ниже. Отдельные предметы располагались в непосредственной близости от них. Часть инвентаря найдена на дне могилы: под плитой, образующей пол «каменного ящика» и под торцами плит его южной стенки (Таб. 17). Некоторые вещи фраг-

ментированы в древности или испытали на себе действие огня. Керамика представлена фрагментами венчиков трех краснолаковых чашек (Таб. 17—6) и фрагментами стенок лепных сосудов — толстостенного и тонкостенного (кувшина?). В числе орудий труда 2 ножа с прямыми спинками (Таб. 18—18). Большую часть инвентаря составляют предметы личного убора, изготовленные из бронзы: 2 несомкнутых браслета, овальных в сечении, с расширяющимися концами (Таб. 18—7а, б) и фрагмент еще одного аналогичного (Таб. 18—7д); браслет четырехгранный в сечении и 2 пластинчатых браслета (Таб. 18—7в, г); обломок ложновитой гривны (Таб. 18—8); игла круглая в сечении (Таб. 18—11); две обоймицы для игл или пронизки, изготовленные из свернутых обрезков листового металла (Таб. 18—13); «луновидная» подвеска (Таб. 18—12а); перстень, сделанный из свернутого в спираль узкого обрезка металлического листа, украшен орнаментом из косых насечек в виде «елочки» (Таб. 18—10в); перстень с ложновитой дужкой (Таб. 18—10а); 3 фрагмента тонких пластин неясного назначения (Таб. 18—14); 5 колокольчиков, орнаментированных у края врезными линиями (Таб. 17—2а-е); 4 прямоугольные с загнутыми краями накладки — элементы головного убора (венца), украшенные пунсонным орнаментом (Таб. 17—1); кольцо с заходящими друг за друга концами, декорированными стилизованными змеиными головками (Таб. 18—10б); пряжка с овальным щитком (Таб. 17—3а). Кроме того, найдены железная пряжка с овальной рамкой (Таб. 18—15) и 4 монеты (1 бронзовая и 3 серебряные), оплавившиеся и слипшиеся друг с другом под воздействием высокой температуры (Таб. 17—5). В числе изделий из стекла — фаянсовые и стеклянные бусы (15 шт.) (Таб. 18—16а, б). На дне могилы обнаружены близкие описанным выше предметы: бронзовые «луновидная» подвеска (Таб. 18—12б), колокольчик, 2 накладки от венца, пряжка с овальным щитком (Таб. 17—3б). Здесь также найдено 6 стеклянных бусин и 3 монеты (2 медные истертые, вероятно, боспорские II—III вв. н. э. и серебряная римская III в. н. э., не поддающиеся более точному определению).

Могилы 15 (Таб. 13—15, Таб. 19А). Разрушена при строительстве. Точное местоположение не установлено, предположительно, на месте строительного котлована. Остатки погребаль-

ного сооружения и его заполнения найдены в перемещенном грунте. Обнаружены песчаниковые плитки, образовывавшие, видимо, стенки «каменного ящика», темный грунт, насыщенный кальцинированными костями и углями, а также артефакты, находившиеся в могиле. Керамика представлена фрагментами стенок двух красноглиняных амфор и обломками тулова двух лепных сосудов (один из них небольшой, тонкостенный, с шаровидным туловом и слегка залощенной поверхностью). В числе предметов личного убора исключительно изделия из бронзы: небольшая пряжка с овальным щитком и железным язычком (Таб. 19А, 3); бронзовая бляшка с отверстием в центре и пунсонным орнаментом (Таб. 19А, 2); обломок круглопроволочного браслета (Таб. 19А, 4); фрагмент крупной перекладчатой фибулы (Таб. 19А, 1); 2 подвески из сильно истертых боспорских монет с отверстиями у краев (Таб. 19А, 5).

Могилы 16 (Таб. 13—16; Таб. 19Б). Разрушена при строительстве. Точное местоположение не установлено, предположительно, на месте строительного котлована. Остатки погребального сооружения и его заполнения найдены в перемещенном грунте. Обнаружены песчаниковые плитки, образовывавшие, видимо, стенки «каменного ящика», темный грунт, насыщенный кальцинированными костями и углями, а также артефакты, находившиеся в могиле. Они представлены исключительно предметами личного убора, изготовленными из бронзы: несомкнутый круглопроволочный браслет с расширяющимися концами (Таб. 19Б, 2); овальный щиток от пряжки (Таб. 19Б, 1); двучленная подвязная лучковая фибула с железной иглой (Таб. 19Б, 3).

Могилы 17 (Таб. 13—17; Таб. 20А). Яма овальной в плане формы, размером 0,25×0,32 м, глубиной 0,23 м. Заполнена рыхлым черным грунтом с мелким щебнем. Остатки сожжения в виде линзы грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,13 м залегали в центре могилы, в верхнем и среднем слоях заполнения (табл. 20А). Вещи, сопровождавшие погребение, располагались среди остатков кремации. Здесь найдены разрозненные обломки 4 керамических сосудов: фрагменты стенок и дна краснолакового кувшина (обожжены вторично) (табл. 20А, 2); обломки тулова еще

одного такого же сосуда; фрагменты венчиков лепных горшка и чашки (табл. 20А, 1, 3).

Могила 18 (Таб. 13—18; Таб. 21А). Яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами, размером 0,34×0,53 м, глубиной 0,46 м. Ориентирована по линии З—В. Заполнена рыхлым черным грунтом с мелким щебнем и отдельными камнями. Остатки сожжения в виде линзы грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,08 м залегали в центре могилы, в нижнем слое заполнения (Таб. 21А). Вещи, сопровождавшие погребение, располагались среди остатков кремации. Керамика представлена разрозненными вторично обожженными обломками 2 сосудов: 18 фрагментов дна, горла, стенок и ручки краснолакового кувшина (Таб. 21А, 1, 2); 7 обломков дна и тулова краснолаковой чашки или кувшина (Таб. 21А, 3). Среди предметов личного убора 2 бусины, изготовленные из синего и белого стекла.

Могила 19 (Таб. 13—19; Таб. 22Б). Обнаружена в срезе восточного борта строительного котлована. Западный край сооружения уничтожен. Могила представляет собой яму овальной в плане формы. Сохранившиеся размеры 0,25×0,30 м, глубина 0,37 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем. Остатки сожжения в виде линзы грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,07 м залегали в центре могилы, в среднем слое заполнения (Таб. 22Б). Вещи, сопровождавшие погребение, располагались среди остатков кремации. Здесь найдены разрозненные обломки 3 керамических сосудов: 4 фрагмента тулова толстостенной оранжевоглиняной амфоры; 20 фрагментов стенок и днища краснолакового вторично обожженного кувшина (Таб. 22Б, 1); фрагмент донной части побывавшего в огне краснолакового сосуда (Таб. 22Б, 2) (миски или кувшина).

Могила 20 (Таб. 13—20; Таб. 23). Обнаружена у северного борта строительного котлована. Представляет собой яму овальной в плане формы размером 1,19×1,00 м, глубиной 0,18 м. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем. Сверху могила была перекрыта вымосткой из мелких пес-

чаниковых плиток, лежавших в 1–2 слоя, внаброс. Края вымостки залегали на древней дневной поверхности, заходя за пределы ямы на 0,05–0,10 м. Остатки сожжения в виде линзы грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,08 м располагались в центре могилы, в нижнем и среднем слоях заполнения (Таб. 23). Вещи, сопровождавшие погребение, обнаружены среди остатков кремации. Найдено 2 артефакта, относящихся к предметам вооружения: обломок изделия из листового железа (Таб. 23—2) с двумя заклепками (возможно, часть умбона) и железный листовидный наконечник копья с восьмигранной втулкой (Таб. 23—1), залегавший на дне могилы горизонтально. Керамика представлена разрозненными обломками 3–4 сосудов: 35 фрагментов стенок красноглиняной амфоры; обломок венчика такой же амфоры (Таб. 23—6); 49 фрагментов тулова тонкостенной красноглиняной амфоры; обломок венчика краснолаковой чашки (Таб. 23—3); фрагмент венчика лепного кувшина (Таб. 23—4); 2 обломка прямоугольной в сечении ручки лепного сосуда (Таб. 23—5).

Могила 21 (Таб. 13—21; Таб. 24; Таб. 25). Представляет собой яму овальной в плане формы, ориентированную по линии С—Ю. Размеры ее по верхнему контуру 1,05×0,85 м, общая глубина 0,50–0,65 м. Стенки верхней части сооружения (до глубины 0,17–0,38 м) наклонные. Ниже они обрываются вертикально, образуя у дна могилы дополнительное овальное в плане углубление размером 0,45×0,60 м, глубиной 0,23–0,30 м. Сверху его перекрывали плиты песчаника толщиной 0,02–0,05 м, лежавшие в 1–3 слоя, внаброс. На них опирались три крупные плиты, стоящие вертикально у западного борта верхней части могильной ямы. Две из них в древности, видимо, выступали над дневной поверхностью примерно на 0,12–0,18 м, обозначая местоположение могилы на местности. Останки погребенных зафиксированы как в верхней, так и в нижней частях погребального сооружения. В заполнении ямы над перекрытием встречены отдельные фрагменты кальцинированных костей, представляющие собой, видимо, остатки трупосожжения. Под плитами, на дне дополнительного углубления, в его восточной половине, обнаружен почти полностью истлевший костяк младенца. Сохранились фрагмен-

ты ребер, черепа и молочные зубы. Судя по расположению останков, погребенный лежал головой на юг. Пространство под перекрытием было заполнено рыхлым светло-коричневым золистым грунтом, возможно, также представляющим собой остатки трупосожжения. Непосредственно над перекрытием, между каменными плитами, а также под ними прослежен залегающий в виде нескольких линз темно-коричневый грунт, насыщенный углями. Верхняя часть ямы была заполнена коричневым суглинком с делювиальным щебнем и редкими угольками (Таб. 24). Большинство вещей, найденных в заполнении могилы, обнаружено в ее нижней части, под перекрытием, в основном у дна, возле останков ребенка. Керамика представлена стоявшим западнее костяка краснолаковым кувшином на низком кольцевом поддоне с шаровидным туловом, воронковидным горлом и слегка отогнутым наружу венчиком (Таб. 24—1; Таб. 25—1). В сосуде находилась органогенная слежавшаяся пористая масса белого цвета (возможно, остатки пищи). В числе орудий труда—обломки железного ножа. Среди предметов личного убора особенно многочисленны изделия из бронзы: 4 круглопроволочных браслета—один с завязанными концами (Таб. 25—2e), три с петлей и крючком для застегивания (Таб. 25—2a, б, д); несомкнутый браслет с расширяющимися концами (Таб. 25—2в); браслет в виде литого кольца округлого в сечении (Таб. 25—2г); ложновитая гривна (Таб. 25—9), разломанная в древности, с нанизанными на нее бронзовой бочонковидной (Таб. 25—4) и пастовой черного цвета бусами; перстень, украшенный орнаментом в виде розетки из четырех сходящихся вершинами треугольников, образованных точечными вдавлениями (Таб. 25—3); колокольчик полусферической формы (Таб. 25—5). Кроме того, найдены две серебряные ромбовидные подвески из листового металла (Таб. 25—8), оплавившаяся в огне железная пряжка (Таб. 25—6) и 7 фрагментов рамки еще одного подобного изделия, 59 стеклянных бусин (Таб. 25—10). Здесь же лежали 3 серебряные монеты: антониан Требониана Галла (251–253 гг.), антониан Галлиена (253–268 гг.) и статер Рескупорида IV (чеканен в 266/67 гг.). В верхней части могильной ямы (в северном углу) обнаружен медальон, плакированный листовым золотом, овальной формы с двумя отверстиями для крепления (Таб. 24—7; Таб. 25—7; Таб. 14Б). Лицевая

поверхность изделия украшена штампованным декором в виде трех concentрических орнаментальных поясов, образованных соответственно овалами, треугольниками и точками, лучевидными выступами. В центре бляшки помещена сердоликовая вставка (1,7×2,0 см). Верхняя часть изделия монтировалась на бронзовой пластине.

Могила 22 (Таб. 13—22; Таб. 26Б). Яма овальной в плане формы, размером 0,40×0,65 м, глубиной 0,35 м. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем. В верхней части профиля и на дне залегало несколько довольно крупных камней. Остатки сожжения в виде линзы грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей, мощностью до 0,07 м располагались в центре могилы, в нижнем и среднем слоях заполнения (Таб. 26Б). Вещи, сопровождавшие погребение, обнаружены среди остатков кремации. Керамика представлена разрозненными обломками 2 сосудов: 5 фрагментов стенок красноглиняной амфоры и 7 вторично обожженных обломков тулова краснолакового кувшина. Из предметов личного убора обнаружено всего 2 бусины—белого и синего стекла.

Могила 23 (Таб. 13—23; Таб. 27). Яма подквадратной в плане формы со скругленными углами, размером 0,6×0,7 м, глубиной 0,30 м. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем. В верхней части профиля залегало несколько крупных камней размером 0,1×0,5 м. Остатки сожжения в виде рассредоточенных углей и немногочисленных мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центре могилы, в верхнем слое заполнения (Таб. 27). Среди них найден также обломок стенки краснолакового кувшина со следами вторичного обжига.

Могила 24 (Таб. 13—24; Таб. 28Б). Частично разрушена при сооружении строительного котлована. Контуры ямы читаются плохо. Сохранившаяся часть могилы полукруглой в плане формы, диаметром 0,6 м, глубиной 0,17 м. Заполнена темно-коричневым грунтом с мелким щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде углей и немногочисленных мелких фрагментов кальцинированных костей были рассредоточены практически по всей площади могилы, в верхнем слое заполнения

(Таб. 28Б). Здесь же найдены разрозненные обломки 2 гончарных и 3 лепных сосудов. Среди них мелкие фрагменты стенок красноглиняной амфоры, краснолакового кувшина, лепного коричневоглиняного двуручного сосуда (все обожжены вторично), а также обломки двух лепных горшков.

Могила 25 (Таб. 13—25; Таб. 26А). Обнаружена в срезе строительного котлована. Юго-западный край сооружения уничтожен. Сохранившаяся часть могилы полукруглой в плане формы, диаметром 0,70 м, глубиной 0,26 м. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем. В верхней части залегало несколько разномерных камней. Остатки трупосожжения размещались у северо-восточного борта могильной ямы, в нижней части заполнения в виде линзы, образованной очищенными от углей и пепла (обнаружено лишь несколько угольков) многочисленными мелкими фрагментами кальцинированных костей, местами слипшимися в комки (Таб. 26А). Среди них найдено более чем 360 обломков довольно крупного лепного плоскодонного коричневоглиняного сосуда с биконическим туловом и узким устьем (венчик утрачен), использовавшегося, видимо, в качестве урны (Таб. 26А, 2). Судя по расположению фрагментов, он залегал на боку и был ориентирован по линии ЮЗ—СВ. В погребении также найден лепной горшок, 33 обломка которого обнаружены у северо-восточного борта могилы (Таб. 26А, 1). Изначально сосуд, видимо, стоял на дне ямы, устьем вверх.

Могила 26 (Таб. 13—26; Таб. 29А). Яма округлой в плане формы, размером 0,55×0,50 м, глубиной 0,23 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем, пятно которого прослежено, также, на древней дневной поверхности вокруг погребального сооружения. Наибольшую площадь оно занимает у северо-восточного борта могилы (0,15×0,45 м), выше по склону. Сверху содержимое ямы, а также часть поверхности материка за ее пределами перекрывал заклад из разномерного бута, в древности возвышавшийся над дневной поверхностью на 0,12 м. Края заклада заходили за пределы могилы на 0,08–0,10 м. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей находились в центральной части погребального сооружения, в верхнем и среднем слоях за-

полнения (в том числе и между камней, перекрывавших могилу). Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 29А). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками 6 сосудов: фрагменты стенок 2 красноглиняных амфор (одна из них была обожжена вторично), обломки 2 краснолаковых кувшинов (один побывал в огне) и фрагменты 2 лепных коричневоглиняных сосудов (один обожжен). Из предметов личного убора найдены: обломок бронзовой смычковой фибулы (Таб. 29А, 1); 2 бусины — белого и синего стекла (Таб. 29А, 3, 4); полусферическая вставка (от перстня?) размером 0,8×0,4 см из сиреневого стекла (Таб. 29А, 2); комок расплавленной стеклянной массы.

Могила 27 (Таб. 13—27; Таб. 30). Яма округлой в плане формы, размером 0,58×0,51 м, глубиной 0,15 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем, пятно которого прослежено также на древней дневной поверхности вокруг погребального сооружения. Наибольшую площадь оно занимает у северо-восточного борта могилы (0,10×0,40 м), выше по склону. Сверху содержимое ямы, а также часть поверхности материка за ее пределами перекрывал заклад из разномерного бута, в древности возвышавшийся над дневной поверхностью на 0,10 м. Края заклада заходили за пределы могилы на 0,10–0,15 м. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей были рассеяны практически по всей площади погребального сооружения, в верхнем и среднем слоях заполнения (также и между камней, перекрывавших могилу). Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 30). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками 4–6 сосудов: 2 фрагмента стенок красноглиняной и светлоглиняной амфор; 57 обломков краснолаковой посуды (27 из них обожжены вторично), в том числе фрагменты ручки и венчика кувшина (Таб. 30—13, 14); 15 обломков лепных сосудов, среди них фрагмент края коричневоглиняной чашки (Таб. 30—15). Большую часть инвентаря составляют предметы личного убора, изготовленные из бронзы: 2 пронизи, свернутые из узких полосок листового металла (Таб. 30—2);

фрагмент такой же пронизи (Таб. 30—16); подвеска из проволоки (Таб. 30—6); уплощенное литое кольцо — подвеска, крепившееся на колечке из тонкой проволоки (Таб. 30—7); пластина из листового металла с отверстием для подвешивания (Таб. 30—3); массивная пронизь, свернутая из полоски металла (Таб. 30—8); фрагмент смычковой или лучковой фибулы с нижней тетивой (Таб. 30—4); 4 обломка ключа (видимо, от шкатулки) с петельчатой бородкой (Таб. 30—9); фрагмент изделия неясного назначения (Таб. 30—5); подвеска из потертого боспорского сестерция I—II вв. н. э. с отверстием у края, в которое продето проволочное кольцо (Таб. 30—1); 4 небольших бесформенных слитка металла, представляющие собой, видимо, остатки расплавленных в погребальном костре предметов (Таб. 30—11, 12). Все происходящие из заполнения могилы украшения, изготовленные из стекла, побывали в огне (Таб. 30—10). Среди них 7 круглых бусин из белого прозрачного стекла, такая же бусина с внутренней позолотой, 2 круглые и 1 прямоугольная уплощенная пронизь из глухого красного стекла, растрескавшаяся крупная бусина из бесцветного стекла, а также 16 комков расплавленной стеклянной массы белого и красного цвета. В числе предметов, относящихся к орудиям труда, найдены два обломка оселка ладьевидной формы из мелкоструктурного песчаника с отверстиями. Одно из них просверлено на краю, другое — в центре изделия. Толщина оселка 1,3 см, ширина 1,4—2,1 см. Помимо прочего в могиле обнаружено 3 обожженных кремневых отщепца.

Могилы 29 (Таб. 13—29; Таб. 31). Яма овальной в плане формы, размером 0,9×0,7 м, глубиной 0,2 м. Ориентирована по линии С—Ю. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем. Сверху содержимое ямы перекрывал заклад из разномерного бута. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центральной части погребального сооружения, в основном в верхнем слое заполнения (в том числе и между камней, перекрывавших могилу). Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 31). Все они фрагментированы, некоторые обожжены. Найдены разрозненные обломки 8–9 керамических сосудов: фрагмент стенки красноглиняной и 54 мелких обломка тулова (часть с рифлением) свет-

логлиняной амфоры; фрагмент горла с венчиком светлоглиняной амфоры (Таб. 31—5); 303 обломка (175 из них обожжены вторично) стенок, днищ, венчиков и ручек не менее чем 3 краснолаковых кувшинов (Таб. 31—1, 2), 12 фрагментов стенок, венчика и ручки лепного коричневоглиняного сосуда с ручкой (Таб. 31—4); 32 обломка стенок и венчика другого сосуда того же типа (Таб. 31—3).

Могилы 30 (Таб. 13—30; Таб. 32). Яма округлой в плане формы, размером 0,8×0,7 м, глубиной 0,3 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем и разномерными камнями. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центре погребального сооружения, в основном в среднем слое заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 32). Большинство из них фрагментировано, некоторые обожжены. Керамика представлена обломками (в основном, разрозненными) 5—7 сосудов: 9 фрагментов венчика (Таб. 32—3) и стенок 2 красноглиняных амфор; 7 обломков стенок и дна (Таб. 32—4) 1–2 краснолаковых кувшинов; 11 вторично обожженных фрагментов археологически целой краснолаковой чашки (Таб. 32—2); 13 обломков стенок и дна 1–2 лепных коричневоглиняных сосудов (Таб. 32—5). Среди предметов личного убора и украшений фрагмент изделия из бронзовой пластины, а также оплавленные бусы (Таб. 32—1) и их обломки: четырехгранная удлинённая пронизь из коричневого прозрачного стекла (Таб. 32—1а); 2 фрагмента таких же изделий; бочонковидная бусина белого стекла; 3 обломка таких же предметов; цилиндрическая бусина синего стекла; бусина желтого прозрачного стекла.

Могилы 31 (Таб. 13—31; Таб. 22А). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,9 м, глубиной 0,2 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем. Сверху содержимое ямы перекрывал заклад из разномерного бута. Остатки сожжения в виде углей и нескольких мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центральной части погребального сооружения, в основном, в верхнем слое заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 22А). Все они

фрагментированы, некоторые обожжены. Найдены разрозненные обломки 4–6 керамических сосудов: 93 фрагмента стенок, венчиков и дна не менее, чем 2 краснолаковых кувшинов (Таб. 22А, 2–4); 37 обломков стенок, ручки и поддона сосуда того же типа, побывавшего в огне (Таб. 22А, 1); 8 фрагментов стенок и дна 1–2 коричневоглиняных лепных сосудов.

Могила 32 (Таб. 13—32; Таб. 33Б). Яма округлой в плане формы, размером 0,60×0,50 м, глубиной 0,10 м. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем. Остатки сожжения в виде углей и нескольких мелких фрагментов кальцинированных костей были рассеяны в центральной и северо-западной частях погребального сооружения, в основном в верхнем и среднем слоях заполнения (Таб. 33Б). Здесь же найдены разрозненные обломки не менее, чем 3–5 керамических сосудов: фрагмент стенки красноглиняной амфоры; 34 мелких обломка (5 из них обожжены вторично) стенок краснолаковой посуды; 10 фрагментов тулова нескольких коричневоглиняных лепных сосудов.

Могила 33 (Таб. 13—33; Таб. 34). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,60 м, глубиной 0,12 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем, пятно которого прослежено также на древней дневной поверхности вокруг погребального сооружения. Наибольшую площадь оно занимает у восточного борта могилы (0,30×0,60 м), выше по склону. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центральной и восточной частях погребального сооружения, в основном в среднем и нижнем слоях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 34). Все они фрагментированы, многие обожжены. Особенно многочисленна керамика. Найдены разрозненные обломки 16–17 сосудов: 22 фрагмента стенок 4 светлоглиняных и 14 обломков (один из них обожжен) тулова и ручки (Таб. 34—13) 2 красноглиняных амфор; 152 фрагмента (со следами вторичного обжига) стенок, венчиков, днища и ручки не менее, чем 2 краснолаковых кувшинов (Таб. 34—3–5); 210 обломков не менее, чем 2 сосудов того же типа (Таб. 34—6, 7, 10, 14); 3 фрагмента венчика побывавшей в огне краснолаковой чашки

(Таб. 34—8); 88 обломков венчика, стенок и дна лепного коричневоглиняного горшка (Таб. 34—12); 2 фрагмента (стенки и венчика) 2 других сосудов того же типа; 31 обломок (20 из них обожжены вторично) стенок, венчиков (Таб. 34—9) и днища (Таб. 34—11) не менее, чем 2 лепных коричневоглиняных кувшинов. Предметы личного убора представлены исключительно изделиями из бронзы: 2 фрагмента кольцевой подвески в виде свернутой в двухвитковую спираль узкой пластины листового металла (Таб. 34—1); обломок пружины лучковой или смычковой фибулы с нижней тетивой (Таб. 34—2); фрагмент изделия из металлической пластины.

Могила 34 (Таб. 13—34; Таб. 35А). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,7 м, глубиной 0,2 м. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем и разномерными камнями. Остатки сожжения в виде углей и нескольких мелких фрагментов кальцинированных костей были рассеяны практически по всей площади погребального сооружения, в основном, в среднем и нижнем слоях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены, главным образом выше остатков кремации (Таб. 35А). Керамика представлена разрозненными обломками не менее чем 2 сосудов: 3 фрагмента стенок краснолаковых кувшинов и 3 обломка стенок лепных коричневоглиняных сосудов. Кроме того, найдены 16 целых и 5 фрагментированных бусин (12 из них сильно оплавлены) (Таб. 35А, 1). В том числе 12 шаровидных бусин из бесцветного стекла с внутренней позолотой, 2 катушковидные уплощенные пронызи из того же материала, 4 цилиндрические бусины из прозрачного белого и коричневого стекла, 3 полностью деформированные под действием высокой температуры бусины из стекла глухого белого цвета.

Могила 35. (Таб. 13—35; Таб. 21Б). Яма подпрямоугольной в плане формы, размером 0,40×0,60 м, глубиной 0,10 м. Ориентирована по линии 3—В. Заполнена рыхлым темно-коричневым грунтом с мелким щебнем и разномерными камнями. Остатки трупосожжения в виде линзы рыхлого черного злистого грунта, насыщенного углями и фрагментами кальцинированных костей мощностью до 0,05 м размещались у северо-восточного борта могилы, на дне и в нижней части заполнения.

Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены, главным образом выше остатков кремации (Таб. 21Б). Найдены разрозненные обломки не менее, чем 3—4 сосудов: 4 фрагмента (один обожжен вторично) стенок краснолаковой посуды; 2 обломка (стенки и днища) двух лепных коричневоглиняных сосудов (Таб. 21Б, 1).

Могила 36 (Таб. 13 — 36; Таб. 33А). Яма округлой в плане формы, размером 0,50×0,60 м, глубиной 0,10 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с разномерным щебнем. Остатки сожжения в виде мелких фрагментов кальцинированных костей располагались, в основном в южной части погребального сооружения, в среднем слое заполнения. Некоторые из них обнаружены за пределами ямы, у ее южного борта. Большинство угольков найдено в центре могилы. Вещи, сопровождавшие захоронение, залежали на том же уровне, главным образом, в центре и у северо-восточного края ямы (Таб. 33А). Найдены разрозненные обломки не менее чем 11—12 сосудов: 29 крупных фрагментов (15 из них обожжены вторично) стенок 2 красноглиняных амфор; обломок горла светлоглиняной амфоры; 2 фрагмента плоскодонного красноглиняного сосуда, по структуре и составу теста похожего на амфору; 26 мелких обломков стенок краснолакового кувшина; 36 побывавших в огне фрагментов стенок и дна (Таб. 33А, 1) других краснолаковых сосудов; 20 обломков стенок лепного коричневоглиняного сосуда с заглаженной внешней поверхностью; 13 фрагментов 3 более массивных лепных сосудов; 12 обломков стенок и венчика коричневоглиняной лепной тарелки (Таб. 33А, 2) с заглаженной поверхностью. Кроме того, обнаружен оплавленный обломок стеклянной бусины глухого красного цвета.

Могила 37 (Таб. 13 — 37; Таб. 36). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,70 м, глубиной 0,40 м. Верхняя часть заполнения могилы представляла собой темно-коричневый грунт с разномерным щебнем мощностью 0,05 м. Ниже залегал рыхлый черный грунт со щебнем и отдельными камнями. Остатки сожжения в виде немногочисленных мелких фрагментов кальцинированных костей располагались, в основном в восточной части погребального сооружения, в верхнем слое заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнару-

жены, главным образом среди остатков кремации и у западного борта могилы (Таб. 36). Керамика представлена разрозненными обломками не менее чем 2—3 сосудов: 44 фрагмента стенок (11 из них обожжены вторично) краснолаковой посуды; 9 обломков тулова лепного коричневоглиняного сосуда. Кроме того, найдены оплавленная биконическая стеклянная бусина синего цвета (Таб. 36 — 2) и фрагмент изделия из бронзовой проволоки (Таб. 36 — 1).

Могила 38 (Таб. 13 — 38; Таб. 37). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,60 м, глубиной 0,10 м. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центре погребального сооружения, в верхней части заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 37). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем 6 сосудов: 46 фрагментов венчиков, стенок и дна 3 краснолаковых кувшинов (Таб. 37 — 3); (обломки двух обожжены вторично); 12 фрагментов стенок 3 лепных коричневоглиняных сосудов (обломки одного побывали в огне). Среди украшений, в основном оплавленные изделия из стекла (Таб. 37 — 1): 2 двухчастные и 2 бочонковидные бусины с внутренней позолотой, а также 2 фрагмента подобных предметов; удлиненная прозрачная цилиндрическая пронизь фиолетового цвета; 3 бочковидные прозрачные синие бусины и обломок еще одной такой же; 3 комка расплавленной стеклянной массы зеленого и синего цвета. Кроме того, найдены побывавший в огне обломок изделия из серебра и фрагмент бронзовой иглы (Таб. 37 — 2) (возможно, игла от фибулы).

Могила 39 (Таб. 13 — 39; Таб. 38). Яма округлой в плане формы, размером 0,70×0,80 м, глубиной 0,20 м. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде углей и многочисленных мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в северо-западном секторе погребального сооружения, в верхней и средней частях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 38). Многие из них фрагментированы и обожжены.

Керамика представлена разрозненными обломками не менее чем 7–9 сосудов: 4 фрагмента стенок 3 красноглиняных амфор; 8 обломков (4 из них обожжены вторично) стенок нескольких краснолаковых сосудов; 5 фрагментов стенок и венчика лепной тарелки (Таб. 38—5); 2 обломка тулова с венчиком крупного лепного коричневоглиняного горшка (Таб. 38—6); 84 фрагмента стенок других лепных сосудов. Из предметов, относящихся к орудиям труда найдено 8 собирающихся обломков оселка ладьевидной формы из мелкоструктурного песчаника с отверстием в центре (Таб. 38—1) и фрагмент изделия из железа в виде четырехгранного остроконечника (Таб. 38—2). Среди украшений, в основном, оплавленные изделия из стекла (Таб. 38—3): 2 деформированные бусины глухого красного цвета; шаровидные коричневая и белая бусины. Кроме того, обнаружены 3 побывавших в огне обломка изделий из серебра, один из которых, видимо, представляет собой расплавленную римскую монету (Таб. 38—4) (сохранился фрагмент точечного ободка и 2 буквы легенды).

Могилы 40 (Таб. 13—40; Таб. 28А). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,60 м, глубиной 0,20 м. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем и камнями, пятно которого прослежено также на древней дневной поверхности вокруг северного края погребального сооружения. Остатки сожжения в виде углей и многочисленных мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центре и в северо-восточном секторе могилы, у борта ямы и за ее пределами, в верхней и средней частях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 28А). Найдены разрозненные обломки не менее, чем 3–4 сосудов: 3 фрагмента стенок и венчика светлоглиняной амфоры (Таб. 28А, 1); 7 фрагментов (4 из них обожжены вторично) стенок краснолаковых сосудов; 56 фрагментов стенок и днищ нескольких лепных коричневоглиняных сосудов (Таб. 28А, 2).

Могилы 41 (Таб. 13—41; Таб. 39). Яма округлой в плане формы, размером 0,60×0,50 м, глубиной 0,21 м. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде углей и многочисленных мелких фрагментов каль-

цинированных костей располагались в центре и в юго-восточном секторе могилы, в верхней и средней частях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 39). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем 6–7 сосудов: 116 фрагментов стенок и поддонов (Таб. 39—2, 6, 8) 3 краснолаковых кувшинов (обломки одного из них обожжены вторично); 69 фрагментов стенок дна и ручки лепного коричневоглиняного кувшина на кольцевом поддоне (Таб. 39—7); 77 обломков венчика, стенок и дна лепного горшка (Таб. 39—4, 5); 4 побывавших в огне фрагмента стенок и дна (Таб. 39—3) миниатюрного лепного коричневоглиняного сосуда.

Среди украшений исключительно оплавленные изделия из стекла: 2 фрагмента бус глухого белого цвета; пронизь глухого красного цвета; крупная бусина из темно-синего стекла с инкрустацией красной и белой пастой (Таб. 39—1).

Могилы 42 (Таб. 13—42; Таб. 40А). Яма прямоугольной в плане формы, размером 0,40×0,60 м, глубиной 0,10 м. Ориентирована по линии В—З. Заполнена темно-коричневым с включениями черного грунтом с разномерным щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центральной и северной частях могилы, в верхнем и среднем слоях заполнения (Таб. 40А). Здесь же найдены разрозненные вторично обожженные обломки стенок не менее, чем 1–2 краснолаковых сосудов.

Могилы 43 (Таб. 13—43; Таб. 41). Яма овальной в плане формы, размером 0,40×0,70 м, глубиной 0,15 м. Ориентирована по линии ЮВ—СЗ. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде углей и многочисленных мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в центре и в северо-западном секторе могилы, по всему профилю заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 41). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена обломками (в основном, разрозненными) не менее, чем 11 сосудов: 40 фрагментов (2 из них обожжены вторично) стенок 2 красно-

глиняных амфор; 24 обломка (21 со следами вторичного обжига) стенок 3 краснолаковых сосудов; сильно фрагментированная, побывавшая в огне краснолаковая чашка на кольцевом поддоне (Таб. 41—4); обломок верхней части корпуса с венчиком глубокой лепной коричневоглиняной миски (Таб. 41—6); фрагмент тулова с венчиком и ручкой вторично обожженного лепного горшка (Таб. 41—5); 16 обломков стенок еще 3 лепных коричневоглиняных сосудов. Из вещей, относящихся к орудиям труда, найден разбитый оселок ладьевидной формы (Таб. 41—3) из мелкоструктурного песчаника с отверстием в центре. В числе предметов личного убора 2 изделия из бронзы: усеченно-биконическая бусина (Таб. 41—1), края отверстий которой декорированы косыми насечками, а в канал вставлена спираль, выполненная из узкой тонкой пластины листового металла; пронизь (Таб. 41—2), изготовленная из уплощенной проволоки.

Могила 44 (Таб. 13—44; Таб. 42). Яма овальной в плане формы, размером 0,80×0,90 м, глубиной 0,20 м. Ориентирована по линии С—Ю. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем. Сверху содержимое ямы перекрывал небольшой навал разномерного бута. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей находились в центральной части погребального сооружения, в основном в среднем слое заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 42). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена обломками не менее, чем 4–7 сосудов: 4 фрагмента (один обожжен вторично) стенок красноглиняной амфоры; 3 обломка (2 побывали в огне) стенок и венчика (Таб. 42—2) краснолаковых кувшинов; 12 собирающихся фрагментов археологически целой лепной глубокой миски (Таб. 42—5) (на стенке сосуда виден след удара, нанесенного с внутренней стороны изделия острым предметом); 19 обломков стенок и венчика (Таб. 42—6) других лепных коричневоглиняных сосудов. В числе орудий труда — четырехгранное в сечении железное шило (Таб. 42—4), заостренное с двух концов. Изогнуто в древности. Найдено также несколько предметов личного убора, изготовленных из бронзы: подвеска из истертой боспорской монеты

(Таб. 42—3) с отверстием у края; фрагмент изделия из проволоки; 2 обломка металлической пластины; 4 бесформенных слитка металла. Довольно многочисленны стеклянные украшения (Таб. 42—1): 7 одночастных бочковидных бусин с внутренней позолотой; белая прозрачная бусина и 7 фрагментов других таких же; 4 округлые уплощенные синие бусины; такого же типа изделие прозрачного оливкового цвета; темно-синяя бусина с инкрустацией белой пастой; сильно оплавленные слипшиеся бусы голубого и темно-синего цвета; 2 комка расплавленной стеклянной массы темного цвета.

Могила 45 (Таб. 13—45; Таб. 43). Яма округлой в плане формы, размером 1,00×1,10 м, глубиной 0,40 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с большим количеством мелкого щебня и разномерными камнями. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей находились в центре и северо-западном секторе погребального сооружения, в основном, в верхней части заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, залегали среди остатков кремации и по всей площади могилы (Таб. 43). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена обломками не менее, чем 7 сосудов: побывавший в огне фрагмент стенки красноглиняной амфоры; обломок тулова светлоглиняного гончарного сосуда; 93 мелких фрагмента стенок, дна и ручки (Таб. 43—2) краснолакового кувшина; 3 вторично обожженных обломка стенок другого краснолакового сосуда; 14 фрагментов стенок и ручек 3 коричневоглиняных лепных сосудов. Кроме того, найдена призматическая бусина из голубого прозрачного стекла (Таб. 43—1).

Могила 46 (Таб. 13—46; Таб. 44). Яма округлой в плане формы, размером 0,60×0,70 м, глубиной 0,27 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с большим количеством мелкого щебня и разномерными камнями. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей находились у восточного борта погребального сооружения, в основном, в средней части заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, залегали среди остатков кремации (Таб. 44). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена обломками не менее, чем 10 сосудов: 2 фрагмента стенок красноглиняной амфоры; 16 обломков стенок

и дна (Таб. 44—2) (обожжено вторично) не менее, чем 2 краснолаковых кувшинов; 11 собирающихся фрагментов археологически целой лепной глубокой коричневоглиняной миски (Таб. 44—5); 24 собирающихся обломка археологически целой лепной биконической кружки (Таб. 44—7) с петлевидной ручкой; 4 фрагмента венчика (Таб. 44—6), стенок и ручки (Таб. 44—4) лепного коричневоглиняного горшка; 12 обломков стенок и венчиков (Таб. 44—3) четырех других лепных сосудов. Кроме того, найдена уплощенная округлая бусина из синего стекла (Таб. 44—1).

Могила 47 (Таб. 13—47; Таб. 45). Яма округлой в плане формы, размером 0,70×0,80 м, глубиной 0,30 м. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем и разномерными камнями, пятно которого прослежено также на древней дневной поверхности вокруг северо-восточного борта могилы, выше по склону. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в основном в западной части погребального сооружения, в верхнем и среднем слоях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации, по всей площади ямы (Таб. 45). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена обломками 7–8 сосудов: 3 фрагмента стенок светлоглиняного гончарного сосуда; 47 мелких обломков стенок краснолаковых кувшинов; 40 собирающихся фрагментов побывавшей в огне археологически целой плоскодонной краснолаковой чашки (Таб. 45—2) с вогнутыми стенками и вертикальным венчиком; 5 обломков венчика (Таб. 45—4), стенок и дна (Таб. 45—5) коричневоглиняного лепного узкогорлого сосуда; 11 фрагментов стенок и венчика (Таб. 45—3) трех других лепных сосудов. Среди украшений несколько оплавленных изделий из стекла (Таб. 45—1): 2 белые прозрачные катушковидные бусины; 2 цилиндрические двухслойные пронизи из белого прозрачного и глухого красного стекла; 4 бочонковидные бусины глухого белого цвета. Обнаружен также фрагмент изделия из бронзовой пластины.

Могила 48 (Таб. 13—48; Таб. 46). Яма овальной в плане формы, размером 0,80×1,20 м, глубиной 0,30 м. Ориентирована по линии ЮВ—СЗ. Верхняя часть заполнения могилы

представляла собой рыхлый черный грунт мощностью 0,10 м. Ниже залегал темно-коричневый грунт с многочисленным щебнем и отдельными камнями. Остатки сожжения в виде мелких углей и фрагментов кальцинированных костей располагались в центре погребального сооружения, в верхней части заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 46). Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем 5 сосудов: фрагмент стенки красноглиняной амфоры; 74 обломка стенок и дниц (Таб. 46—7, 9) двух краснолаковых кувшинов (один из них побывал в огне); 24 фрагмента венчика (Таб. 46—8), стенок и дна (Таб. 46—11) лепного коричневоглиняного горшка; 15 обломков стенок и дна другого лепного сосуда (Таб. 46—10). В числе орудий труда 2 фрагмента оселка (Таб. 46—6) из мелкоструктурного песчаника с отверстием в центре. Значительную часть инвентаря составляют предметы личного убора, изготовленные из бронзы: простейшая пряжка с кольцевой рамкой и подвижным язычком (Таб. 46—3); пронизь в виде кольца, свернутого из округлого в сечении дрота (Таб. 46—4); литое кольцо (Таб. 46—5); 2 фрагмента перстня в виде свернутой в спираль тонкой металлической пластины; стертая боспорская монета с отверстиями в центре и у края (Таб. 46—1), использовавшаяся, возможно, в качестве пуговицы; подвеска из римского денария Септимия Севера (193–211 гг. н.э.) с отверстием у края (Таб. 46—2).

Могила 49 (Таб. 13—49; Таб. 47). Яма округлой в плане формы, диаметром 0,80 м, глубиной 0,20 м. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в юго-восточной части погребального сооружения, в верхнем и среднем слоях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 47). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена обломками (в основном разрозненными) не менее, чем 15 сосудов: 7 фрагментов стенок 2 красноглиняных и 2 светлоглиняных амфор; 60 собирающихся обломков побывавшей в огне археологически целой высокой краснолаковой чашки с вертикальным бортиком на низком кольцевом поддоне (Таб. 47—3); вторично

обожженный фрагмент венчика другого сосуда того же типа (Таб. 47—4); 152 обломка стенок, днищ (Таб. 47—1) и венчика (Таб. 47—2) 2 побывавших в огне краснолаковых кувшинов; 16 фрагментов стенок и венчиков 2 коричневоглиняных лепных горшков (Таб. 47—6, 7); 21 обломок (некоторые из них обожжены вторично) стенок и ручки (Таб. 47—5) пяти других лепных сосудов.

Могила 50 (Таб. 13—50; Таб. 48). Яма овальной в плане формы, размером 0,60×0,80 м, глубиной 0,10 м. Ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей были рассеяны по всей площади погребального сооружения, в верхней части заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 48). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем восьми сосудов: 4 вторично обожженных фрагмента двух красноглиняных амфор; 15 обломков стенок краснолакового кувшина; 42 фрагмента венчика, горла с прилепом ручки, стенок и дна другого сосуда того же типа (Таб. 48—1), побывавшего в огне; 20 обломков венчиков и стенок 2 коричневоглиняных лепных горшков (Таб. 48—2, 3); фрагмент верхней части корпуса с венчиком и ручкой лепного двуручного горшка (Таб. 48—4); 7 обломков стенок другого лепного сосуда. Кроме того, найдена сильно оплавленная бусина из белого стекла с желтыми и голубыми разводами.

Могила 51 (Таб. 13—51; Таб. 49). Яма округлой в плане формы, размером 0,80×0,90 м, глубиной 0,20 м. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в основном в центре погребального сооружения, в верхней и средней частях заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 49). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем 10—11 сосудов: 7 фрагментов стенок 3 красноглиняных амфор; 35 обломков (31 из них обожжены вторично) стенок краснолаковой посуды; 8 фраг-

ментов стенок и венчиков 4 коричневоглиняных лепных горшков (Таб. 49—9, 10, 12, 13) (обломки двух побывали в огне); 6 фрагментов корпуса и венчика небольшой лепной миски (Таб. 49—11); обломок края лепной чашки (Таб. 49—8). В числе орудий труда коричневоглиняное биконическое пряслице (Таб. 49—4) и фрагмент железной иглы (Таб. 49—3), округлой в сечении. Некоторую часть инвентаря составляют предметы личного убора, изготовленные из бронзы: обломок браслета с несомкнутыми утолщенными концами (Таб. 49—1) диаметром около 9,0 см; сильно оплавленная монета с отверстиями в центре и у края (Таб. 49—7), возможно, пуговица; фрагмент изделия из тонкой проволоки (Таб. 49—2). Среди украшений найдено также несколько оплавленных изделий из стекла (Таб. 49—5, 6)—трехчастная, двухчастная и 6 бочонковидных бусин с внутренней позолотой.

Могила 52 (Таб. 13—52; Таб. 50). Яма овальной в плане формы, размером 1,00×1,20 м, глубиной 0,20 м. Ориентирована по линии СВ—ЮЗ. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с разномерным щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде немногочисленных углей и мелких фрагментов кальцинированных костей располагались в основном в восточной половине погребального сооружения, в средней части заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 50). Многие из них фрагментированы и обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем 5 сосудов: 2 фрагмента стенок красноглиняной амфоры; 21 обломок стенок двух краснолаковых сосудов (фрагменты одного из них обожжены вторично); 10 обломков корпуса с венчиком коричневоглиняного лепного горшка; фрагмент стенки другого лепного сосуда. В числе предметов личного убора преобладают изделия из бронзы: пронизь в виде кольца, свернутого из уплощенной проволоки (Таб. 50—3); 2 обломка изделий из проволоки (Таб. 50—5); простейшая пряжка с кольцевой, ромбовидной в сечении рамкой и коротким подвижным язычком (Таб. 50—4); подвеска из потертого боспорского двойного денария (Таб. 50—1), чеканенного от имени Савромата II во время правления императора Коммода (180—190 г. н. э.), с отверстием у края и продетой в него тонкой проволокой. Среди украшений найдено также несколько

оплавленных изделий из стекла (Таб. 50—2) — кольцевидная пронизь черного цвета, бочковидная бусина глухого белого цвета, двухчастная и бочонковидная бусины с внутренней позолотой.

Могила 53 (Таб. 13—53; Таб. 40Б). Яма овальной в плане формы, размером 0,60×0,80 м, глубиной 0,20 м. Ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Заполнена плотным темно-коричневым грунтом с размерным щебнем и камнями. Остатки сожжения в виде немногочисленных углей и мелких фрагментов кальцинированных костей были рассеяны по всей площади погребального сооружения, в верхней и средней частях заполнения (Таб. 40Б). Здесь же найдены обломок стенки красноглиняной амфоры, 2 вторично обожженных фрагмента стенок краснолакового сосуда и 11 обломков корпуса и дна (Таб. 40Б, 1) лепного сосуда.

Могила 54 (Таб. 13—54; Таб. 20Б). Яма овальной в плане формы, размером 0,60×0,90 м, глубиной 0,30 м. Ориентирована по линии ЮЗ—СВ. Заполнена рыхлым черным золистым грунтом с мелким щебнем и размерными камнями. Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей находились в северной и южной частях погребального сооружения в верхнем слое заполнения. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены в основном среди остатков кремации (Таб. 20Б). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Керамика представлена разрозненными обломками не менее, чем 5 сосудов: фрагмент стенки светлоглиняной амфоры; 41 фрагмент стенок и донных частей (Таб. 20Б, 1, 2) двух вторично обожженных краснолаковых кувшинов; 5 фрагментов стенок 2 коричневоглиняных лепных сосудов. Кроме того, найдена сильно оплавленная бусина из стекла глухого красного цвета.

Могила 55 (Таб. 13—55; Таб. 51; Таб. 52; Таб. 53). Могильная яма погребения была спущена с древней дневной поверхности. Яма имеет правильную форму прямоугольника со скругленными углами размерами 0,87×0,54 м и ориентирована длинной стороной по склону, то есть с ЮВ на СЗ (Таб. 13—55; Таб. 51). Она впущена в каменистый материк так, что оказалась вписанной в пространство между двумя выходами скал, причем ее южная стен-

ка частично образована одним из этих выходов. Стенки ямы отвесные, дно ровное и плоское. Глубина ямы от уровня впуска ее в ЮВ части составляет 0,48 м, в СЗ части — 0,67 м. Дно ямы выложено в один слой тонкими, толщиной 0,01–0,02 м плоскими плитами песчаника (Таб. 51). Наибольшая из них, размерами 0,52×0,30 м треснула и фрагменты ее частично сместились. Естественная неправильная форма плиты дополнена до прямоугольной небольшими фрагментами плоского песчаника.

ЮЗ стенка ямы была продублирована поставленной на ребро плитой песчаника 0,70×0,37×0,025, которая в западном углу могилы вплотную примыкала к отвесному выходу скалы. Ближе к южному углу могильной ямы ее стенка и плита образовывали зазор у дна 0,08 м. Между стенкой и плитой во время сооружения могилы в 0,25 м от южного угла были помещены серп (Таб. 51—6; Таб. 53—6) и втульчатый наконечник копья (Таб. 51—10; Таб. 53—10). Серп лежал острием вверх, наконечник копья был поставлен острием вверх на втулку (Таб. 51—V, VII).

Вплотную к северо-восточной стенке ямы также в древности была поставлена плита песчаника размерами 0,52×0,40×0,02 м. Она отклонилась внутрь пространства могильного ящика и образовавшийся зазор между ней и стенкой затек сверху материковым суглинком без включений (Таб. 51—V).

У юго-восточной стенки также находилась вертикально стоящая плита песчаника неправильной формы, сужающаяся ко дну, размерами примерно 0,40×0,40×0,03 м.

В отличие от остальных, плиты, образующие северо-западную стенку, ставились в 3 приема, по-видимому, уже после того, как дно и другие стенки ящика были сооружены. Вначале вплотную к стенке могилы была помещена песчанниковая плита размером 0,47×0,34×0,035 м, которая не закрыла всей стенки ямы. Тогда вплотную к ней в яму была помещена большая вторая плита размером 0,67×0,53 м, толщиной от 0,04 по верхнему до 0,02 по нижнему краю. Наблюдаемый зазор между плитами образовался позже и затек материковым грунтом. Наконец, когда в могилу был положен инвентарь, который занял не все ее пространство, вплотную к горлышку амфоры в 0,08 м от второй плиты была помещена третья вертикальная плита песчаника неправильной формы размером 0,23×0,40 м, толщиной 0,01 м. Таким образом, внутренние размеры

каменного ящика оказались меньше, чем размеры могильной ямы и составляют 0,47×0,59 м (Таб. 51 — VI, VII).

Сверху могильная яма была перекрыта опирающимися на вертикально стоящие плиты тонкими плоскими плитами песчаника разного размера и формы, образующими в отдельных местах до пяти слоев. Размеры плит варьируются от 0,54×0,53; 0,47×0,37 до 0,20×0,15 м, толщина — от 1,0 до 4,0 см. Плиты уложены внакладку, закрывая стыки и трещины ниже лежащего уровня. Мощность перекрытия составляет от 0,01 — 0,02 м в ЮВ части (1 уровень перекрытия) до 0,23 м в СЗ части (5 уровней перекрытия). Плиты накрывали не только каменный ящик, но и стенки могильной ямы, опираясь на них и выходя за их пределы (Таб. 51 — I, II, V, VI).

Внутри каменного ящика были помещены 4 сосуда (Таб. 51 — III — VII; Таб. 52). Амфора (Таб. 51 — 2; Таб. 52 — 2), служившая погребальной урной, занимавшая основной объем ящика, была положена набок горлом к северо-западной стенке ящика. В южном углу ящика, у ножки амфоры стоял лепной коричневоглиняный кубок (Таб. 51 — I; Таб. 52 — I). В западном углу у горла амфоры стоял небольшой лепной одноручный коричневоглиняный кувшин на кольцевом поддоне с шаровидным туловом и прямоугольной в сечении ручкой (Таб. 51 — 3; Таб. 52 — 3). У северо-западной стенки могилы, в центре, чуть севернее горла амфоры, находилась лежащая на боку лепная коричневоглиняная чашечка (Таб. 51 — 4; Таб. 52 — 4). Чашечка была обращена открытой частью к песчаниковой плите, образу-

ющей стенку ящика, а дном к амфоре, так что вряд ли могла служить в качестве сосуды-крышки для погребальной урны, разве что была поставлена на горло амфоры дном вниз, а затем упала при помещении амфоры в ящик.

Перекрытие плитовой могилы надежно защищало полость ящика от попадания земли, так что инвентарь был зафиксирован *in situ*. Однако под тяжестью амфоры одна из плит, образующих дно ящика, просела и встала наклонно у горла амфоры, расколов чашечку.

Служившая погребальной урной амфора почти на четверть объема была заполнена очищенными от остатков погребального костра кальцинированными костями (Таб. 51 — V, VI). Среди них были найдены сопровождающие вещи, как прошедшие кремацию вместе с телом погребенного, так и не побывавшие в огне: железный нож (сильно корродирован, побывал в огне, Таб. 53 — 9); железное четырехгранное в сечении шило (корродировано, побывало в огне, Таб. 53 — 8); бронзовая пряжка (не обожжена, Таб. 53 — 11); бронзовая римская монета прекрасной сохранности — фоллис чеканки Диоклетиана (284–305 гг.); бронзовый бубенчик (не обожжен, Таб. 53 — 5); крупная стеклянная усеченно-коническая бусина из прозрачного зеленоватого стекла с белым волнистым орнаментом и пояском по диаметру отверстия (не обожжена); бусины-пронизки голубого, белого и черного стекла (не обожжены); фрагмент рамки железной пряжки (сильно корродирована, обожжена, Таб. 53 — 7); расслоившиеся обломки железного предмета (обожжен); фрагмент корродированного и обожженного железного предмета.

5. ПОМИНАЛЬНЫЕ ЯМЫ

Поминальная яма № 1 (Таб. 54Б). Углубление в материковом грунте. Форма его в плане близка к прямоугольной, размеры 0,5×0,4 м. Стенки довольно крутые, дно плоское. Глубина 0,3 м. Заполнение ямы — темно-серый грунт с разномерным делювием верхне-юрских известняков и угольков. Никаких артефактов здесь не обнаружено.

Поминальная яма № 2 (Таб. 55А). Углубление в материковом грунте, округлой в пла-

не формы, размером 1,0×1,0 м. Стенки ямы крутые, восточная часть их образована выходом скалы. Дно плоское, глубина 0,2 м. Заполнение углубления — темно-серый грунт с разномерным делювиальным щебнем. Здесь найдено 2 фрагмента кальцинированных костей, обломки краснолаковой чашки на кольцевом поддоне, а также фрагменты плоскодонной чаши и стенок лепного сосуда. Некоторые обломки керамики побывали в огне.

Поминальная яма № 3 (Таб. 54А). Углубление в материковом грунте, овальной в плане формы, размером 1,2×0,9 м. Ориентировано по линии З—В. Стенки ямы крутые, дно скругленное. Глубина 0,37 м. Заполнение углубления — темно-серый грунт с разномерным делювием верхнеюрских известняков, с мелкими угольками и несколькими фрагментами кальцинированных костей. В его верхней части найдено 13 мелких обломков стенок красноглиняной амфоры и 2 фрагмента изделия из тонкого листа бронзы.

Поминальная яма № 4 (Таб. 56А). Углубление в материковом грунте, округлой в плане формы, размером 1,1×0,9 м, с северо-запада ограничено выходом скалы. Стенки плавно переходят в скругленное дно. Глубина 0,1 м. Заполнение — темно-серый грунт с разномерным делювиальным щебнем, угольками и золой. Никаких артефактов здесь не обнаружено.

Поминальная яма № 5 (Таб. 56Б). Небольшое углубление в материковом грунте, полукруглой в плане формы, радиусом 0,3 м. С запада яма ограничена выходом скалы, на котором видны следы копоги. Стенки ее пологие, глубина 0,1 м. Заполнение углубления — темно-серый суглинок с разномерным делювием верхнеюрских известняков, угольками и золой. Никаких артефактов здесь не обнаружено.

Поминальная яма № 6 (Таб. 55Б). Углубление в материковом грунте, округлой в плане формы, размером 0,6×0,7 м. С севера яма ограничена выходом скалы, глубина ее 0,1 м. Заполнение — темно-серый грунт с разномерными угольками и золой. Никаких артефактов здесь не обнаружено.

Поминальная яма № 7 (Таб. 35Б). Небольшое углубление в материковом грунте, округлой в плане формы, размером 0,4×0,4 м. Стенки пологие, дно скругленное. Глубина 0,1 м. Заполнение ямы — темно-серый грунт с разномерным делювиальным щебнем. В центре углубления отмечено округлое в плане пятно (размером 0,12×0,14 м) черного грунта с большим количеством мелких угольков. Здесь же обнаружено 3 фрагмента стенки и венчика лепного сосуда.

Поминальная яма № 8 (Таб. 57А). Углубление в материковом грунте, округлой в плане формы, размером 0,6×0,5 м. С запада яма обрамлена рядом разномерных камней. Стенки ее пологие, дно плоское, с четырехугольным в плане углублением в центре. Размеры углубления 0,23×0,17 м, глубина 0,1 м. Заполнение ямы — темно-серый грунт с мелким делювием верхнеюрских известняков и крупными угольками. В углублении на дне ямы обнаружен довольно крупный (0,10×0,07×0,05 м) фрагмент обугленной деревянной плахи, залегавшей под углом к дну. В верхней части заполнения обнаружено 2 фрагмента стенок и венчика лепного сосуда. Наличие достаточно крупных камней вокруг ямы (по периметру) дает возможность предположить, что здесь находился вертикально стоящий столб, впущенный в прямоугольное углубление и укрепленный камнями.

Поминальная яма № 9 (Таб. 58). Углубление в материковом грунте, овальной в плане формы, размером 1,7×1,2 м, ориентировано по линии С-Ю. Зафиксировано на каменистом склоне холма в 1,5 м от обреза строительного котлована. Восточная стенка ямы достаточно крутая, западная более пологая. Глубина ее 0,4 м. Заполнение углубления — темно-коричневый грунт с разномерным делювием верхнеюрских известняков. В верхней его части найдено несколько мелких фрагментов стенок краснолакового кувшина.

Поминальная яма № 10 (Таб. 57Б). Углубление в материковом грунте, полукруглой в плане формы, размером 0,3×0,4 м. С запада ограничено выходом скалы. Стенки ямы пологие, дно плоское, глубина 0,1 м. Заполнение — черный грунт с мелким делювием верхнеюрских известняков и угольками. Никаких артефактов здесь не обнаружено.

Поминальная яма № 11 (Таб. 29Б). Углубление в материковом грунте, округлой в плане формы, размером 0,6×0,7 м. Стенки ямы крутые, дно плоское, глубина 0,16 м. Заполнение углубления образовано темно-серым грунтом с разномерным делювиальным щебнем. У северной и южной стенок ямы отмечены участки черного грунта с большим количеством мелких угольков. В верхней части заполнения найдены мелкие фрагменты стенок краснолакового кувшина.

6. ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ «СЕВЕРНОЙ» И «ЮЖНОЙ» ЧАСТЯМИ НЕКРОПОЛЯ (ТАБ. 1 — РАСКОП XII; ТАБ. 59, 60)

Пространство между изученными частями памятника занимает небольшой (короткий), видимо, достаточно древний тальвег временного водотока (на его правом берегу находится «*южная*» часть некрополя) с пологим дном (почти вся эта территория покрыта огородами, различными, частью уже заброшенными, хозяйственными строениями поселка и грунтовой дорогой), а также южный склон холма, на котором расположена «*северная*» часть некрополя.

Некоторые данные о культурных отложениях, залегающих на этой территории, были получены еще до начала ее специального исследования. В 1995 г. сотрудники Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ осмотрели котлован (глубиной до 1 м) под фундамент капитального строения, располагавшийся в верхней части тальвега. Углубление вскрыло структурно довольно однородные напластования плотного коричневого грунта с разномерным делювием верхне-юрских известняков и обломками керамики римского времени. В 1998 г. на дне тальвега, примерно в средней его части местными жителями найдена римская монета — серебряный антониан Филиппа Араба (244–249 г.н.э.). Монета сравнительно хорошей сохранности (средней степени изношенности, без отверстия для подвешивания, практически не окислена, покрыта темно-серой патиной), залегала на современной дневной поверхности. По предположению находчиков она могла быть переотложена несколькими годами ранее, при земляных работах, связанных с сооружением одного из стоящих выше по склону заброшенных сараев. Не исключено, что она происходит из разрушенного погребального сооружения.

Однако при исследованиях, проводившихся здесь в 2001–2002 гг., погребальных сооружений обнаружить не удалось. Разведочные шурфы общей площадью 20 кв. м (Таб. 1 — III) вскрыли плотные делювиальные отложения, образовавшиеся, скорее всего, в результате постепенного перемещения (смыва) грунта по тальвегу. Встреченная здесь сильно фрагментированная керамика римского времени (обломки амфор, краснолаковых и лепных сосудов), скорее всего, переотложена с довольно пологой

площадки, располагающейся в верховьях тальвега. В настоящее время здесь находится заброшенное поле (использовавшееся для выращивания чайной розы), на котором во множестве встречается подъемный материал, близкий по составу обнаруженному в шурфах. Найденные в нижней части этих отложений мелкие обломки изделий из камня и бронзы, возможно, происходят из погребальных сооружений некрополя, располагающихся выше шурфов.

Для проверки этого предположения на левом берегу тальвега, на южном склоне холма (на вершине которого расположена «*северная*» часть некрополя), на небольшой естественной площадке, с северо-востока ограниченной лесом, был заложен раскоп XII (Таб. 1 — XII; Таб. 59). Площадь его составила 34 кв. м. Перед началом работ избранный для изучения участок и прилегающая территория были обследованы металлодетектором. В результате этого, в 10 м к западу от раскопа, ниже по склону под дерном обнаружена крупная серебряная проволочная серьга (Таб. 61 — 10), возможно, оказавшаяся здесь в процессе ритуальных действий, сопровождавших совершение погребений.

Мощность вскрытых в пределах раскопа культурных отложений достигала 0,65 м. Прослеженная здесь стратиграфическая ситуация выглядит следующим образом (Таб. 59, 60). Под слоем дерна мощностью до 0,05 м залегал слой плотного темно-коричневого грунта с делювием верхне-юрских известняков и фрагментами лепных и гончарных сосудов мощностью 0,05–0,32 м. Под ним располагался слой плотного (предматерикового) темно-коричневого грунта с большим количеством разномерного делювия верхне-юрских известняков и обломков лепной и гончарной керамики римского времени, отдельными обломками точильных камней, угольками и фрагментами костей животных (некоторые из них обожжены) мощностью до 0,45 м. Его подстилали археологически стерильные слои рыхлого пепельно-серого и плотного желто-коричневого грунта с большим количеством делювия верхне-юрских известняков. Обнаруженная в слоях керамика, особенно происходящая из предматериковой части напластований, часто

представлена довольно крупными обломками, иногда собирающимися между собой. Это, видимо, свидетельствует о том, что материал не переотложен и залегает *in situ*. С поверхности предматерикового слоя впущена могила с погребением остатков кремации, из чего можно заключить, что его верхняя граница во время функционирования некрополя являлась дневной поверхностью. Косвенно это подтверждается тем, что на этой поверхности, в 1,2–3,3 м к северо-востоку от погребального сооружения обнаружены фрагменты сосудов, основная масса обломков которых найдена в заполнении могильной ямы, а также фрагмент бронзового круглопроволочного несомкнутого браслета с расклепанным в виде стилизованной змеиной головы окончанием (Таб. 60—I; Таб. 6—9). На этом же стратиграфическом уровне, в 5 м к юго-востоку от могилы зафиксировано скопление плиток песчаника (5 шт.), вытянутое по линии ЮЮВ—ССЗ, длиной 1,1 м, шириной 0,8 м (Таб. 60—II). Одна из плиток залегала плашмя, остальные—с наклоном к центру скопления. В заполнении пространства между плитками каких-либо артефактов не обнаружено. Происхождение объекта до конца не ясно, однако очевидно, что плитки специально принесены сюда в древности, так как в непосредственной близости от раскопа XII выходы песчаника отсутствуют.

Таким образом, весьма вероятно, что южный склон холма, на вершине которого расположена «*северная*» часть некрополя, каким-то образом использовался человеком еще до появления здесь погребального сооружения. Других могил вокруг исследованной, по крайней мере, в 0,75—5,80 м от нее не обнаружено. Однако не исключено, что на вновь выявленном участке некрополя погребальные сооружения из-за особенностей микрорельефа, располагались на значительном расстоянии друг от друга.

Мои́ла 28 (Таб. 59, Таб. 60; Таб. 61; Таб. 62). Яма частично врезана в склон, полуовальной в плане формы, размером 0,65×0,95 м, глубиной до 0,30 м, ориентирована по линии ЮВ—СЗ, с запада ограничена выходом скалы. Структура заполнения могилы довольно сложна. В верхней его части отмечен рыхлый темный серо-коричневый грунт с мелкими камнями и угольками. Под ним залегал рыхлый черный грунт с угольками. На дне ямы прослежена линза рыхлого черного грунта с повышенным содержанием пепла и мелкими пережженными

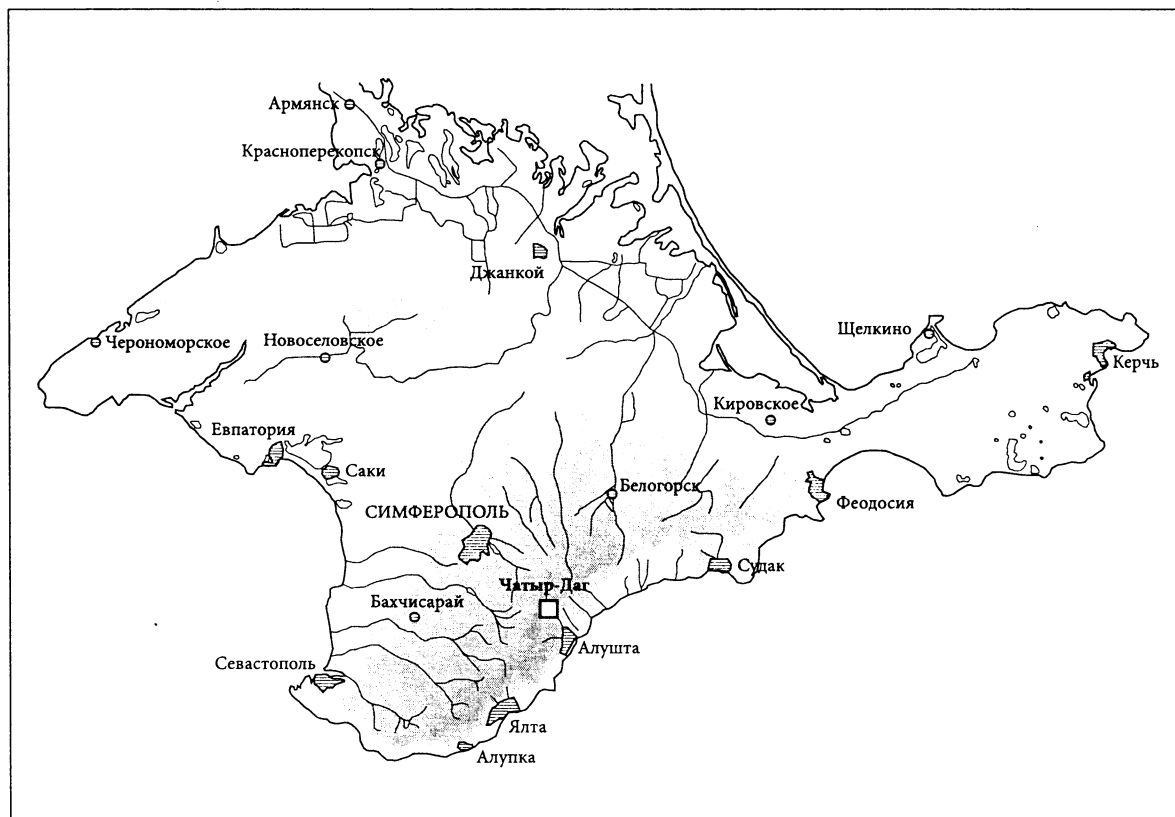
известняковыми камнями (некоторые из них пережжены до извести). Сверху заполнение погребального сооружения перекрывало несколько относительно крупных камней. Северо-восточнее углубления на древней дневной поверхности прослежено пятно темно-коричневого грунта с угольками, отдельными фрагментами кальцинированных костей и отдельными фрагментами обожженных песчаниковых плиток, а также оплавленных мелких изделий из бронзы. Несколько найденных здесь тонких плиток залегали в слое в вертикальном положении.

Остатки сожжения в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей (около 60 обломков) были рассеяны практически по всей площади и профилю погребального сооружения. В нижнем слое северо-западной части заполнения они наиболее многочисленны и залегали компактно. Вещи, сопровождавшие захоронение, обнаружены среди остатков кремации (Таб. 60). Большинство из них фрагментировано, многие обожжены. Основную массу находок составляет керамика. Найдены обломки 12–14 сосудов: 5 фрагментов стенок красноглиняной и 1—светлоглиняной амфор; 269 обломков стенок, поддона и венчика краснолаковой кувшина—часть из них обожжена вторично, форма сосуда реконструируется графически (Таб. 61—1); 51 фрагмент археологически целой краснолаковой чашки с двумя округлыми отверстиями в днище (ремонт?), почти все обломки пережжены до серо-голубого цвета (Таб. 61—2); 62 фрагмента глубокой лепной коричневоглиняной миски (еще 3 обломка этого сосуда найдены за пределами погребального сооружения), собирающиеся в целую форму (Таб. 61—4); 39 фрагментов лепного коричневоглиняного горшка, форма сосуда реконструируется графически (Таб. 61—3); 33 обломка стенок, венчика и ручки небольшого одноручного кубковидного сосуда—часть фрагментов обожжена вторично, реконструируется верхняя часть изделия (Таб. 61—5); обломок стенки и венчика коричневоглиняного лепного горшка—еще 5 фрагментов этого сосуда найдено за пределами погребального сооружения, верхняя его часть реконструируется (Таб. 61—6); 18 разрозненных обломков от 5–7 лепных сосудов, среди них фрагменты стенок и края коричневоглиняного изделия открытой формы, видимо, миски. Помимо этого обнаружены обломки нескольких побывавших в огне предметов, изготовленных из бронзы: 3 фрагмен-

та изделия из тонкой узкой пластины (Таб. 62—5), обломок подвески (?) из узкой, овальной в сечении пластины (Таб. 62—6), 4 фрагмента изделия, возможно, браслета, из округлой в сечении проволоки (Таб. 62—7), 6 округлых слитков металла, представляющих собой, видимо, остатки расплавленных в погребальном костре вещей. Встречен также подобный слиток белого металла (Таб. 62—4). Все происходящие из заполнения могилы украшения, изготовленные из стекла, побывали в огне (Таб. 62—8). Среди них 2 бусины в виде уплотненных четырнадцатигранников из стекла глухого красного цвета (Таб. 62—8а), 3 удлиненные цилиндрические бусины из того же материала (Таб. 62—8б), 1 такое же изделие из прозрачного стекла белого цвета (Таб. 62—8в), обломок округлой бусины из синего прозрачного стекла (Таб. 62—8г), остатки совершенно

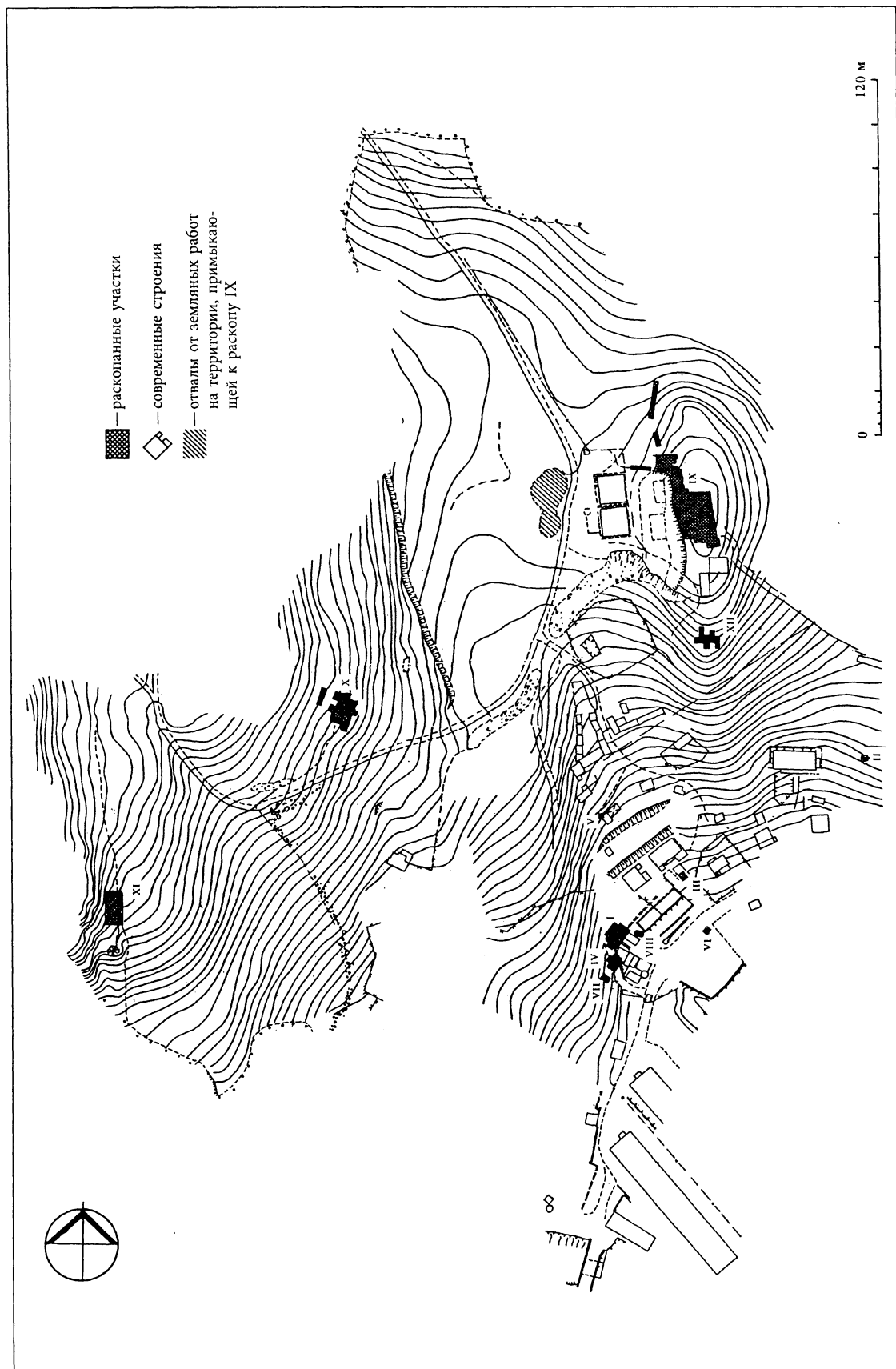
оплавленной бусины из стекла глухого красного цвета. В числе предметов, относящихся к орудиям труда, найдены фрагмент коричневоглиняного биконического пряслица (Таб. 62—3) и два обломка оселков (возможно, части одного предмета) ладьевидной формы из мелкоструктурного песчаника (Таб. 62—2). В одном из них, видимо, в центре изделия, просверлено отверстие. Кроме того, обнаружена песчаниковая плитка близкой к параллелограмму формы (Таб. 62—1), одна из широких граней которой использовалась в качестве оселка. Следует отметить, что некоторые из найденных в заполнении могильной ямы артефактов, в частности разрозненные фрагменты амфор и лепных сосудов, а также песчаниковая плитка, возможно, происходят из культурных отложений, в которые она была впущена.

7. ТАБЛИЦЫ

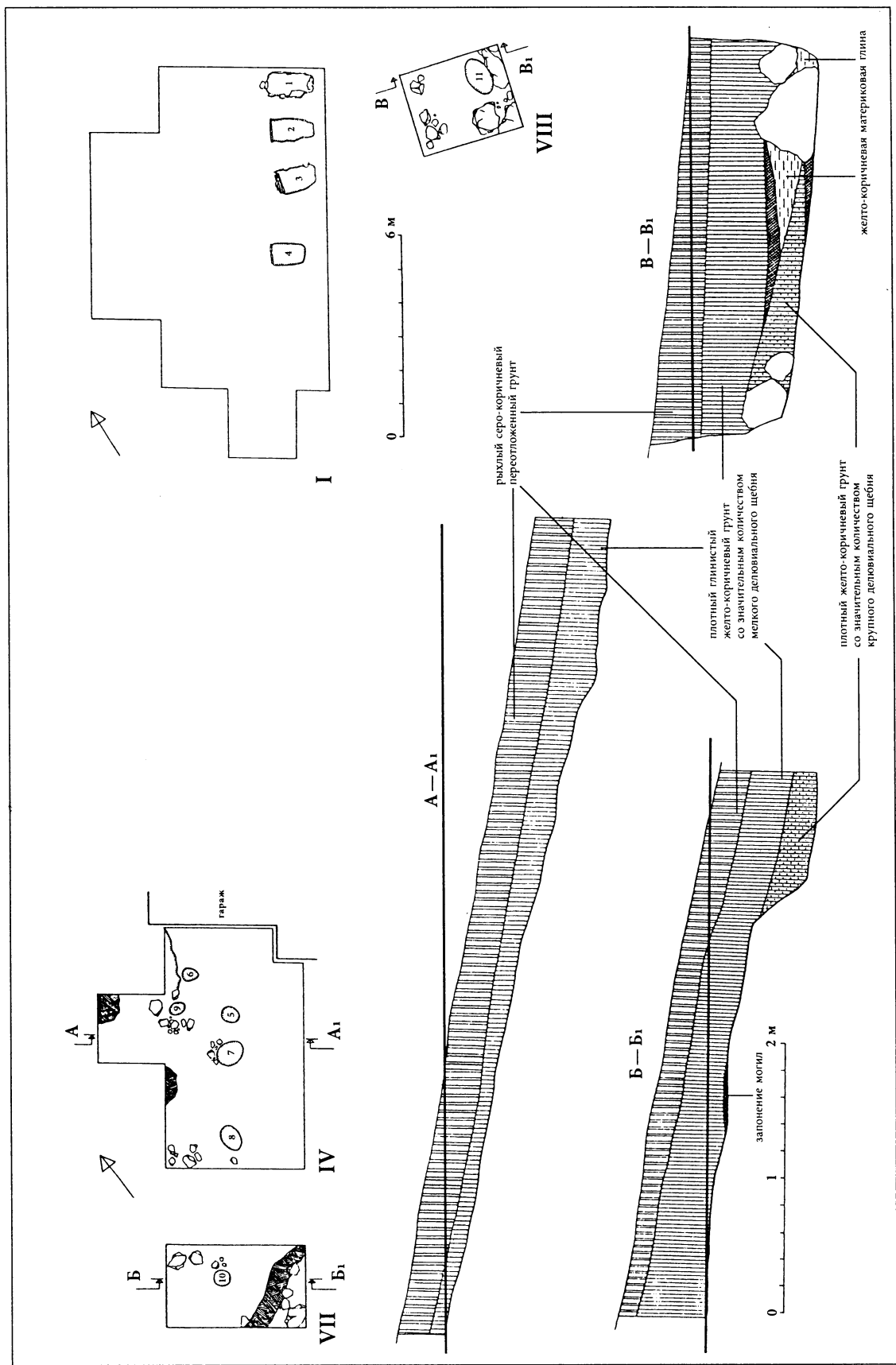

Местоположение Чатыр-Дагского некрополя

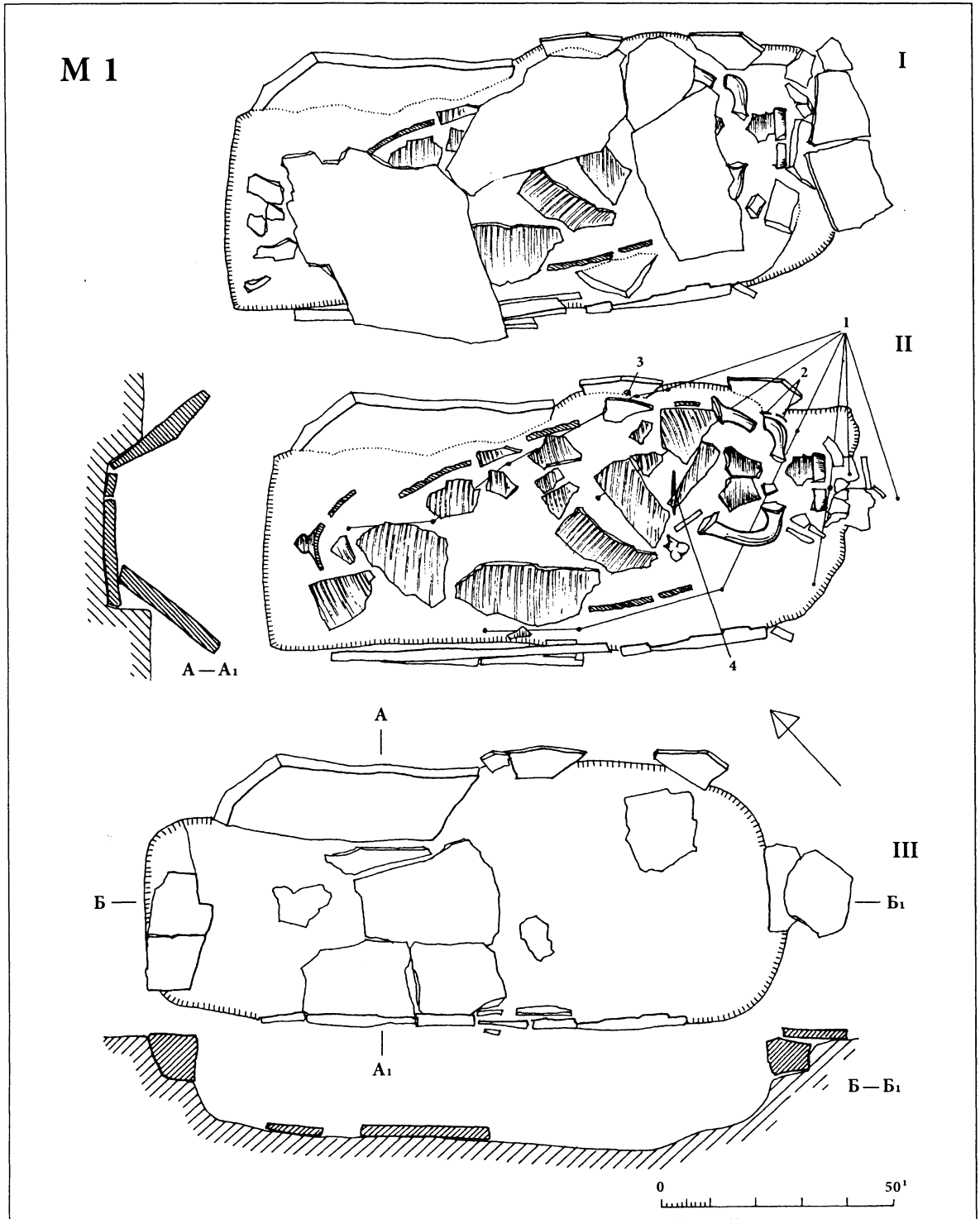

Таб. 1. План территории Чатыр-Дагского некрополя в горизонталях

Таб. 2. Южная часть некрополя. Раскопы I, IV, VII, VIII. Планы, разрезы

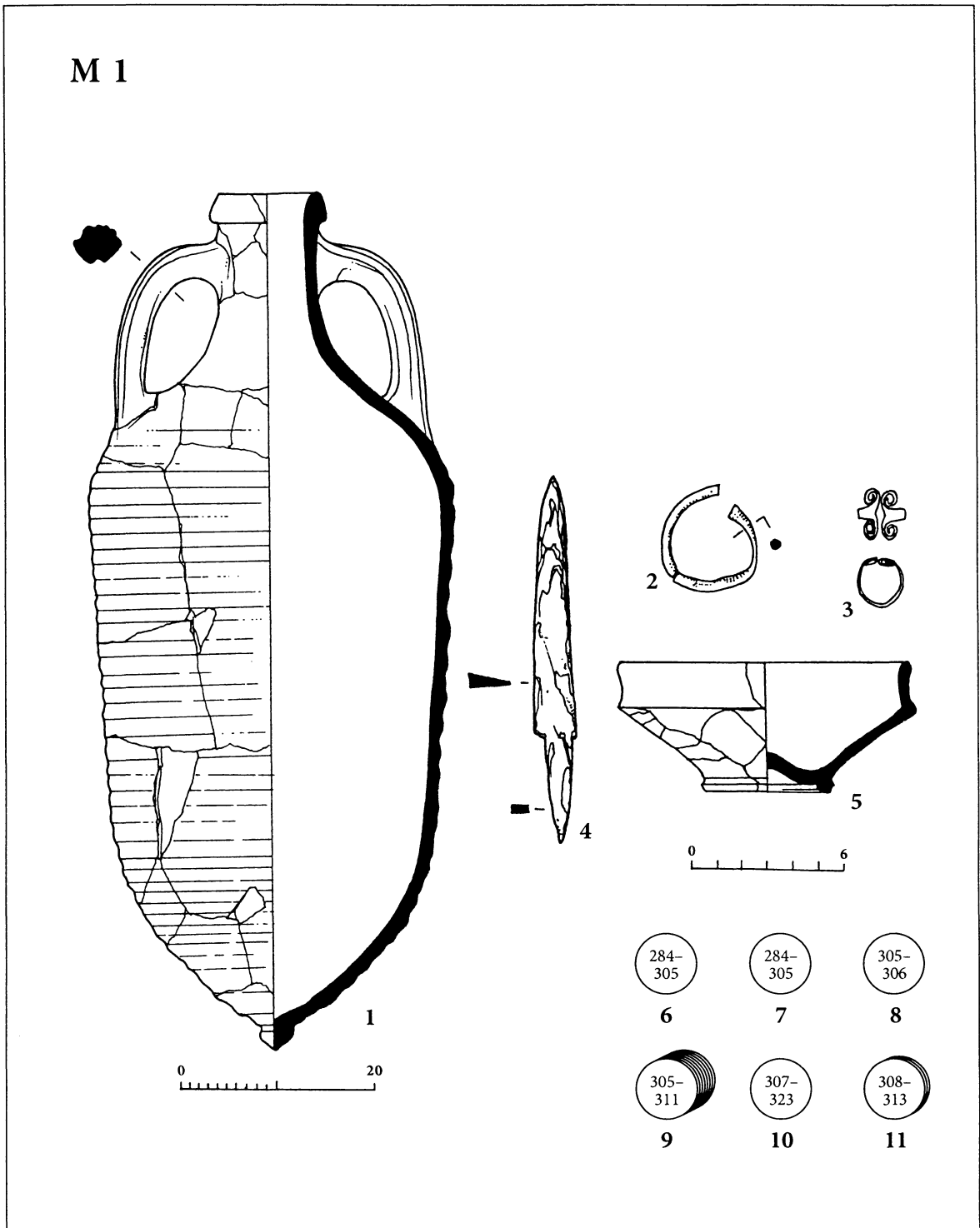

Таб. 3. Могила № 1. Планы, разрезы

I — план могилы на момент ее обнаружения;
 II — план могилы после удаления плит перекрытия;
 III — план могилы после разборки заполнения;
 1 — медные монеты;

2 — обломки бронзового браслета;
 3 — бронзовый перстень;
 4 — нож;
 5 — краснолаковая чашка.

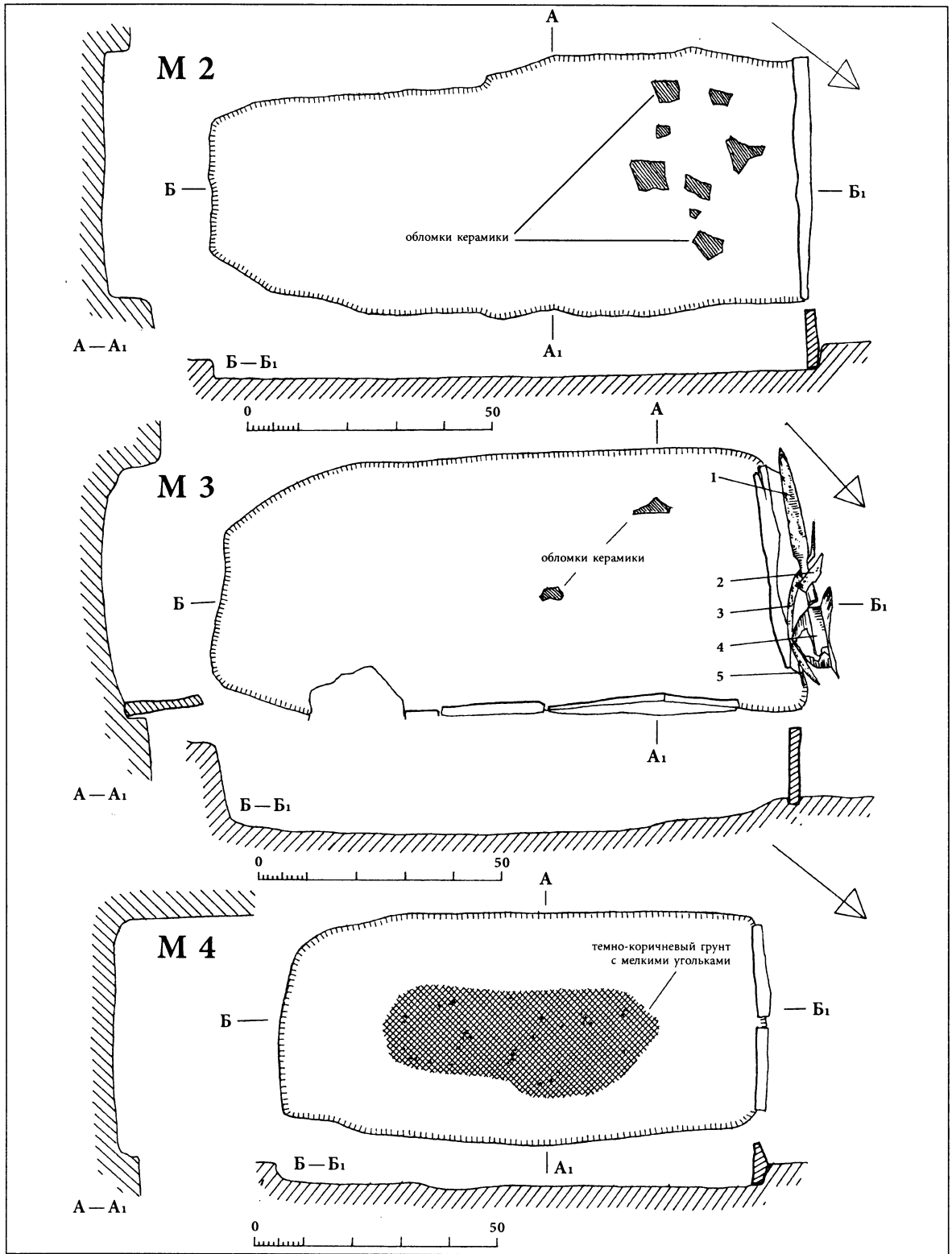
¹ Далее все масштабы даны в сантиметрах.

Таб. 4. Могила № 1. Вещи из заполнения

- 1 — красноглинянная амфора-урна;
- 2 — бронзовый браслет;
- 3 — бронзовый перстень;
- 4 — железный нож;
- 5 — краснолаковая чашка;
- 6 — медная монета Диоклетиана;

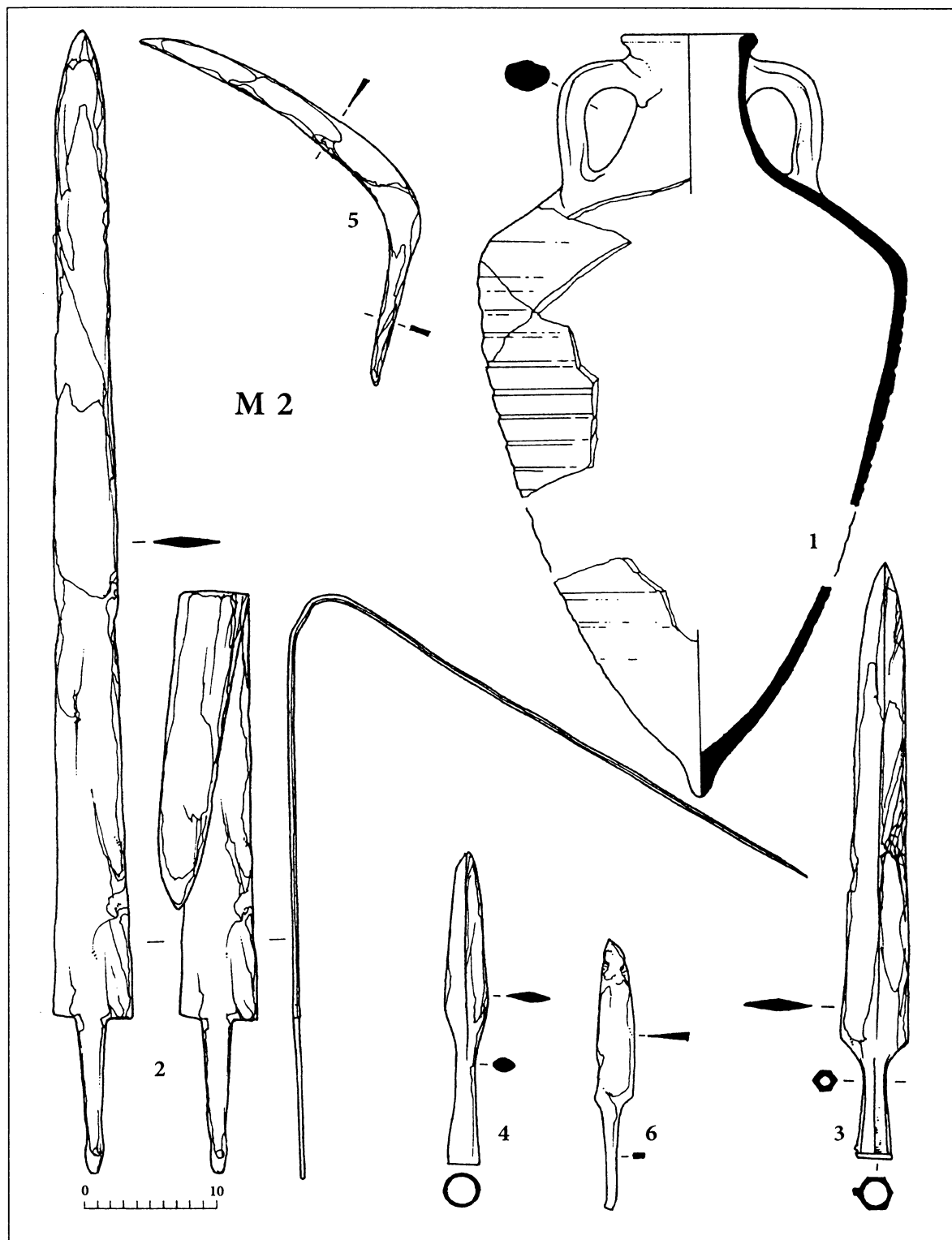
- 7 — медная монета Максимиана;
- 8 — медная монета Констанция Хлора;
- 9 — восемь медных монет Галерия;
- 10 — медная монета Лициния;
- 11 — три медных монеты Максимиана Дайи.

Таб. 5. Могилы №№ 2, 3, 4. Планы, разрезы

1 — железный наконечник копья;
 2 — железный топор;
 3 — железный серп;

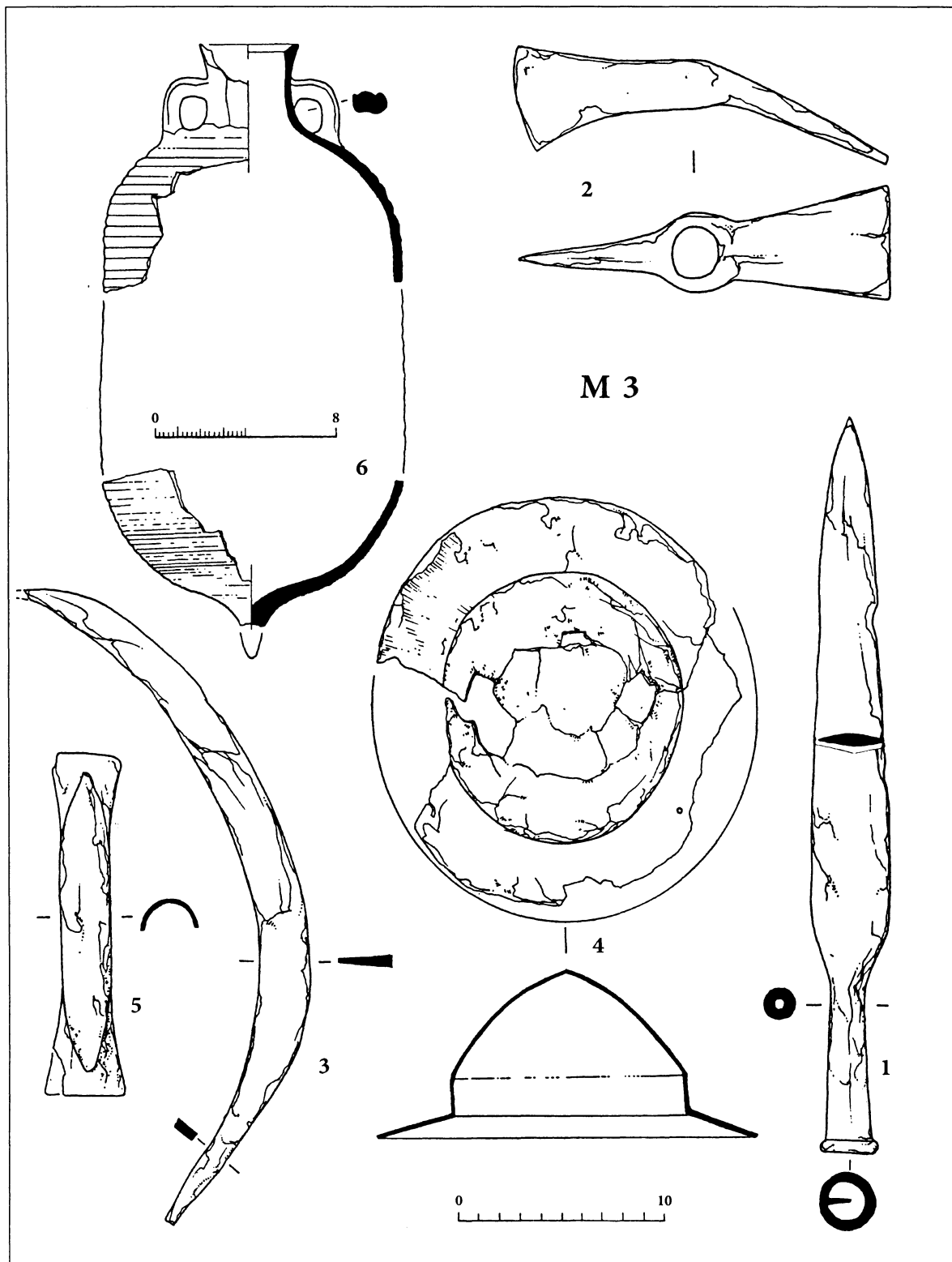
4 — железный умбон;
 5 — железная ручка от щита.

Таб. 6. Могила № 2. Вещи из заполнения

1 — красноглиняная амфора-урна;
 2 — железный меч в согнутом положении,
 как он был помещен в могилу и выпрямлен;
 3 — железный наконечник копья;

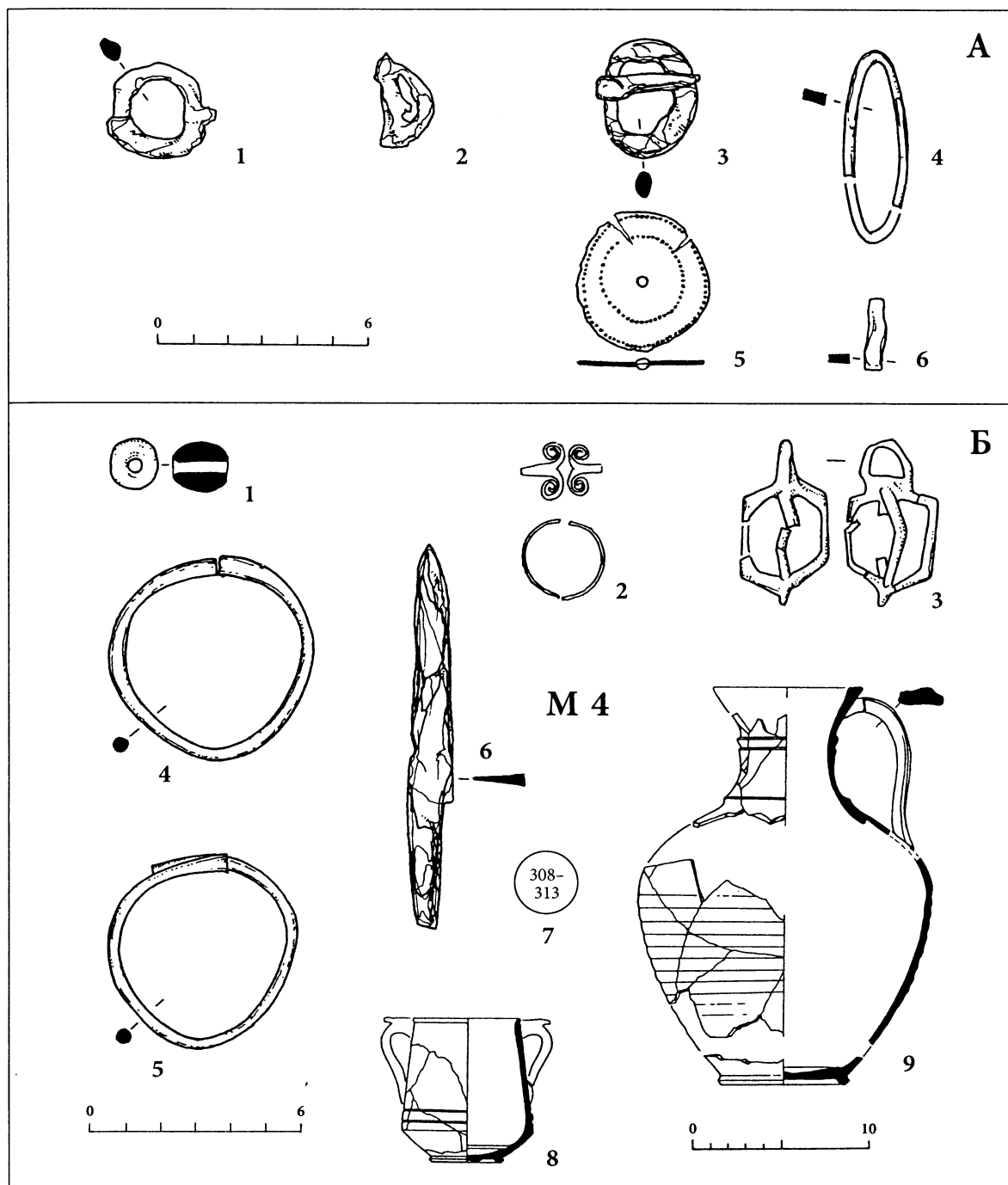
4 — железный наконечник дротика;
 5 — железный серп;
 6 — железный нож.

Таб. 7. Могила № 3. Вещи из заполнения

1 — железный наконечник копья;
2 — железный топор;
3 — железный серп;

4 — железный умбон щита;
5 — железная ручка от щита;
6 — светлоглиняная амфора — урна.

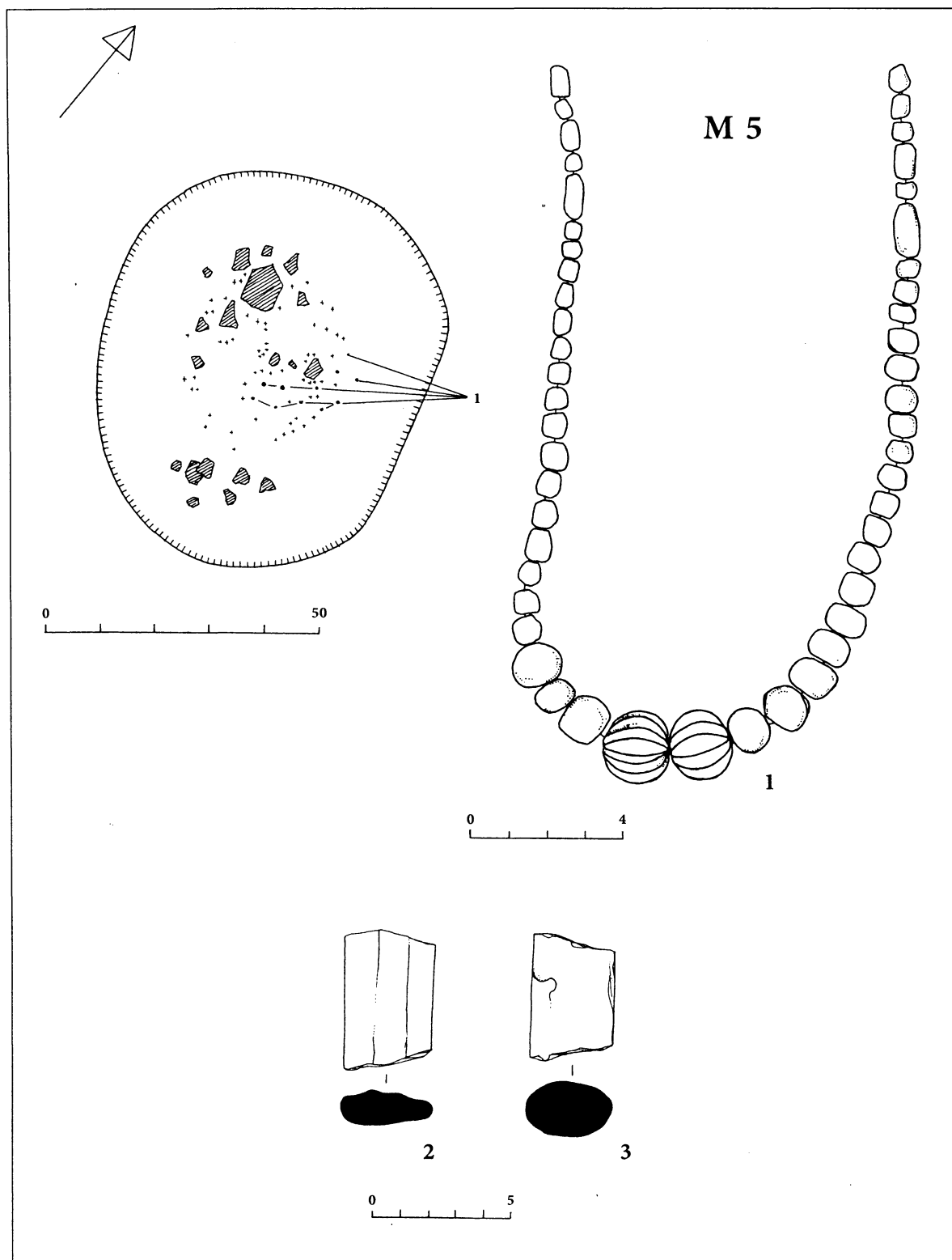
Таб. 8А. *Вещи из отвалов грунта от земляных работ, проводившихся на месте раскопа № 1*

1-3 — железные пряжки;	5 — бронзовая накладка, плакированная золотом с пунсонным орнаментом;
4 — железная обкладка от ножен меча;	6 — бронзовая пластинка из листового металла.

Таб. 8Б. *Предметы из заполнения могилы № 4*

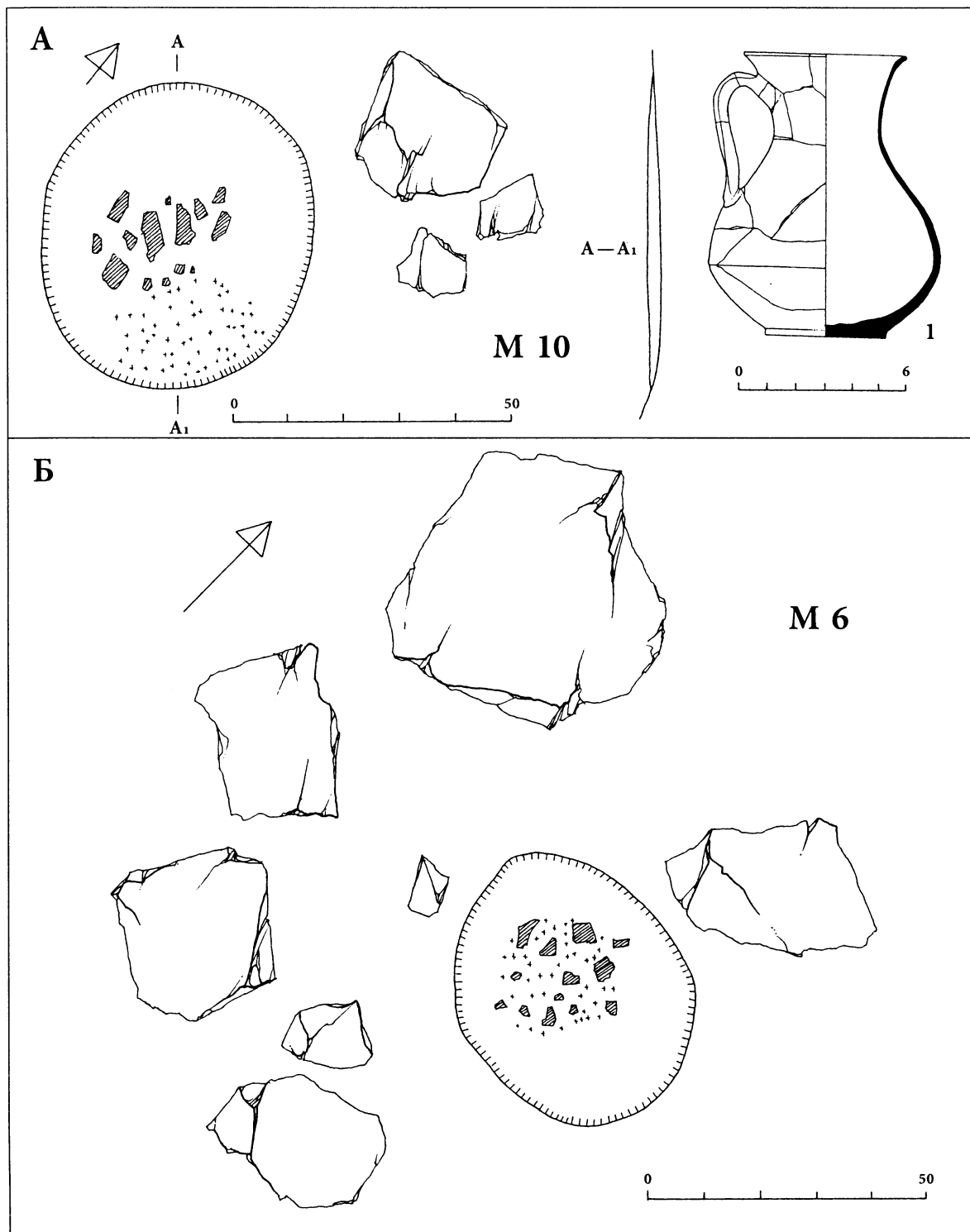
1 — бусина черного стекла;	6 — железный нож;
2 — бронзовый перстень;	7 — бронзовая монета Максимиана Дайи;
3 — «ажурная» бронзовая подвеска;	8 — краснолаковый канфар;
4, 5 — бронзовые браслеты;	9 — краснолаковый кувшин.

Таб. 9. Могила № 5. План. Вещи из заполнения

- 1 — бусы агатовые, из горного хрусталя и голубого фаянса;
 2 — обломок ручки красноглиняного гончарного кувшина;
 3 — обломок ручки лепного сосуда.

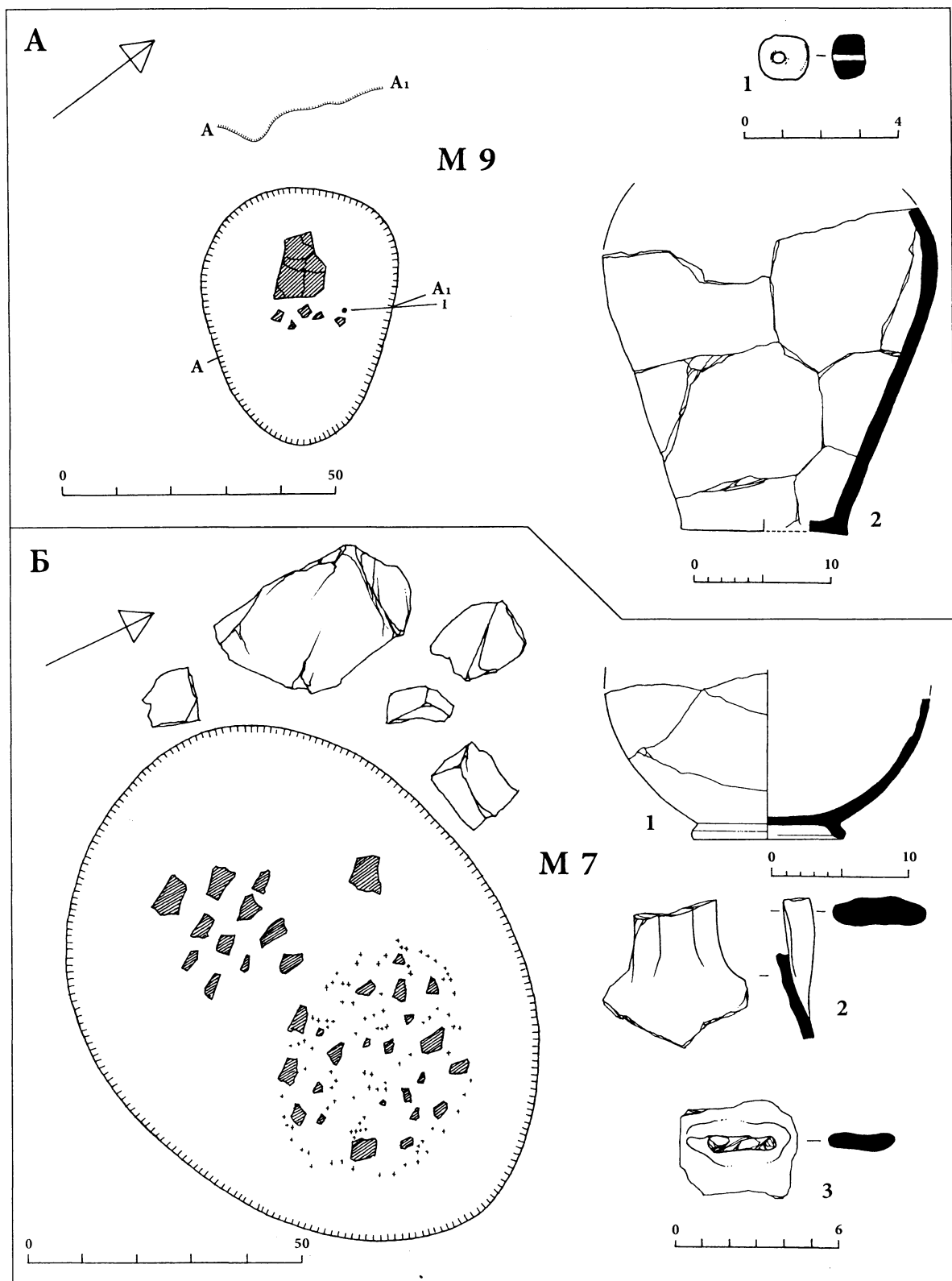
Таб. 10А. Могила № 10. План, разрез. Вещи из заполнения

1 — гончарный сероглиняный кувшин;

▨ — фрагменты керамики;

⊕ — кальцинированные кости.

Таб. 10Б. Могила № 6. План

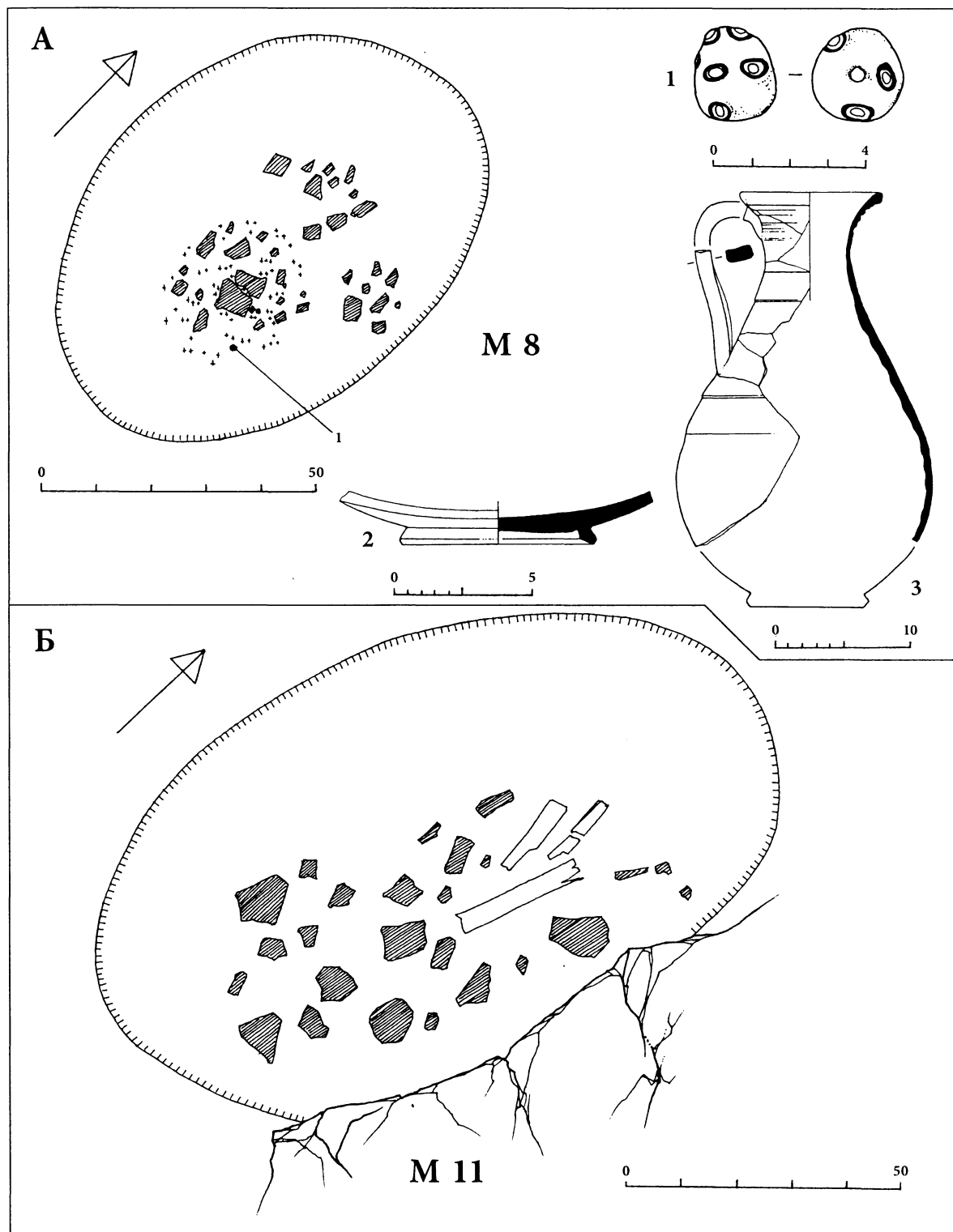

Таб. 11А. Могила № 9. План. Вещи из заполнения

1 — бусина агатовая;
2 — фрагменты лепного сосуда (реконструкция).

Таб. 11Б. Могила № 7. План. Вещи из заполнения

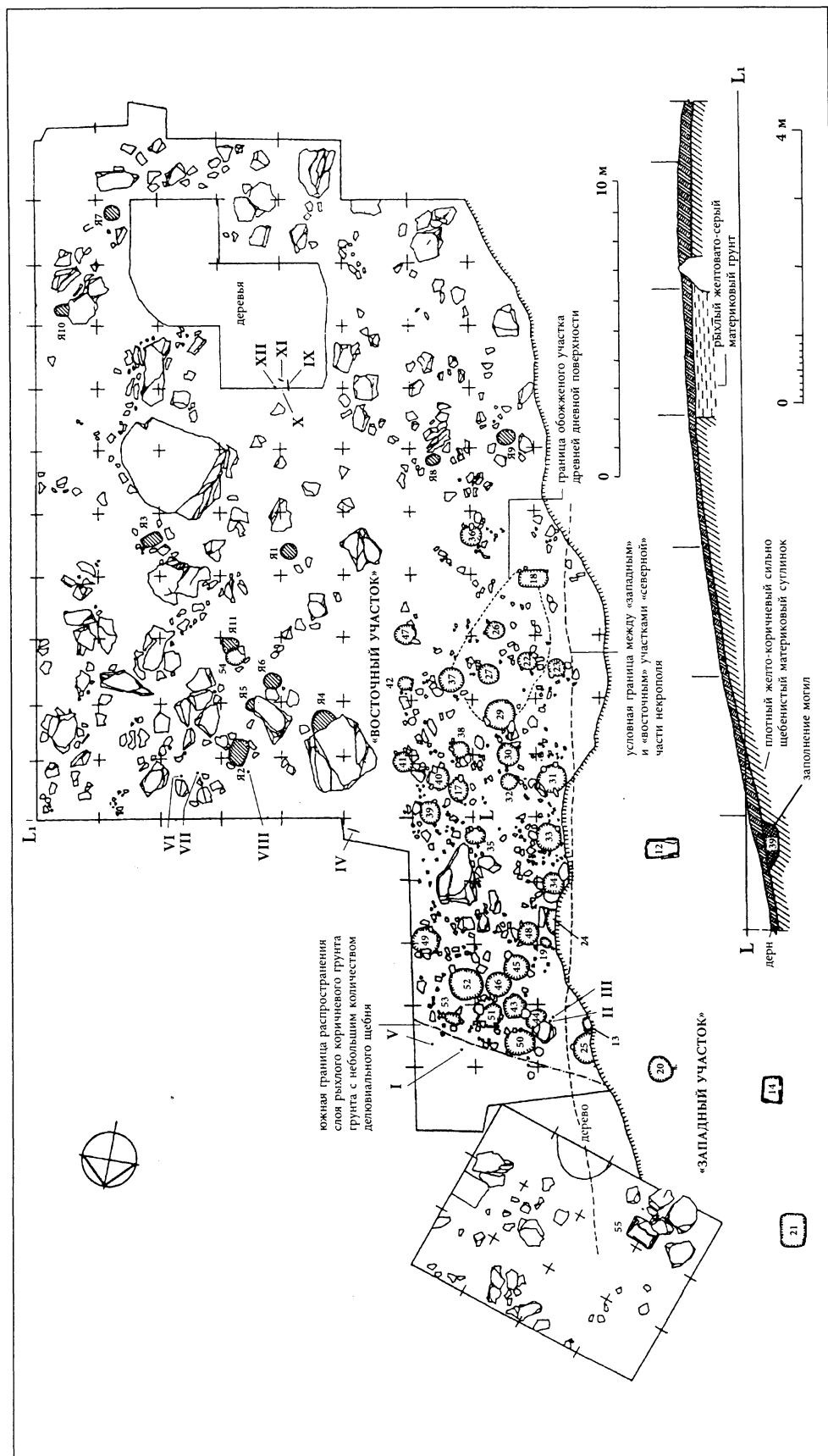
1, 3 — фрагменты красноглиняных кувшинов;
2 — фрагмент ручки светлоглиняной амфоры.

Таб. 12А. Могила № 8. План. Вещи из заполнения

1 — бусина синего стекла с черными глазками, обведенными желтым кружком;
 2, 3 — фрагменты краснолаковых кувшинов (реконструкция).

Таб. 12Б. Могила № 11. План

Таб. 13. Северная часть некрополя. Раскоп IX. План. Разрез. (Находки из верхнего слоя обозначены римскими цифрами)

I-11 — номера ям и поминальников;

12-27, 29-55 — номера могил.

I — подвеска из монеты;

II, III, V — бусы;

VI — железная фибула;

VIII — фрагмент бронзовой фибулы;

VIII — пряслице из стенки гончарного сосуда;

IX — наконечник копья;

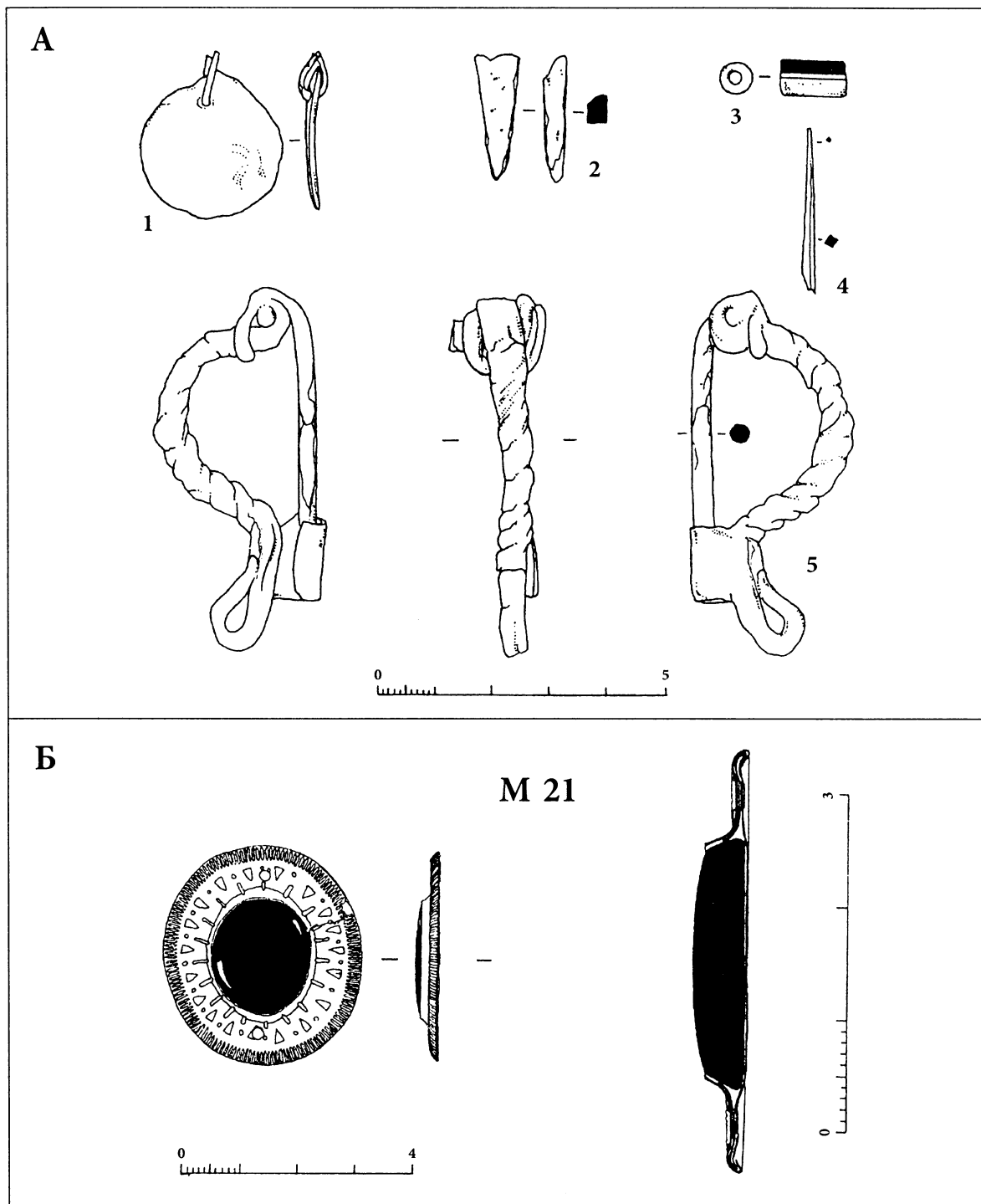
X, IV — ножи;

XI — фрагменты серпа;

XII — шило;

XIII — рамка от пряжки;

XIV — топор;

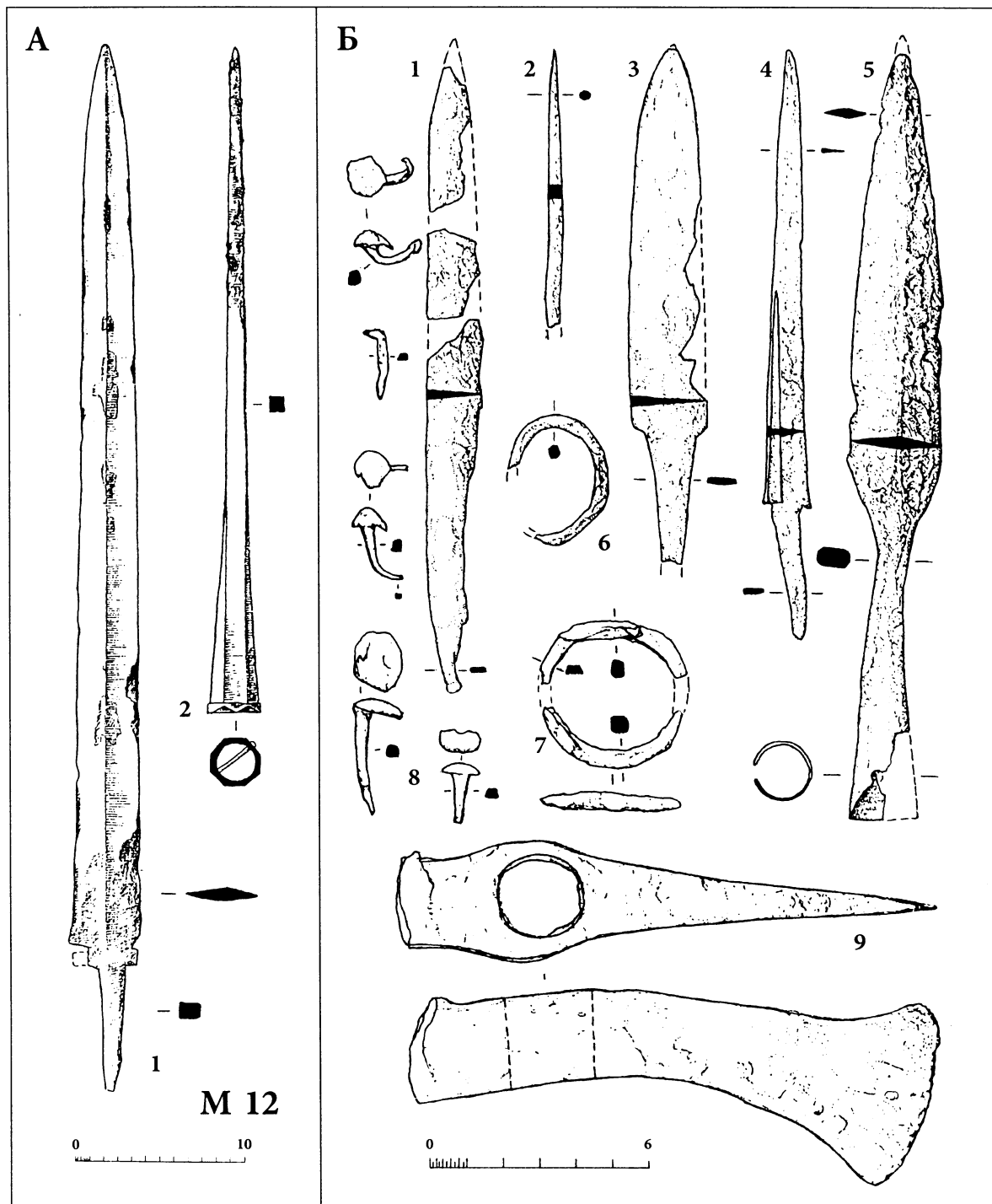

Таб. 14А. Предметы, обнаруженные на древней дневной поверхности «северной» части некрополя и происходящие из разрушенных могил ее «западного» участка

1 — подвеска из бронзовой монеты с железной проволочной петлей;
 2 — обломок остроконечного железного предмета;

3 — стеклянная бусина;
 4 — фрагмент железной иглы;
 5 — железная фибула типа Пильвины.

Таб. 14Б. Бронзовый медальон от браслета с плакировкой снаружи золотой фольгой, с тисненым орнаментом и вставкой сердолика в центре из погребения № 21

Таб. 15А. Предметы из заполнения могилы № 12

1 — железный кинжал;

2 — железный наконечник копья.

Таб. 15Б. Вещи, найденные на древней дневной поверхности «северной» части некрополя

1 — фрагменты железного серпа (реконстр. на рис. 9—4);

6 — обломок рамки железной пряжки;

2 — фрагмент железного шила;

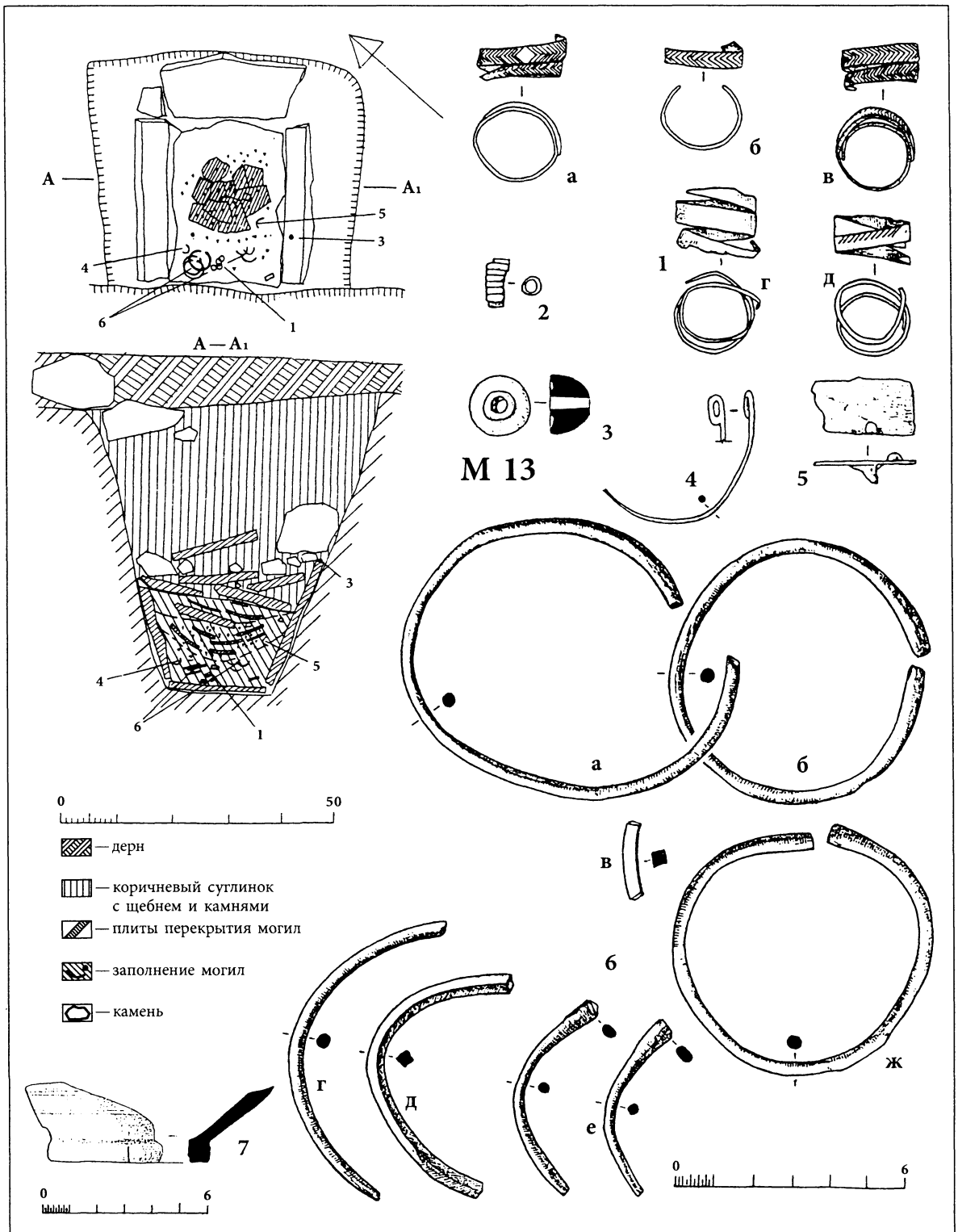
7 — фрагменты железного кольца;

3, 4 — железные ножи;

8 — железные заклепки щита;

5 — железный наконечник копья;

9 — железный топор.

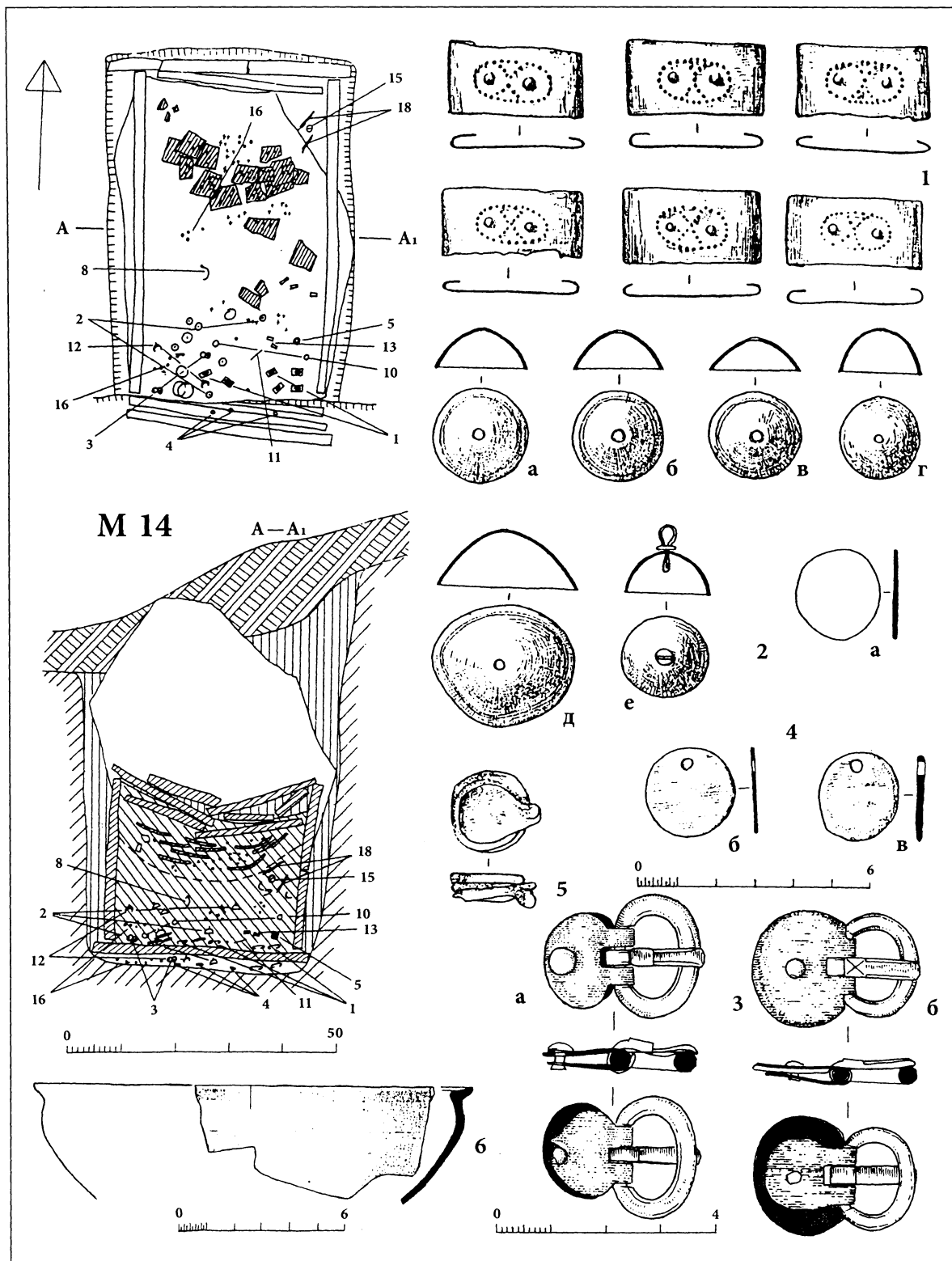

Таб. 16. Могила № 13. План, разрез. Вещи из заполнения

- 1а-д — бронзовые перстни;
- 2 — бронзовая пронизь;
- 3 — свинцовая бусина;
- 4 — бронзовая серьга;

- 5 — пластина бронзовая листового металла с заклепкой;
- 6а-ж — бронзовые браслеты;
- 7 — фрагмент дна краснолакового кувшина.

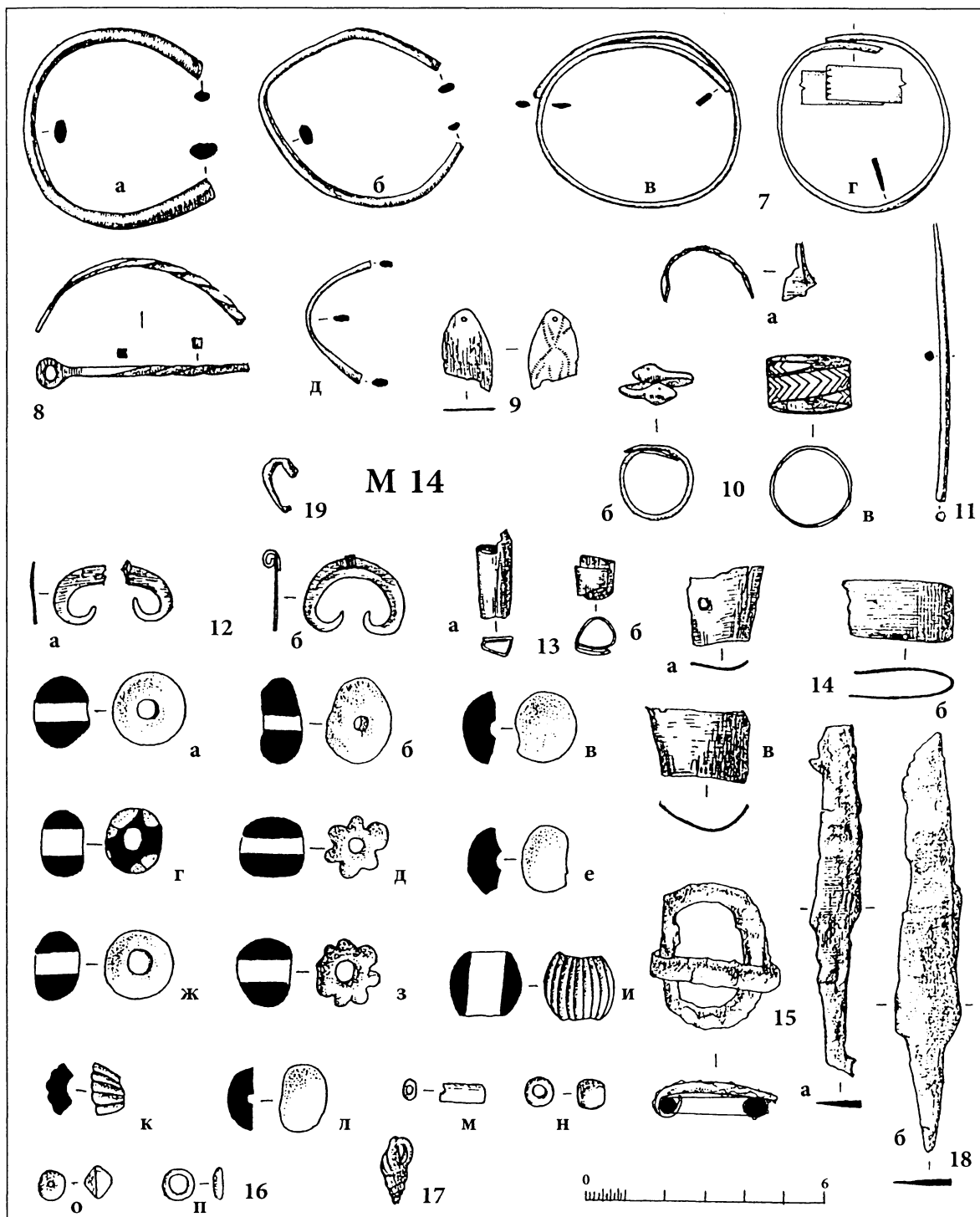

Таб. 17. Могила № 14. План, разрез. Вещи из заполнения

1 — бронзовые накладки на венец;
 2а-е — бронзовые колокольчики;
 3а, б — бронзовые пряжки;

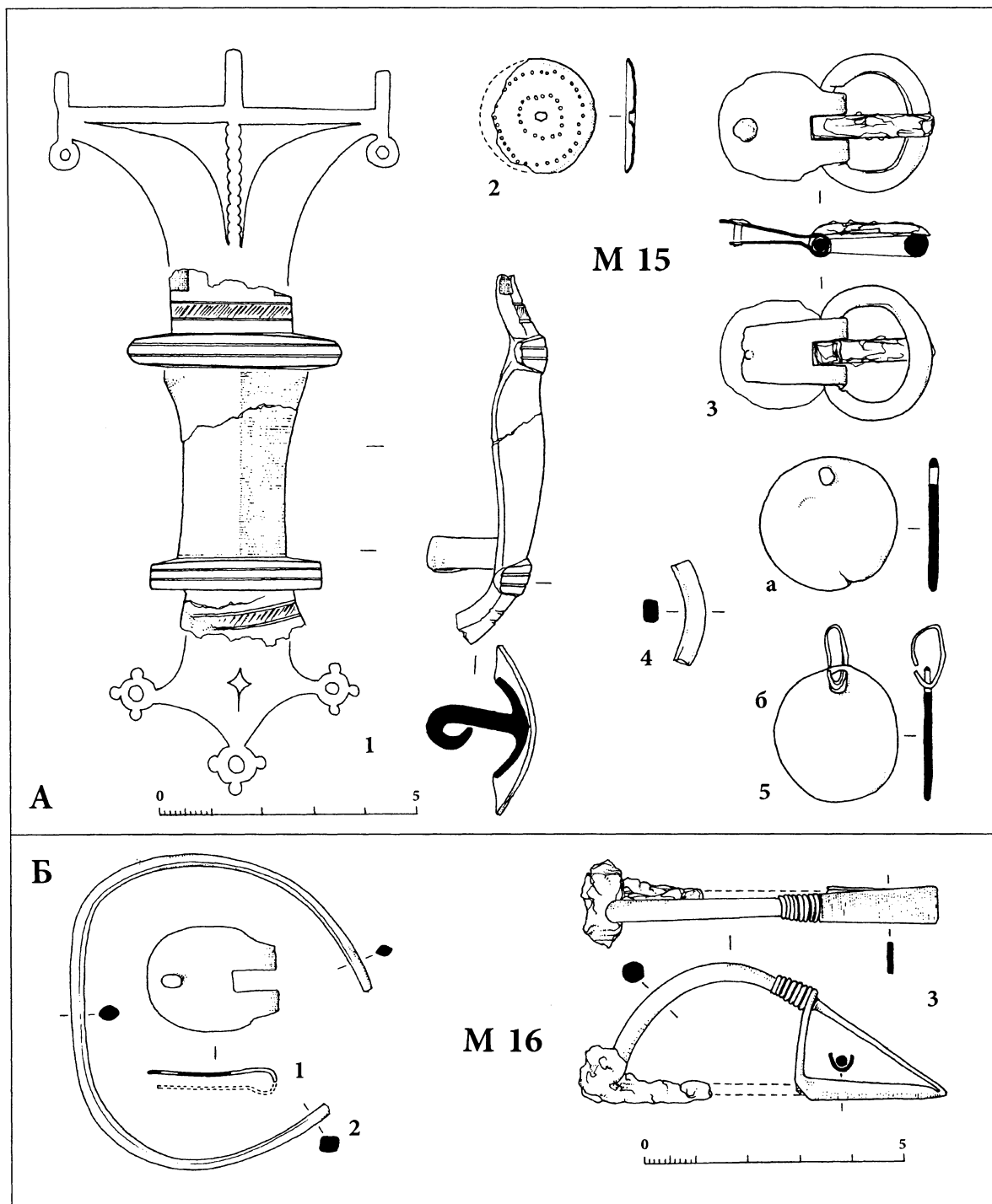
4а-в — подвески из потертых боспорских бронзовых монет;
 5 — слипшиеся в огне бронзовые и серебряные монеты;
 6 — фрагмент краснолаковой чашки.

Таб. 18. Могила № 14. Вещи из заполнения

7а-д—бронзовые браслеты;
 8—фрагмент бронзовой гривны;
 9—бронзовая подвеска;
 10а-в—бронзовые перстни и кольца;
 11—бронзовая игла;
 12а-б—бронзовые подвески—«лунницы»;
 13а-б—бронзовые проны;

14а-в—бронзовые пластины листового металла
 неясного назначения;
 15—железная пряжка;
 16а-п—бусы стеклянные и фаянсовые;
 17—подвеска из раковины морского моллюска;
 18а-б—железные ножи.

Таб. 19А. Могила № 15. Вещи из заполнения

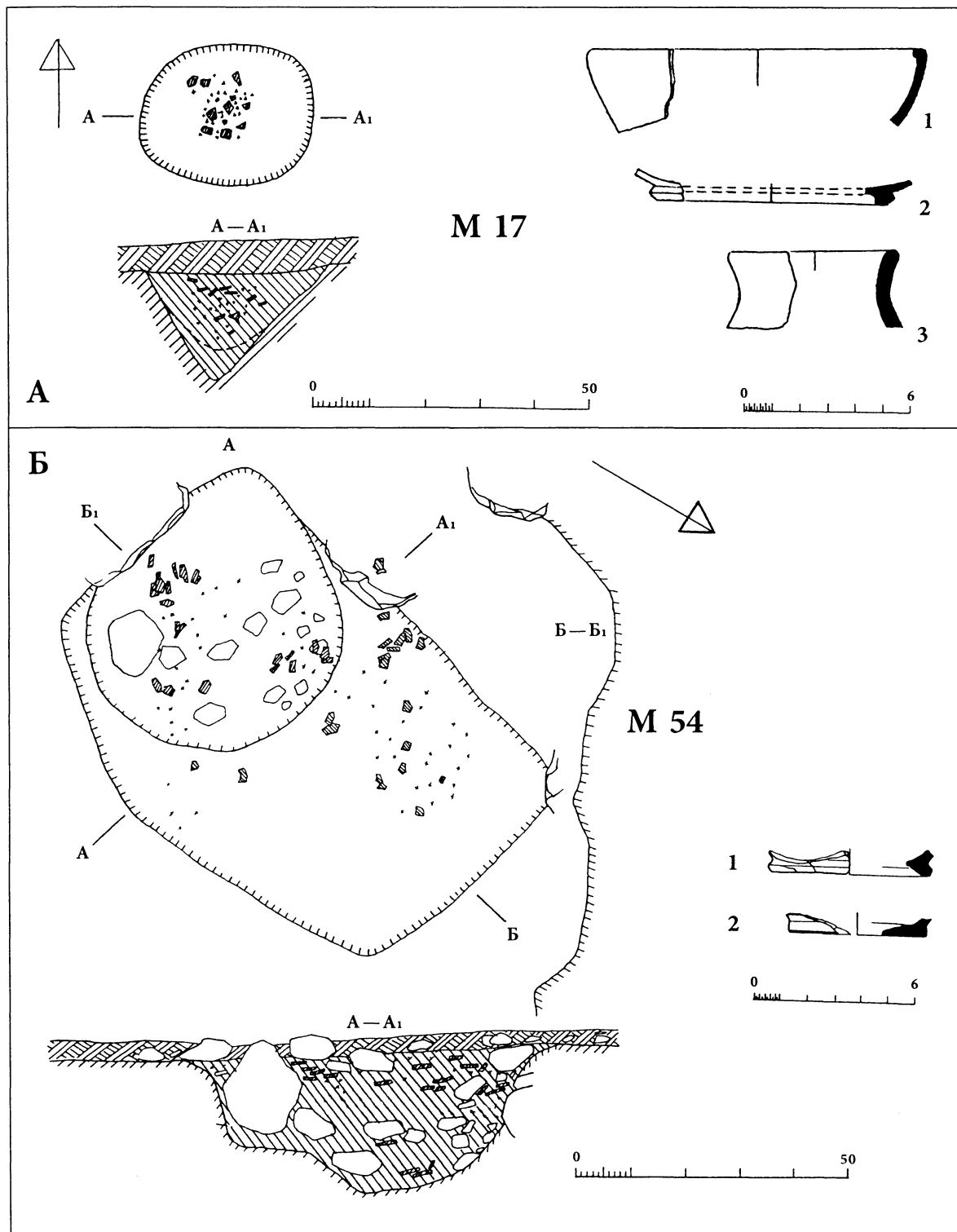
- 1 — бронзовая перекладчатая фибула;
 2 — бронзовая бляшка;
 3 — бронзовая пряжка;

- 4 — фрагмент бронзового браслета;
 5а-б — потертые боспорские монеты.

Таб. 19Б. Могила № 16. Вещи из заполнения

- 1 — щиток бронзовой пряжки;
 2 — бронзовый браслет;

- 3 — бронзовая фибула с железной пружиной и иглой.

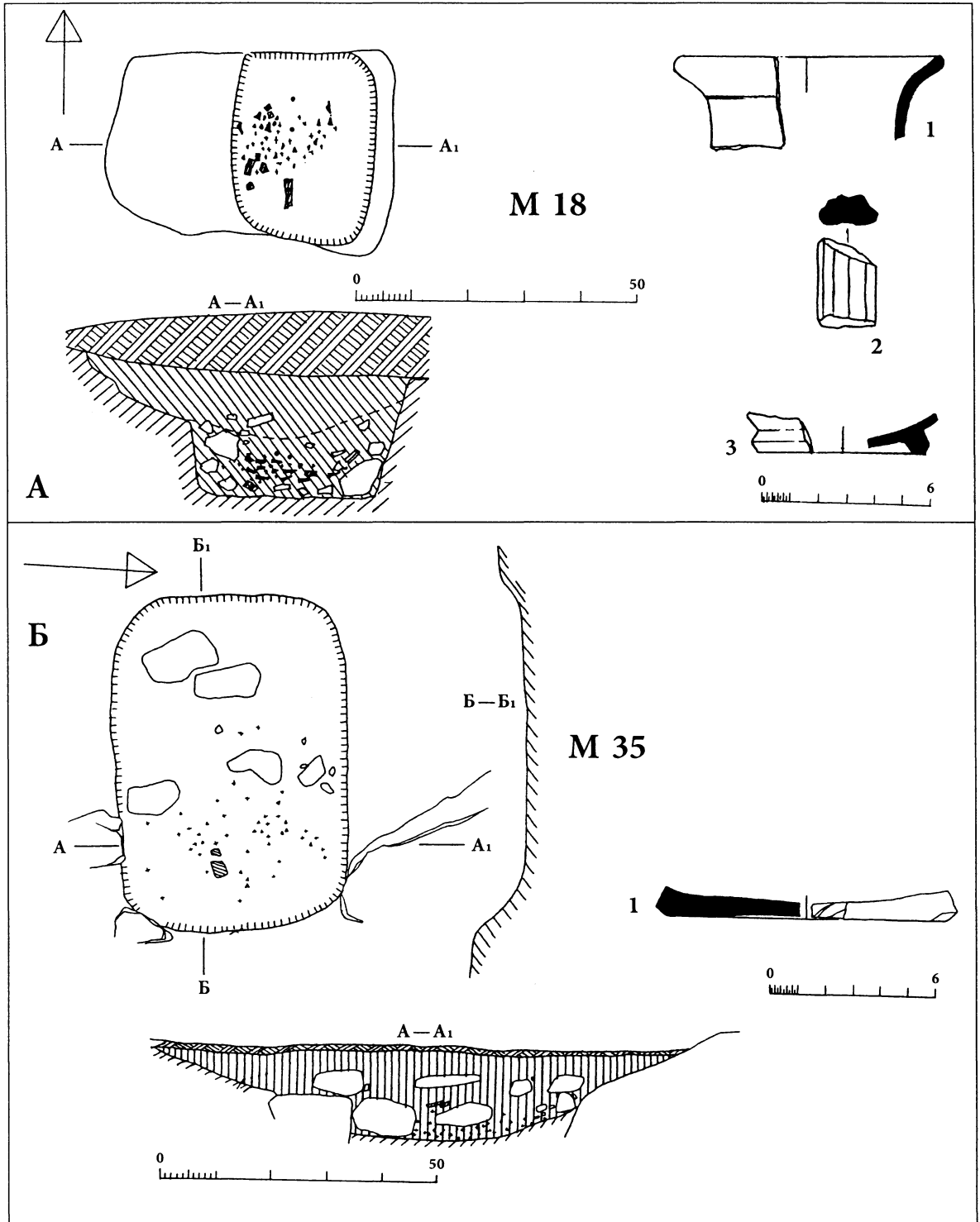
Таб. 20А. Могила № 17. План, разрез. Вещи из заполнения

1, 3—фрагменты лепной керамики;

2—фрагмент дна краснолакового гончарного сосуда.

Таб. 20Б. Могила № 54. План, разрез. Вещи из заполнения

1-2—фрагменты днищ краснолаковых сосудов.

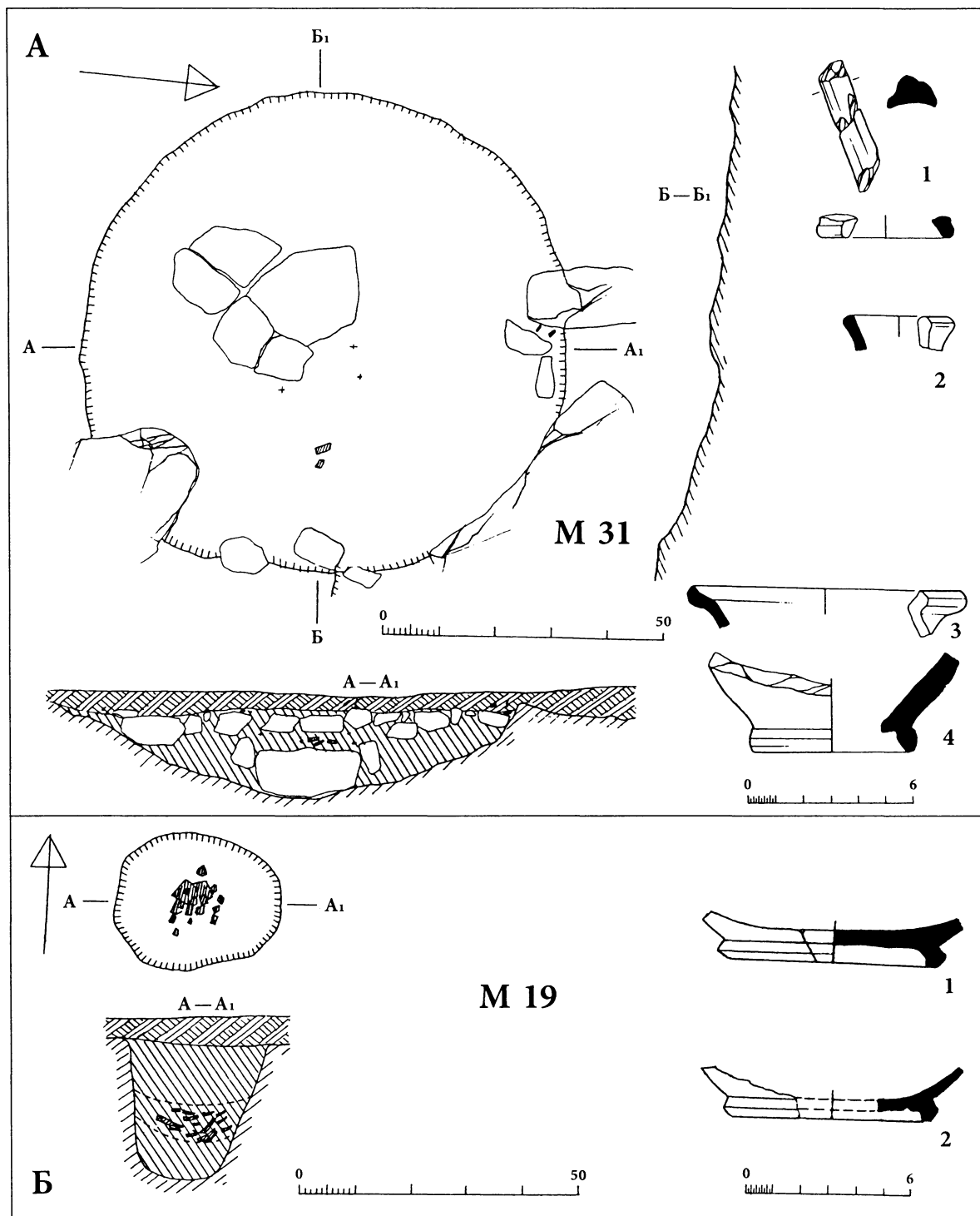

Таб. 21А. Могила № 18. План, разрез. Вещи из заполнения

1 — фрагменты верхней части краснолакового кувшина; 3 — фрагмент придонной части краснолакового кувшина.
2 — фрагмент желобчатой ручки краснолакового кувшина;

Таб. 21Б. Могила № 35. План, разрез. Вещи из заполнения

1 — фрагмент дна лепного коричневоглиняного сосуда.

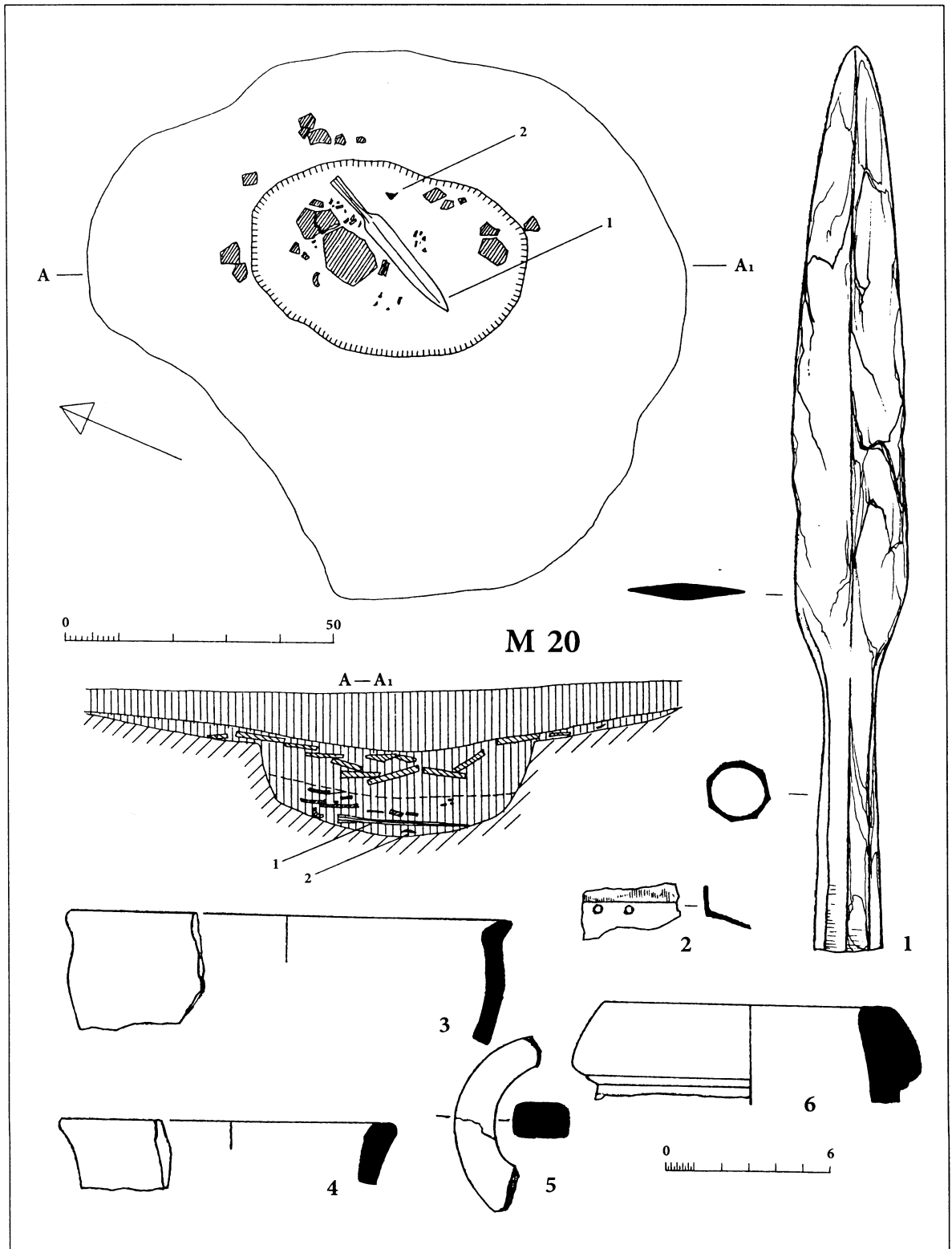

Таб. 22А. Могила № 31. План, разрез. Вещи из заполнения

1 — фрагмент дна и желобчатой ручки краснолакового кувшина;	3 — фрагмент верхней части краснолакового кувшина;
2 — фрагмент венчика краснолакового кувшина;	4 — фрагмент придонной части краснолакового сосуда.

Таб. 22Б. Могила № 19. План, разрез. Вещи из заполнения

- 1-2 — фрагменты донных частей краснолаковых сосудов.

Таб. 23. Могила № 20. План, разрез. Вещи из заполнения

1 — железный наконечник копья;

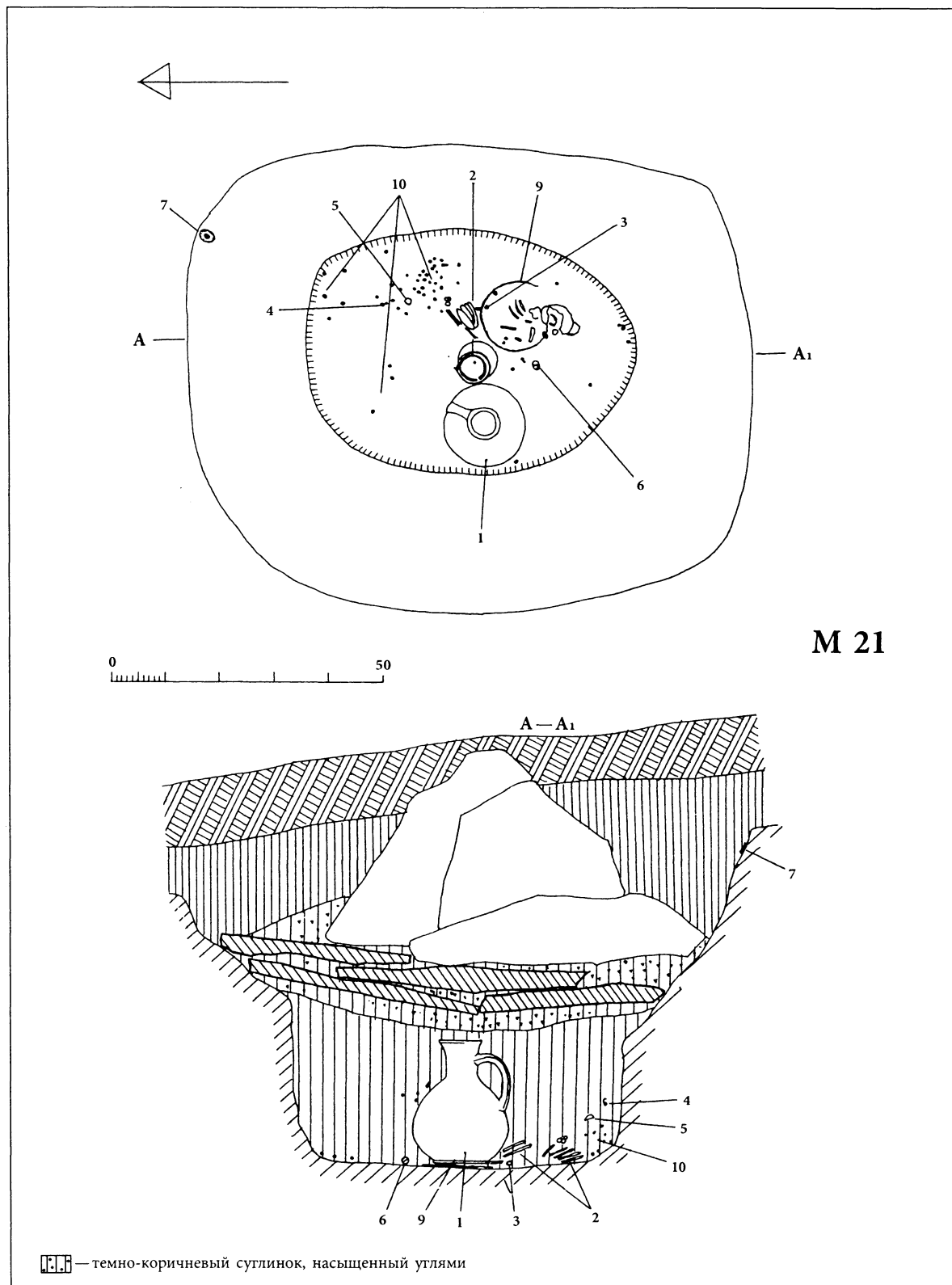
2 — фрагмент железного умбона;

3 — фрагмент верхней части краснолакового сосуда;

4 — фрагмент верхней части лепного кувшина;

5 — фрагмент ручки лепного сосуда;

6 — фрагмент венчика красноглиняной амфоры.

Таб. 24. Могила № 21. План и разрез

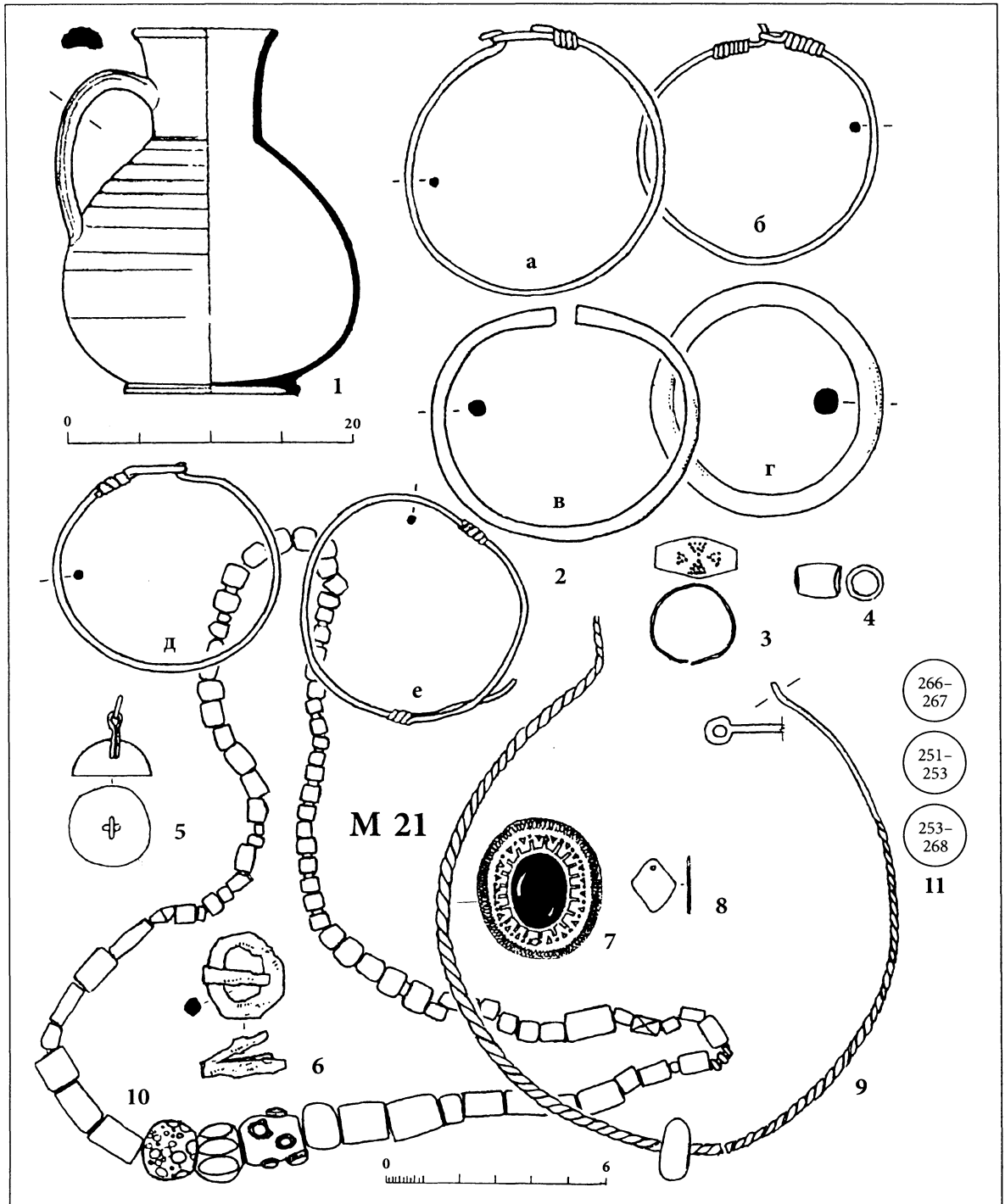
1 — кувшин;
2 — браслеты;

3 — перстень;
4, 10 — бусы;

5 — колокольчик;
6 — пряжка;

7 — фрагмент браслета;
9 — гривна.

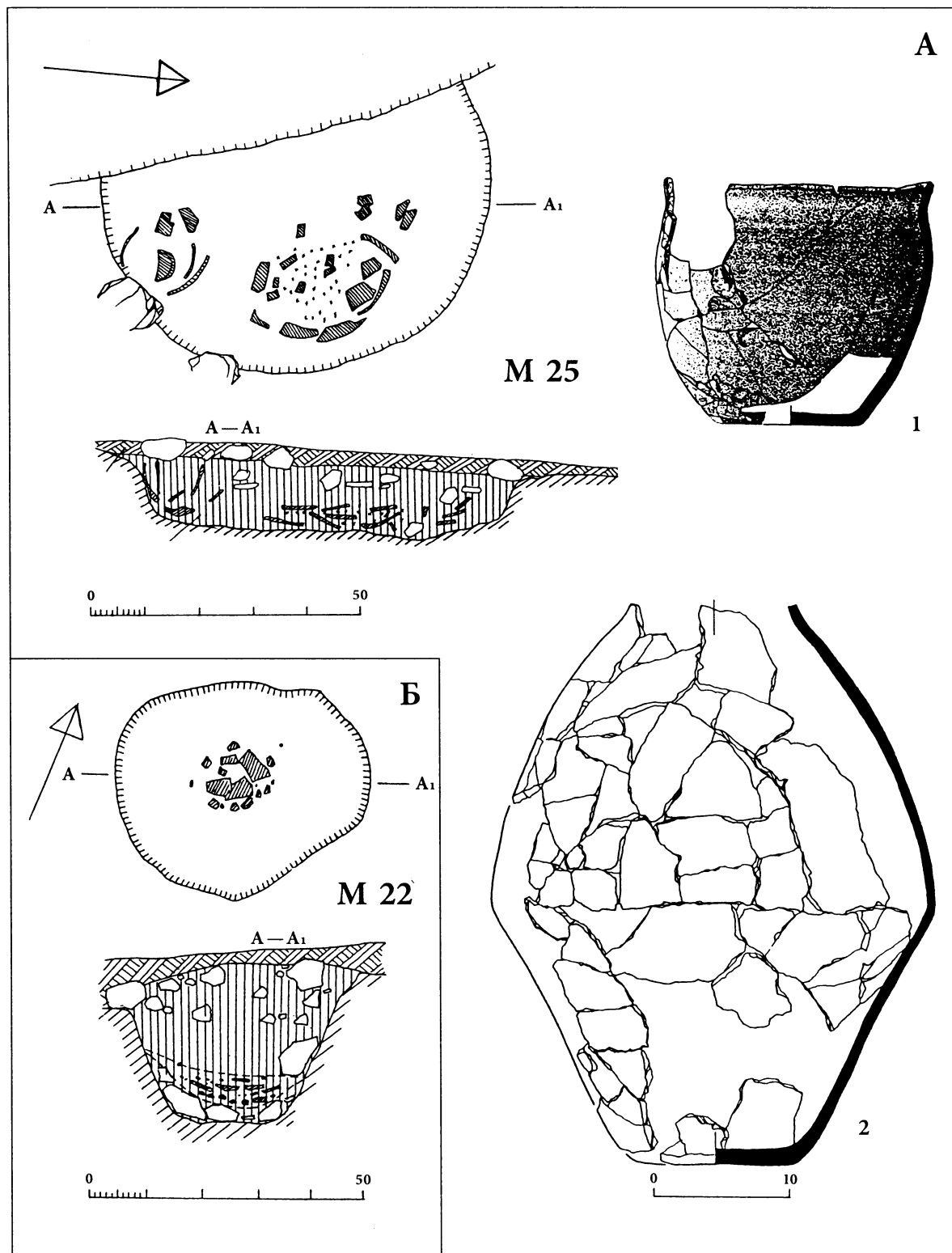

Таб. 25. Могила № 21. Вещи из заполнения

1 — краснолаковый кувшин;
 2а-е — бронзовые браслеты;
 3 — бронзовый перстень;
 4 — бронзовая бочкоковидная бусина;
 5 — бронзовый колокольчик;
 6 — железная пряжка;
 7 — медальон браслета бронзовый, плакированный золотой накладкой, с сердоликовой вставкой в центре;

8 — серебряная подвеска;
 9 — бронзовая гривна с пастовой бусиной черного цвета;
 10 — стеклянные бусы;
 11 — монеты: статер Рескупорида IV (266/267 гг.), антонин Требониана Галла (251–253 гг.), антонин Галлиена (253–268 гг.)

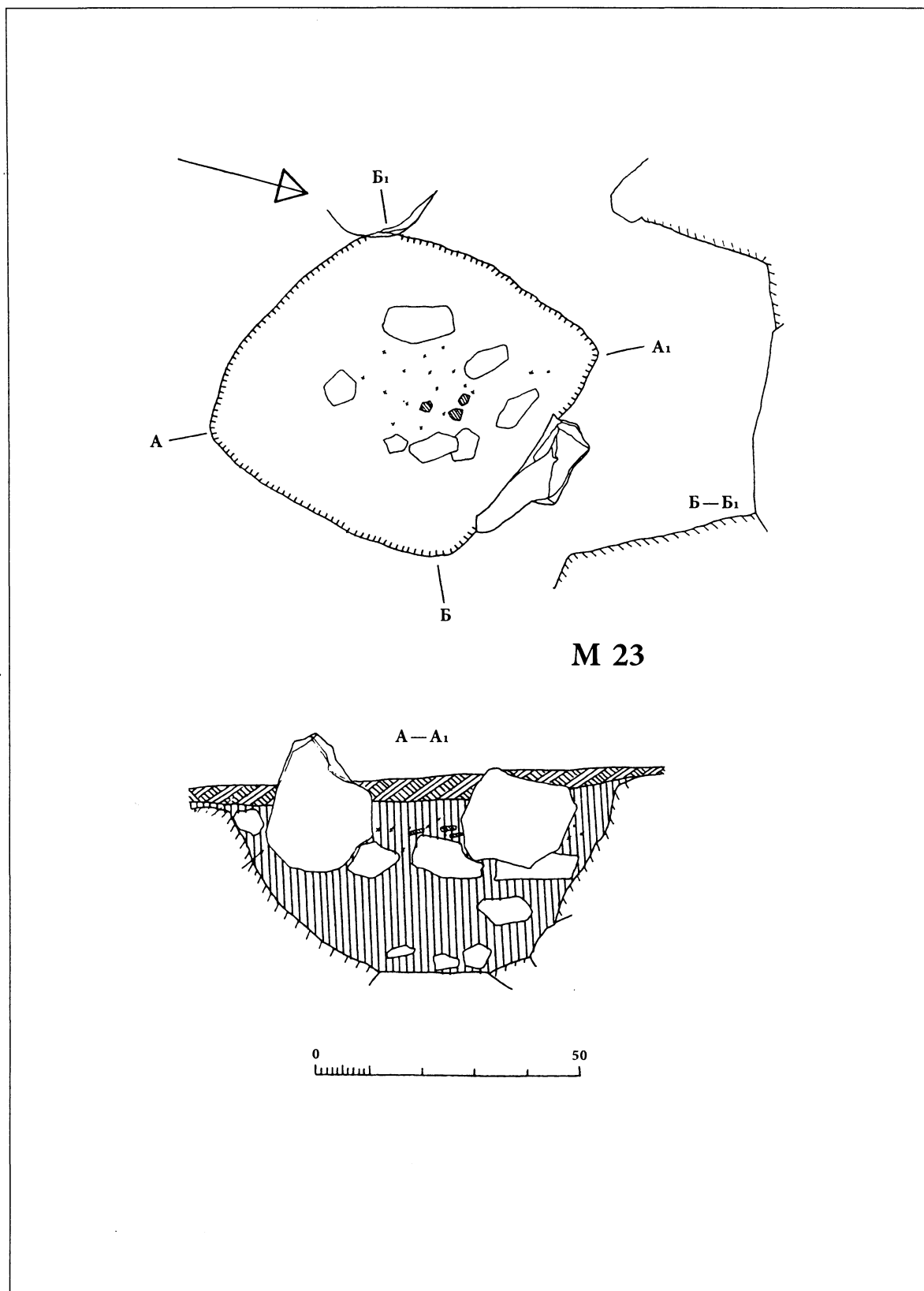

Таб. 26А. Могила № 25. План, разрез. Вещи из заполнения

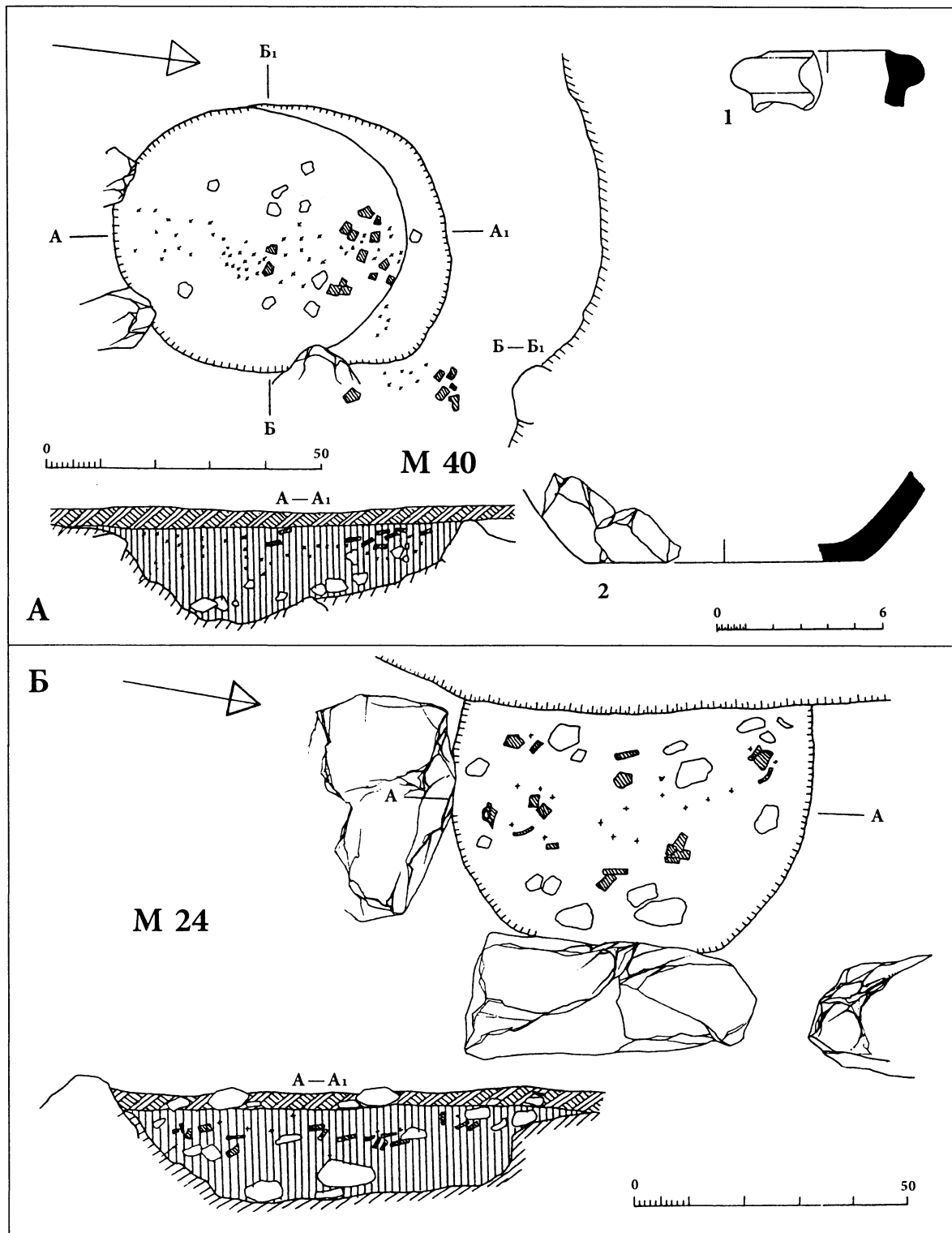
1 — лепной горшок;

2 — лепной сосуд — урна.

Таб. 26Б. Могила № 22. План, разрез

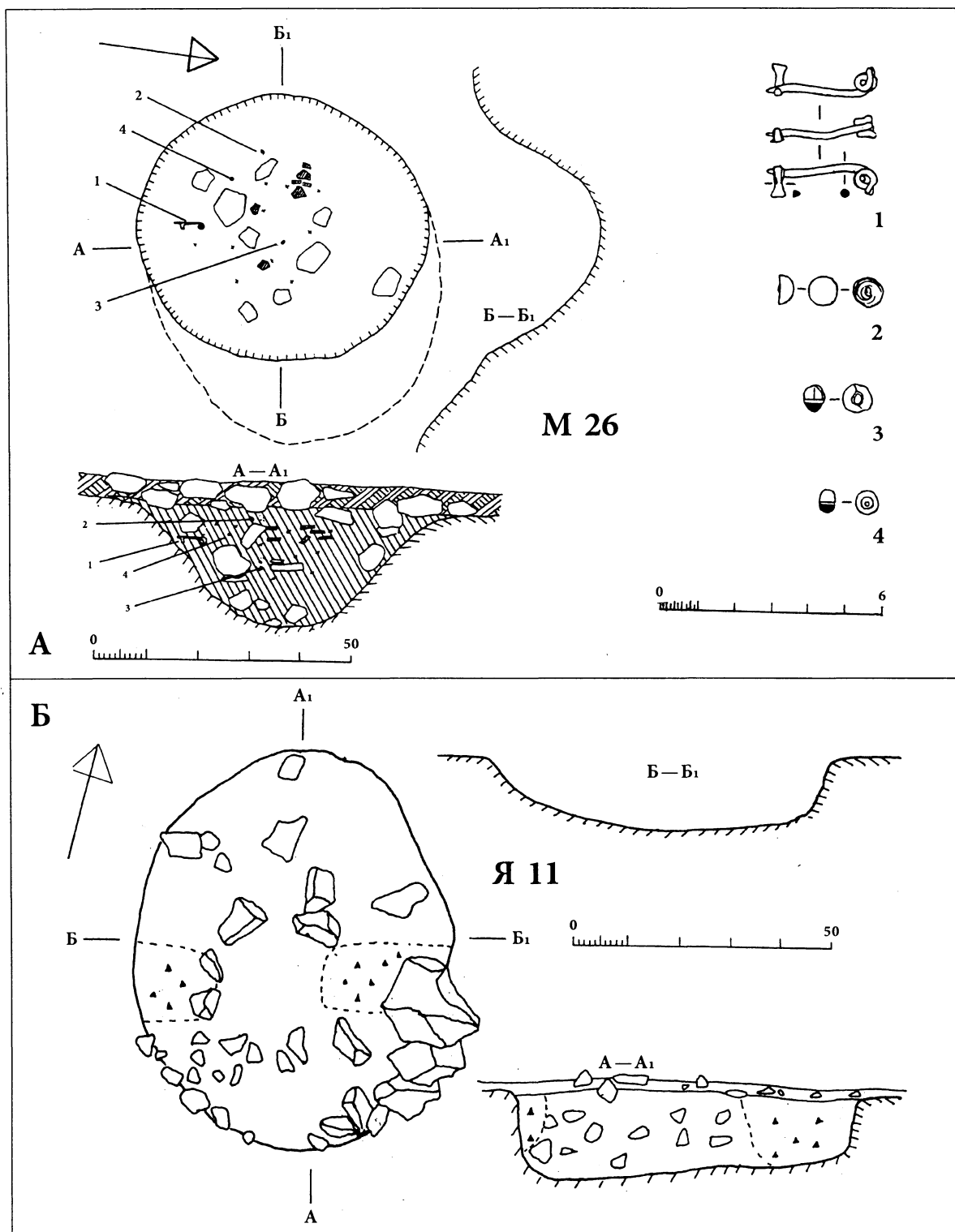
Таб. 27. Могила № 23. План, разрезы

Таб. 28А. Могила № 40. План, разрез. Вещи из заполнения

- 1 — фрагмент венчика светлоглиняной узкогорлой амфоры;
- 2 — обломок донной части коричневоглиняного лепного сосуда.

Таб. 28Б. Могила № 24. План, разрез

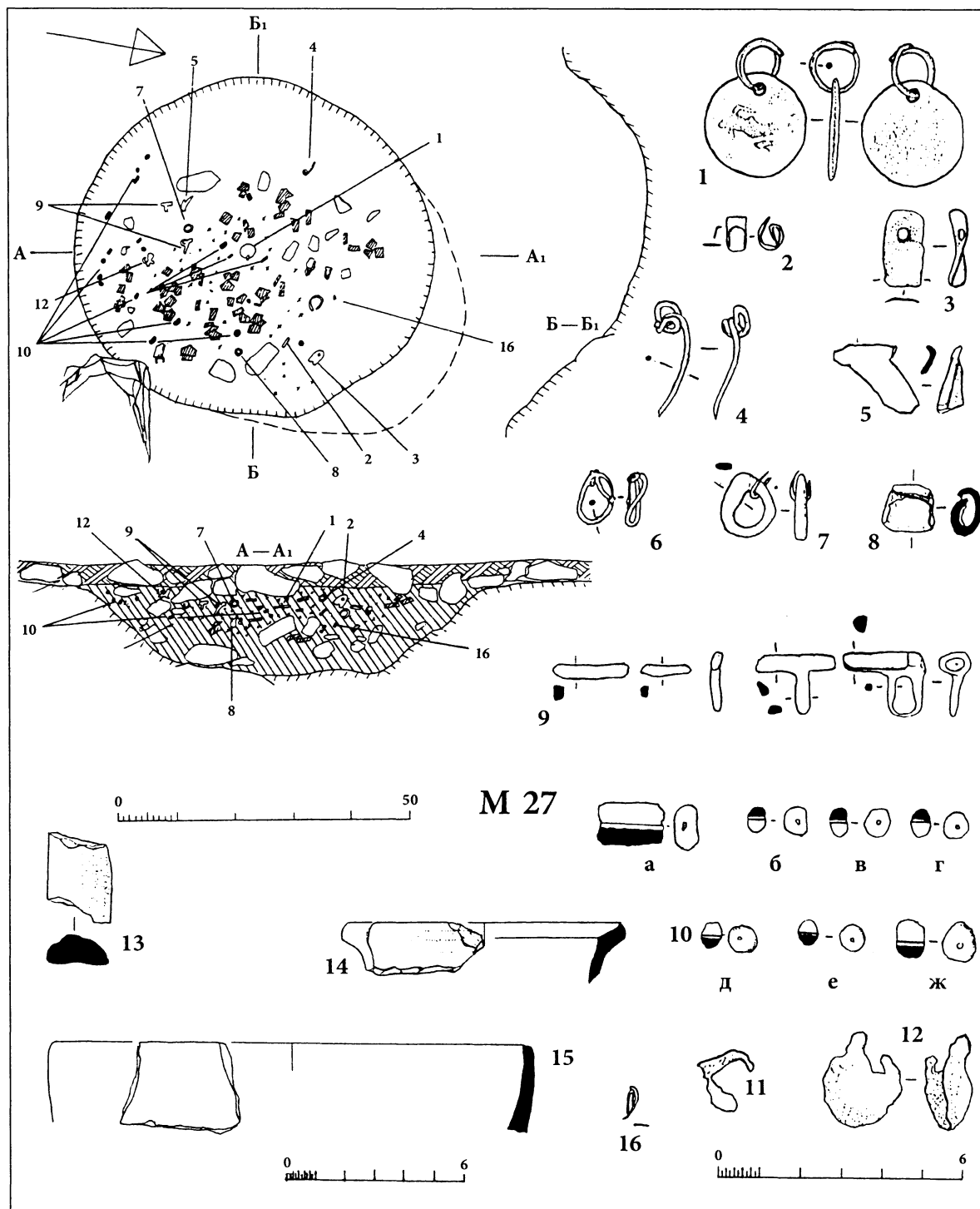

Таб. 29А. Могила № 26. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — фрагмент бронзовой смычковой фибулы;
2 — стеклянная вставка от перстня сиреневого стекла;

3, 4 — стеклянные бусы белого и синего стекла.

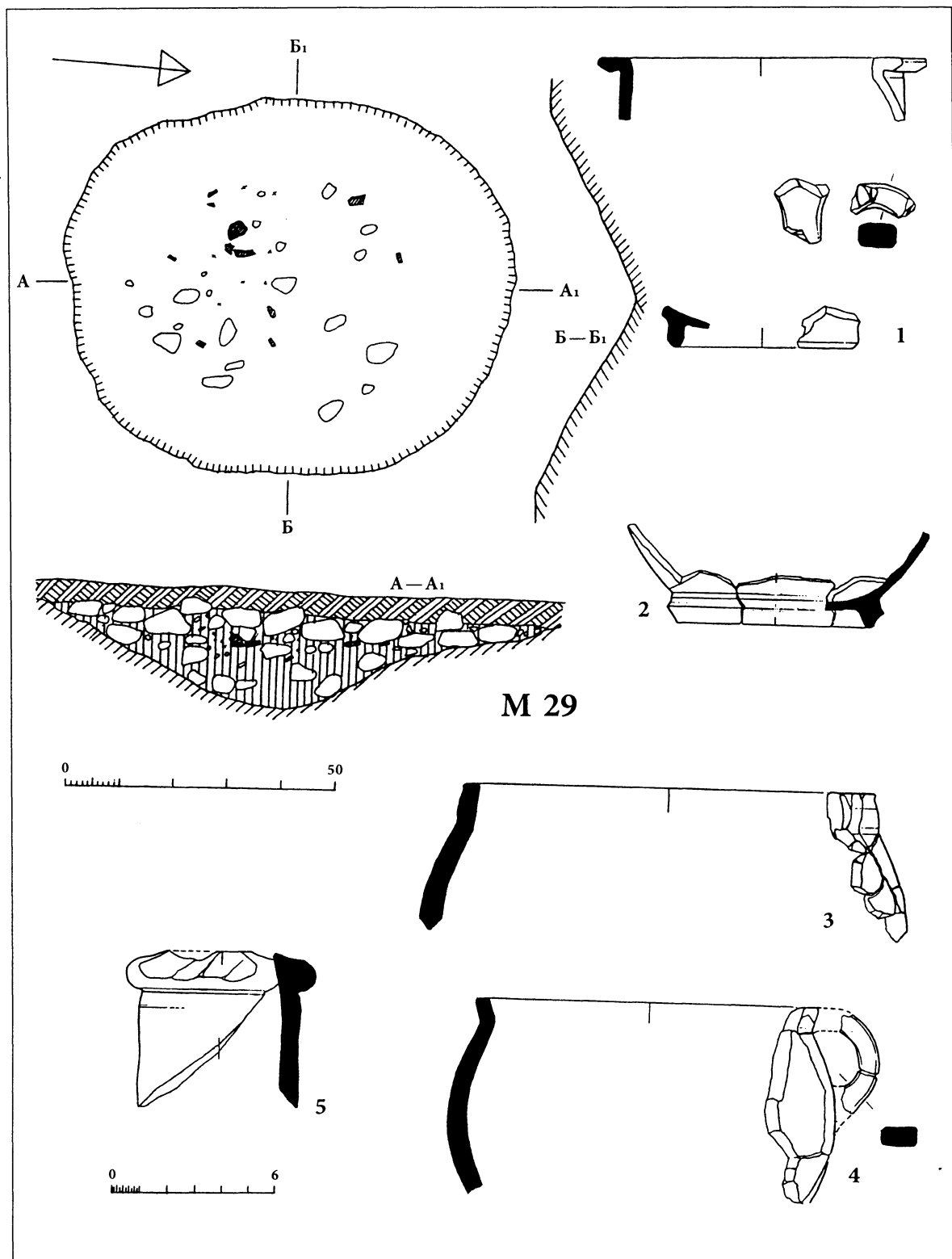
Таб. 29Б. Поминальная яма № 11. План, разрезы

Таб. 30. Могила № 27. План, разрезы. Вещи из заполнения

- 1 — подвеска из потертой боспорской бронзовой монеты;
- 2, 8, 16 — бронзовые пронизки;
- 3, 6, 7 — бронзовые подвески;
- 4 — фрагмент бронзовой фибулы;
- 5 — фрагмент бронзового предмета;
- 9 — фрагменты бронзового ключа от шкатулки (?);

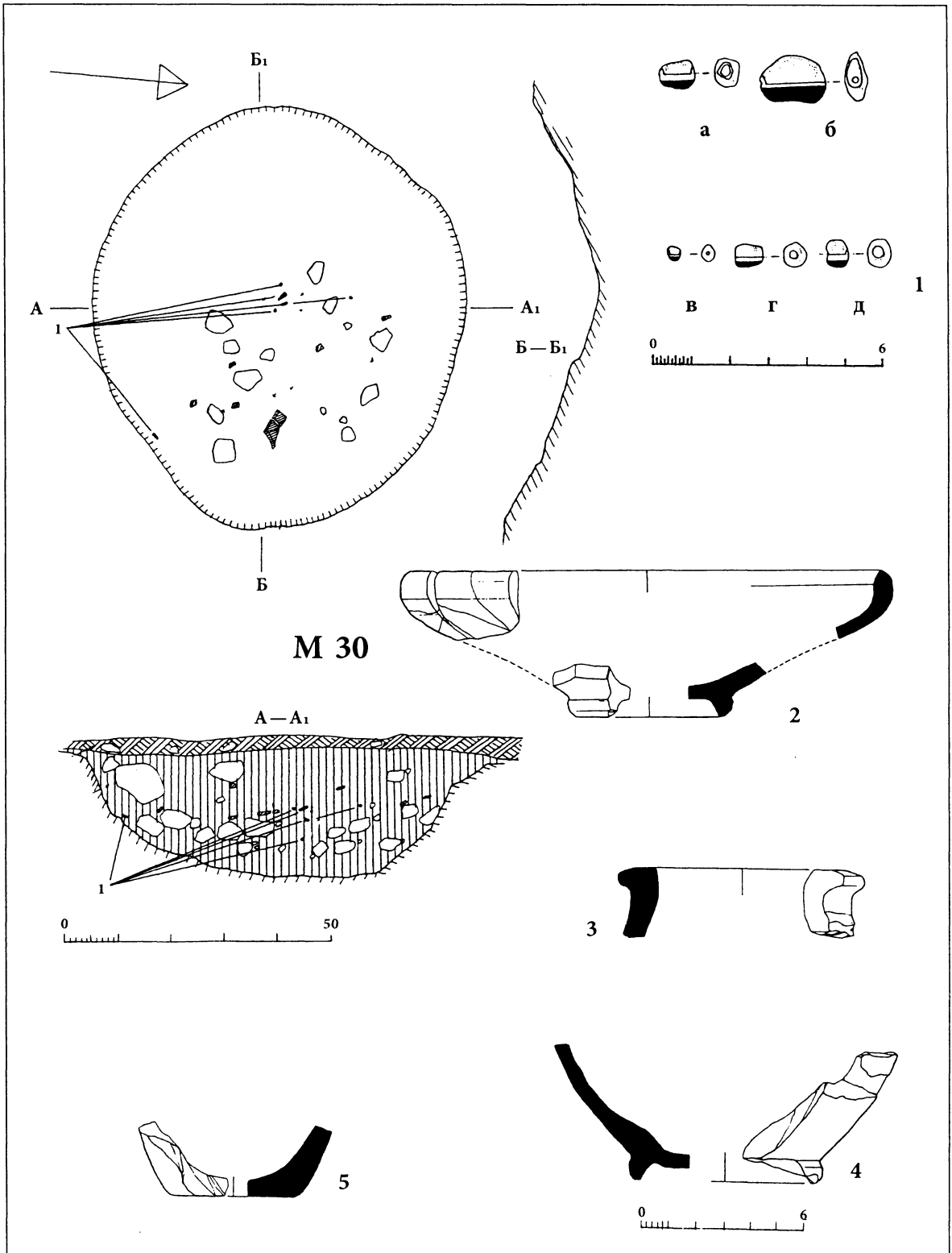
- 10 — бусы белого прозрачного, глухого красного стекла, а также с внутренней позолотой;
- 11, 12 — фрагменты побывавших в огне бронзовых предметов;
- 13, 14 — фрагменты ручки и венчика краснолакового кувшина;
- 15 — фрагменты коричневоглиняного лепного сосуда.

Таб. 31. Могила № 29. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — фрагменты краснолакового сосуда с горизонтальным венчиком;
2 — фрагменты донной части краснолакового сосуда;

3, 4 — фрагменты лепных сосудов: горшка и кружки;
5 — фрагмент горла светлоглиняной узкогорлой амфоры.

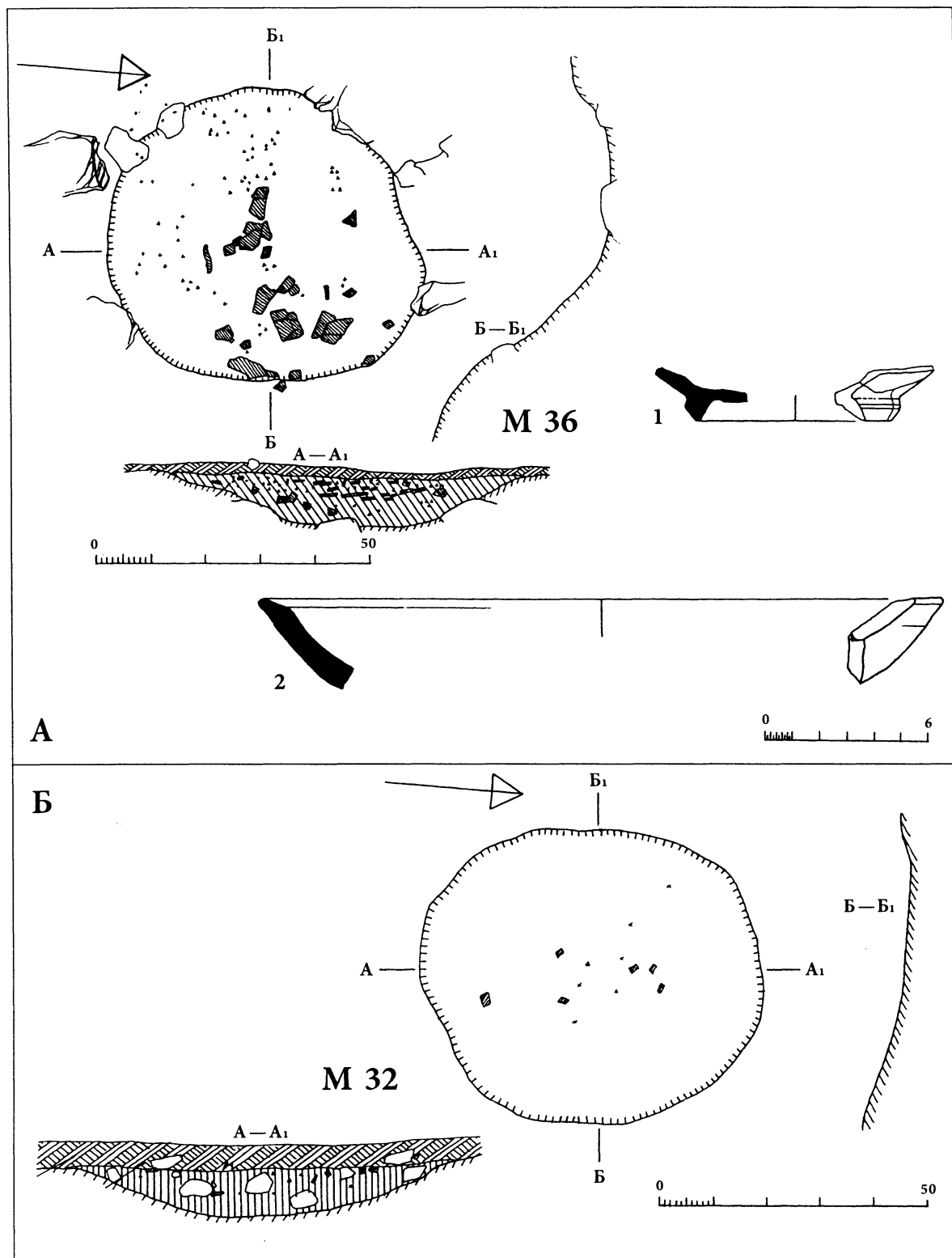

Таб. 32. Могила № 30. План, разрезы. Вещи из заполнения

1а-д — бусы белого, коричневого, синего и желтого прозрачного стекла;
 2 — красная лаковая миска;

3 — фрагмент венчика красноглиняной амфоры;
 4 — фрагмент красноглиняного кувшина;
 5 — фрагмент плоскодонного лепного сосуда.

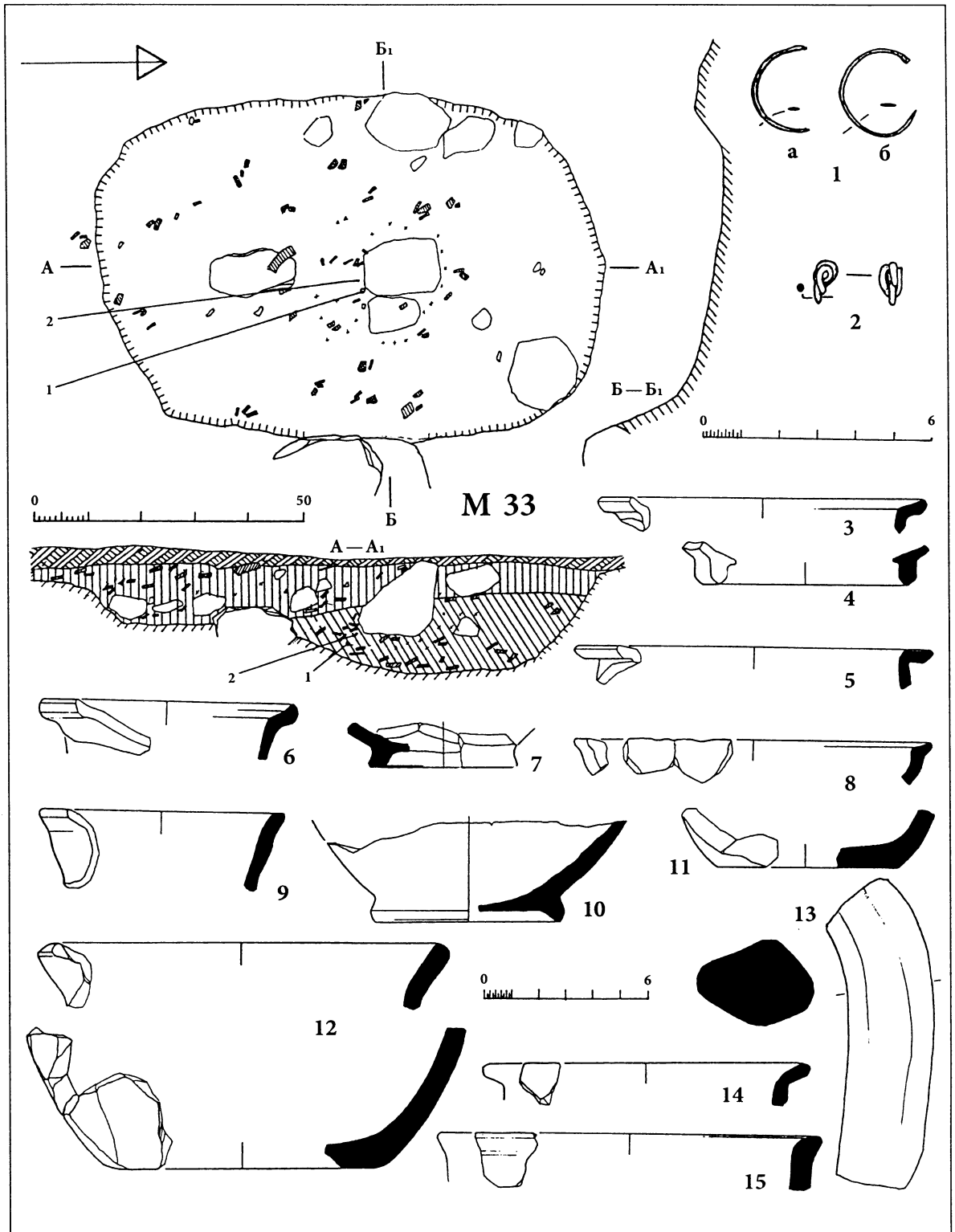

Таб. 33А. Могила № 36. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — фрагмент дна краснолакового сосуда;

2 — фрагмент лепной тарелки.

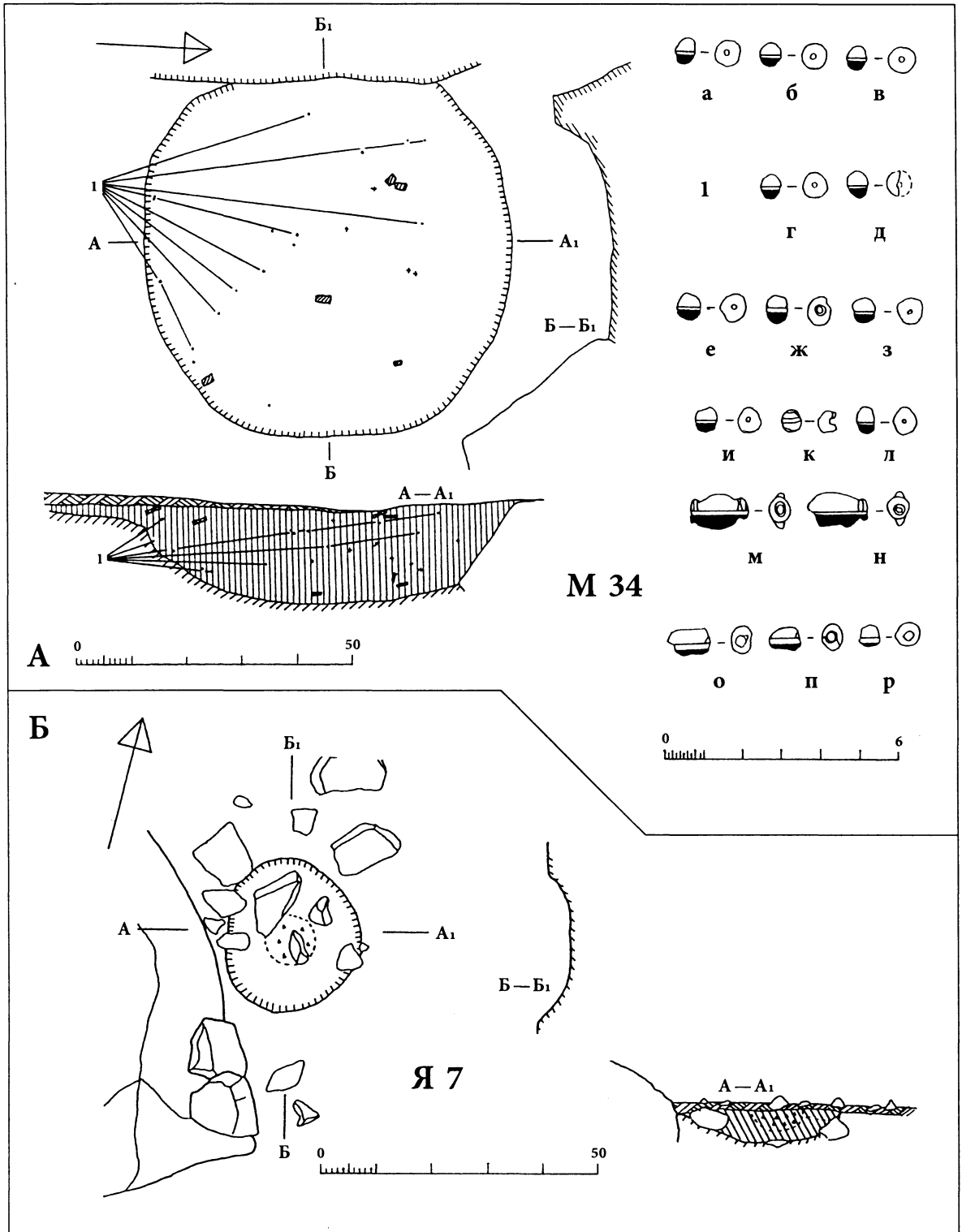
Таб. 33Б. Могила № 32. План, разрезы

Таб. 34. Могила № 33. План, разрезы. Вещи из заполнения

1а-б—бронзовая подвеска или кольцо;
 2—фрагмент пружины бронзовой фибулы;
 3-8, 10, 14-15—фрагменты краснолаковых сосудов;
 9—фрагмент венчика лепного кувшина;

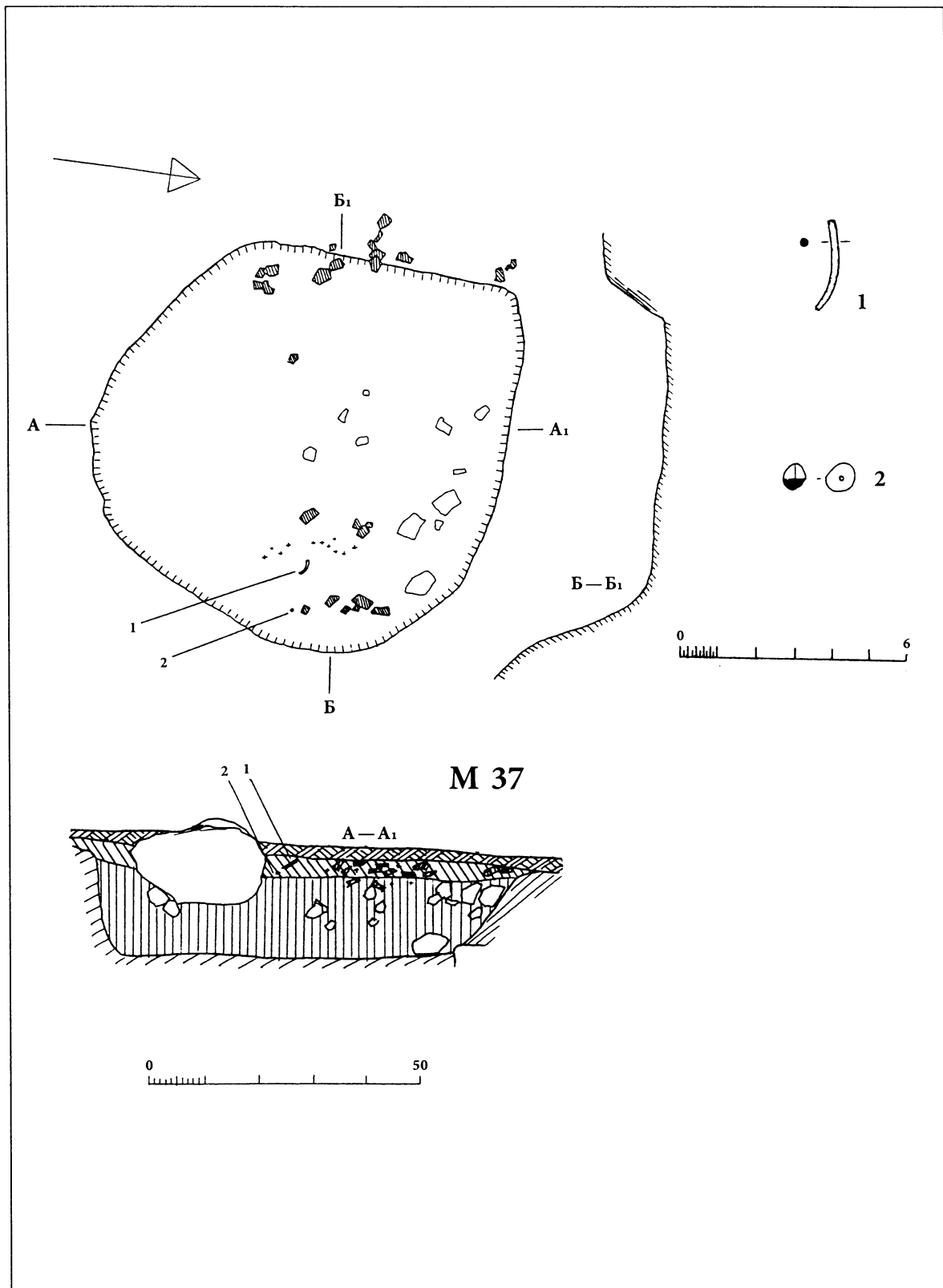
11-12—фрагменты днищ и венчиков лепных коричневоглиняных сосудов
 13—фрагмент ручки красноглиняной амфоры.

Таб. 35А. Могила № 34. План, разрезы

1а-р — бусы из бесцветного прозрачного стекла с внутренней позолотой, из прозрачного стекла белого и коричневого цвета и глухого стекла белого цвета.

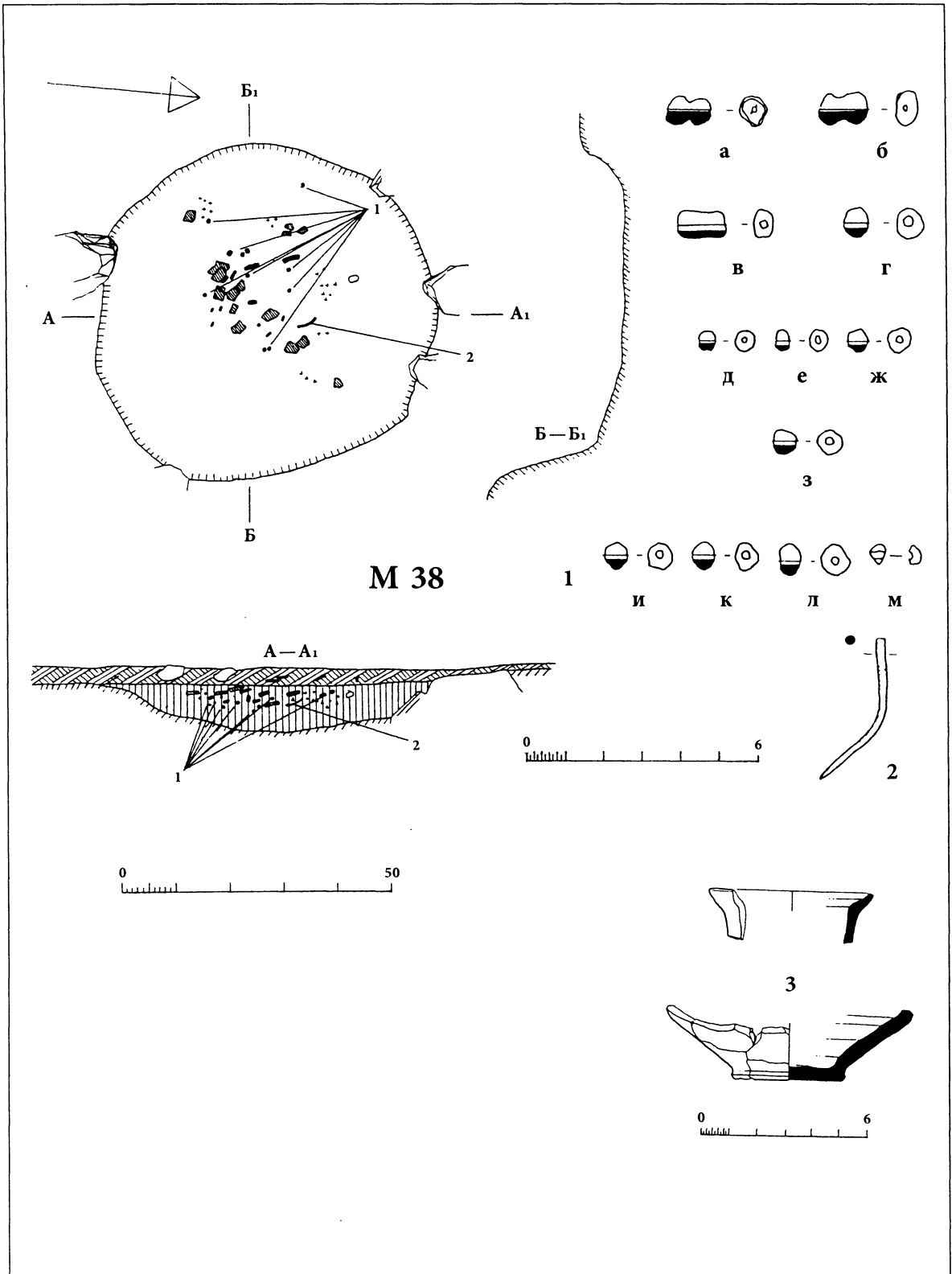
Таб. 35Б. Поминальная яма № 7. План, разрезы

Таб. 36. Могила № 37. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — фрагмент бронзового предмета — иглы фибулы?;

2 — бусина синего стекла.

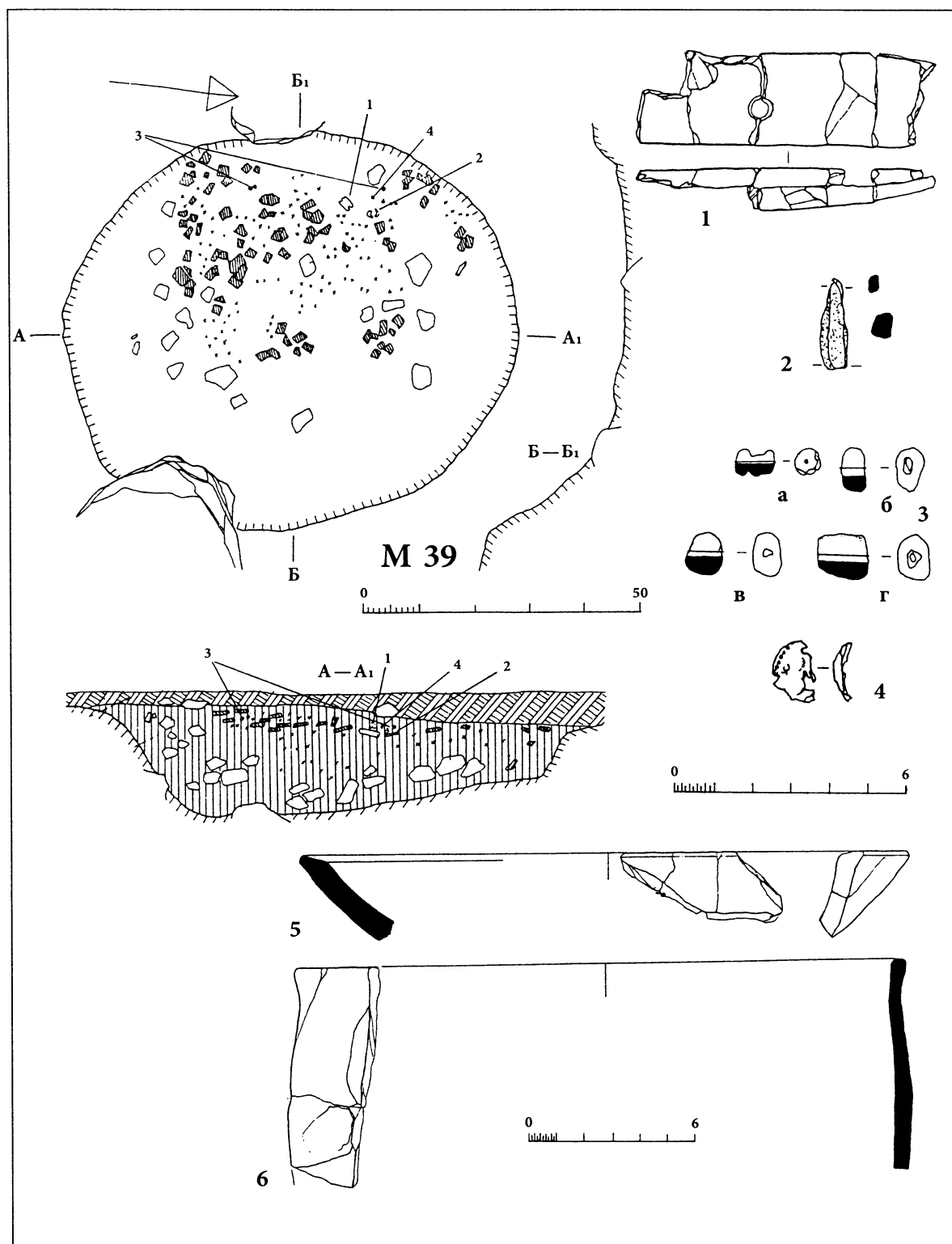

Таб. 37. Могила № 38. План, разрезы. Вещи из заполнения

1а-м—бусы фиолетового и синего стекла, а также с внутренней позолотой;

2—фрагмент бронзовой иглы фибулы;

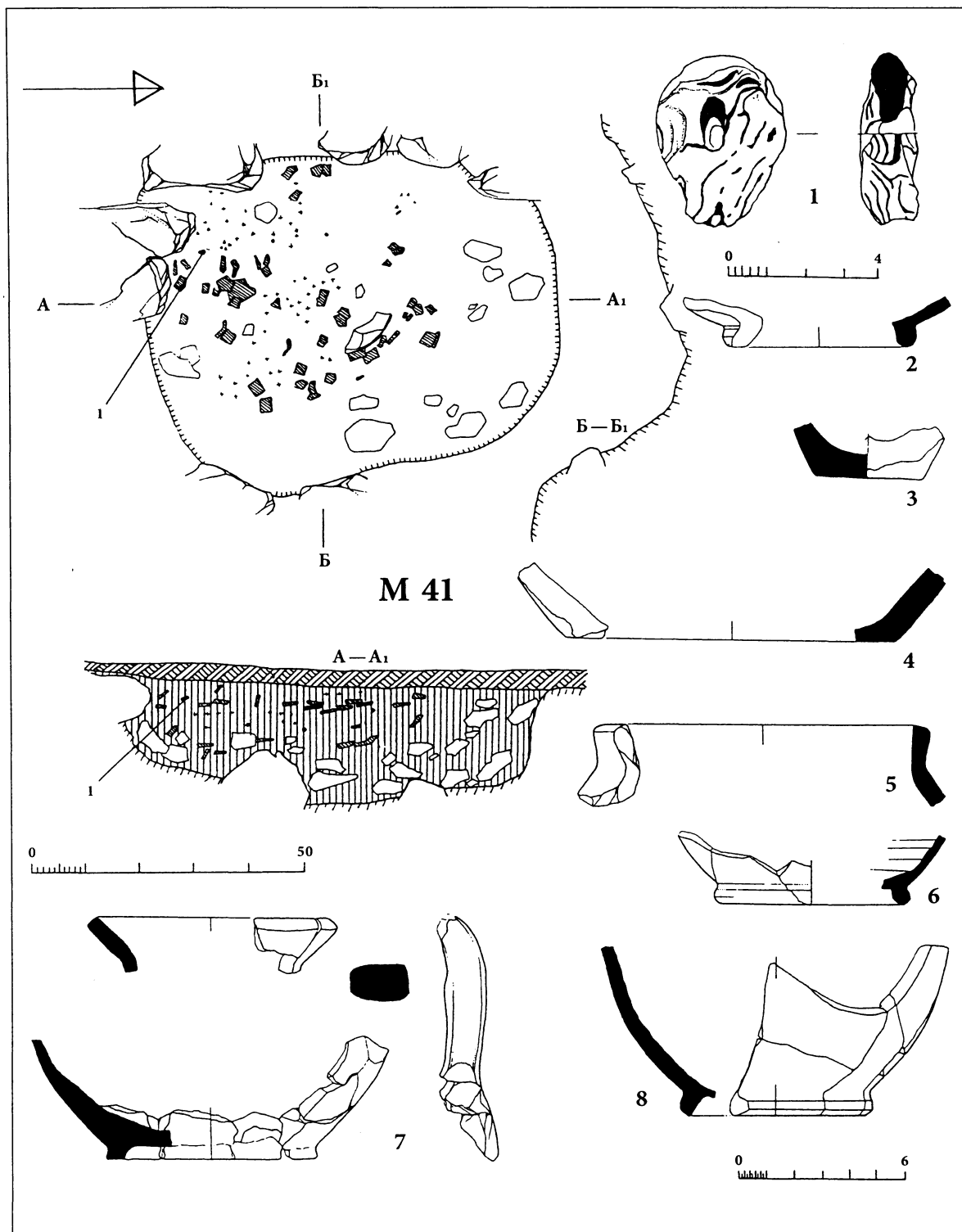
3—фрагменты краснолаковых кувшинов.

Таб. 38. Могила № 39. План, разрезы. Вещи из заполнения

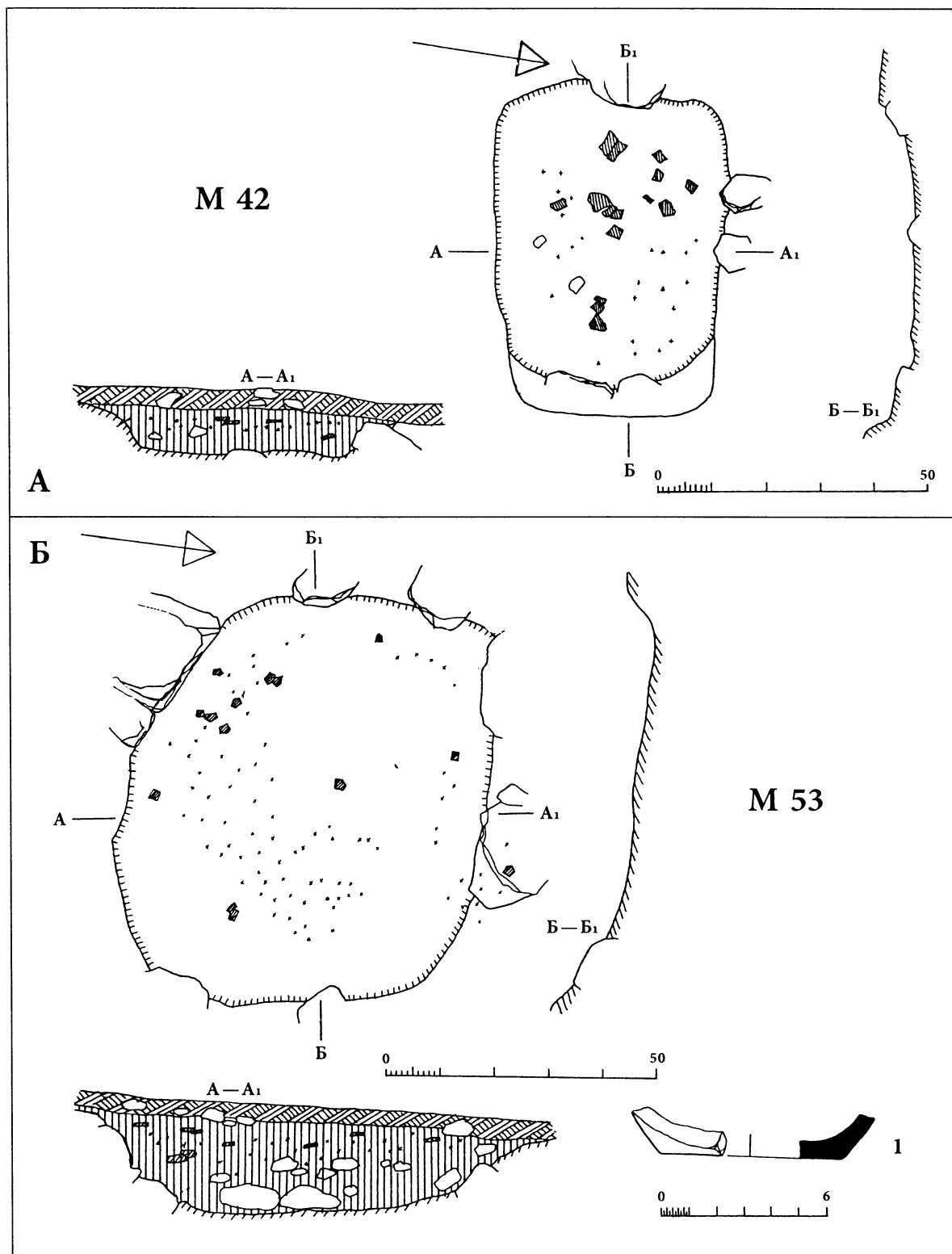
1 — фрагмент оселка из песчаника;
 2 — фрагмент железного предмета;
 3а-г — бусы глухого красного, коричневого и белого
 стекла;

4 — оплавленная серебряная римская монета;
 5 — фрагмент лепной тарелки;
 6 — фрагмент лепного горшка.

Таб. 39. Могила № 41. План, разрезы. Вещи из заполнения

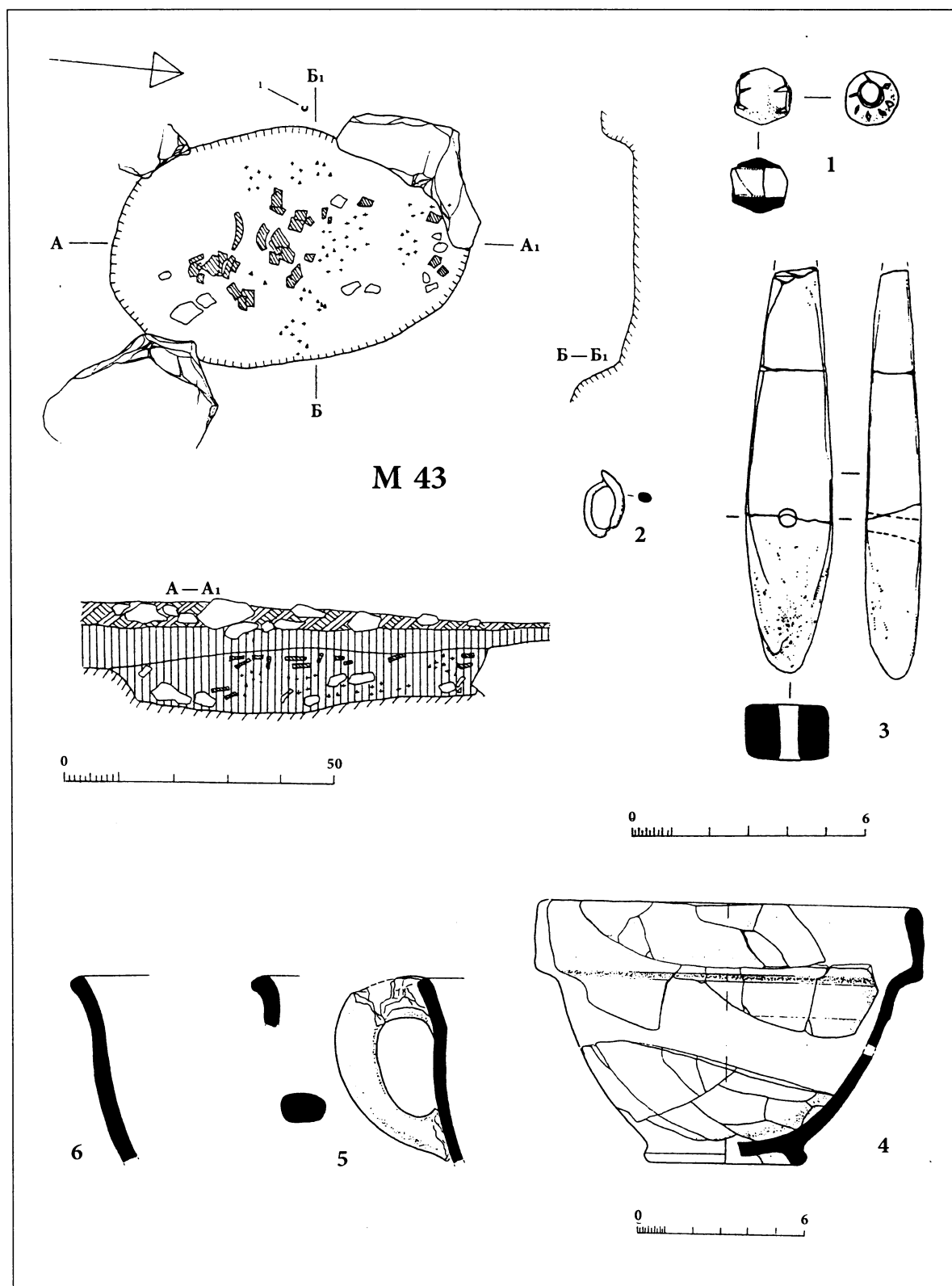
- 1 — крупная бусина темно — синего стекла с инкрустацией красной и белой пастой;
 2, 6, 8 — обломки донных частей краснолаковых кувшинов;
 3 — фрагмент дна миниатюрного лепного сосуда;
 4, 5 — фрагменты лепного горшка;
 7 — фрагменты лепного кувшина.

Таб. 40А. Могила № 42. План, разрезы

Таб. 40Б. Могила № 53. План, разрезы. Вещи из заполнения
 1 — фрагмент дна лепного сосуда.

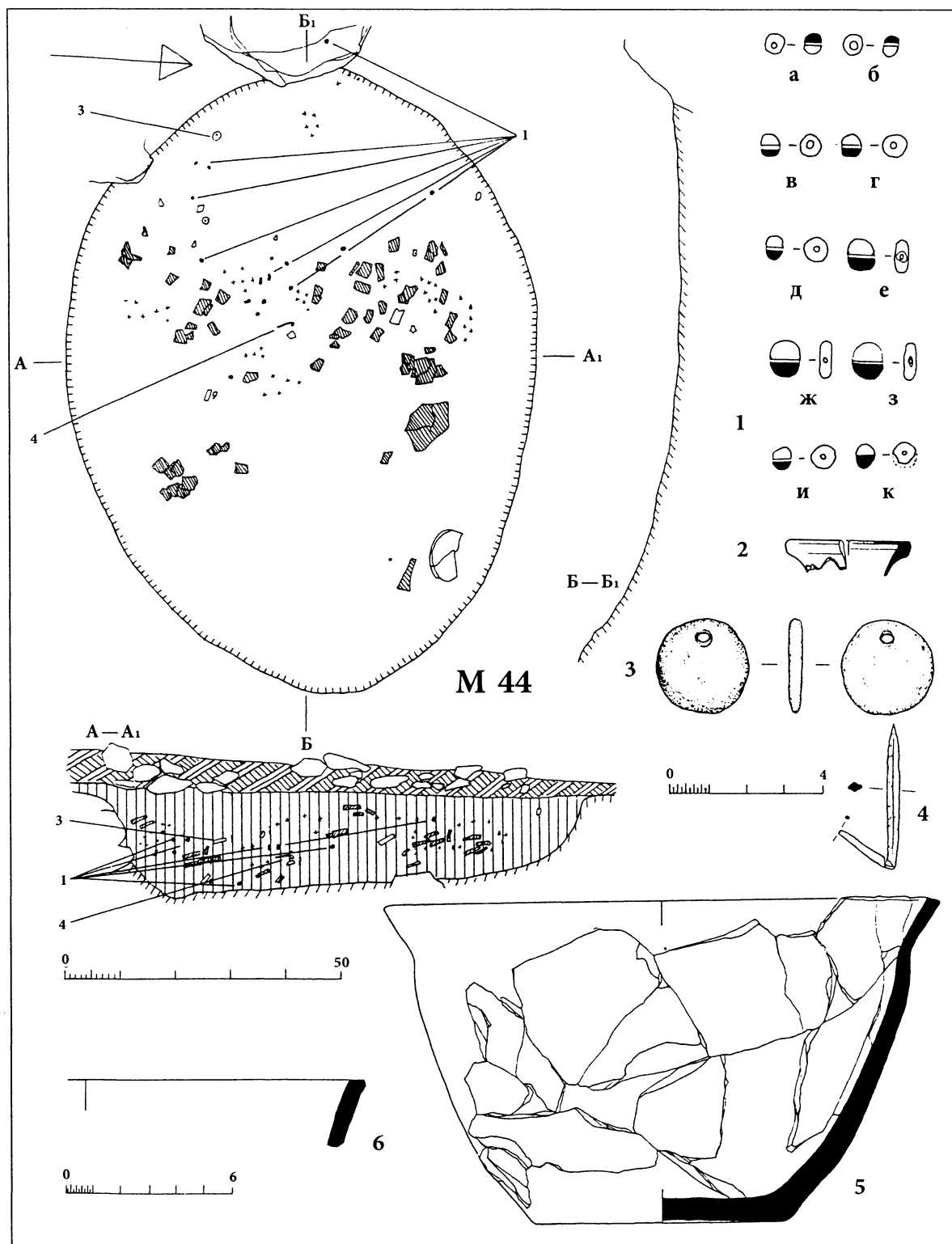

Таб. 41. Могила № 43. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — бронзовая бусина;
2 — бронзовая пронызь;

3 — оселок;
4 — красная лаковая миска;

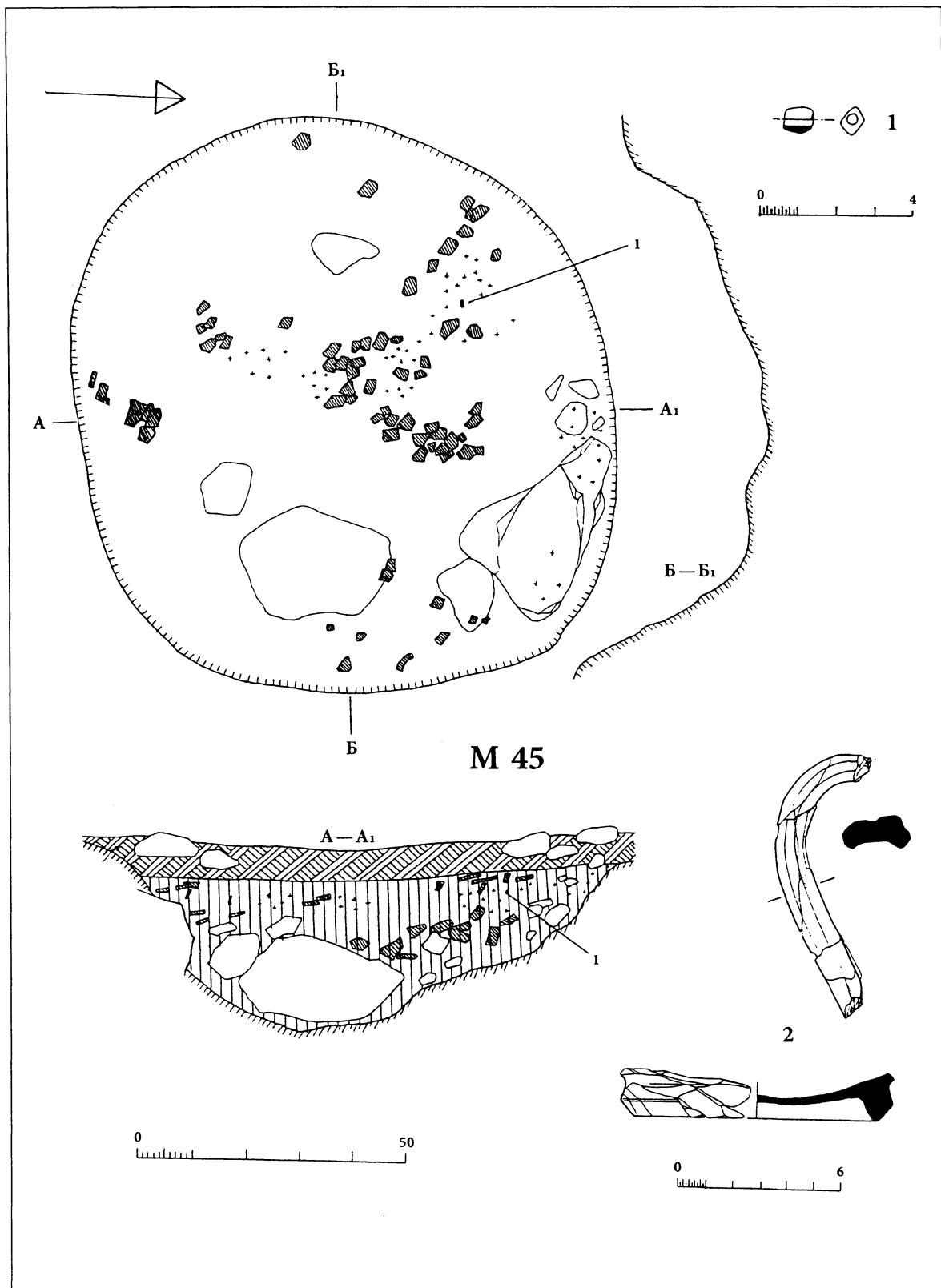
5 — фрагменты лепной кружки;
6 — фрагмент лепной миски.

Таб. 42. Могила № 44. План, разрезы. Вещи из заполнения

1а-к—бусы синего, оливкового стекла, а также с внутренней позолотой;
 2—фрагмент венчика краснолакового кувшина;
 3—подвеска из боспорской потертой бронзовой монеты;

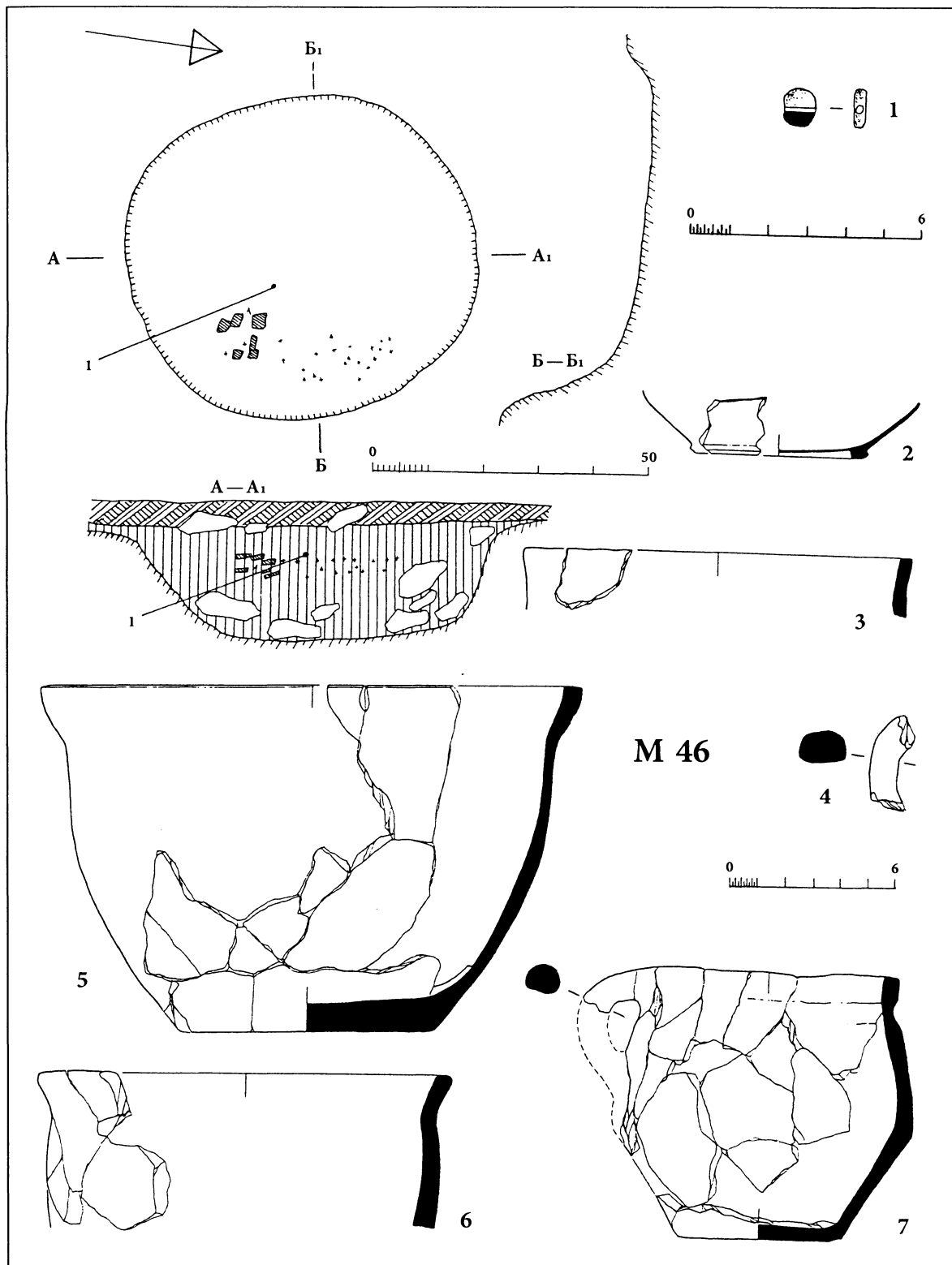
4—железное шило;
 5—лепная миска;
 6—обломок венчика лепного сосуда.

Таб. 43. Могила № 45. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — бусина прозрачного голубого стекла;

2 — фрагменты дна и ручки краснолакового кувшина.

Таб. 44. Могила № 46. План, разрезы. Вещи из заполнения

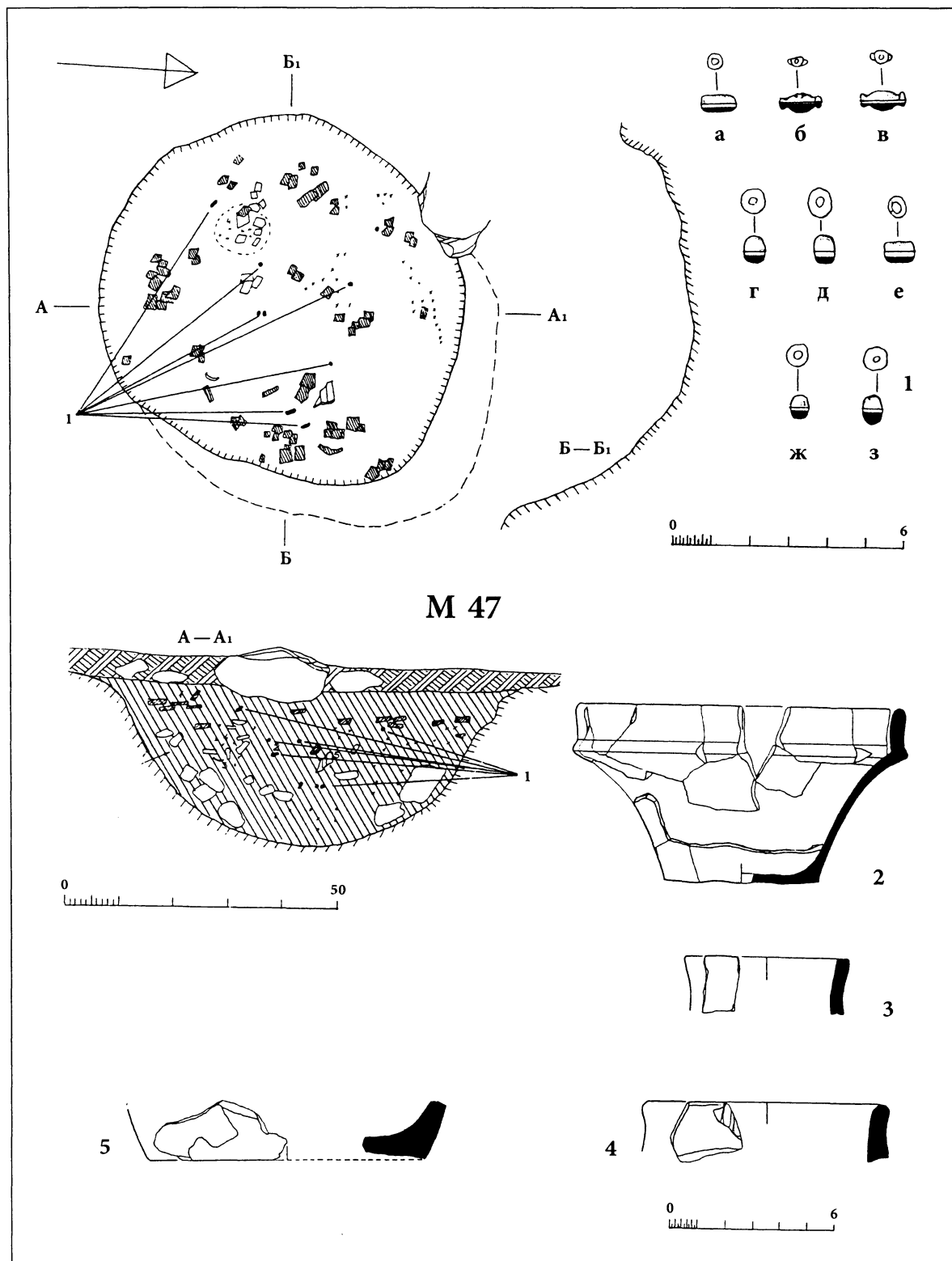
1 — бусина синего стекла;

2 — фрагмент дна красноглиняного кувшина;

3, 4, 6 — фрагменты лепных горшков;

5 — лепная миска;

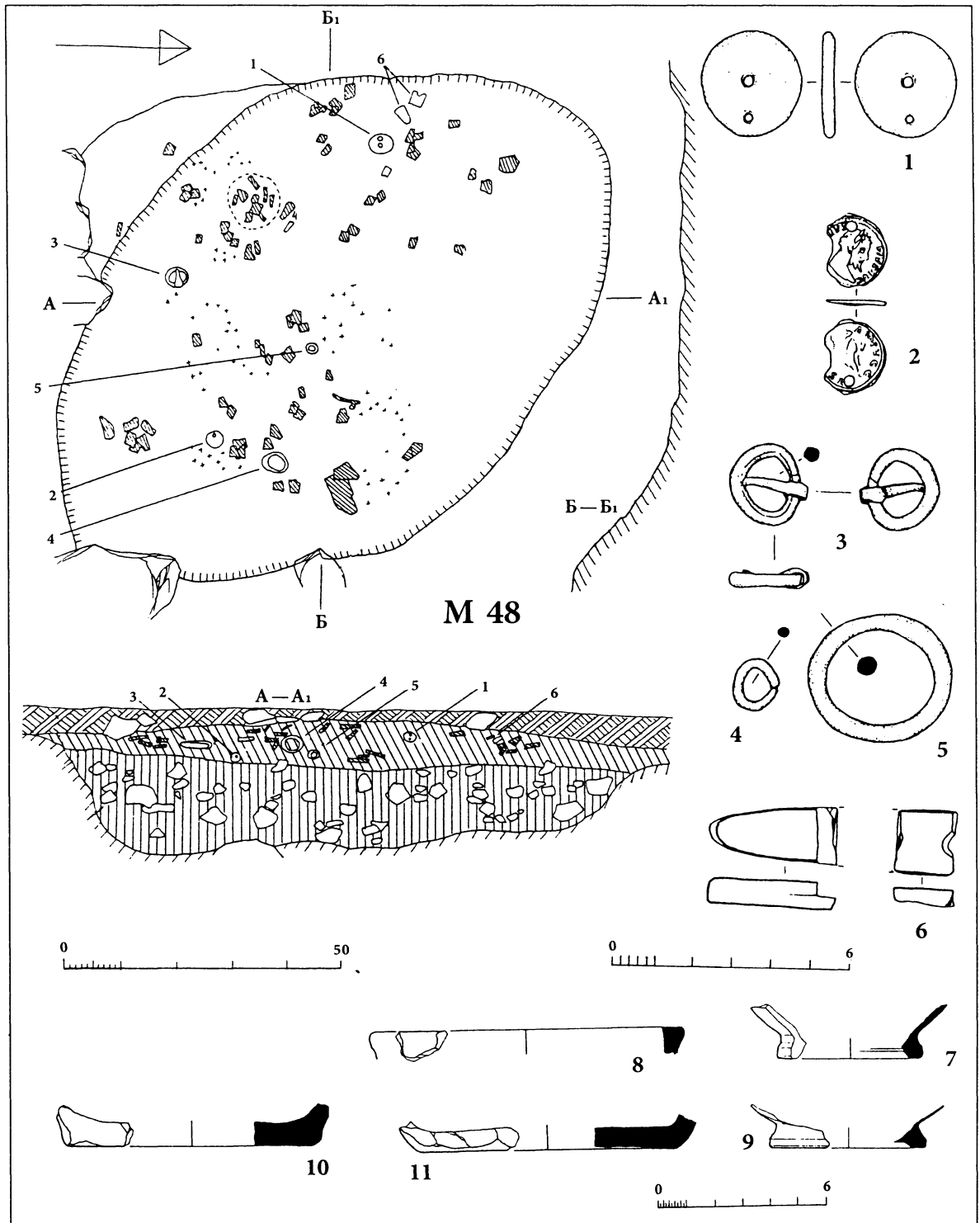
7 — лепная кружка.

Таб. 45. Могила № 47. План, разрезы. Вещи из заполнения

1а-з — бусы белого прозрачного и глухого красного и белого стекла;
2 — краснолаковая миска;

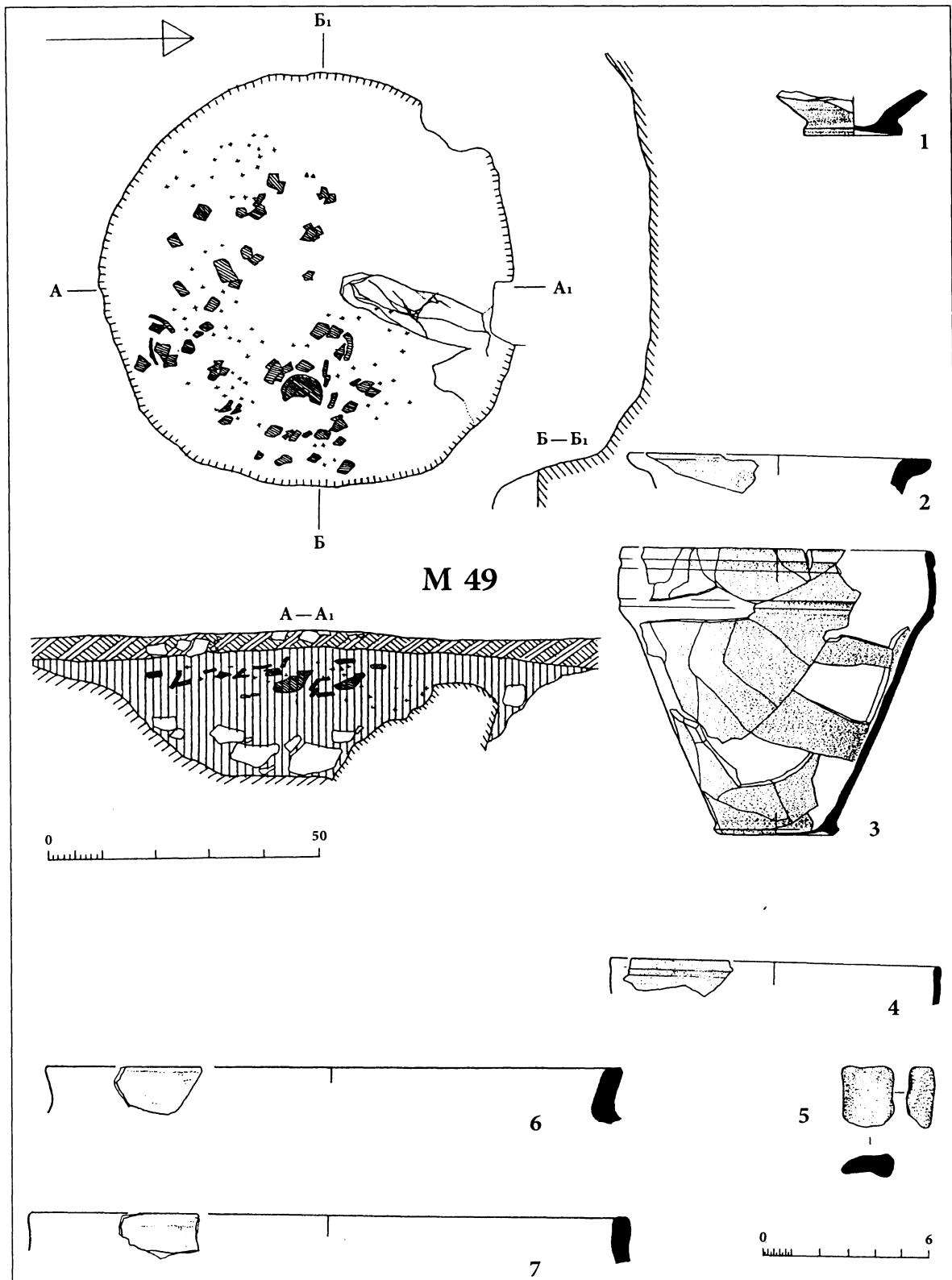
3 — фрагмент венчика лепного сосуда;
4, 5 — фрагменты лепного горшка.

Таб. 46. Могила № 48. План, разрезы. Вещи из заполнения

- 1 — подвеска или пуговица из бронзовой стертой боспорской монеты;
- 2 — бронзовая подвеска из римского денария Септимия Севера (193—211);
- 3 — серебряная пряжка;
- 4 — бронзовая пронизь;

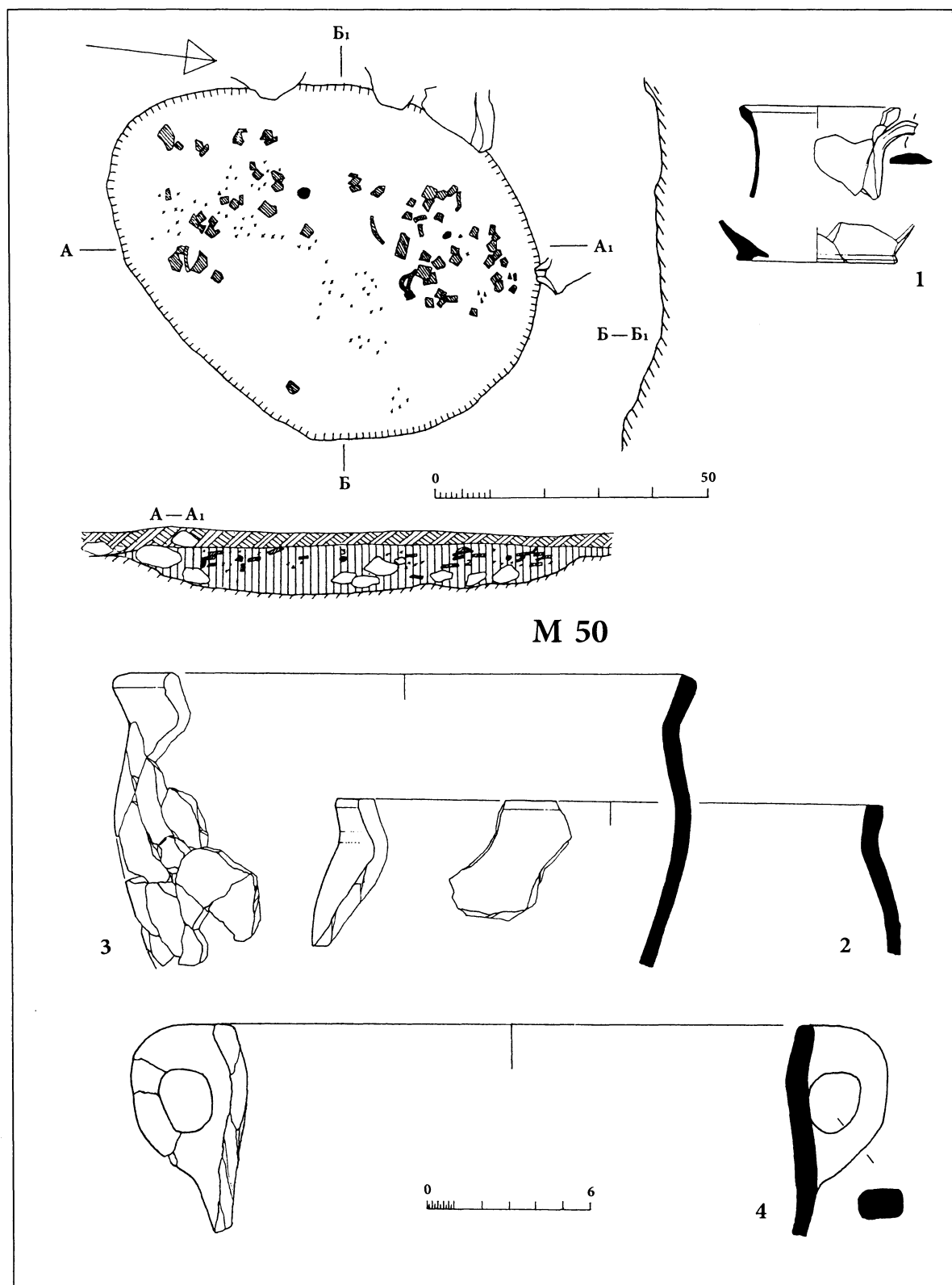
- 5 — бронзовое литое кольцо;
- 6 — фрагменты оселка;
- 7, 9 — фрагменты днищ краснолаковых кувшинов;
- 8, 11 — фрагменты лепного горшка;
- 10 — фрагмент дна лепного сосуда.

Таб. 47. Могила № 49. План, разрезы. Вещи из заполнения

1, 2 — фрагменты краснолаковых кувшинов;
 3, 4 — фрагменты краснолаковых высоких мисок;

5, 6, 7 — фрагменты лепных горшков;
 5 — фрагмент ручки лепного сосуда.

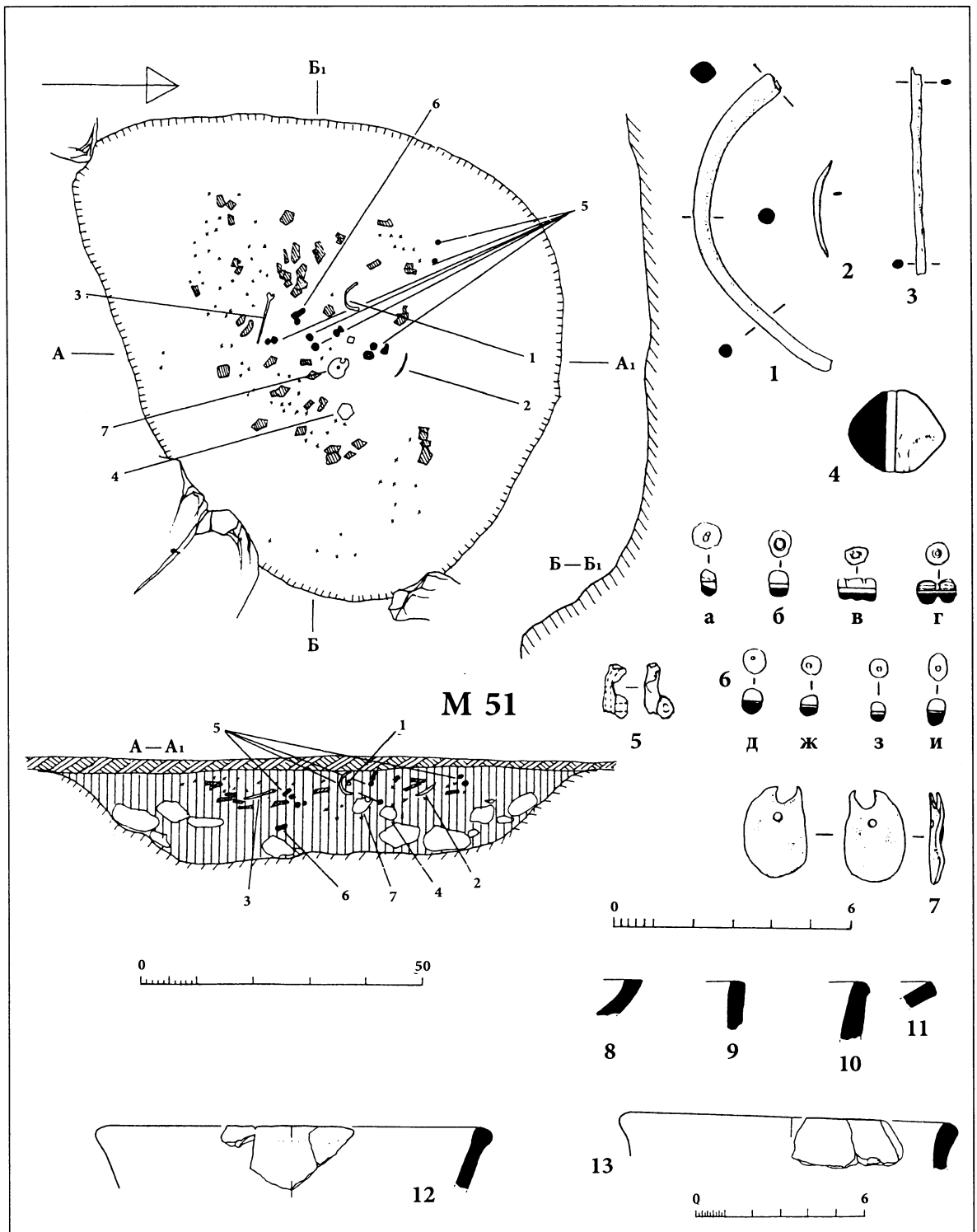
Таб. 48. Могила № 50. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — фрагменты дна и венчика краснолакового кувшина;

4 — фрагменты лепного сосуда с ручками.

2-3 — фрагменты лепных горшков;

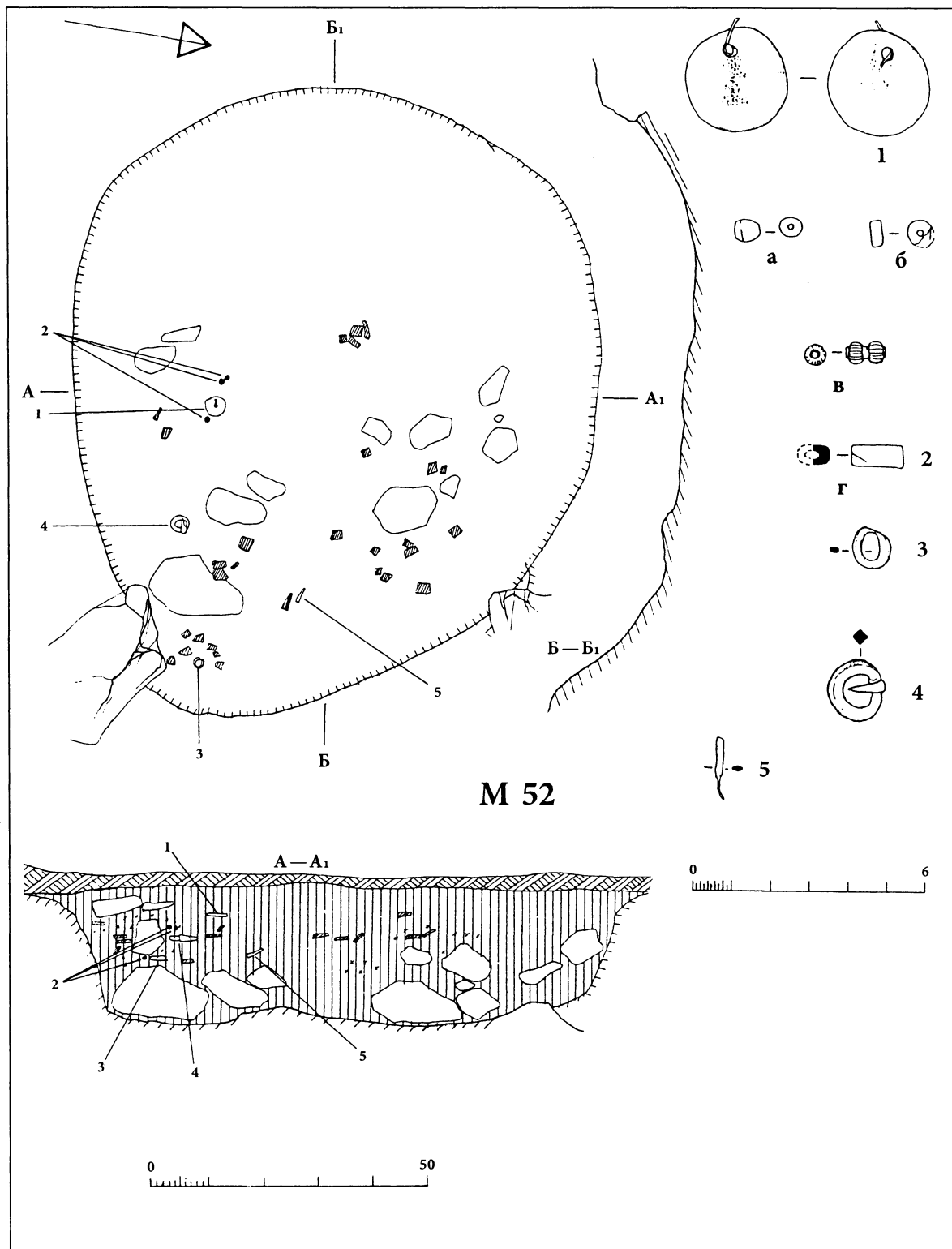

Таб. 49. Могила № 51. План, разрезы. Вещи из заполнения

- 1 — обломок бронзового браслета;
 2 — фрагмент бронзового изделия — иглы фибулы?;
 3 — железная игла;
 4 — глиняное пряслице;
 5, 6 — бусы стеклянные с внутренней позолотой;

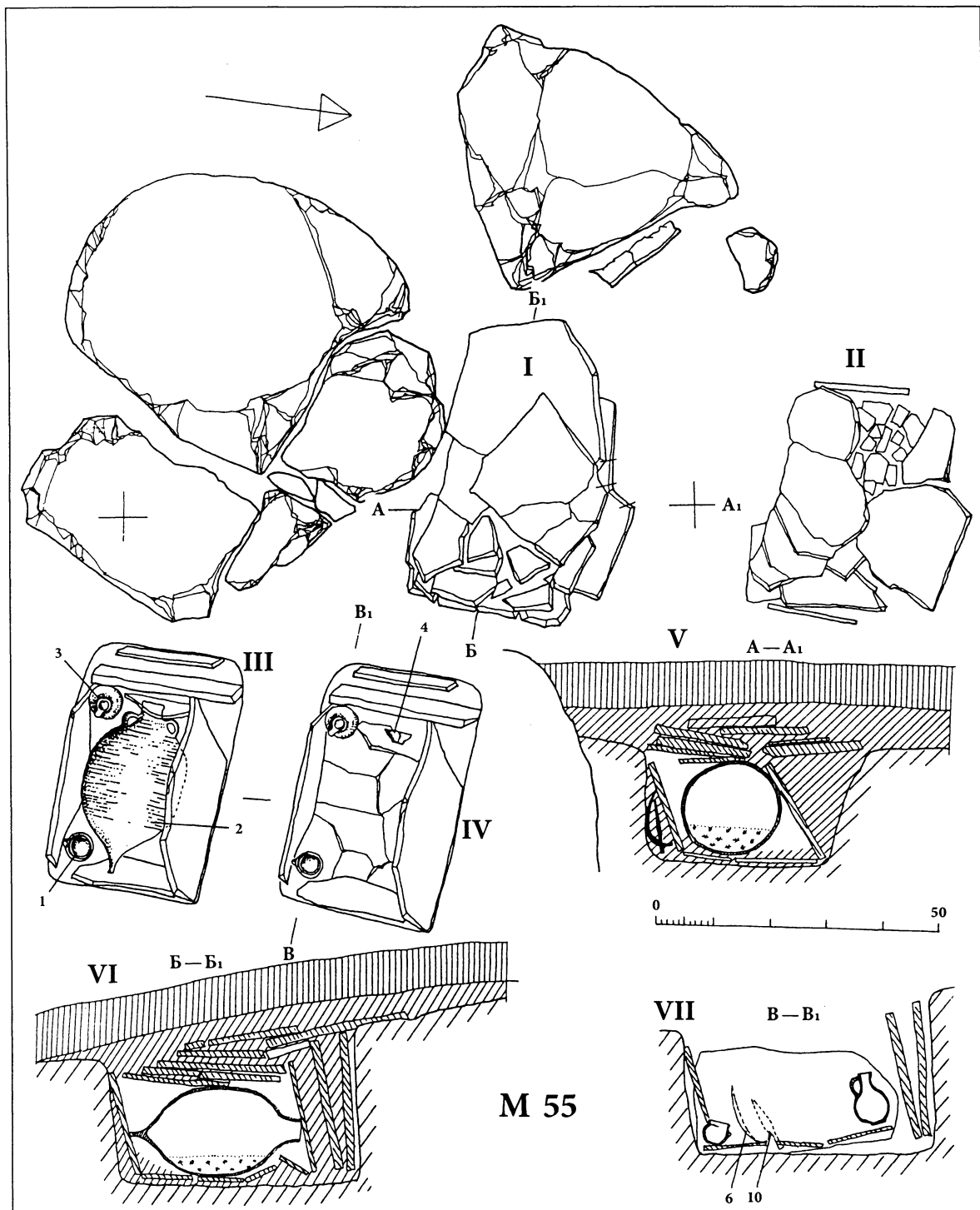
- 7 — бронзовая пуговица или подвеска из монеты;
 8, 11 — фрагменты лепных сосудов;
 9, 10, 13 — фрагменты лепных горшков,
 12 — фрагменты лепной миски.

Таб. 50. Могила № 52. План, разрезы. Вещи из заполнения

1 — подвеска из бронзовой монеты Савромата II (174—211), чеканенная при Коммодe (180—193);
 2a-г — бусы глухого белого, черного стекла и с внутренней позолотой;

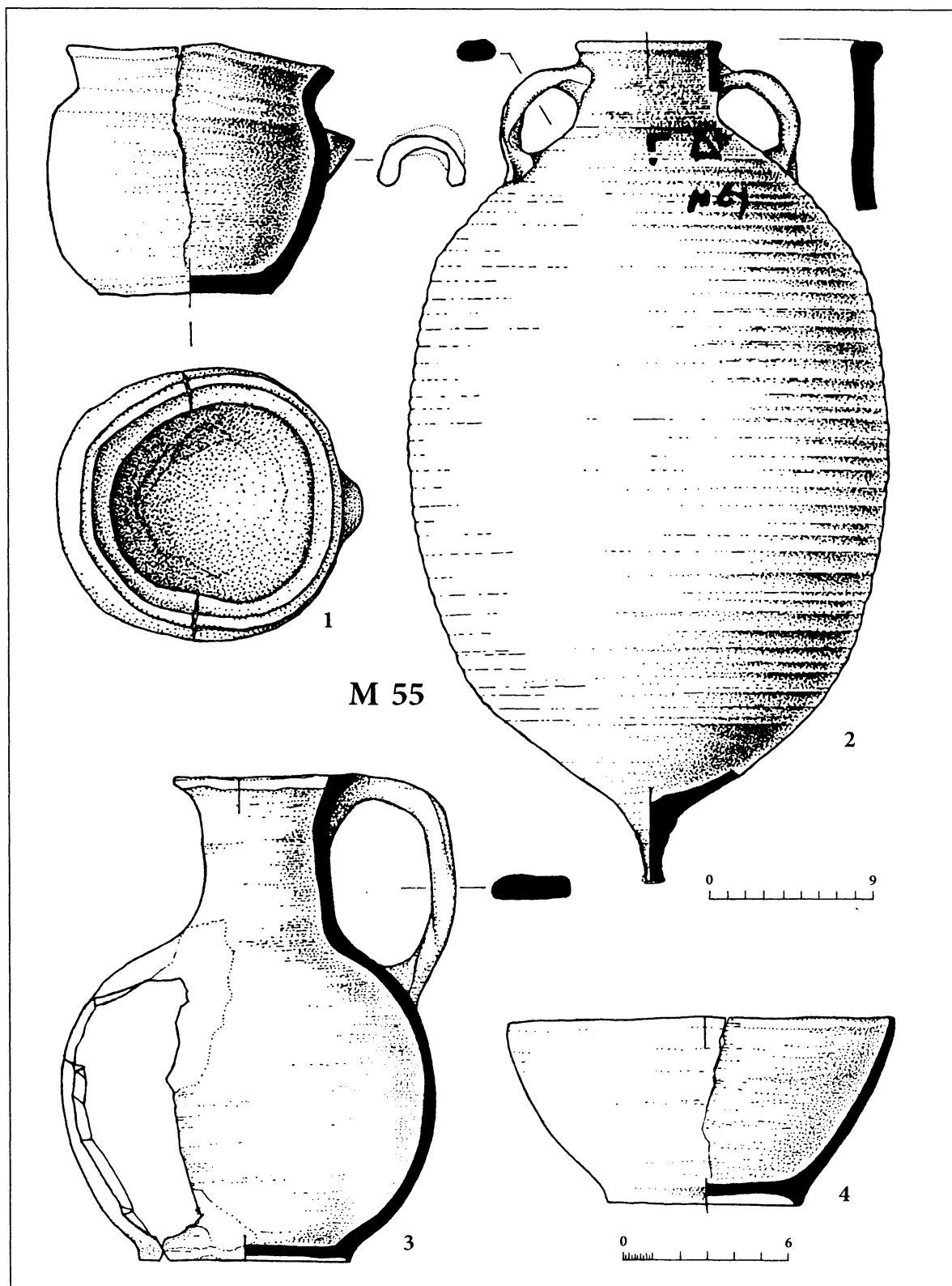
3 — бронзовая пронизь;
 4 — бронзовая пряжка;
 5 — фрагмент бронзового изделия.

Таб. 51. Могила № 55. Планы, разрезы

I — план плит перекрытия могилы на момент ее обнаружения;
 II — план «второго уровня» плит перекрытия;
 III — план заполнения могилы после удаления плит перекрытия;
 IV — план могилы после удаления амфоры-урны;
 V, VI, VII — разрезы;

1 — кубок;
 2 — амфора-урна;
 3 — кувшин;
 4 — чашка;
 6 — серп;
 10 — наконечник копья.

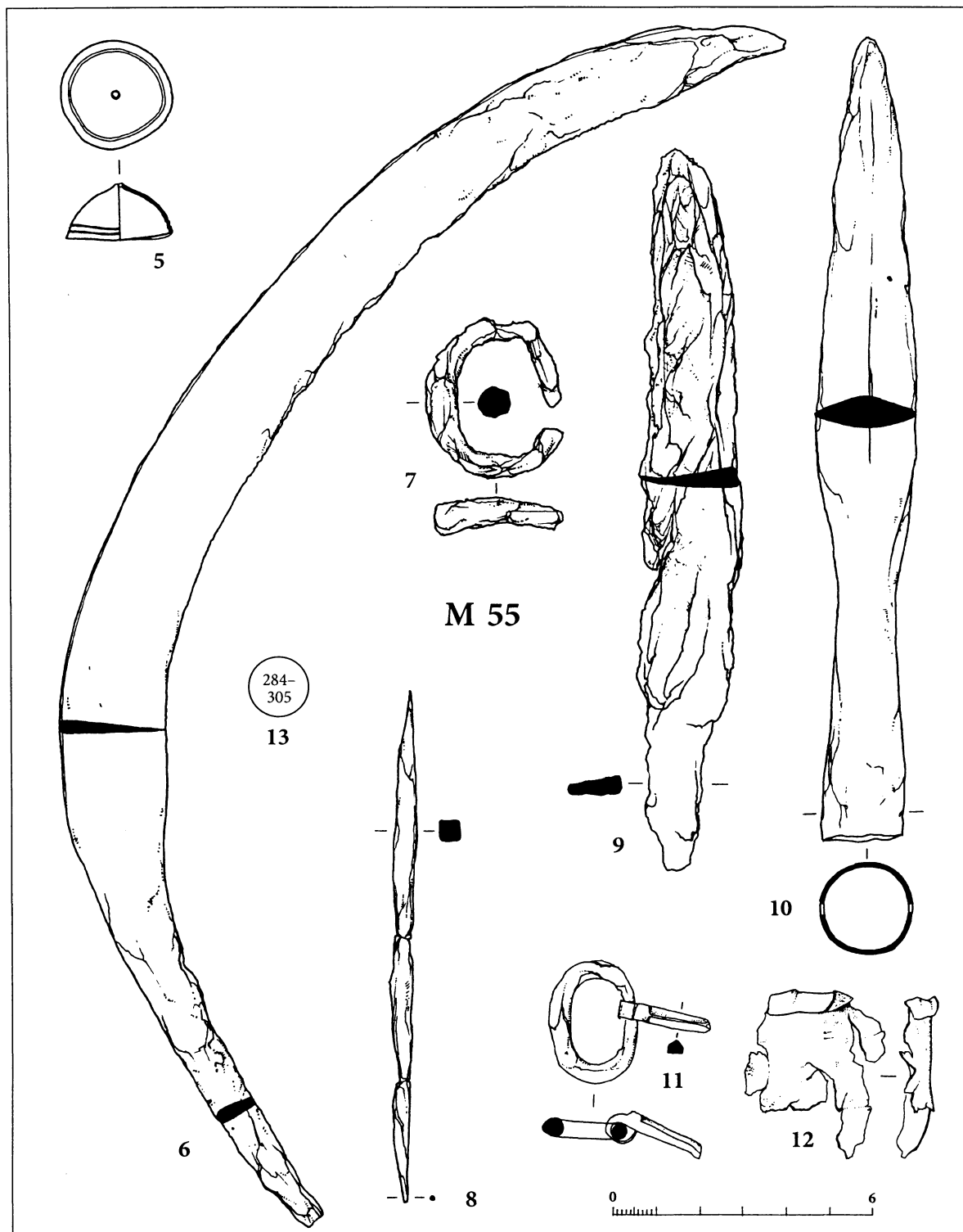
Таб. 52. Могила № 55. Керамические сосуды из заполнения каменного ящика

1 — лепной кубок;

2 — красноглиняная амфора — урна;

3 — лепной кувшин;

4 — лепная чашка.

Таб. 53. Могила № 55. Металлические предметы из могилы

5 — бронзовый колокольчик;

6 — железный серп;

7 — железная рамка от пряжки;

8 — железное шило;

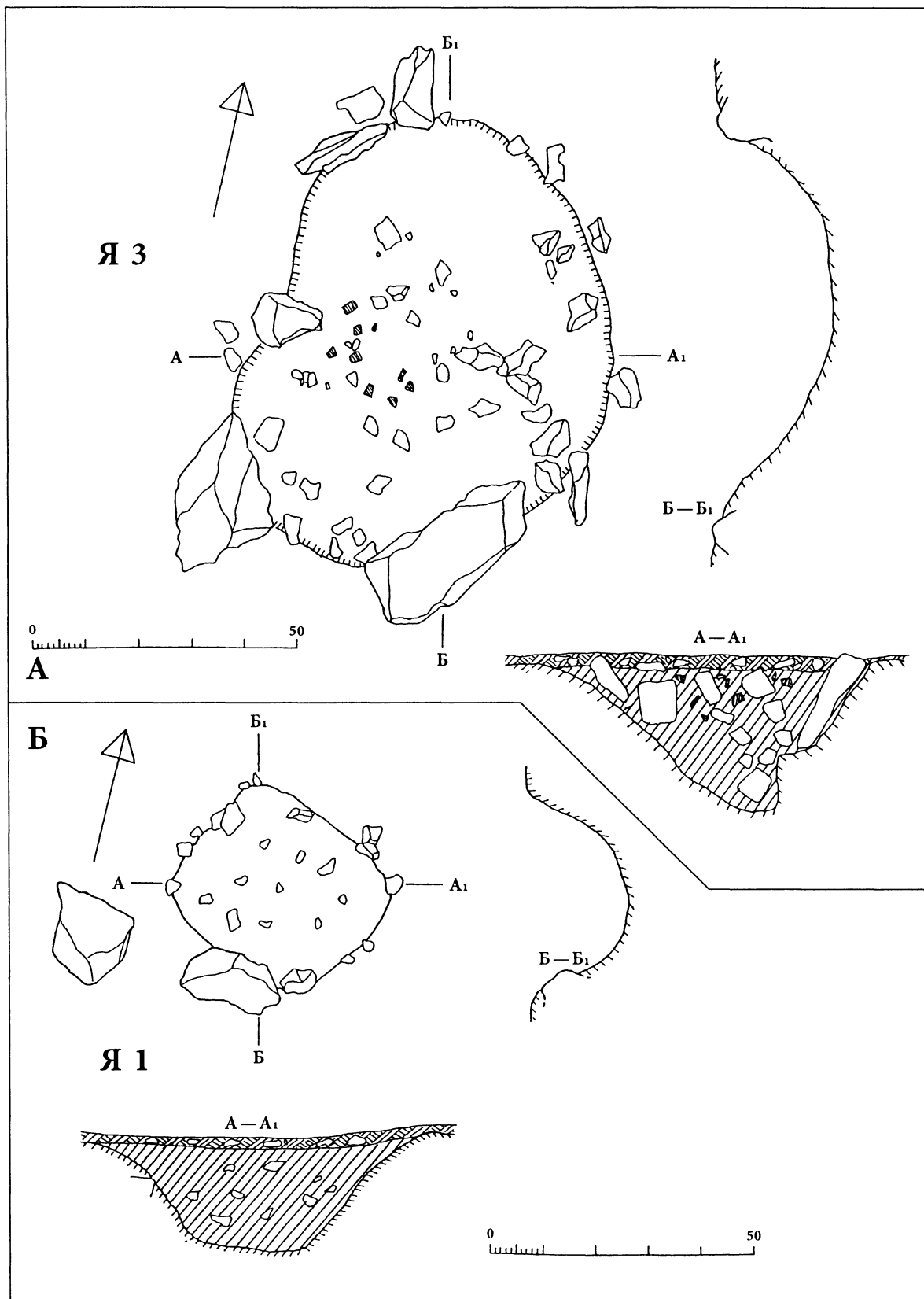
9 — железный нож;

10 — железный наконечник копья;

11 — бронзовая пряжка;

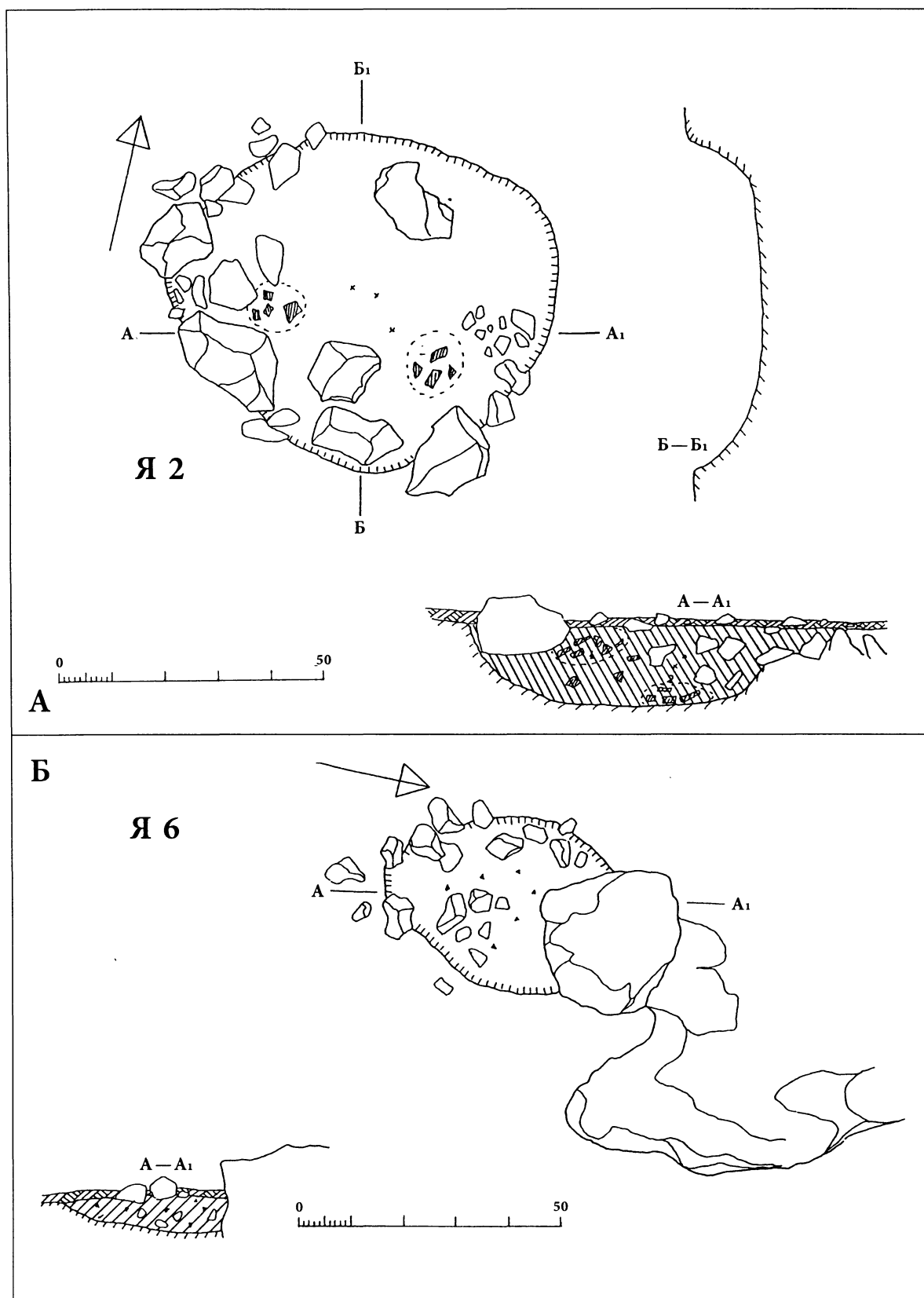
12 — бронзовая обкладка из листового металла;

13 — медный фоллис Диоклетиана.

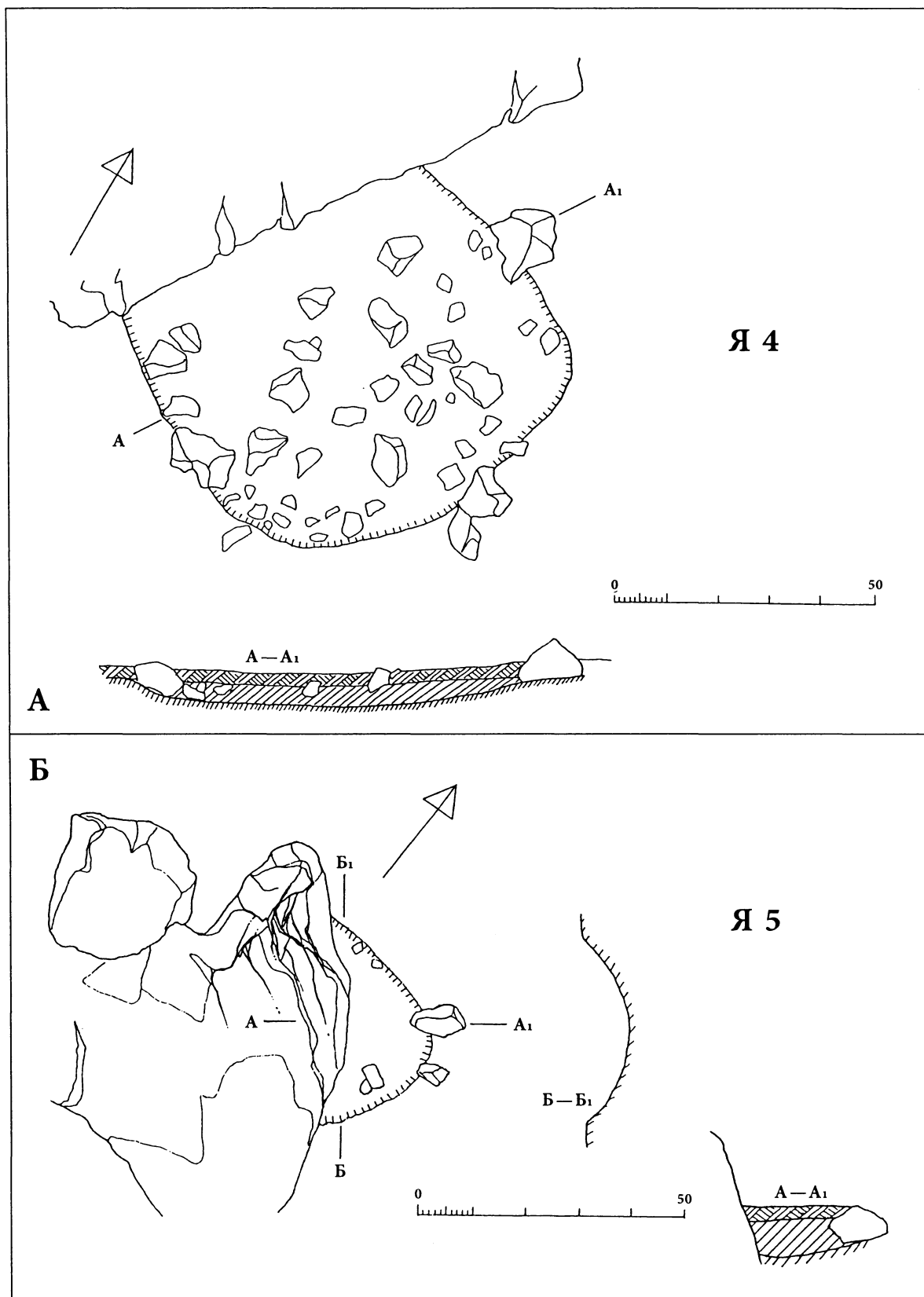
Таб. 54А. Поминальная яма № 3. План, разрез

Таб. 54Б. Поминальная яма № 1. План, разрез

Таб. 55А. Поминальная яма № 2. План, разрез

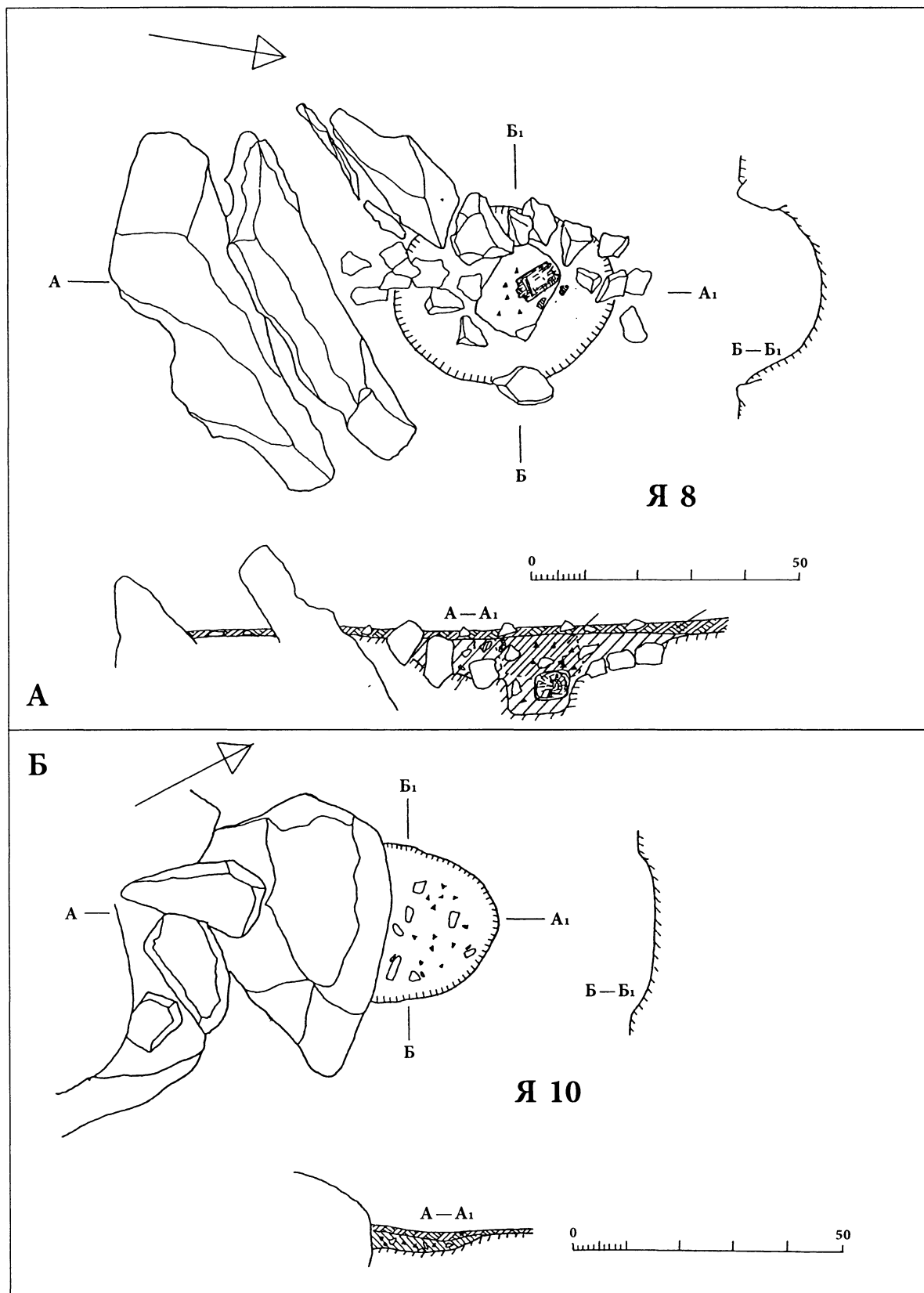
Таб. 55Б. Поминальная яма № 6. План, разрез

Таб. 56А. Поминальная яма № 4. План, разрез

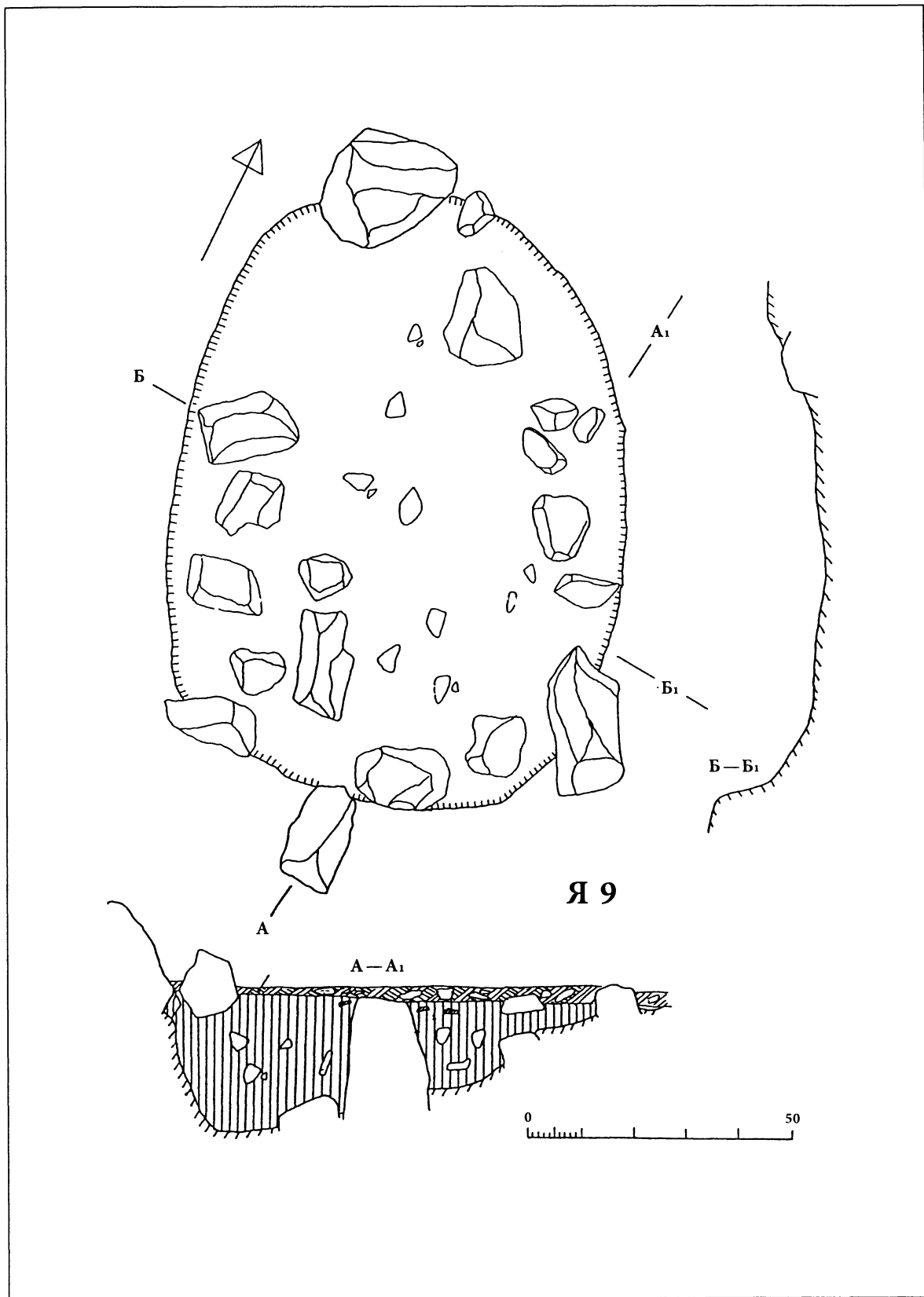
Таб. 56Б. Поминальная яма № 5. План, разрез

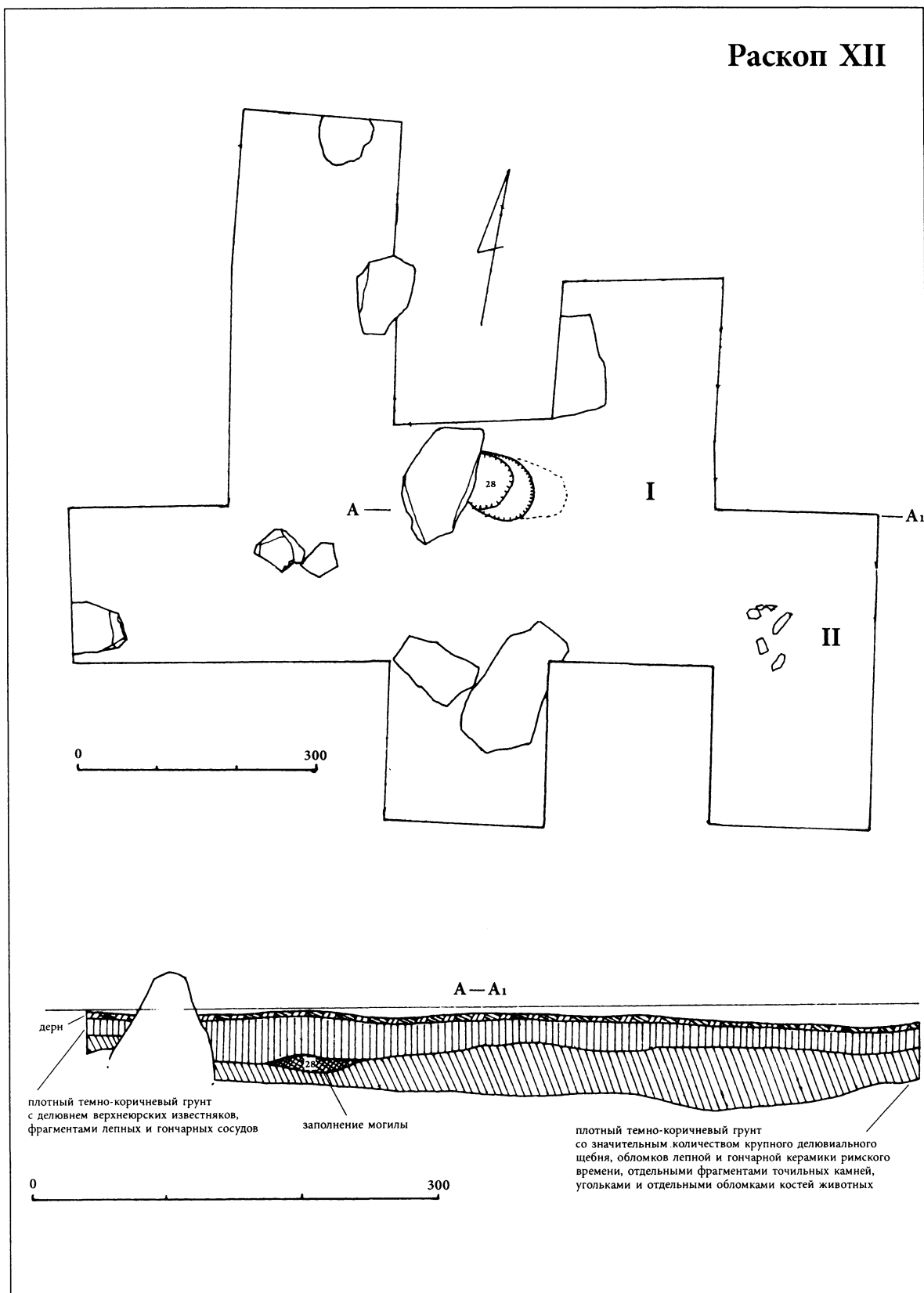

Таб. 57А. Поминальная яма № 8. План, разрез

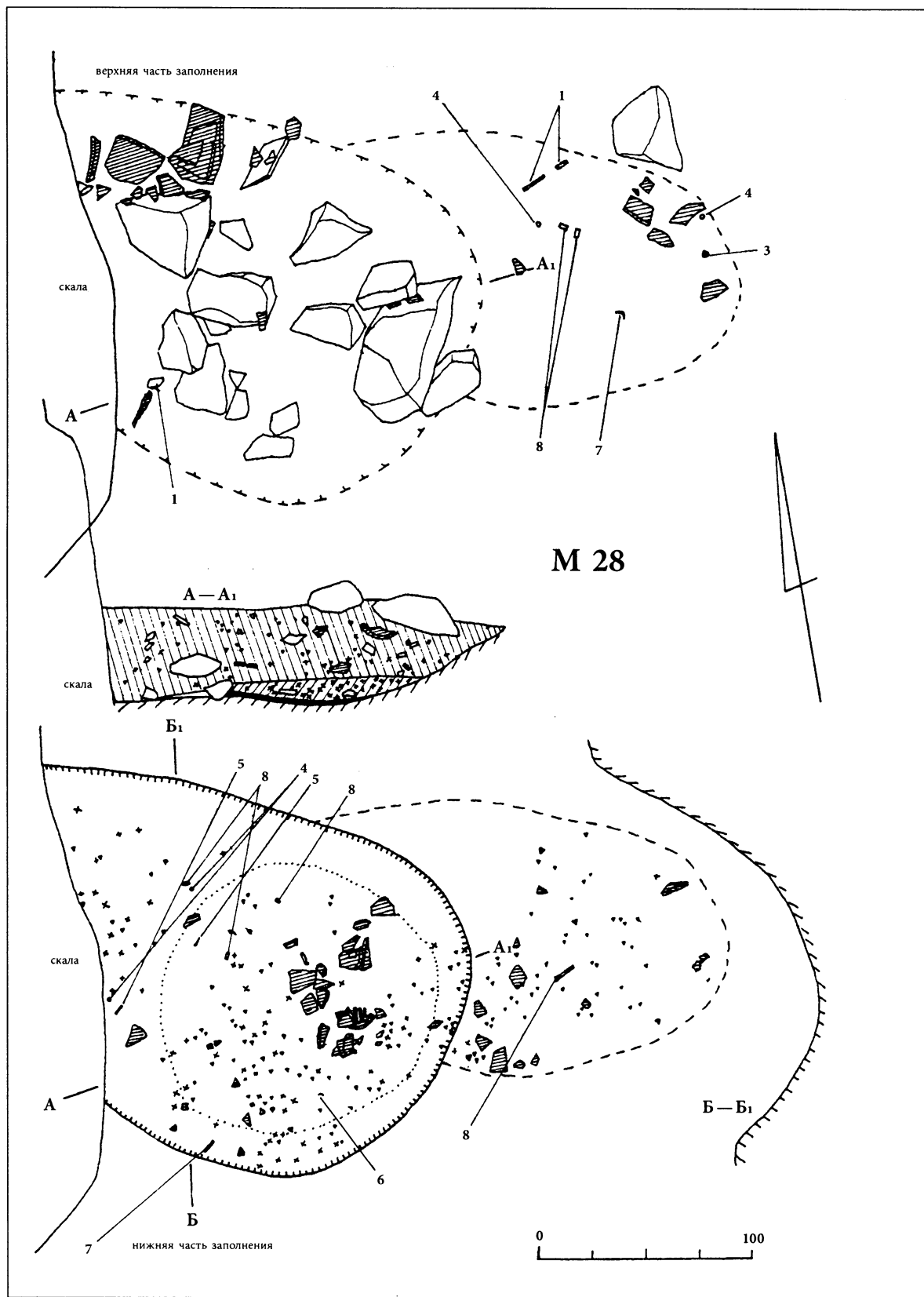
Таб. 57Б. Поминальная яма № 10. План, разрез

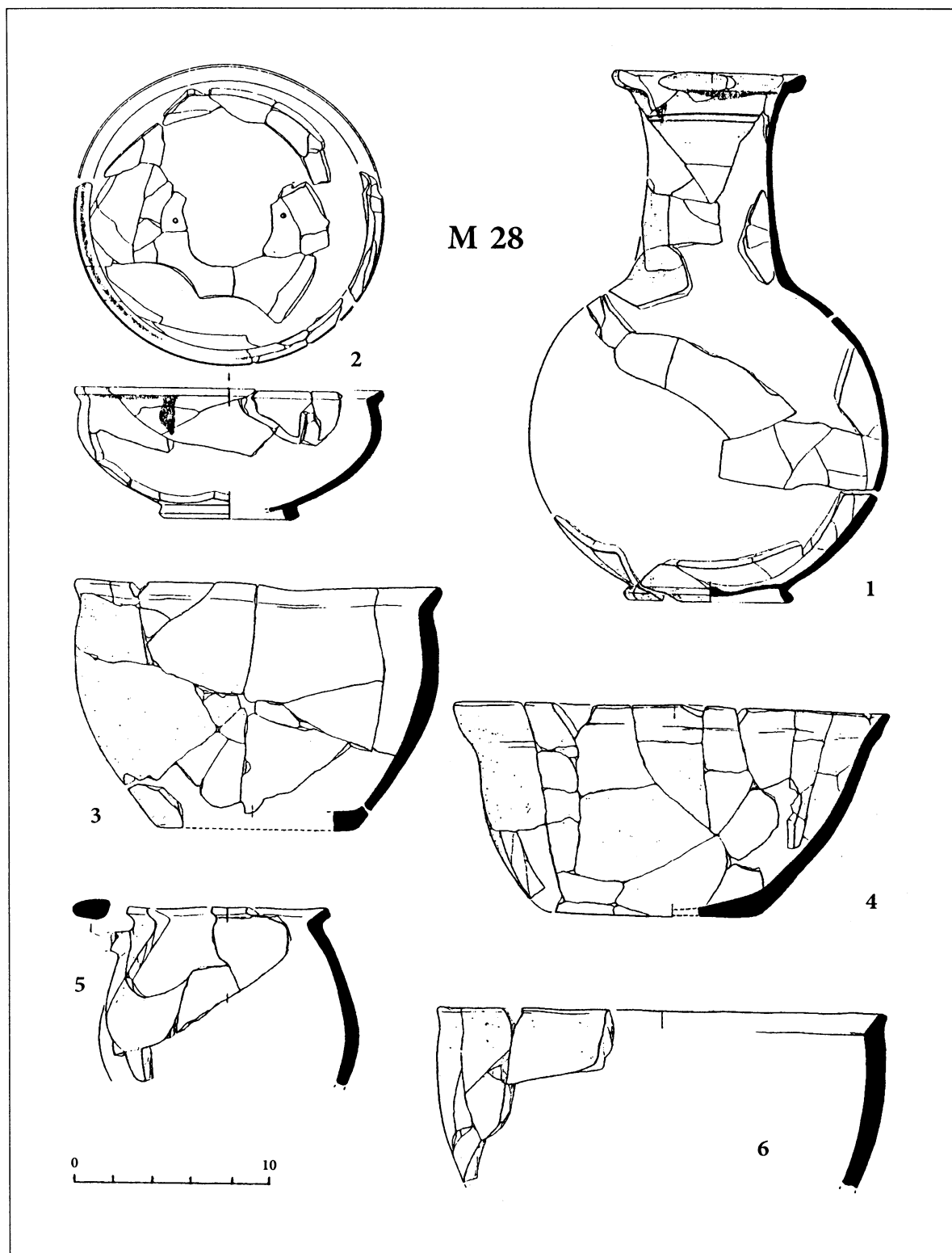
Таб. 58. Поминальная яма № 9. План, разрез

Таб. 59. План раскопа XII (между «северной» и «южной» частями некрополя)

Таб. 60. Могила № 28. План и разрез с обозначением находок

Таб. 61. Могила № 28. Вещи из заполнения могилы

1 — краснолаковый кувшин;

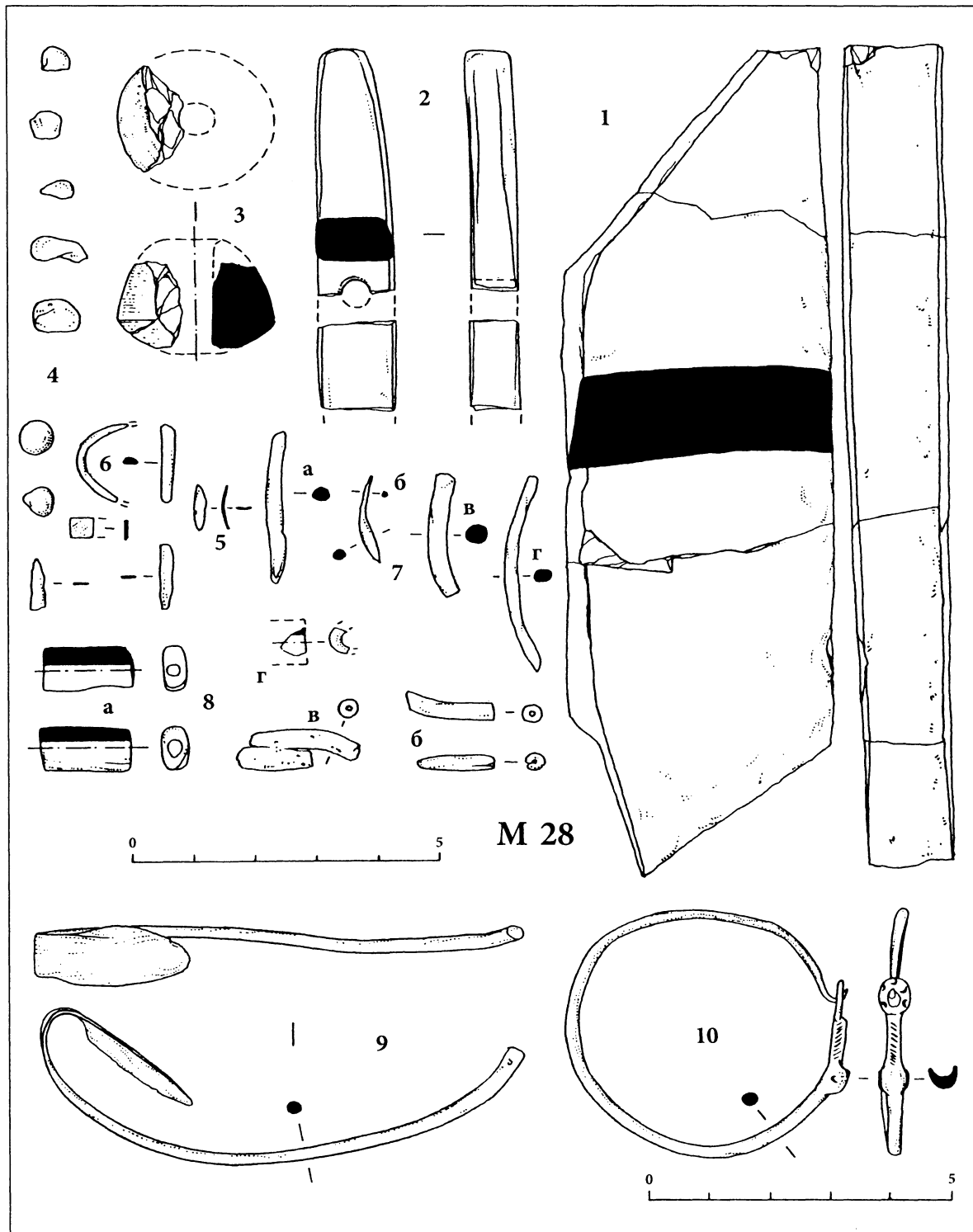
2 — краснолаковая миска;

3 — лепной коричневоглиняный горшок;

4 — лепная коричневоглиняная миска;

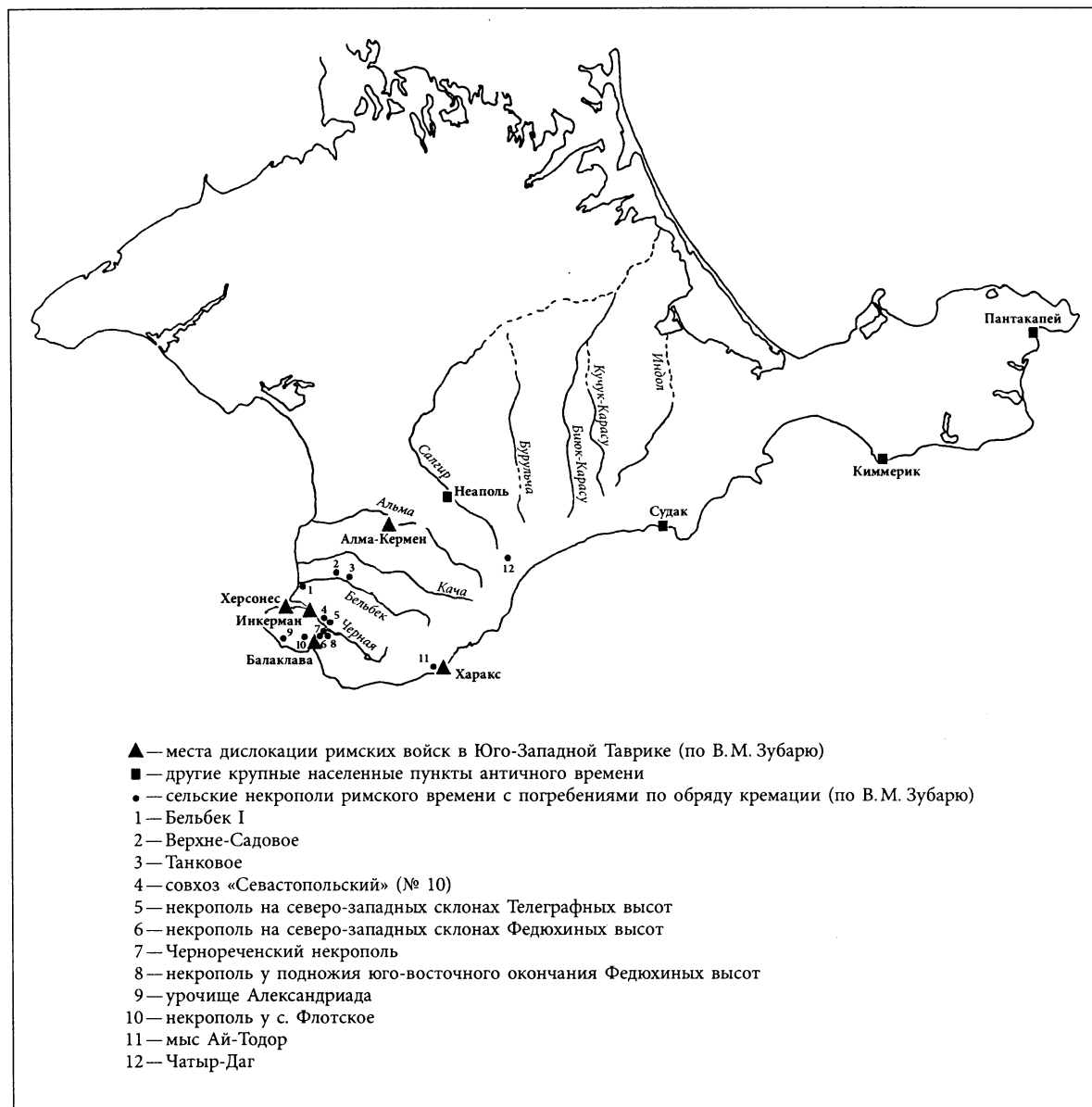
5 — лепной кубок с ручкой;

6 — фрагменты лепного горшка.

Таб. 62. Могила № 28. Вещи из заполнения могилы

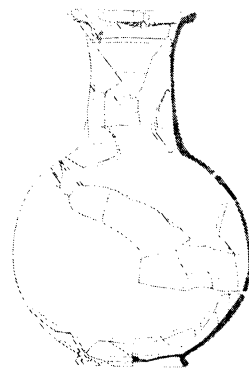
1 — прямоугольная плитка из песчаника; 2 — фрагменты оселков из песчаника; 3 — глиняное прялице; 4 — слитки белого металла; 5 — фрагмент бронзового изделия из тонкой пластины;	6 — овальная бронзовая подвеска; 7 — фрагменты бронзовых браслетов; 8-а-г — бусы из глухого красного стекла, прозрачного белого и синего стекла; 9, 10 — бронзовые браслеты, найденные вне могилы.

Таб. 63. Некрополи римского времени с погребениями по обряду кремации

Часть II

АНАЛИЗ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ИНВЕНТАРЯ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Публикуемый археологический памятник по своей сути является погребально-поминальным и несет в себе разноплановую информацию о посмертном обращении с телами умерших и комплексе связанных с ним обычаев.

Процесс посмертного обращения состоит из трех стадий: 1) предваряющие обрядовые действия — трупосохранение/трупоуничтожение; 2) завершающие обрядовые действия — погребение/выставление; 3) последующие обрядовые действия — поминание/непоминание (Смирнов, 1997, с. 24). При исследовании Чатыр-Дагского некрополя получены сведения (различного объема и достоверности) об обрядах всех трех стадий.

I стадия. Во всех 55 могилах исследованной части некрополя в том или ином количестве и сочетании обнаружены фрагменты кальцинированных костей, угли и пепел, вторично обожженные обломки керамики и побывавшие в огне отдельные детали погребального инвентаря. Все это, видимо, свидетельствует о том, что перед захоронением большинство тел умерших подвергалось кремации (трупоуничтожение). Лишь в одном погребальном сооружении, содержащем, видимо, двойное (одноактное) захоронение, кроме остатков кремации зафиксировано трупоположение ребен-

ка (могила № 21), возможно, представляющее собой жертвоприношение.

Количество встреченных в погребениях фрагментов кальцинированных костей различно — от нескольких штук до сотен. Как уже отмечалось выше, все они, в основном, очень мелкие и антропологической обработке не подвергались. Чаще всего определить по этим останкам численность и половозрастной состав покойных невозможно. Исключение составляет могила №№ 8, 10, 21, в которых обнаружены негоревшие детские кости и зубы и могила № 11, содержащая несколько обгоревших костей взрослого человека. Вероятно, в какой-то мере может быть отнесен к продуктам трупосожжения и черный, жирный на ощупь, золистый грунт, обнаруженный в 30 могилах. Однако, специальных исследований этой субстанции не проводилось и она в равной степени может считаться (во всяком случае в семантическом смысле) пеплом погребального костра. В 20 погребальных сооружениях (все в пределах «северной» группы захоронений) черный грунт не обнаружен (очистка кальцинированных костей от остатков костра?), однако, в 18 из них также найдены мелкие угольки. Для таких комплексов сложно оценить, попали в них угли случайно (при переносе костей) или же положены сюда как символ костра.

Такая особенность памятника как незначительное количество обломков костей в заполнении многих погребальных сооружений не уникальна. Сходная ситуация прослежена, например, на некрополях киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992, с. 38–44) и на могильниках группы Тыргшор-Олтени культуры Сынтана де Муреш-Черняхов (Diaconu, 1976, s. 310). Однозначно объяснить это явление сложно. Например, в могилу могло быть помещено лишь «символическое» количество останков умершего (Diaconu, 1976, s. 310), либо в таких погребальных сооружениях были захоронены сожженные останки младенцев (их тонкие кости, вероятно, почти не сохраняются в огне). Во всяком случае, существует мнение о том, что наличие даже нескольких костей в яме является безусловным признаком погребального комплекса (Пачкова, 2002, с. 34).

Кремация в большинстве случаев, вероятно, совершалась на стороне. Об этом свидетельствует отсутствие как следов воздействия высокой температуры на стенках погребальных сооружений так и характерного, например, для могильников черняховской культуры, «культурного» слоя, который некоторые исследователи считают признаком сожжения на месте захоронения (Петраускас, 1993; Магомедов, 2001, с. 27–28). В то же время не исключено, что иногда кремация осуществлялась в пределах некрополя. Так на территории, занятой «северной» группой погребений, зафиксирован участок обожженной поверхности материкового грунта площадью около 20 кв. м (Таб. 13). В этом случае часть образовавшихся при отправлении обряда продуктов сожжения могли переместить в заблаговременно подготовленное здесь же погребальное сооружение (в пределах пятна обожженной древней дневной поверхности расположены могилы №№ 26, 27, 29), остальное, возможно, перемещено вниз по склону под воздействием природных факторов (ср. напр. (Магомедов, 2001, с. 28). Анализ состояния останков в заполнении погребальных сооружений (пепел и мелкие обломки кальцинированных костей) позволяет заключить, что трупы часто подвергались полной кремации (см. Смирнов, 1997, с. 233), для чего, видимо, требовалось довольно много топлива (ср. Малинова, Малина, 1988, с. 206–207). Консистенция черного золистого грунта, обнаруженного в заполнении многих могил, в частности небольшое

количество и размеры встречающихся в нем древесных угольков, позволяет предполагать, что пепел кострища остывал постепенно и не подвергался принудительному тушению.

Наличие в погребальных сооружениях обожженных и оплавленных артефактов свидетельствует о том, что вместе с покойником сжигались и некоторые предметы, в большинстве своем, видимо, представлявшие собой элементы посмертного инвентаря. Так около 30% обнаруженных в заполнении могил фрагментов керамики обожжено вторично (в 38 могилах (69%)). Фрагменты, собирающиеся в крупные части сосудов или их целые формы, видимо, являются остатками посуды (вероятно, с приношениями), намеренно помещенной в погребальный костер и при этом, возможно, разбитой. Разрозненные обломки, вероятно, перенесены к месту захоронения случайно, вместе с остатками кремации. Они, скорее всего, представляют собой часть культурного слоя, образовавшегося на месте сожжения в результате неполного сбора продуктов предыдущих отправок обряда (см. напр. Орлов, 1987, с. 126). В меньшем количестве (в 22 могилах (40%)) найдены побывавшие в огне орудия труда и оружие (возможно, при жизни принадлежавшие кремированному), детали костюма и украшения (вероятно, находившиеся на одежде покойного), монеты (были брошены в костер(?)). Точная численность и ассортимент этих изделий не всегда поддается учету, так как часть их, возможно, могла быть утрачена в процессе сожжения, при сборе и последующем переносе праха к месту захоронения. Кроме того, некоторые предметы настолько деформировались под действием высокой температуры, что они просто не поддаются идентификации.

2 стадия. После кремации останки умерших погребали на некрополе. Здесь погребения размещались отдельными группами-«кустами». Сходная в некоторой степени ситуация прослежена, например, на отдельных памятниках киевского типа (Третьяков, 1974, с. 116) и на раннесредневековых биритуальных некрополях Цебельды (Кавказ). Исследователи цебельдинских древностей полагают, что такие группы принадлежат отдельным родам или большим патриархальным семьям (Гей, Бажан, 1997, с. 9). Возможно, и на Чатыр-Даге наблюдается нечто подобное. Не исключено, однако, что разделенность частей клад-

бища в условиях горного ландшафта объясняется дефицитом мест, пригодных для захоронений согласно ритуально-обрядовым нормам, бытовавшим в среде оставившего памятник населения. Например, в среде местного населения могла существовать традиция совершения погребений на прогалинах, свободных от леса или обычай «табу» на занятие под некрополь склонов определенной экспозиции (см. напр. Абрамова, 1987, с. 7) и т. п. Тогда при использовании всей пригодной площади в одном месте, погребения могли совершаться на другом склоне вблизи первого участка. Во всяком случае, на известной части некрополя наблюдается его «рост» сверху вниз (с севера на юг), так как захоронения исследованные в 1980–1982 гг. совершены, в большинстве своем, видимо, несколько позже изученных в 1988–2002 гг. Каких-либо достоверных признаков регламентации границ некрополя или отдельных его частей не отмечено. Пространство между компактными группами погребений, вероятно, использовалось как для размещения отдельных захоронений (могила № 28), так и в других ритуальных целях, например для жертвоприношений, возможно, поминального характера. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь небольшие ямки, иногда содержащие угольки, а также отдельные артефакты, лежавшие на древней дневной поверхности. Некоторые из этих предметов подверглись сильному термическому воздействию. Возможно, они упали на землю при переносе остатков кремации от «точка» к месту захоронения.

Все изученные могилы содержали разнообразные захоронения. Конструктивные особенности погребальных сооружений демонстрируют значительное разнообразие. Представлены как простейшие формы (грунтовая яма, заполненная вровень с дневной поверхностью), так и довольно сложные структуры, включающие в себя несколько дублирующих объемов (грунтовая яма, каменная «циста», закрытая крышкой урна) и надмогильное конструкции (вертикально стоящие плиты, кучки камней, отдельные большие камни). Видимо, именно благодаря наличию таких «памятников» случаев взаимоперекрывания могил не зафиксировано.

Стратиграфия их заполнения в большинстве случаев позволяет определенно судить о последовательности обустройства и наполнения погребальных сооружений, в том числе помещения в них инвентаря и остатков кре-

мации. В 12 захоронениях кальцинированные кости были сыпаны в урны, в 1 — размещались на дне могилы компактно (возможно, в древности были помещены в емкость из органического материала), в 41 случае — рассеяны по могильной яме без дополнительных вместилищ (сведений о размещении остатков сожжения в могиле № 4 нет).

В заполнении всех могил помимо вещей, принесенных с места кремации, найдены различные не подвергавшиеся действию огня предметы, вероятно, оказавшиеся здесь в процессе ритуальных действий, сопровождавших погребение. Наиболее многочисленна и часто встречается керамика (около 70% обломков сосудов, найденных в заполнении могил). Кроме керамических элементов погребальных сооружений (урн, закрывавших их горловины чашек, а также крупных обломков сосудов, содержавших остатки сожжений), в могилах обнаружены другие сосуды и их фрагменты. Целая посуда, очевидно, сопровождала погребение как инвентарь (могилы №№ 21, 55). Обломки необгорелых сосудов, собирающихся в целые формы, в большинстве случаев, видимо, принадлежат преднамеренно разбитым или впоследствии раздавленным грунтом изделиям, помещенным в могилу при захоронении в том же качестве. В то же время они могли, как и отдельные фрагменты других сосудов, быть сброшенными в могилу остатками тризны, возможно, проходившей синхронно с кремацией, переносом праха к месту погребения, погребением или в промежутках между этими действиями.

Другие не побывавшие в огне вещи, представляющие собой предметы вооружения, орудия труда, элементы костюма, украшения, амулеты, платежные средства и т. п., в большинстве случаев, видимо, являются составляющими инвентаря, отобранными для этой цели независимо от предметов, сопровождавших покойного на погребальном костре (возможно, часть их при жизни также принадлежала умершему). В различных сочетаниях они найдены в не менее чем в 27 погребальных сооружениях. В некоторых случаях, исходя из расположения таких вещей между стенками могильной ямы и плитами «каменных ящиков», можно предполагать, что инвентарь, по крайней мере частично, компоновался еще до обустройства погребального сооружения (могилы №№ 3, 14, 55). Иногда, некоторые из артефактов механически испорчены (возможно

преднамеренно, перед погребением) или представляют собой предметы с дефектами, затрудняющими их утилитарное использование (например, плохо обожженные лепные сосуды из могилы № 55). Следует отметить, что уверенно определить по этим вещам количество и половозрастной состав погребенных чаще всего невозможно. Исключение составляют лишь яркие воинские, видимо, мужские захоронения с оружием и некоторые могилы, содержавшие характерный «женский» инвентарь (пряслица, иглы и пр.).

3 стадия. О поминальных обрядах, проходивших на некрополе, возможно, свидетельствуют обнаруженные здесь поминальные ямы. Следует заметить, что все 11 поминальных ям, по всем признакам напоминающих безурновые захоронения, но не содержащих кальцинированных костей, концентрируются на самой верхней площадке возвышенности, на западном склоне которой и располагается большинство могил северного «куста» (Таб. 13, Таб. 29, Б, Таб. 54–58).

Здесь же обнаружена и большая часть отдельных находок: поздняя фибула типа Пильвины (Таб. 54А, 5), наконечник копья, воткнутый в землю, топор, ножи, заклепки от умбонов и щитов (Таб. 15, Б).

Особый интерес представляет яма № 8 (Таб. 57А), так как она напоминает след от большого квадратного или прямоугольного в сечении столба. В яме даже сохранились остатки большой деревянной плахи (см. с. 8). Возникает подозрение, не был ли здесь установлен некий деревянный идол, и не служила ли вся площадка специальным сакральным местом для ритуальных трапез и жертвоприношений?! Мы при этом не исключаем, что в то же время значительная часть поминальных действий могла осуществляться и в других местах, например, на каком-либо святилище.

★ ★ ★

При обобщении данных о захоронениях по обряду кремации за основу классификации обычно принимается способ помещения праха в могилу. Традиционно исследователи полей погребальных урн на территории основного ареала их распространения внутри типа погребального обряда «трупосожжение» выделяют два вида (класса) — «безурновые»

и «урновые» различных вариантов: «чистые» и «с костром»; «компактные» и «рассеянные»; «с инвентарем» или «безинвентарные»; собственно «в урне», «в черепках» сосудов, в «других вместилищах» (Никитина, 1985, с. 10–12, 61–78, 85; Кухаренко, 1980, с. 24–29 и др.). При описании крымских биритуальных некрополей эти признаки, как правило, комбинируют с формой и конструктивными особенностями погребальных сооружений (Мыц, 1987, с. 159; Айбабин, 1999–Б, с. 244–245; Ушаков, 1998, с. 238–240) (из существующих классификаций крымских трупосожжений наиболее обстоятельная выполнена С. В. Ушаковым, однако, для публикационной работы она, кажется, слишком формализованной). Кроме того, в отдельных случаях представляется целесообразным систематизация сведений об особенностях погребального обряда с учетом их пространственной локализации. В частности, для Чатыр-Дагского некрополя оправданность такого подхода обусловлена несколькими причинами. Открытые к настоящему времени части древнего кладбища исследованы неравномерно. Материалы изучения «северной» группы захоронений дают довольно полное представление об ее размерах, пространственной структуре и количественном соотношении комплексов, иллюстрирующих различные варианты практиковавшегося здесь погребального обряда. Эти данные вполне репрезентативны и представляют самостоятельный интерес. «Южную» группу полностью исследовать не удалось, по имеющимся сведениям получить о ней целостное представление сложно. Кроме того, обряд, зафиксированный на «северной» и «южной» частях могильника несколько различается, что может быть обусловлено хронологическими или иными причинами. Всего в пределах Чатыр-Дагского некрополя на сегодняшний день прослежено по крайней мере 9 вариантов погребений по обряду кремации, в размещении которых на территории могильника наблюдаются некоторые закономерности.

В пределах «северной» части (общая площадь около 300 кв. м) четко выделяются два участка, на которых погребальные сооружения и обряд в целом существенно различаются (Таб. 13). «Западный» участок (около 175 кв. м) значительно пострадал при строительных работах. На его территории изучено 6 могил (№№ 13, 14, 20, 21, 25, 55) и остатки трех разрушенных (№№ 12, 15, 16). Изначально здесь могло находиться 12–13 погребальных

сооружений. Размещались они достаточно свободно, на расстоянии 2, 5–5, 3 м друг от друга. Ориентация неустойчивая: СВ—ЮЗ, С—Ю, ЮВ—СЗ. Могилы представляют собой сравнительно глубокие грунтовые ямы, часто с различными каменными конструкциями из плит мелкоструктурного песчаника. Выходы такой горной породы имеются в пределах некрополя. В большинстве могил этого участка находились урновые захоронения, сопровождавшиеся разнообразным инвентарем. В деталях конструкции и обряда погребения в значительной степени индивидуальны. В связи с этим, поскольку подробное описание захоронений приведено выше, здесь их характеристика дается в форме предположительной реконструкции вариантов погребального обряда по принципу «от сложного к простому» всего выделяется 9 основных вариантов погребального обряда, но на разных участках некрополя существуют их локальные подварианты.

СЕВЕРНАЯ ЧАСТЬ НЕКРОПОЛЯ

ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК

Вариант 1. *Двойное биритуальное погребение (труположение и безурновая кремация) в грунтовой яме, разделенной вымосткой (мог. 21, Таб. 24, Таб. 25).*

Яма овальной в плане формы, размером по верхнему контуру 1,05×0,85 м, глубиной 0,50–0,65 м. Стенки верхней части сооружения наклонные. Ниже они обрываются вертикально, образуя у дна могилы дополнительное овальное в плане углубление размером 0,45×0,60 м, глубиной 0,23–0,30 м. Кремация одного из умерших совершалась на стороне. Вместе с останками сжигались только железные детали одежды (пряжки). На дно дополнительного углубления в могиле укладывалось тело ребенка. Сюда же ставили сосуд с заупокойной пищей и помещали орудия труда (нож), элементы костюма и украшения, частично или полностью принадлежавшие крематорному погребенному, судя по размерам перстня и браслетов — взрослому. Затем углубление заполнялось приносным светло-коричневым зolistым грунтом (остатки сожжения?). При этом в него бросали монеты, бусы и другие мелкие украшения. Сверху зolistый грунт пересыпался углями костра и

закрывался плитами. В процессе и после этого перекрытие также посыпали углями. На следующем этапе устанавливались вертикальные плиты «памятника», после чего верхняя часть ямы заполнялась переотложенным материковым грунтом (видимо, выбранным при рытье могилы), смешанным с небольшим количеством продуктов кремации (угли, кальцинированные кости). На последней фиксируемой археологически стадии обряда в уже почти засыпанную могилу была брошена бляшка из желтого металла с сердоликовой вставкой.

Вариант 2–А. *Урновое погребение в каменном «ящике» (могила 55, Таб. 51–53).*

Плитовая могила устроена в грунтовой яме прямоугольной в плане формы с отвесными стенками, размером 0,54×0,87 м, глубиной 0,48–0,67 м. «Ящик» занимал весь объем ямы. Внутренние его размеры 0,47×0,59 м. Еще при устройстве «ящика» в пространство между его боковой плитой и стенкой могильной ямы поместили часть инвентаря (железные серп и наконечник копья).

Кремация совершалась на стороне. Вместе с телом умершего сжигались только железные детали одежды и мелкие орудия труда. После этого кальцинированные кости тщательно очищались от остатков костра и ссыпались в урну (красноглиняная амфора) вместе с оплавленными изделиями из железа, бронзовыми деталями костюма и украшениями, стеклянными бусами, монетой. Во время установки урны в могилу (на боку) возле нее ставили сосуды (лепные кувшин и кубок) с заупокойной пищей. У горловины амфоры была положена лепная чашка, которой первоначально предполагалось, вероятно, закрыть урну, однако, размеры «ящика», видимо, не позволили этого сделать. Затем погребальное сооружение перекрыли внаброс мелкими плитами песчаника (в 2–5 слоев). Заклад опирался на вертикально стоящие плиты и древнюю дневную поверхность.

Вариант 3. *Погребения в обломках сосудов, заключенные в каменный «ящик» (мог. 13, 14, 15, 16, Таб. 16–19).*

Плитовые могилы устраивались в грунтовых ямах прямоугольной в плане формы, с отвесными (мог. 14) или наклонными (мог. 13) стенками, размером 0,50–0,70×0,20×0,50 м, глубиной 0,50–0,78 м. «Ящики» занимали нижнюю часть объема ям. В качестве северной торцевой стенки в могиле 14 была установлена плита, воз-

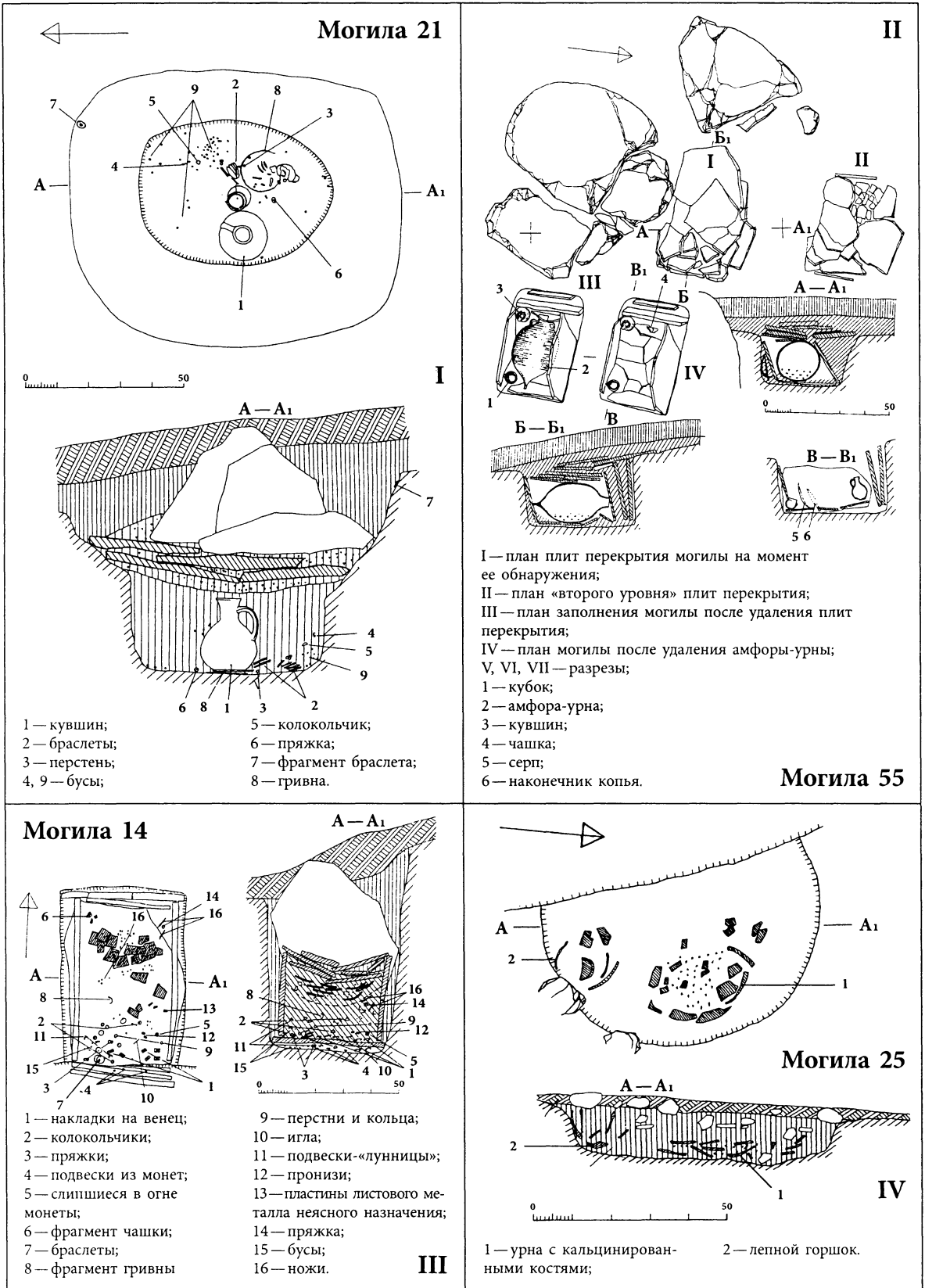

Рис. 1. Варианты погребального обряда Чатыр-Дагского некрополя (по: Лысенко, 2004, рис. 4)

вышавшаяся над краем погребального сооружения, обозначая его положение на местности. Внутренние размеры этих вместилищ 0,30–0,60×0,16–0,34 м, глубина 0,20–0,30 м. В одном случае (мог. 14) еще до сооружения «ящика» на дно могильной ямы бросили часть инвентаря: бронзовые детали одежды (накладки венца, пряжка), украшения («луновидная» подвеска, колокольчик), стеклянные бусы и три монеты.

Кремация совершалась на стороне. Вместе с телом умершего, видимо, сжигались какие-то вещи, из которых в могилу 14 попали лишь 4 оплавленных монеты, а в могиле 13 не оказалось ничего. Вероятно, уже после этого в погребальные сооружения засыпали темно-коричневый грунт с отдельными углями, бросая в него вещи, сопровождавшие захоронения: мелкие орудия труда (железные ножи, бронзовая игла); элементы костюма (накладка венца, пряжки); разнообразные бронзовые украшения (браслеты, перстни, серьги, подвески, колокольчики, кольца и т. п.), стеклянные бусы, монеты. Поверх этого укладывались обломки стенок 1–2 красноглиняных амфор, в которые ссыпались кальцинированные кости, смешанные с углями и пеплом костра. Тут же помещались разрозненные фрагменты 1–3 необгоревших краснолаковых (чашки, кувшин) и лепных (горшок?, кувшин?) сосудов, представляющие собой, возможно, остатки тризны. Затем «ящик» перекрывали внаброс плитками песчаника (в 2–5 слоев). После этого верхние части ям заполняли переотложенным материковым грунтом (видимо, выбранным при рытье могил).

Вариант 4–А. *Урновое погребение в открытой грунтовой яме (мог. 25, Таб. 26А).*

Яма округлой в плане формы, диаметром 0,70 м, глубиной 0,26 м. Трупосожжение совершалось на стороне. Вещей, которые, возможно, сжигались вместе с останками умершего, в могиле не обнаружено. После кремации кальцинированные кости тщательно очищались от остатков костра и помещались в урну (кувшинообразный лепной сосуд). Во время установки урны в могиле (на боку) возле нее поставили лепной горшок с заупокойной пищей. Затем погребальное сооружение было засыпано грунтом.

Вариант 7. *Безурновое погребение в грунтовой яме под вымосткой (мог. 20, Таб. 23).*

Яма овальной в плане формы, размером 1,00×1,19 м, глубиной 0,18 м. Кремация совер-

шалась на стороне. Вещей, которые, возможно, сжигались вместе с останками умершего, в могиле не обнаружено. Видимо, после кремации на дно ямы поместили сопровождавшие погребение предметы вооружения — железные наконечник копья и обломок умбона. Затем могилу начали засыпать темно-коричневым грунтом, перемешанным с редкими углями и обломками кальцинированных костей. Здесь же были рассеяны необгорелые фрагменты 2 красноглиняных амфор и лепного сосуда, представляющие собой, вероятно, остатки тризны. На завершающем этапе обряда содержимое погребального сооружения перекрывалось вымосткой из мелких плиток песчаника (в 1–2 слоя, внаброс).

«ВОСТОЧНЫЙ УЧАСТОК»

«Восточный» участок (около 125 кв. м) сохранился практически полностью. В его пределах исследовано 34 могилы (№№ 17–19, 22–24, 26–54) из которых лишь 2 (№№ 19 и 24) частично разрушены при строительных работах. Размещались они сравнительно плотной группой, местами «впритык» друг к другу. Расстояние между погребальными сооружениями составляет 0–2,4 м. Могилы представляют собой неглубокие грунтовые ямы, в основном округлой и овальной в плане формы, сверху иногда перекрытые забутовкой из разномерного известнякового камня, добывавшегося, видимо, тут же и не подвергавшегося специальному отбору или подгонке. Все они содержали безурновые погребения. Представленные здесь два варианта захоронений массовые и поэтому сведения о них нуждаются в дополнительной систематизации.

Вариант 8. *Безурновые погребения в грунтовых ямах под каменным закладом (мог. 26, 27, 29, 31, 44, Таб. 29А, Таб. 30, Таб. 31, Таб. 42).*

Могилы округлой (№№ 26, 27, 31) или овальной (№№ 29, 44) в плане формы, размером 0,55–0,90×0,50–0,90 м, глубиной 0,15–0,23 м. Заполнены рыхлым черным золистым грунтом, пятно которого, в некоторых случаях, прослеживалось также на древней дневной поверхности (№№ 26, 27) вокруг погребального сооружения. Наибольшую площадь оно занимало, как правило, у борта могилы, расположенного выше по склону. Сверху содержимое ям, а иногда и часть поверхности материка за их пределами (0,08–0,15 м) пере-

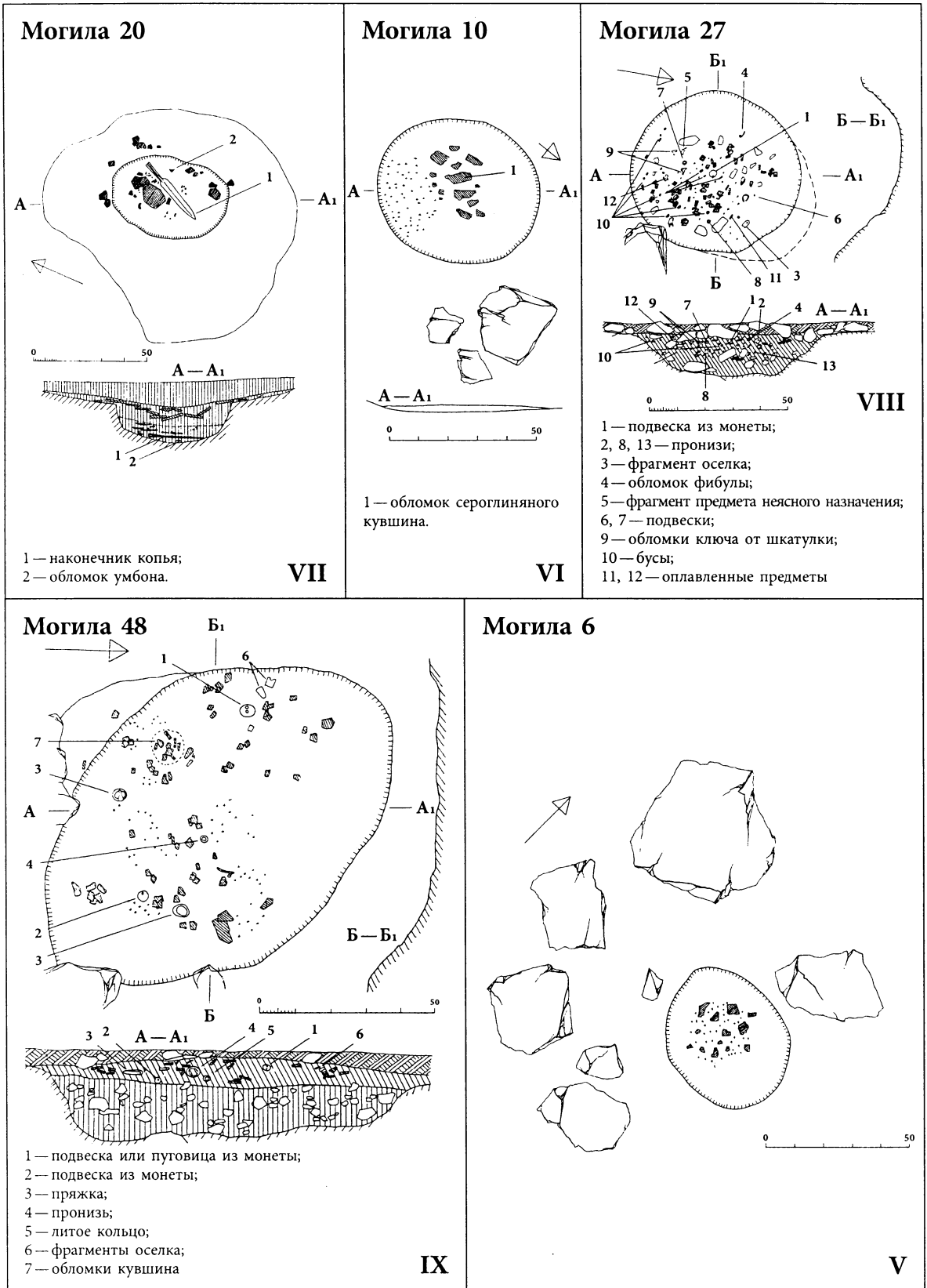

Рис. 2. Варианты погребального обряда Чатыр-Дагского некрополя (по: Лысенко, 2004, рис. 5)

крывал заклад из разномерного бута, в древности несколько возвышавшийся над краями могилы (до 0,15 м). Остатки кремации в виде углей и мелких фрагментов кальцинированных костей обычно были рассредоточены в заполнении. В погребениях №№ 26, 27, 29 они встречаются, также, между камнями заклада.

Вещи, сопровождавшие захоронения обнаружены среди продуктов сожжения. Численность и ассортимент их в разных могилах не одинаковы — от обломков нескольких сосудов (мог. 31) до десятков различных предметов (мог. 27). Особенно многочисленны фрагменты керамики, встреченные во всех погребениях. В двух из них — это единственная категория находок (№№ 29, 30). Количество сосудов, которым принадлежали черепки, колеблется в пределах 4–9 в одной могиле. Из них вторичному обжигу подвергались, обычно, обломки 1–3 изделий. В основном это гончарная керамика: разрозненные фрагменты амфор, краснолаковых кувшинов и чашек. Среди необгорелой посуды помимо перечисленных форм встречены еще обломки лепных чашки, горшков и преднамеренно разбитой археологически целой миски (мог. 44). Наиболее часто в заполнении могил попадают фрагменты краснолаковых кувшинов (во всех) и стенок амфор (в четырех). Находки частей сосудов других категорий единичны. Предметы вооружения в погребениях данного варианта не обнаружены. Орудия труда сопровождали два захоронения. В могиле 27 — оселок, в могиле 44 — согнутое в древности шило. Детали костюма были в составе двух комплексов: фрагменты бронзовых фибул в погребениях №№ 26 и 27. Различного рода украшения встречены в трех захоронениях (№№ 26, 27, 44). Среди них 8 разнообразных бронзовых подвесок (в том числе из монет), стеклянная жуковина от перстня, 40–50 стеклянных и 1 бронзовая бусины. Практически все изделия из стекла, а также некоторые бронзовые вещи побывали в огне.

Кроме того, в заполнении 4 могил этого варианта (№№ 26, 27, 29, 31) находились камни, иногда довольно крупные. Не исключено, что их помещали сюда намеренно.

Последовательность основных ритуальных действий при совершении погребений 8 варианта могла выглядеть следующим образом. Кремация, скорее всего, совершалась на стороне. Вместе с телом умершего сжигалась часть инвентаря, в основном, бронзовые и стеклянные украшения, а также сопровождавшие по-

койного сосуда (чаще всего, краснолаковые кувшины), возможно содержавшие заупокойную или жертвенную пищу. Через некоторое время (зола остывала медленно) продукты кремации (прах, кальцинированные кости, пепел и угли костра) вместе с частью культурного слоя «точка» (отдельные фрагменты стенок амфор и краснолаковой посуды) переносили на территорию некрополя. Не исключено, что при высыпании этого грунта на землю значительная часть его иногда попадала на поверхность материка возле могилы (пятна вокруг ям), а потом подгребалась в нее. После этого или несколько ранее сюда помещали необгорелые и, в основном, фрагментированные орудия труда, бронзовые детали костюма и украшения, а также обломки керамических сосудов (чаще всего краснолаковых кувшинов и лепной посуды) представляющие собой составляющие инвентаря и/или остатки тризны. Затем погребальное сооружение вместе с содержащим закладывалось камнями, образывавшими небольшой «курганчик» высотой до 0,15 м, отмечавший положение могилы на местности.

Вариант 9–А. Безурновые погребения в открытой грунтовой яме (мог. 17–19, 22–24, 30, 32–43, 45–54; Таб. 20А, Таб. 21А, Таб. 22, Таб. 26Б, Таб. 27, Таб. 28Б, Таб. 60, Таб. 32, Таб. 33Б, Таб. 41, Таб. 43–50).

Могилы округлой (№№ 24, 30, 32–34, 36–41, 45–47, 49, 51), овальной (№№ 17, 19, 22, 43, 48, 50, 52–54), подпрямоугольной (№№ 18, 35, 42) или подквадратной (№ 23) в плане формы. Размером 0,25–1,00×0,30–1,20 м, глубиной 0,10–0,46 м. Заполнены плотным темно-коричневым (№№ 22–24, 32, 34, 35, 38–43, 49–53) или сравнительно рыхлым черным золистым (№№ 17–19, 30, 33, 36, 45–47, 54) грунтом. В двух случаях стратиграфия могил была более сложной: темно-коричневый грунт перекрывал черный (№ 37) и наоборот (№ 48). Иногда пятно аналогичного седимента прослеживалось на древней дневной поверхности вокруг погребального сооружения (№№ 33, 40, 47). Наибольшую площадь оно занимало, как правило, у борта могилы, расположенного выше по склону.

Остатки кремации в виде угольков и мелких фрагментов кальцинированных костей обычно были рассредоточены в заполнении.

Вещи, сопровождавшие захоронения, залежали, чаще всего, вместе с продуктами сожжения. Численность и ассортимент их в разных могилах не одинаковы — от обломков несколь-

ких сосудов (№№ 17, 19, 23, 24, 32, 35, 40, 42, 53) до десятков различных предметов (№№ 48, 51).

Особенно многочисленны фрагменты керамики, встреченные во всех погребениях. В 10 из них (№№ 17, 19, 23, 24, 32, 35, 40, 42, 49, 53) это единственная категория находок. Количество сосудов, которым принадлежали черепки, колеблется в пределах 1–17 в одной могиле. Из них вторичному обжигу подверглись обломки 1–6 изделий. В основном это гончарная керамика: фрагменты амфор, краснолаковых кувшинов и чашек. Чашки из 4 комплексов (№№ 30, 43, 47, 49) собираются в археологически целые формы. Среди необгорелой посуды помимо перечисленных видов встречены еще обломки лепных кувшинов, чашек, горшков, мисок, тарелок и кружки. Формы кружки и двух мисок из могил № 46 и № 44 реконструируются. Наиболее часто в заполнении погребальных сооружений попадают фрагменты краснолаковых кувшинов (в № 21), стенок амфор (№ 15), лепных горшков (в № 12). Находки частей сосудов других категорий сравнительно редки.

Предметы вооружения в погребениях данного варианта не обнаружены. Орудия труда сопровождали 4 захоронения. В могилах №№ 39, 43, 48 — обломки оселков, в могиле № 51 — фрагмент иглы и пряслице. Детали костюма были в составе 4 комплексов: обломков фибулы (мог. № 33); пряжки (мог. №№ 48, 52); пуговицы из монет (мог. №№ 48, 51). Различного рода украшения встречены в 19 захоронениях (№№ 18, 22, 30, 33, 34, 36–39, 41, 43–48, 50–52, 54). В 13 из них (№№ 18, 22, 30, 34, 36–38, 41, 42–47, 50, 54) были только стеклянные бусы. В остальных 6 погребениях найдено 8 различных бронзовых подвесок (в том числе 3 из монет), обломки пластинчатого кольца и браслета. Практически все изделия из стекла, а также некоторые бронзовые вещи оплавлены в огне.

Кроме того, в заполнении большинства могил этого варианта (за исключением №№ 17, 19, 36, 38) находились камни, иногда довольно крупные (мог. №№ 23, 33, 35, 37, 45, 47, 52–54). В нескольких случаях в древности они, видимо, возвышались над дневной поверхностью (мог. №№ 37, 47, 54) и могли отмечать местоположение погребальных сооружений на местности.

Последовательность и характер ритуальных действий при совершении погребений 9 варианта, видимо, была во многом схожа с приведенной выше для варианта 8. Основные отличия

закljučаются в следующем. На погребальном костре кроме кувшинов умершего в некоторых случаях сопровождали краснолаковые чашки. В заполнении большинства могил не обнаружено черного грунта, что может свидетельствовать о предварительном очищении остатков сожжения перед захоронением. Ассортимент вещей и необгорелых обломков керамических сосудов, помещенных в могилу после кремации (инвентарь или остатки тризны) более широк: оселки, игла, пряслице, фибула, пряжка, пуговица, кольцо, браслет, краснолаковые кувшины, стенки амфор, лепные кувшины, чашки, горшки, миски, кружка и т. п.). При засыпке погребальных сооружений в них иногда помещали крупные камни, которые в древности могли обозначать положение могил.

ЮЖНАЯ ЧАСТЬ НЕКРОПОЛЯ

Размеры «*южной*» части некрополя не ясны (Таб. 2). В ее пределах также, видимо, имеются участки, отличающиеся по погребальному обряду, однако, четко оконтурить их не удалось. Во всяком случае, обнаруженные здесь 4 «плитовые» могилы располагались довольно компактной, явно отдельной группой. 3 из них значительно пострадали при строительных работах. Размещались эти погребальные сооружения в ряд, на расстоянии 1,0–2,5 м друг от друга. Все они врезаны в склон и ориентированы по линии СЗ—ЮВ. Могилы представляли собой сравнительно глубокие грунтовые ямы с устроенными в них «каменными ящиками», сооруженными из того же материала, что и на «*северной*» части некрополя. В 3 могилах находились захоронения 2 варианта, могилу № 4, из-за ее плохой сохранности, уверенно классифицировать трудно.

Вариант 2-Б. Урновые погребения в каменных «ящиках» (могилы 1, 2, 3, Таб. 3, Таб. 4, Таб. 5, М2, М3, Таб. 6, Таб. 7).

Плитовые могилы устроены в грунтовых ямах прямоугольной в плане формы с отвесными или наклонными стенками, размером 1,10–1,22×0,32–0,60 м, глубиной до 0,30 м. «Ящики», видимо, занимали весь объем ям. Полностью, со всем содержимым, сохранился лишь один из них, трапециевидный в поперечном се-

чении, в могиле № 1. Внутренние его размеры 1,20×0,23–0,51 м, глубина 0,21–0,22 м. В могиле № 3 еще при устройстве «ящика» в пространство между его северо-западной торцевой плитой и стенкой могильной ямы поместили часть инвентаря (железные наконечник копья, топор, умбон и ручка от щита, серп).

Реконструкция последовательности ритуальных действий при погребении возможна лишь для могилы № 1, сохранившейся лучше других. Кремация совершалась на стороне. После этого кальцинированные кости, смешанные с пеплом и углями костра сыпались в урну (красноглиняная амфора), возможно, вместе с несколькими монетами. Перед установкой урны в могилу (на боку) на дно «каменного ящика» поместили довольно крупный кусок мяса на кости и железный нож. При установке амфоры (поверх мяса) или после этого в могилу были брошены монеты, а также бронзовые перстень и браслет, разломанный надвое. Горловину амфоры закрыли краснолаковой чашкой. Затем погребальное сооружение перекрыли внаброс мелкими плитами песчаника. Заклад опирался на вертикально стоящие плиты и древнюю дневную поверхность.

В других захоронениях 2 варианта южной части некрополя (могилы №№ 2 и 3) в качестве урн использовались красноглиняная и светлоглиняная амфоры. Погребение в могиле № 2, как и в могиле № 3, сопровождали железные предметы вооружения и орудия труда: согнутый меч, два наконечника копий, нож и серп. Кроме того, из этих могил происходят обкладка от ножен меча, железные пряжки и бронзовая с позолотой бляшка (щиток от пряжки?).

Остальные 7 погребальных сооружений, изученные в пределах «южной» части могильника, сохранились полностью. Они располагались в некотором удалении от описанных выше, южнее и ниже по склону, на расстоянии 6,0–18,0 м и отстояли друг от друга на 1,7–3,4 м. Все эти могилы представляли собой неглубокие открытые ямы с захоронениями по крайней мере 4 вариантов.

Вариант 4-Б. Урновые погребения в открытых грунтовых ямах (мог. 5, 9, 11, Таб. 9, Таб. 11А, Таб. 12Б).

Ямы овальной в плане формы, размером 0,38–0,60×0,55–0,90 м, глубиной 0,05–0,15 м. Трупосожжение совершалось на стороне. Вместе с телами умерших на костер помещали крас-

ноглиняные и краснолаковые сосуды (кувшины, возможно, разбитые предварительно), иногда украшения (бусы). После кремации кальцинированные кости в некоторых случаях тщательно очищались от остатков костра, а иногда доставлялись к месту погребения вместе с углями и пеплом. В могилы они помещались в урнах (лепные сосуды), одна из которых (в могиле 9) была установлена на боку (положение остальных не определено). Несгоревшие берцовые кости погребенного в могиле 11 были уложены рядом с урной. Перед засыпкой могилы 5 или в процессе этого в нее поместили 50 бусин. В качестве заполнителя погребальных сооружений использовался золистый грунт, взятый с мест сожжения. В нем были рассеяны обломки сосудов, сопровождавших покойных на костре.

Вариант 5. Погребения в обломках сосудов, помещенных в открытые грунтовые ямы (мог. 6, 8, Таб. 10Б, Таб. 12А).

Ямы овальной в плане формы, размером 0,38–0,55×0,58–0,75 м, глубиной 0,07–0,08 м. Трупосожжение совершалось на стороне. Вещей, которые, возможно, сжигались вместе с останками умерших, в могилах не обнаружено. После кремации кальцинированные кости очищались от остатков костра. В могилы они помещались в крупных обломках донных частей краснолаковых кувшинов. В процессе засыпки могилы 8 в нее бросили обломки краснолакового кувшина (форма реконструируется) и фрагменты лепного сосуда (остатки тризны и/или инвентарь). В качестве заполнителя погребальных сооружений использовался золистый грунт, взятый с мест сожжения.

Вариант 6. Погребение в емкости из органического материала, помещенной в открытую грунтовую яму (мог. 10, Таб. 10А).

Яма овальной в плане формы, размером 0,35×0,48 м, глубиной 0,08 м. Трупосожжение совершалось на стороне. Вещей, которые, возможно, сжигались вместе с останками умершего, в могиле не обнаружено. После кремации кальцинированные кости тщательно очищались от остатков костра и помещались, видимо, в тару из органического материала (мешок, корзину), уложенную затем на дно могильной ямы. В процессе засыпки могилы в нее бросили обломки сероглиняного кувшина (форма реконструируется), являющиеся остатками тризны или инвентарем. В качестве заполните-

ля погребального сооружения использовался золистый грунт, взятый с места сожжения.

Вариант 9-Б. Безурновое погребение в открытой грунтовой яме (мог. 7, Таб. 11Б).

Яма овальной в плане формы, размером 0,46×0,65 м, глубиной 0,07 м. Трупосожжение совершалось на стороне. Вещей, которые, возможно, сжигались вместе с останками умершего, в могиле не обнаружено. Через некоторое время продукты кремации (прах, кальцинированные кости, пепел и угли костра) вместе с частью культурного слоя «точка» (разрозненные фрагменты стенок амфоры и красноглиняного кувшина) перенесли в погребальное сооружение.

★ ★ ★

Анализ всех имеющихся данных позволяет получить общее представление о погребальном обряде, практиковавшемся на Чатыр-Дагском некрополе.

Погребения размещались на территории могильника отдельными группами-«кустами».

В пределах одного «куста» погребения не перекрывали друг друга, благодаря, видимо, наличию надмогильных памятников, часть которых фиксируется археологически (вертикально стоящие плиты, кучи камней, отдельные большие камни).

На территории, занятой «северной» группой погребений выделяются два смежных участка, значительно различающихся по планировке и обряду.

На одном из них («западном») могилы размещались свободно, в большинстве своем содержали урновые погребения, сопровождавшиеся сравнительно богатым и разнообразным инвентарем. Здесь прослежено удивительное многообразие и сложность как конструкций погребальных сооружений, так и вариантов обряда захоронений. На некрополях черняховской культуры все эти особенности считаются признаками высокого социального положения погребенных (Никитина, 1985, с. 88–89).

Второй участок («восточный») характеризуется скученностью могил и наличием в них исключительно безурновых небогатых погребений, совершенных по сравнительно однообразному обряду. Вероятно, здесь покоился прах рядовых членов общины.

В пределах «южной» группы погребений также прослежено обособленное размещение богатых захоронений. Видимо, на Чатыр-Дагском некрополе представителей социально значимой прослойки общества, вне зависимости от их половозрастной принадлежности, хоронили на особых частях кладбища.

Между обрядом, практиковавшимся в пределах «северной» и «южной» групп имеются некоторые различия. В могилах северной группы не зафиксировано захоронений пятого и шестого вариантов, а в погребальных сооружениях южной группы — первого, третьего, седьмого и восьмого вариантов. Это объясняется, видимо, особенностями традиций, бытовавших среди отдельных семейно-родовых групп оставившего некрополь населения.

Среди наиболее общих черт погребального обряда в первую очередь следует отметить удивительное многообразие в деталях конструкций погребальных сооружений и последовательности различных ритуальных действий, практиковавшихся на одном некрополе. Кроме того, характерны широкое использование камня в конструкции могил, наличие богатых воинских захоронений второго варианта, сопровождающихся предметами вооружения и серпами, выделяющихся на фоне значительного количества «маловыразительных» захоронений девятого варианта, присутствие среди инвентаря испорченных или преднамеренно поврежденных предметов, обломки вторично обожженных сосудов практически во всех рядовых погребальных сооружениях.

Надежная половозрастная атрибуция зафиксированных на некрополе вариантов обряда чаще всего невозможна из-за недостатка исходных данных. Сопоставление сведений, полученных при исследовании могил (характер антропологического материала и погребального инвентаря) позволяет предполагать, что по 1 варианту были похоронены женщина и ребенок, по 2 совершены престижные женские и мужские воинские захоронения, 7 вариант представляет собой, видимо, мужское воинское погребение, сожжения 3, 5, 6, 8, 9 вариантов содержали, видимо, останки женщин или детей. Не исключено, также, что часть захоронений 8 и 9 вариантов представляют собой не погребальные, а поминальные или какие-либо иные ритуальные комплексы.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

1. КЕРАМИКА

Керамические сосуды и их обломки являются самой массовой категорией находок. Они обнаружены в 53 могилах. Целые или полностью реконструируемые изделия встречены в 17 погребальных сооружениях. Из них в 11 случаях найдено по одному сосуду, в 4 — по два, в 1 — четыре, в 1 — пять. Разрозненные фрагменты керамики были в заполнении 44 могил, причем в каждой из них численность изделий, которым принадлежали черепки, варьирует в пределах от 1–2 до 16–17 штук. Восемь захоронений сопровождали только целые сосуды, в 8 обнаружены как собирающиеся, так и разрозненные обломки, в 36 погребениях встречены только фрагменты. Всего в могилах найдено 28 целых форм и отдельные обломки примерно 221–246 сосудов. Из них гончарным, скорее всего, импортным изделиям принадлежат 17 реконструируемых и разрозненные фрагменты 131–145 сосудов. Местная лепная керамика представлена 11 целыми формами и отдельными обломками 90–101 изделия.

1.1 ГОНЧАРНЫЕ СОСУДЫ

Гончарные сосуды подразделяются на амфорную тару и столовую краснолаковую, красноглиняную и сероглиняную посуду.

1.1А. Амфоры

Целые амфоры или их фрагменты найдены в 34 могилах. Среди них 4 археологически целых и фрагменты 44 — х красноглиняных амфор, а также 1 археологически целой и разрозненные части 12–15 светлоглиняных амфор. По составу керамического теста можно выделить около 24 разновидностей красноглиняных амфор и, примерно, 7 — светлоглиняных.

Красноглиняная амфора из могилы № 1 (Таб. 4, 1; Рис. 3, 1) имеет бороздчатое цилиндрическое тулово диаметром 0,35 м и длиной 0,80 м, слегка заостренное снизу и заканчивающееся профилированной ножкой. Горло высокое, с венчиком в виде слегка нависающего валика. Ручки профилированы четырьмя

продольными бороздками. Близкие по форме и пропорциям сосуды известны из раскопок некрополя близ Харакса, Мирмекия и Тиры. Аналогичная амфора, возможно, происходящая из погребения первой половины V в. н. э., хранится в фондах Курского историко-краеведческого музея (Якобсон, 1979, Таб. 1, 5, с. 9, 10). Харакская амфора найдена в могиле № 29, датированной А.И. Айбабиным первой половиной V в. н. э. (Айбабин, 1984, с. 114). Согласно разработкам О.А. Гей и И.А. Бажана это погребальное сооружение входит в третью, самую позднюю хронологическую группу могил некрополя на мысе Ай-Тодор и датируется, видимо, серединой IV в. н. э. (Гей, Бажан, 1997, с. 33–35). Амфора из Мирмекия обнаружена в одной из рыбозасолочных ванн, которую прекратили использовать в конце III — первой половине IV вв. н. э. (Ланговая, 1941, с. 289–291; Гайдукевич, 1952, с. 206, Таб. 124). В Тире аналогичные тарные сосуды находили в комплексе IV в. н. э. (Кравченко, Корпусова, 1975, с. 23, 30, 31, 40, Таб. 3, 1; 4, 5).

Красноглиняная амфора из могилы № 2 (Таб. 6, 1; Рис. 3, 2) имеет реберчатый, заостренный к низу корпус, завершающийся конической ножкой. Диаметр в плечах 0,30 м, высота около 0,54–0,60 м. Венчик плавно отогнут, горло невысокое. Ручки небольшие, профилированы одним слабо выраженным валиком. Черепок в изломе светло-красный, со слюдяными блестками. Близкая по форме амфора найдена в могиле № 26 некрополя у крепости Харакс, где она использовалась в качестве урны и датируется первой половиной IV в. н. э. (Блаватский, 1951, с. 273–274, Таб. 13, 1; Зеест, 1960, с. 121, табл. XI, 102Б).

Светлоглиняная амфора из могилы № 3 (Таб. 7, 6; Рис. 3, 3). с желобчатым, цилиндрическим, несколько расширяющимся в нижней части туловом, завершающимся острой ножкой. Горло широкое, раструбом. Ручки небольшие, профилированные

Красноглиняная амфора из могилы № 55 (Таб. 52, 2; Рис. 3, 4). относится к этому же типу амфор с яйцевидным реберчатым туловом, она имеет максимальный диаметр 0,34 м,

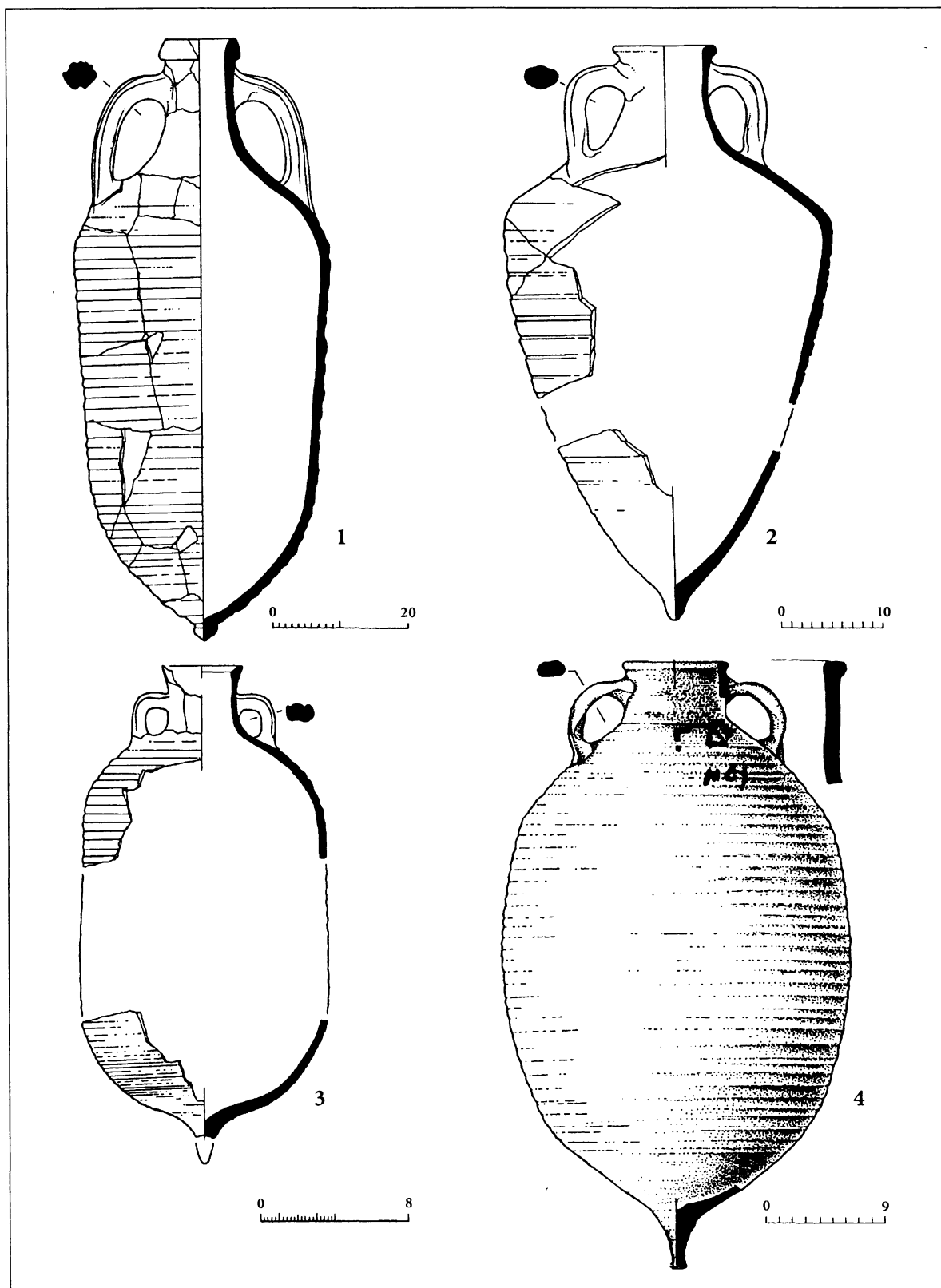

Рис. 3. Амфоры из погребений некрополя Чатыр-Дага

1 — могила 1;

2 — могила 2;

3 — могила 3;

4 — могила 55.

высоту 0,60 м и петлевидные ручки. Горло цилиндрическое, венчик оформлен в виде небольшого валика

Эти амфоры очень напоминают так называемую «ягнятинскую» амфору (Шукин, 1968, с. 54, Таб. 3). Обнаруженная на черняховском поселении Ягнятин в Житомирской области (Кропоткин, 1970, с. 9, № 139, Таб. 34; 35, 12), амфора долгое время была «камнем преткновения» для датировки черняховской культуры. Именно ее «средневековый облик» служил одним из самых весомых аргументов в пользу завышения даты черняховских древностей до VII в. н. э. (Шукин, 1968; Šćukin, 1975; Шукин, 2005, с. 150–160). Но обнаружилось, что при раскопках Афинской Агоры обломки таких амфор встречаются в слоях, связанных с осадой города герулами в 267 г. н. э. (Robinson, 1959, tabl. 29, № 273), а в могильнике «Совхоз 10» в округе Севастополя подобная амфора встречена в комплексе с краснолаковой чашкой (Шукин, 1968, с. 54, Таб. 3), сопоставимой с формой Хейс V (Hayes, 1972, Pl. XXII; Журавлев, 1999, Таб. 10), которую специалисты относят ко второй половине II — началу III в. н. э. Аналогичные сосуды найдены в стеклодельной мастерской IV в. н. э. в Херсонесе (Белов, 1969, с. 83, Таб. 24), в жилище № 2 IV в. н. э. на поселении Собарь (Молдавия) (Рикман, 1969, с. 187, Таб. 6, 1) и в Румынии, где они также датируются IV в. н. э. (Scorpan, 1976, p. 158, pl. III, 1; Radulescu, 1976, p. 106–107, p. 1. VII, 2a). Тем не менее, наиболее близкая аналогия происходит из слоя Афинской Агоры, соотносимого с нашествием герулов 267 года. Эта амфора имеет также короткое горло, яйцевидное тулово и длинную ножку (Grace, 1973, fig. 8–18)

Венчик красноглиняной амфоры, могила № 20 (Таб. 23, 6) выполнен в виде выступающего наружу подтреугольного в сечении массивного валика, окаймленного с низу невысоким ребром. Диаметр устья сосуда — около 0,12 м. Схожий по профилировке фрагмент венчика амфоры происходит из раскопок городища Тас-Тепе в Юго-Западном Крыму, существовавшего во II–IV вв. н. э. (Кутайсов, 1983, с. 146, Таб. 3, 7). Такие изделия, возможно, являются модификациями сосудов *типа Зеест 72*, которые исследовательница датирует II–III вв. н. э. (Зеест, 1960, с. 111–112, табл. XXX; Таб. 72, Б). Детальная хронология этого типа тары пока не разработана.

Фрагменты валикообразных венчиков из могил №№ 29, 40 (Таб. 31—5; Таб. 28—1) и ручка из могилы № 33 (Таб. 34—13) принадлежат светлоглиняным узкогорлым амфорам, разделенным Д. Б. Шеловым на 5 типов (Шелов, 1978, с. 16–21). Однако уверенно различить их по венчикам весьма сложно. Найденные на некрополе обломки в равной степени могут быть отнесены к типам «С», «D» и «F», суммарная дата которых — II–IV вв. н. э.

1.15. Краснолаковая посуда

На некрополе краснолаковая керамика найдена в 41 погребении, в которых зафиксировано 11 целых форм и разрозненные фрагменты 73–84 сосудов. Представлены среди этих находок, главным образом, кувшины (4 целых и отдельные обломки 43–48), чашки (6 целых и фрагменты 5–6 сосудов) и канфары (1 целый). Типологическую принадлежность 25–30 сосудов определить не удалось. На поверхности большинства изделий лаковое покрытие не сохранилось, видимо, из-за химической агрессивности грунта. Обломки около 60% сосудов пережжены (в погребальном костре?) до голубовато-серого цвета. Несмотря на незначительное количество целых форм, рассмотренные ниже краснолаковые сосуды мы разделили на типы по целому ряду значимых признаков. При этом мы учитывали уже имеющиеся классификации и типологии краснолаковой посуды, прекрасно понимая, что сравнение по морфологическим признакам дает прежде всего относительную привязку к некоему исходному типу (1–2 основных признака), у которого есть несколько подтипов или вариантов (еще 2–4 дополнительных признака). При таком рассмотрении мы получаем: на первом этапе сравнительного анализа возможность использовать типологии краснолаковых сосудов других памятников, определять по ним место исследуемых сосудов из Чатыр-Дага в чужом типологическом ряду (например, тип 1 мисок в Ольвии по В. В. Крапивиной) и, соответственно, использовать в своих построениях широкие хронологические рамки бытования этого типа на других памятниках. Если мы не можем найти более точных аналогий по выделенным нами дополнительным признакам, то и обязаны остановиться на первом этапе — на широкой дате бытования данного типа сосудов. В случае выявления достаточно точных аналогий по дополнительным признакам — на уровне вариан-

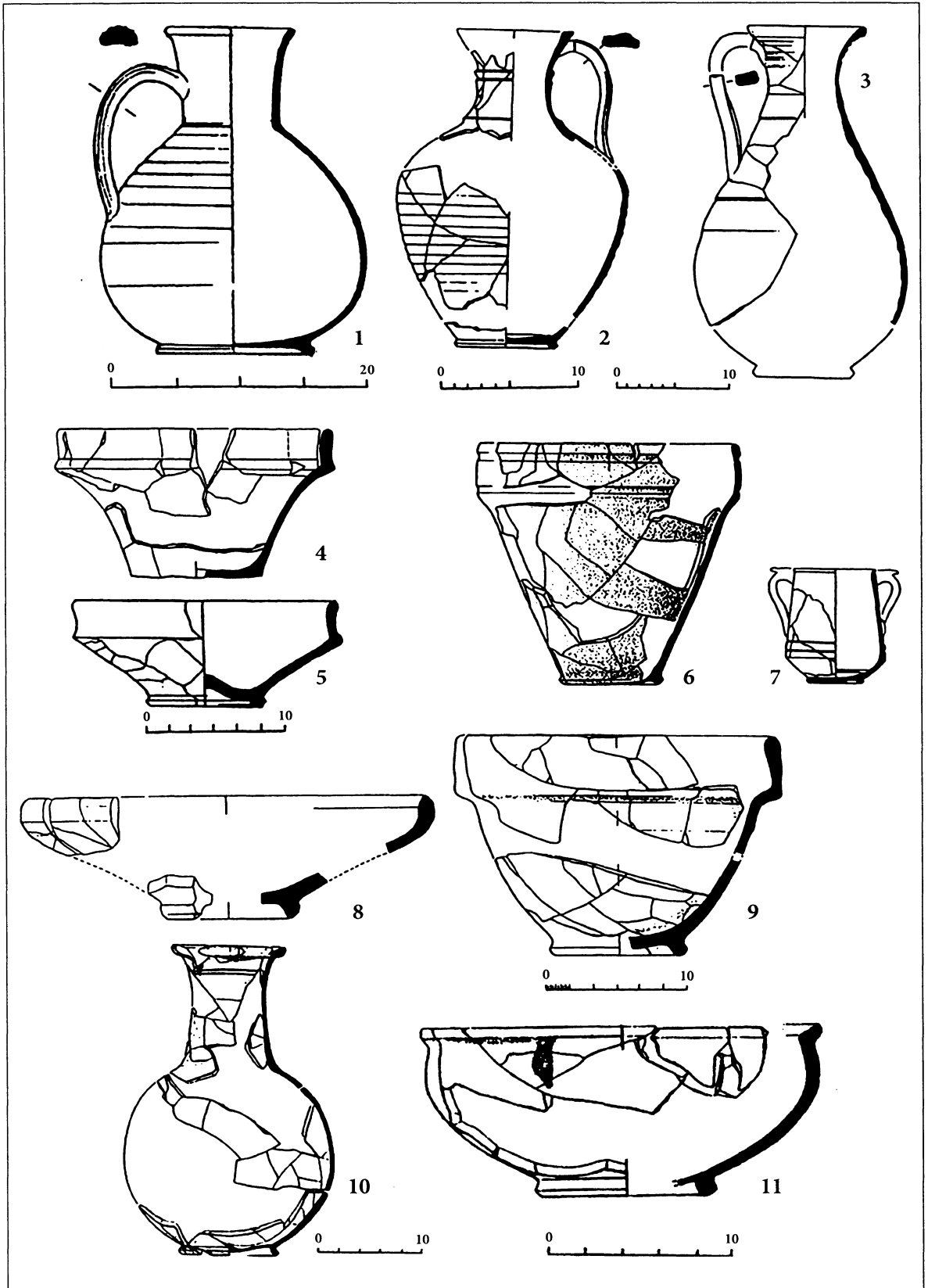

Рис. 4. Краснолаковая керамика некрополя Чатыр-Даг

тов или подтипов, мы можем на втором этапе анализа получить более узкую дату бытования выделенного типа. Поэтому, для получения узких дат бытования отдельных сосудов, мы выделили, несмотря на малочисленность краснолаковой керамики на некрополе отдельные типы и варианты кувшинов Чатыр-Дага.

Конечно, необходим и третий этап исследования, чтобы сравнивать близкие или аналогичные типы сосудов также и по центрам производства.

Для проведения третьего этапа необходима работа с музейными коллекциями, на основе которых были созданы используемые нами типологии и классификации (Hayes, 1985; Robinson, 1959; Журавлев, 2005, в печати)¹, поэтому наши «чисто кабинетные штудии» носят только предварительный характер в силу невозможности проанализировать по тесту и лаковому покрытию сравниваемые типы, происходящие из материалов других памятников.

Ниже мы приводим лишь основные положения специальной работы, посвященной краснолаковой керамике Чатыр-Дага, которая в силу большого объема не была включена в данную публикацию (Шаров, 2005, в печати)². Хронологические штудии по каждому описанному здесь типу изложены в разделе «Хронология могильника Чатыр-Даг».

Кувшины

Кувшины на кольцевых поддонах и их фрагменты обнаружены в 29 могилах. Почти во всех случаях они очень сильно измельчены (в некоторых комплексах насчитывается свыше 300 разрозненных обломков 2–3 кувшинов) и не поддаются реконструкции. Сравнительно полное представление о форме этих изделий дают 5 археологически целых сосуда.

Тип I. Кувшины с яйцевидным рифленным туловом (максимальный диаметр в верхней части), на кольцевом поддоне. Горло цилиндрическое, переходящее в верхней части в воронку.

Вариант 1. В месте перехода горла в воронку и у основания горла есть валики или уступы. Венчик на верхней части горла-воронке не выделен.

¹ Авторы очень благодарны Д. В. Журавлеву за ценные советы при работе над этим разделом и за возможность использовать отдельные выводы из его монографии, которая находится в печати.

² Этот раздел был прочитан К. Домжалским, Н. Ю. Новоселовой и А. А. Труфановым, которым мы также выражаем благодарность за ценные замечания.

Вариант 2. Валики на горле в месте перехода горла в раструб и у основания горла отсутствуют, в редких случаях есть валик в месте крепления ручки к горлу. Венчик на верхней части горла-воронке четко отделен валиком или желобком.

Одноручный кувшин из могилы № 4. (Таб. 8Б, 7). Чатыр-Дагский кувшин относится к типу 1, варианту 1. Высота сосуда 23,5 см, максимальный диаметр тулова 17,5 см. Ручка уплощенная, профилированная, с валиком в средней части, диаметр кувшина по венчику 9 см. Лак покрытия — светло-красный (Рис 4, 1).

Тип II. Одноручный кувшин с грушевидным туловом (максимальное расширение в нижней части) и вытянутыми плавными очертаниями. Горло плавно переходит в раструб-воронку.

Вариант 1. У основания горла есть валик или уступ, венчик в виде валика или отделен валиком.

Вариант 2. У основания горла нет валика или уступа, венчик не выделен валиком или желобком.

Одноручный кувшин из могилы № 8 (Таб. 12А, 3). Одноручный кувшин из погребения № 8 относится к типу II, варианту 2. Ручка профилированная, подпрямоугольная в сечении, Венчик слегка утолщен, но не выделен, под ним врезные горизонтальные линии. Внутренняя поверхность сосуда бугристая, внешняя — гладкая, покрыта бурым лаком). Подобные сосуды часто встречаются в Юго — Западном и Центральном Крыму при раскопках практически всех памятников соответствующего времени (Гущина, 1974, Таб. 6, 2; Сымонович, 1983, табл. VI, Таб. 8, 11; Висотська, 1993, с. 100, тип VI, Таб. 6, 7, 8; Висотская, 1994, табл. 2, Таб. 1; Храпунов, Власов, 1998, с. 243, Таб. 6, 4 и др.) (Рис. 4, 2).

Тип III. Одноручный кувшин с сферическим, расширяющимся книзу рифленным туловом (максимальный диаметр в нижней части), на широком кольцевом поддоне. Цилиндрическое горло четко отделено от тулова и слегка расширяется к венчику.

Вариант 1. Валик у основания горла, венчик четко выделен.

Вариант 2. Без валиков на горле, венчик плавно продолжает линию горла и слегка подчеркнут на горле желобком.

Одноручный сосуд из могилы № 21 (Таб. 25А, 1). Одноручный кувшин из погребения № 21 относится к типу III, варианту 2. Ручка по профилю повторяет ручки мирмекийских амфор типа 72–73 по И.Б. Зеест. Лак светло — красный (Рис. 4, 3).

Тип IV. Одноручные кувшины со сферическим туловом (максимальный диаметр в средней части), высоким цилиндрическим горлом, на кольцевом поддоне.

Вариант 1. Венчик утолщен, резко отогнут наружу, на внутренней части закраина для крышки.

Одноручный кувшин из могилы № 28. (Таб. 61, 1; Рис. 4, 10) Одноручный кувшин из погребения № 28 относится к типу IV, варианту 1. Ручка не сохранилась. Высота его 27,5 см, диаметр — примерно 18,0–18,5 см. Горло в верхней части украшено двумя тонкими параллельными врезными линиями. Диаметр венчика 9,7 см. Лак на сохранившихся участках оранжево-бурый. Поверх лака на верхней грани венчика и под ним видны подтеки другого покрытия темно-коричневого или черного цвета, растрескавшегося, возможно, под действием высокой температуры. Обломки близких по форме устья сосудов найдены также в могилах №№ 27, 31, 33 (Таб. 22, 3; Таб. 29, 14; Таб. 34, 3, 6).

Исключительная фрагментарность остальных кувшинов сильно снижает возможности и объективность их датировки. Кроме того, типология этой категории сосудов, отличающихся морфологическим многообразием, разработана пока очень слабо.

Возможно, очень важное значение для выделения типов и их последующего датирования имеют не размеры, их соотношения и формы отдельных частей кувшинов, на что мы обращали главное внимание при выделении типов I–IV, а, прежде всего, профилировка ручек, состав глины, химическое исследование лака и т. д.

Вполне возможно, что каждый мастер как свое клеймо делал одинаковые ручки на разных кувшинах, и именно *профиль ручки*, как и у амфор может являться одним из определяющих признаков для выделения типа и его последующей датировки. Можно лишь предварительно отметить, что встреченные на данном участке некрополя формы кувшинов характер-

ны, исходя из привлекаемых нами для анализа материалов городских центров и сельских некрополей, прежде всего для первой половины III в. н. э., но они бытуют, судя по материалам комплексов Чатыр-Дага, до начала IV в. н. э.

Миски

Фрагменты краснолаковых мисок находились в 9 могилах. Из мелких фрагментов удалось реконструировать 6 сосудов. Судя по формам, почти все миски относятся к понтийской сигилляте, центры производства которой А, В и С (Домжальский, 1999, Домжальский, Чистов, 2003) располагались где-то на территории Северного Причерноморья. Классификация понтийской сигилляты краснолаковой керамики была предложена Дж. Хейсом в 1985 году, который использовал для ее выделения в отдельную группу из восточной сигилляты материалы работ Т.Н. Книпович, 1929, 1952, Л.Ф. Силантьевой, 1959, И.Д. Кругликовой, 1967, 1970. Эти работы, в которых представлен блестящий материал и созданы основополагающие классификации, до сих пор используются большинством исследователей поздней античности, но к настоящему времени ввиду общего изменения позднеантичной хронологии и появления новых материалов раскопок за последние 40 лет, достаточно сильно устарели. По мнению специалистов, занимающихся краснолаковой керамикой Северного Причерноморья, в настоящее время и классификация Дж. Хейса в связи с многократным увеличением материала также уже нуждается в сильных коррективах (см. Домжальский, 1996: 106–107; Журавлев, Ломтадзе, 1999: 99) Так Д.В. Журавлев полагает, что в работе Дж. Хейса не учтены морфологические особенности сосудов и их хронологические различия, так как английский исследователь работал в основном по публикациям и практически не держал в руках настоящей понтийской сигилляты (Журавлев, 2005, в печати). Кшиштоф Домжальский полагает, что до сих пор нет уверенности в гомогенности группы, описанной Дж. Хейсом, как понтийская сигиллята. Ее технологическая некомпактность допускает возможность существования нескольких центров производства. Вероятно, по причине того, что Джон Хейс никогда не участвовал в полевых работах в бассейне Черного моря, он не включил в свою классификацию позднеримской керамики понтийскую группу, распространенную в западном,

северном и восточном Причерноморье (Домжальский, 1998: 23, прим. 30)

Тем не менее, до появления новой обобщающей работы по понтийской сигиллате (см. Домжальский, 1998: 23, прим. 31–32) или новой классификации, учитывающей накопленный материал, данные петрографических анализов и изменения в европейской хронологии римского времени (Журавлев, 2005, в печати) мы будем пользоваться общепринятой терминологией Дж. Хейса.

Краснолаковая миска из погребения 1 (Таб. 4–5). относится к форме I понтийской сигиллаты по Дж. Хейсу. Это сосуды на кольцевом поддоне с вертикальным бортиком (Hayes, 1985: 93, Таб. XXII, 6–10; XXIII, 1). Миска из могилы № 1 приземистая, на кольцевом поддоне, с вертикальным бортиком, венчик отделен от тулова четким ребром. Высота ее 5,1 см, диаметр венчика 13,3 см, поддона — 5,8 см. Лак тусклый, неровный, с металлическим блеском, покрывает всю поверхность сосуда, цвет его варьирует от коричнево-оранжевого до серо-коричневого (Рис. 4, 4).

Краснолаковая миска из могилы № 28 (Таб. 61—2) на кольцевом поддоне, со скрученными стенками и резко отогнутым наружу венчиком, на верхней грани которого имеется небольшая закраина (Рис. 4, 11). Высота сосуда — 6,8 см, диаметр венчика — 15,5 см, дна — 6,2 см. В днище чашки, на расстоянии 5,6 см друг от друга видны два диаметрально противоположенных отверстия диаметром 0,2 см. Возможно, это следы ремонта. Обломок верхней части близкого по профилю изделия обнаружен в заполнении могилы № 14 (Таб. 17—6).

Краснолаковая миска из погребения № 43 (Таб. 41—4) имеет высокое, полусферическое тулово, с выпуклым, наклоненным внутрь слегка утолщенным бортиком, на высоком кольцевом поддоне. Тулово и бортик со следами вторичного обжига. Следы лака сохранились только на бортике и внутри на донной части (Рис. 4, 9). Если следовать классификации Дж. Хейса, то данный краснолаковый сосуд из могилы 43 можно несомненно отнести к форме VI понтийской сигиллаты (Hayes, 1985: 94, Tav. XXIII—7). Миска принадлежит одному из наиболее распространенных типов, в Крыму, встречаемых практически на всех памятниках II–III вв. н. э.

Краснолаковая миска из могилы № 49 (Таб. 47—4). Это высокая миска, с усеченно-коническим корпусом, на низком кольцевом поддоне, с чуть наклонным внутрь бортиком, украшенным снаружи двумя тонкими горизонтальными врезными линиями. Поверхность со следами вторичного обжига, тонкостенная, в изломе темнокоричневого цвета, внешний цвет различный от розового до темнокрасного, лак почти не сохранился, остались следы на бортике и внутренней поверхности (Рис. 4, 6). Следуя классификации Дж. Хейса краснолаковую миску из могилы 49 можно отнести также к форме VI Понтийской сигиллаты (Hayes, 1985: 94, Tav. XXIII—8). Данная форма краснолаковых сосудов морфологически наиболее точно соответствует типу 24 Аб Ольвии по Т.Н. Книпович (Knipowitsch, 1929: 37–39; Taf. II—24 Аб).

Краснолаковая миска из погребения № 47 (Таб. 45—2), со слегка вогнутым в центре вертикальным массивным бортиком, высоким вогнутым коническим туловом и с четко выделенным острым ребром. Венчик на бортике не выделен, дно плоское тонкое, стенки тулова тонкие, к дну и ребру утолщаются. Дж. Хейс, относит такие сосуды к форме V понтийской сигиллаты (Рис. 4, 5). Он считает, что данная форма соответствует типам 4 и 12 для Мирмекия и типу 5А Тиритаки, при этом сосуды формы V генетически происходят от сосудов формы I. Низкий кубок из Ольвии типа 27 группы D по Т.Н. Книпович (Knipowitsch, 1929, S. 32; Taf. 2—27) представляет, по его мнению (Hayes, 1985: 94), связующее звено между этими формами. Подобные сосуды довольно широко известны по раскопкам крымских позднеантичных некрополей: Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, табл. X, Таб. 3), у с. Заветное (Богданова, 1989, табл. IV, Таб. 18), Бельбек IV в долине р. Бельбек (Гущина, 1982, Таб. 5, 36; 8, 28, 29, 47, 49) и др.

Краснолаковая миска из могилы № 30 (Таб. 32—2). Низкая, на высоком поддоне с узким цилиндрическим бортиком и слегка загнутым внутрь утолщенным венчиком, который подгранен по краю. Сохранившиеся верхняя и нижняя части стенок сосуда массивные, со следами вторичного обжига (Рис. 4, 8).

Форма простой миски с загнутым внутрь венчиком была известна практически во всех производственных центрах краснолаковой

керамики (ср.: Крапивина, 1993: типы 1–2; Чандарли типы 20–21 (Loeschcke, 1912, Tab. XXXVII—21), тип А по С. Другу (Drougou S., 1991, вклейка), тип 20–21 по Н. А. Богдановой, 1989, таб. IV; тип 1 по И. С. Каменецкому (Каменецкий, 1993: 45, тип 1); Hayes, 1985: Восточная сигиллата А (ESA), forma 20, понтийская сигиллата, форма IV и т. д.), поэтому только по морфологическим признакам установить центр производства и время ее бытования — задача не из легких.

У миски из Чатыр-Дага значимыми признаками являются небольшой вертикальный бортик и утолщенный подгранный, слегка загнутый внутрь венчик, чего мы не наблюдаем у сосудов понтийской группы формы IV Дж. Хейса.

Кшиштоф Домжалский выделил в материале Нимфея по глине миски понтийской группы, которые отличаются морфологически от сосудов формы IV либо ее дериватов, в отдельную форму — «неклассифицированные сосуды с загнутым внутрь венчиком» (Domżałski, 2000: 14). Мы принимаем в данной работе именно это обозначение.

Канфар

Краснолаковый канфар из могилы 4 (Таб. 8–6). — биконический, с ребром в нижней части тулова. Высота его 8,5 см, тулово диаметром 7,7 см расширяется к низу. Поддон низкий, кольцевой. Венчик диаметром 6,2 см слегка отогнут. Ручки с налечами отбиты. В нижней части тулова прочерчены две врезные линии. Лак оранжевого цвета. По форме наш канфар близок кубку *формы Xb понтийской сигилляты* по Дж. Хейсу (Hayes, 1985, Tab. XXIII, 10). По классификации краснолаковой керамики могильника Бельбек III Д. В. Журавлева этот сосуд относится к форме 34 варианту 1. Д. В. Журавлев отклоняет идею пергамского производства этих сосудов и склоняется к тому, что глина и характер лакового покрытия причерноморских канфаров идентичны изделиям понтийской сигилляты. и не исключено, что эти сосуды изготавливались в одних и тех же мастерских, но лишь не ранее середины II века началось производство канфаров с налечами на ручках (Журавлев, 2005, в печати) (Рис 4, 7).

1.1В. Красноглиняная посуда

Разрозненные фрагменты 4 сосудов. Встречена в 4 могилах (№№ 5, 7, 30, 46). Эта категория посуды представлена фрагментами ручек (Таб. 9—

2; Таб. 11Б—3) и донных частей кувшинов (Таб. 11Б—1; Таб. 32—4; Таб. 44—2). Обломки 2 сосудов обожжены вторично. Из-за фрагментированности изделий сказать что-либо определенное о форме и датировке сложно, кроме того, что все кувшины имеют кольцевой поддон.

1.1Г. Сероглиняная гончарная керамика

Представлена одноручным плоскодонным кувшином из могилы № 10. Высота сосуда 11 см, наибольший диаметр тулова 8,5 см, венчик имеет диаметр 6 см, плавно отогнут в виде раструба (Таб. 10А, 1).

1.2. ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА

Лепные сосуды и их разрозненные обломки обнаружены в заполнении 39 могил. Обжиг этих изделий, как правило, неравномерный. Черепок различных оттенков коричневого, красного, серого цветов. В составе керамического теста преобладают разномерные включения горных пород, распространенных на территории некрополя и в его ближайших окрестностях, что позволяет считать эти изделия местной продукцией. Подавляющее большинство сосудов сильно фрагментировано, в связи с чем часто достаточно сложно судить об особенностях их морфологии. Имеющийся материал дает тем не менее представление об ассортименте лепной посуды, бытовавшей в среде населения, оставившего некрополь. Хотя, несомненно, лепная керамика, происходящая из погребений, могла сильно отличаться от посуды, которая использовалась в быту. На фрагментах стенок многих лепных сосудов видны следы копоти, но эти следы могли появиться не только в процессе приготовления пищи, но и в ходе совершения погребальных действий.

Предварительно можно выделить 10 типов лепной керамики (Шаров, 2005, в печати). Первый тип представлен высокими открытыми мисками с резко отогнутыми венчиками и округлобким туловом (Рис. 5, 1–3). Они представлены в могилах № 43 (Таб. 41—6), № 44 (Таб. 42—5), № 46 (Таб. 44—5) и № 28 (Таб. 61—4). Эта форма, по нашему мнению, не характерна для позднесарматских и позднескифских памятников Крыма и Северного Причерноморья. Близкие аналогии слабопрофилированным мискам этого типа можно увидеть среди материалов могильника

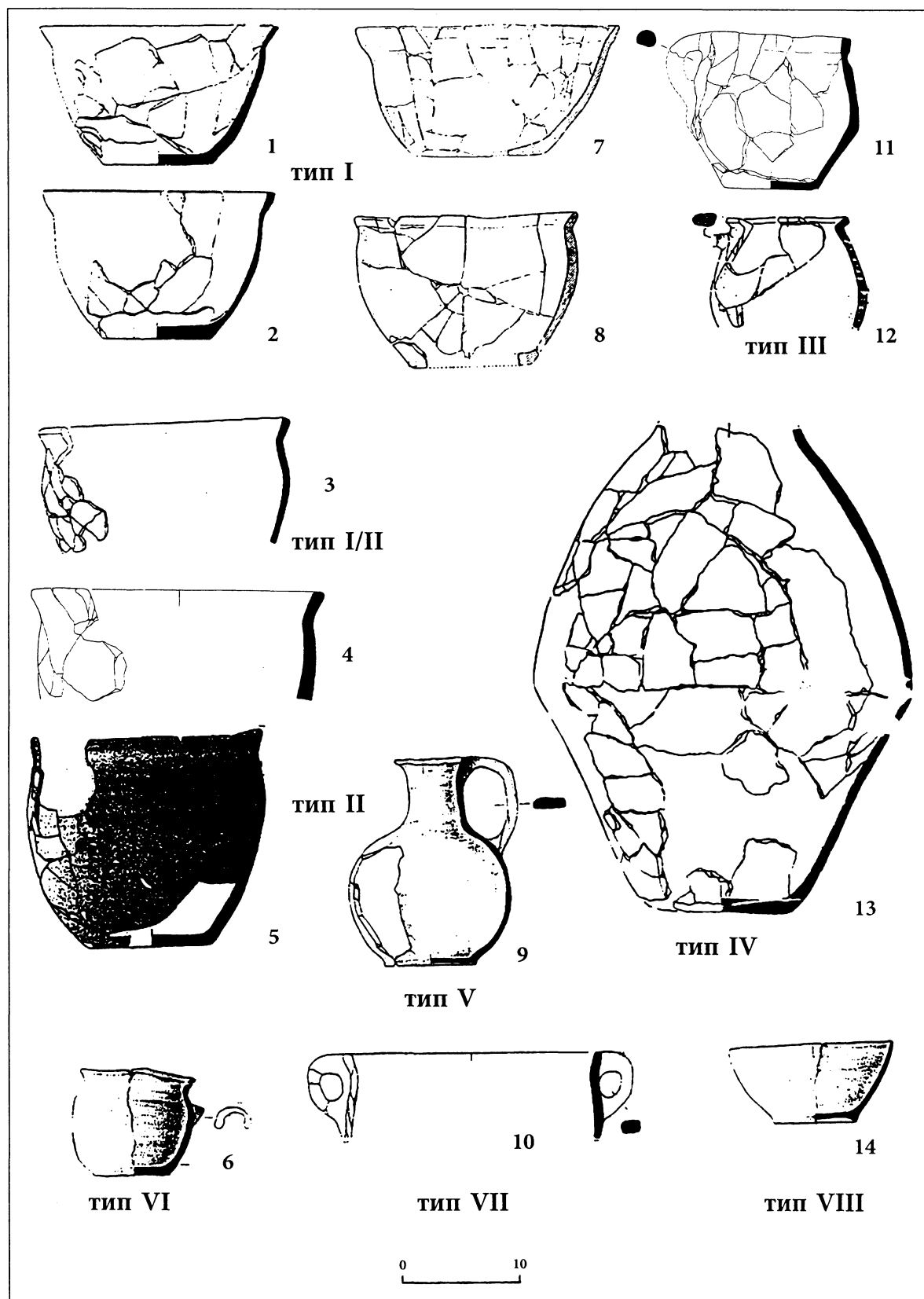

Рис. 5. Основные типы лепной керамики из погребений некрополя Чатыр-Даг

Брест-Тришин вельбаркской культуры (Кухаренко, 1980, Таб. XIII — 33б; XIV — 35г; XV — 41г; XVI — 45б;). Р. Волонгевич отнес миски такой формы к типу 10aA своей классификации керамики вельбаркской культуры (Wołagiewicz, 1993, Tab. 27, 2, 4)

Мы выделили переходный тип I/II, который также можно назвать высокими мисками, но миски этого типа при приблизительно тех же диаметрах венчика и дна, что и у мисок типа I, имеют всегда максимальное расширение в верхней части тулова и являются закрытыми, так как диаметр тулова больше диаметра венчика. (Рис. 5, 3, 8) Сосуды этого типа найдены в могилах № 46 (Таб. 44—6) и № 50 (Таб. 48—3). Они также имеют параллели в материалах вельбаркской культуры и могут быть сопоставлены с типами XaA и XIIVa Р. Волонгевича (Wołagiewicz, 1993, Tab. 27, 31). При этом мы не исключаем и возможности привлечения других аналогий для данного типа сосудов.

К типу II мы отнесли невысокие приземистые горшки со слабым с-овидным профилем (Рис. 5—4, 5). Их высота всегда больше максимального диаметра тулова. Все горшки широкодонные, максимальный диаметр тулова находится в верхней части тулова. Они представлены в могилах № 25 (Таб. 26—1), № 28 (Таб. 61—3) и № 46 (Таб. 46—6). В зависимости от наклона венчика горшки этого типа можно сопоставить с горшками типов 1.2A и 1.6 могильника Дружное по В.П. Власову (Власов, 1999, Рис. 3—6; 7—9). Но эти горшки имеют более стройные пропорции, узкое дно и максимальный диаметр тулова находится в центральной части. По нашему мнению, этот тип керамики можно также сопоставить с типами II и XIIVb вельбаркской керамики по Р. Волонгевичу. (Wołagiewicz, 1993, Tab. 4—3; 31—3). При этом мы также не исключаем приведения других аналогий данному типу керамики.

К типу III мы отнесли невысокие кружки с ручками, верхний прилеп которых крепится обычно прямо к сильно изогнутому венчику. (Рис. 5—11, 12) В основном они представлены формами с биконическим туловом. Они встречены в могилах №29 (Таб. 31—4), № 43 (Таб. 41—5), № 28 (Таб. 61—5). Эти сосуды несколько напоминают кружки типа 2.2 классификации керамики могильника Дружное (Власов, 1999, Рис. 12—17), но они имеют иной изгиб венчика и тулово не биконическое. По нашему мнению также можно привести аналогии из материалов вельбаркской куль-

туры. Это кубки типа XVA по Р. Волонгевичу (Wołagiewicz, 1993, Tab. 32).

К типу IV мы отнесли лепной сосуд-урну из могилы № 25 (Таб. 26—2) Он имеет вогнутую нижнюю часть тулова, узкое, плоское дно и выпуклое, сильно сужающееся к венчику верхнюю часть. (Рис. 5—13). Аналогии этому сосуду в материалах Северного Причерноморья нам неизвестны. Также близкие аналогии мы находим в материалах вельбаркской культуры. Это лепные ситулы типа V по Р. Волонгевичу, которые всегда имеют вогнутую нижнюю часть и вогнутую верхнюю, но часто украшены сверху маленькими Х-видными ручками. Встречаются редко и ситулы без ручек (Wołagiewicz, 1993, Tab. 16—1).

К типу V относятся кувшины различных форм (Рис. 5—9). Они фрагментарно представлены в могилах № 55 (Таб. 52—3), № 33 (Таб. 34—9), № 41 (Таб. 39—7), №17 (Таб. 20A—3), № 20 (Таб. 23—4, 5). Из 5 кувшинов—2 снабжены кольцевыми поддонами (мог. № 41, Таб. 39—7; мог. № 55, Таб. 52—3). Они, скорее всего, сделаны в подражание краснолаковой посуде. По фрагментам венчиков из остальных погребений можно говорить о кувшинах с воронковидным узким горлом. Аналогий по этому одному признаку может быть много (Власов, 1999, Рис. 8—12). Возможно они также подражали гончарным кувшинам, близким типу 2 нашей классификации краснолаковой посуды (Рис. 4—2).

К типу VI можно отнести маленький кубок с ручкой-упором из могилы № 55 (Таб. 52—1). Среди кубков могильника Дружное близких типов этому сосуду нет, но они есть среди горшков средних размеров. Это сосуды типа 1.1/B и 1.2/A (Власов, 1999, рис. 3, 2 5) Несомненно, что такие сосуды сделаны в местной традиции (Рис. 5—6).

К типу VII мы отнесли лепной сосуд с двумя ручками, верхний прилеп которого крепится к венчику (Рис. 5—10). Аналогии ему можно найти в крымских материалах (Власов, 1999, Рис. 5—13; 6—1; 7—4, 6). Но чатыр-дагский сосуд имеет слабоизогнутый профиль и венчик лишь слегка отклонен, в то время как сосуды из Дружного почти все биконические, с четким ребром в средней части и имеют резко отогнутый венчик. Горшки типа II по Р. Волонгевичу (Wołagiewicz, 1993, Tab. 4—8) имеют по две ручки, которые крепятся к венчику, но имеют более резко отогнутый венчик и с-овидное тулово.

Тип VIII представлен открытыми коническими чашками из могил 44 (Таб. 42—6) и № 55 (Таб. 52—4). Из трех чашек полностью сохранилась лишь одна (мог. № 55, Таб. 52—4). Этот приземистый сосуд с полусферическим корпусом на низком кольцевом поддоне является, видимо, подражанием краснолаковым изделиям. Хотя обычные конические чаши с плоским дном представлены как в крымских материалах (Власов, 1999, Рис. 2, 21, 22), так и в материалах могильника Брест-Тришин (Кухаренко, 1980, Таб. XVII, 47А, 56А, Таб. XIV, 35А; Таб. XIII, 34А).

Тип IX, не вошедший в таблицу лепной керамики, представлен фрагментами венчиков и донных частей тарелок из могил № 36 (Таб. 33А—2) и № 39 (Таб. 38—5). Аналогии этим тарелкам встречены среди крымских материалов (Власов, 1999, Рис. 3—15—18)

К типу X, также не включенному в таблицу, мы отнесли небольшую чашечку с загнутым внутрь, слегка утолщенным венчиком из могилы №17 (Таб. 20А, 1). Сохранились лишь фрагменты верхней части сосуда. Вероятно, перед нами также подражание широко распространенной с IV в. до н. э. в античном мире форме гончарной посуды.

Таким образом, при предварительном морфологическом анализе лепной керамики выявилось некоторое сходство отдельных типов Чатыр-Дага с керамикой вельбаркской культуры. Многие сосуды, обработанные нами при поездках в музеи Кракова, Люблина, Варшавы, Гданьска имели черную или коричневую гладкую поверхность с тщательным лощением, которая слабо, в силу вторичного обжига, но прослеживается на отдельных сосудах из Чатыр-Дага. Эта керамика могла быть специально сделана для совершения погребения или проведения ритуально-поминальных действий.

2. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

На изученном участке памятника обнаружено 15 предметов, относящихся к вооружению: меч, фрагмент обкладки от ножен меча, 2 топора, кинжал, умбон от щита и обломок второго такого же предмета, ручка от щита и 7 различных наконечников копий. Один наконечник представляет собой подъемный материал, один из топоров найден на древней дневной поверхности некрополя, меч, обкладка от

ножен, кинжал и 3 наконечника копий происходят из разрушенных могил, 3 наконечника, топор, умбоны и ручка от щитов обнаружены в погребальных сооружениях *in situ*. Часть этого материала, вместе с другими кузнечными изделиями из раскопок некрополя, подвергалась металлографическому изучению в лаборатории естественно-научных методов Института Археологии НАН Украины. Результаты этой работы и типологический анализ исследованных предметов были опубликованы (Вознесенская, Левада, 1999, с. 252–276).

2.1. МЕЧИ, КИНЖАЛЫ, ДЕТАЛИ НОЖЕН

Меч из могилы № 2 (Таб. 6—3) — обоюдоострый, длиной 0,81 м (длина клинка 0,70 м). Ширина лезвия у основания 0,05 м. На конце рукоятки сделано отверстие для крепления навершия. Сечение клинка линзовидное, рукоятки — прямоугольное). Откован из кричного железа со следами слабой науглерожности. Заготовка сварена из двух полос металла: почти чистого железа и полосы слабонауглероженного железа (Вознесенская, Левада, 1999, с. 253–254). Перекрестие, обкладка ручки и навершие не сохранились. Относится к типу длинных двулезвийных с клинком линзовидно-ромбовидного сечения. В древности изделие было преднамеренно согнуто (Рис. 6, 1).

Аналогичные длинные мечи известны по раскопкам позднеантичных могильников Юго — Западного Крыма Бельбек I, Усть-Альма, Инкерман, Заветное, Мангуш (Высотская, 1972, Таб. 47, 3, 4, 8, 9, 11), Боспора (Сокольский, 1954, с. 164–166, табл. X, 4, 5, 6), юга Украины (Золотое) (Вязьмитина, 1972, с. 121, Таб. 60, 2), Северного Кавказа (Воронов, Шенкао, 1982, с. 128, Таб. 4, 11), где было ощутимо влияние сарматских племен. К.Ф. Смирнов относит такие клинки к наиболее позднему варианту сарматских мечей с массивным черенком и длинным лезвием, которые датируются второй половиной III—IV вв. н. э. (Смирнов, 1948, с. 86, Таб. 30) и были широко распространены на территории от Южного Урала до Карпат. Сходное оружие бытовало в Центральной и Северной Европе в период с рубежа II–III вв. н. э. по рубеж IV–V вв. н. э. (лит. см. Вознесенская, Левада, 1999, с. 153). Обычай повреждения (поломка, сгибание пополам, скручивание) мечей, положенных в погребения характерен особенно для обряда пшеворской культуры Польши, для

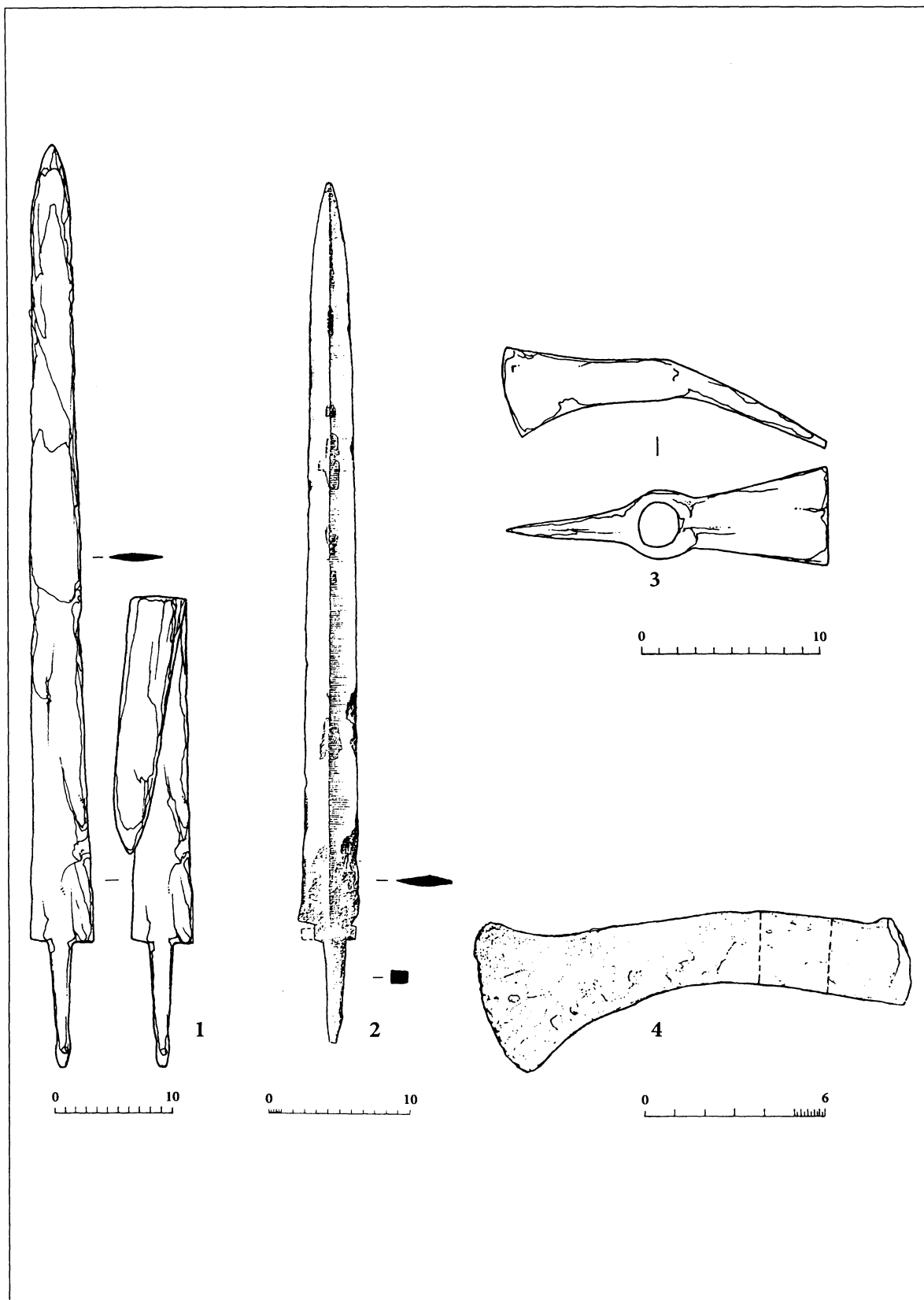

Рис. 6. Меч, кинжал и топоры из комплексов некрополя Чатыр-Даг

Поэльбья, ряда районов Скандинавии, изредка встречается и на меотских памятниках (Мальшев, Розанова, Терехова, 1997).

Обкладка от ножен меча (Таб. 8—4), происходящая из отвалов грунта раскопа I предназначалась, видимо, для скрепления их половинок, и представляла собой овальное кольцо размером 6,42 см, выполненное из прямоугольного в сечении железного дрота

Кинжал из могилы № 12 (Таб. 15А, 1; Рис. 6, 2) представляет собой обоюдоострый клинок с вырезами возле основания рукоятки по обеим сторонам лезвия. Длина его 51,2 см, длина рукоятки 5,6 см, ширина лезвия 3,2 см. Откован из заготовки сырцово-стали, сваренной из двух полос металла. Изделие относится к типу кинжалов Хазанов—V. В литературе они также часто фигурируют под названиями мечей или кинжалов «меотского типа», в Подунавье известны как тип «Micia» (Harchoiu, 1988). Один из весьма распространенных видов оружия позднеримского времени и эпохи переселения народов, особенно на Кавказе, в Подонье, Поволжье и в Крыму (Soupault, 1996), есть находки и в Подунавье (Harchoiu, 1988; Субботин, Дзиговский, 1990, Таб. 6–2; 7–4) и на поселениях черняховской культуры, в частности в Будештах в Молдавии (Магомедов, Левада, 1996, с. 306).

Существует дискуссия относительно способов использования этих кинжалов, в большинстве случаев сочетающихся в захоронениях с длинными мечами. С какой целью были сделаны вырезы на клинке у основания рукоятки?

Предположение первое: кинжал при фехтовании в схватке служил своего рода дагой для левой руки, а вырезы были предназначены для захвата кончика оружия противника, и секундной задержки его было достаточно, чтобы нанести встречный укол (Šćukin, 1993, p. 327).

Предположение второе (Схатум, 2004): оружие не было кинжалом, а вырезы служили для привязывания лезвия к древку, получалось копье, а точнее алебарда — лезвие около полуметра. Страшное оружие!!! Аргументы за: в ряде погребений кинжал найден около головы острием вверх, в некоторых случаях рядом с вырезами обнаружены следы дерева, впрочем это могли быть и следы деревянных ножен. Аргументы против: несмотря на вырезы, крепление ремнями или веревкой не могло быть прочным. После нескольких сильных ударов завязки должны были бы разбол-

таться. Ни один источник не упоминает об использовании такого вида оружия сарматами или аланами, а оно столь необычно, что должно было бы вызвать интерес и соседей-варваров и римлян. Истоки же алебарды как вида оружия следует искать, по всей вероятности, где-то в Китае. При использовании кинжала «меотского типа» только в качестве наконечника копья — алебарды не понятно назначение штыря для рукоятки.

Думается, что оружие это могло быть полифункциональным и использовалось и как дага для левой руки в поединках, что вызывало специфический стиль фехтования, как это можно видеть в старинных руководствах по фехтованию, и как алебарда в сражениях.

Кстати, кинжал из погребения № 12 Чатыр-Дага, как можно понять из анализов Г.А. Вознесенской, был сделан из сырцово-среднеуглеродистой стали и чистого кричного железа с повышенной твердостью; все операцииковки «проведены в рациональном режиме», т. е. это было оружие высокого качества (Вознесенская, Левада, 1999, с. 259). Поскольку основная концентрация кинжалов «меотского типа» приходится на Северный Кавказ, возникает вопрос, не производилось ли такое оружие некоей специализированной группой кавказских оружейников, владевших своими цеховыми секретами? Их изделия высоко ценились, отсюда широкое распространение, а секреты передавались по наследству, отсюда долгое бытование типа. Но это не более чем догадка, нужны специализированные исследования.

Обращает на себя внимание также определенное скопление мечей «меотского» типа в бассейне Терека (Soupault, 1996, Karte 1, p. 486), на остальных территориях они разбросаны более или менее равномерно. Здесь же представлены, как нам кажется, наиболее ранние находки (Кишпек). Но следуют ли из этого какие-либо исторические или этнические выводы, говорить рано.

2.2. НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ, ДРОТИКОВ

Наконечник копья с восьмигранной втулкой из могилы № 2 (Таб. 6—3; Рис. 7, 2). Он — очевидный по форме, в сечении — ромб. Длина его 42,5 см. Втулка восьмигранная, по краю — круговые нарезки, во втулке два крепежных отверстия с вставленным штифтом. Откован из пакетного кричного, слабо науглерожен-

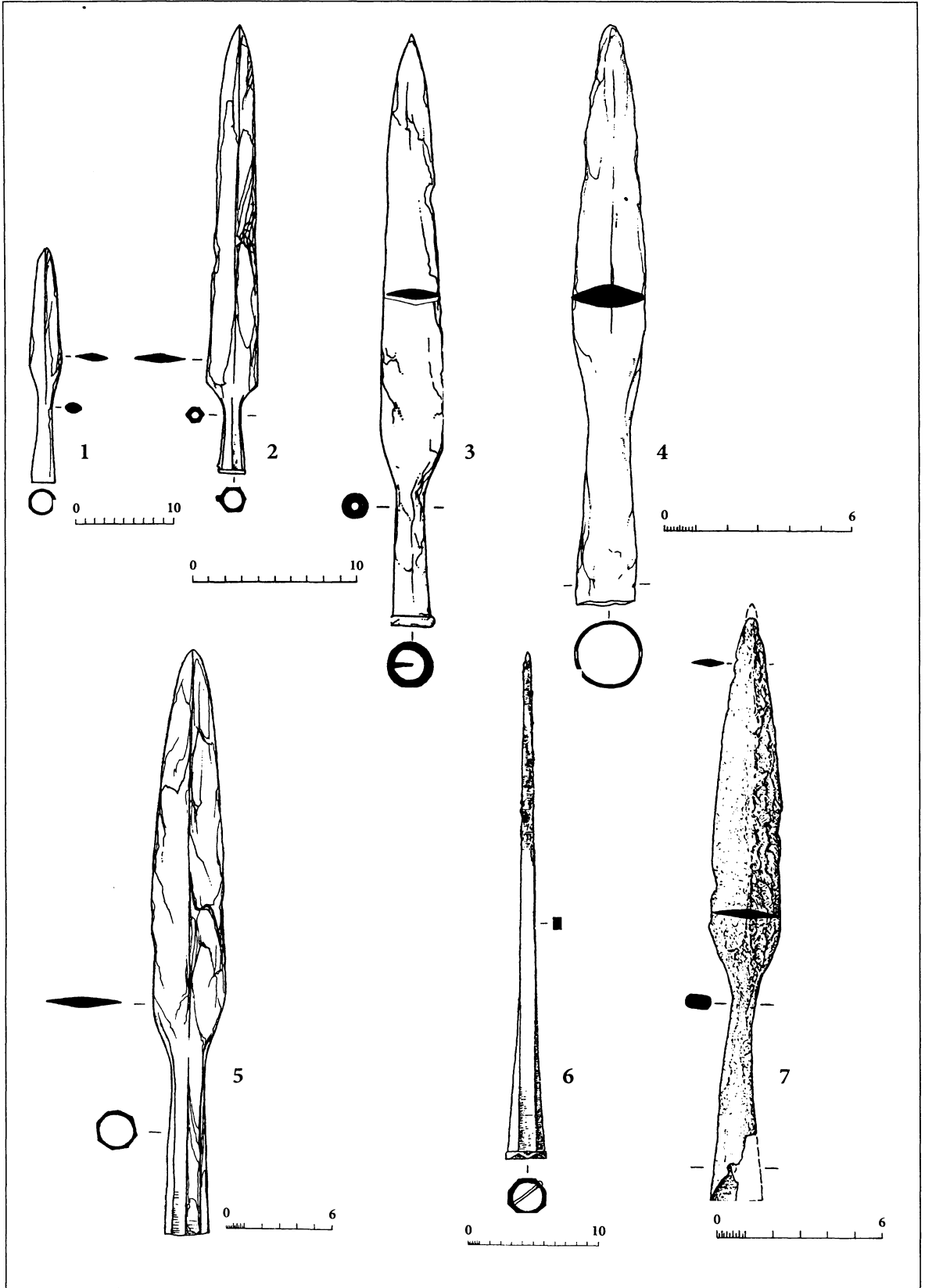

Рис. 7. Наконечники копий и дротиков из погребений некрополя Чатыр-Даг

ного железа (Вознесенская, Левада, 1999, с. 254–255). Подобные предметы встречаются довольно редко и известны по раскопкам погребений III–VI вв. н. э. могильников цебельдинской культуры (Абхазия) (Гей, Бажан, 1997, таб. 24, 7; таб. 28, 27; таб. 29, 3; таб. 30, 15–19;) и по находкам в Центральной Европе в комплексах второй половины III—начала IV вв. н. э. (Вознесенская, Левада, 1999, с. 255). Форма пера цебельдинских наконечников генетически связывается исследователями с бронзовыми и железными наконечниками копий Абхазии эпохи бронзы и раннего железа (Трапш, 1971, табл. VII, 12, 13; XI, 18, 19; XXI, 14, 15; XXIII, 3; Воронов, 1969, табл. XXXVIII, 33, 36; Скалон, 1978, с. 67, Таб. 1, 12, 13). По форме пера и, особенно, втулки очень близки данному артефакту наконечники копий могильника I–III вв. н. э. Сладковицево I (Словакия) (Kolnik, 1980, taf. CIXIV, 83; taf. CXXIX, 2b). В Центральной Европе это тип XX\1 по П. Качановскому и датируется ступенью C2 с возможным попаданием в C3/D1, т. е. последней третью III века н. э. и началом IV в. (Kaczanowski, 1995, s. 26, tab. XIV—1). Изделия подобной формы характерны также для балтских древностей (Вознесенская, Левада, 1999, с. 262; Казакиявичус, 1988, с. 41–42, Таб. 15).

Наконечник копья или дротика с круглой втулкой из могилы № 2 (Таб. 6—4; Рис. 7, 1). Длина его 22,5 см. Профилировка пера чуть волнистая, сечение — ромб, во втулке крепежное отверстие. Откован из кричного железа со следами слабой науглероженности. Подобное вооружение было широко распространено в Европе в конце I—середине III вв. н. э. (Вознесенская, Левада, 1999, с. 255). По П. Качановскому — это тип XX\2 ступени C2–C3 для Центральной Европы и ступень B2 для Скандинавии (Kaczanowski, 1995, s. 20—2, tab. X—5; Ilkjær, 1990, S. 48—52, Abb. 197)

Наконечник копья из могилы № 3 (Таб. 7—1; Рис. 7, 3)—с круглой втулкой и листовидным пером. Сечение — ромб. На конце втулки насадка — кольцо, орнаментированная фасетками. Во втулке над насадкой два сквозных крепежных отверстия, в одном из которых сохранился фрагмент штифта. Откован из мягкой сырцово-стали. Длина его 33,0 см. Подобные изделия известны по материалам пшеворской культуры середины III—середины IV вв. н. э. (Вознесенская, Левада, 1999,

с. 256). По П. Качановскому — это тип XX\2 ступени C2 и начала C3/D для Центральной Европы (Kaczanowski, 1995, s. 25, tab. XIV—5)

Наконечник копья из могилы № 12 (Таб. 15A, 2; Рис. 7, 6). Пиковидный, с восьмигранной втулкой, на конце которой имеется насадка-кольцо, орнаментированная десятью фасетками. Длина его 32,6 см, внутренний диаметр втулки 1,7 см. Во втулке над насадкой два сквозных крепежных отверстия. Подобные изделия были широко распространены во всем варварском и римском мире уже с раннеримского времени. Они распространены по всему Рейнско-Дунайскому лимесу (Waurick, 1994, S. 15) известны среди находок Иллерупа в Дании (Ilkjær, 1990, SS. 58–59, 79–85, Abb. 197). Там они датируются в интервале между 166 и 180 гг. Позднейшие находки происходят из Абхазии, где их относят ко второй половине IV—началу V вв. н. э. (Воронов, Шенкао, 1982, Таб. 2–25, 26, с. 124, 126; Вознесенская, Левада, 1999, с. 255–256). В Крыму наконечник такого типа известен из раскопок Раевского городища (Онайко, 1957, рис. 23—10).

Наконечник копья из могилы № 20 (Таб. 23—1; Рис. 7, 5). листовидный, с восьмигранной втулкой. Длина его 32,7 см, ширина пера — до 4,3 см, внутренний диаметр втулки 2,0 см. Откован из кричного железа. Точные аналогии не известны. Ближайший по общей морфологии тип наконечника копья — это тип XIX\2 по П. Качановскому ступени C2 (Kaczanowski, 1995, s. 25, tab. XIV—2)

Наконечник копья из могилы № 55 (Таб. 53—10; Рис. 7, 4). слабопрофилированный, форма близка к ланцетовидной. Сечение пера ромбическое. Длина изделия 18,3 см, ширина 8,5 см, внутренний диаметр втулки 1,8 см. Во втулке два крепежных отверстия. Откован из кричного железа (Вознесенская, Левада, 1999, с. 255). Тип РК XXII/2, характерный для конца II—середины IV вв. н. э. (Kaczanowski, 1995, s. 26, tab. XV—2).

Наконечник копья из подъемного материала (Таб. 15—5; Рис. 7, 7) имеет уплощенное, ромбическое в разрезе перо. Длина его 23 см, ширина 2,9 см, внутренний диаметр втулки 1,8 см. Сходные по форме изделия происходят из цебельдинских могильников, где они встречаются в комплексах конца IV—VI вв. н. э. (Воронов, Шенкао, 1982, Таб. 2—20, 27, с. 124,

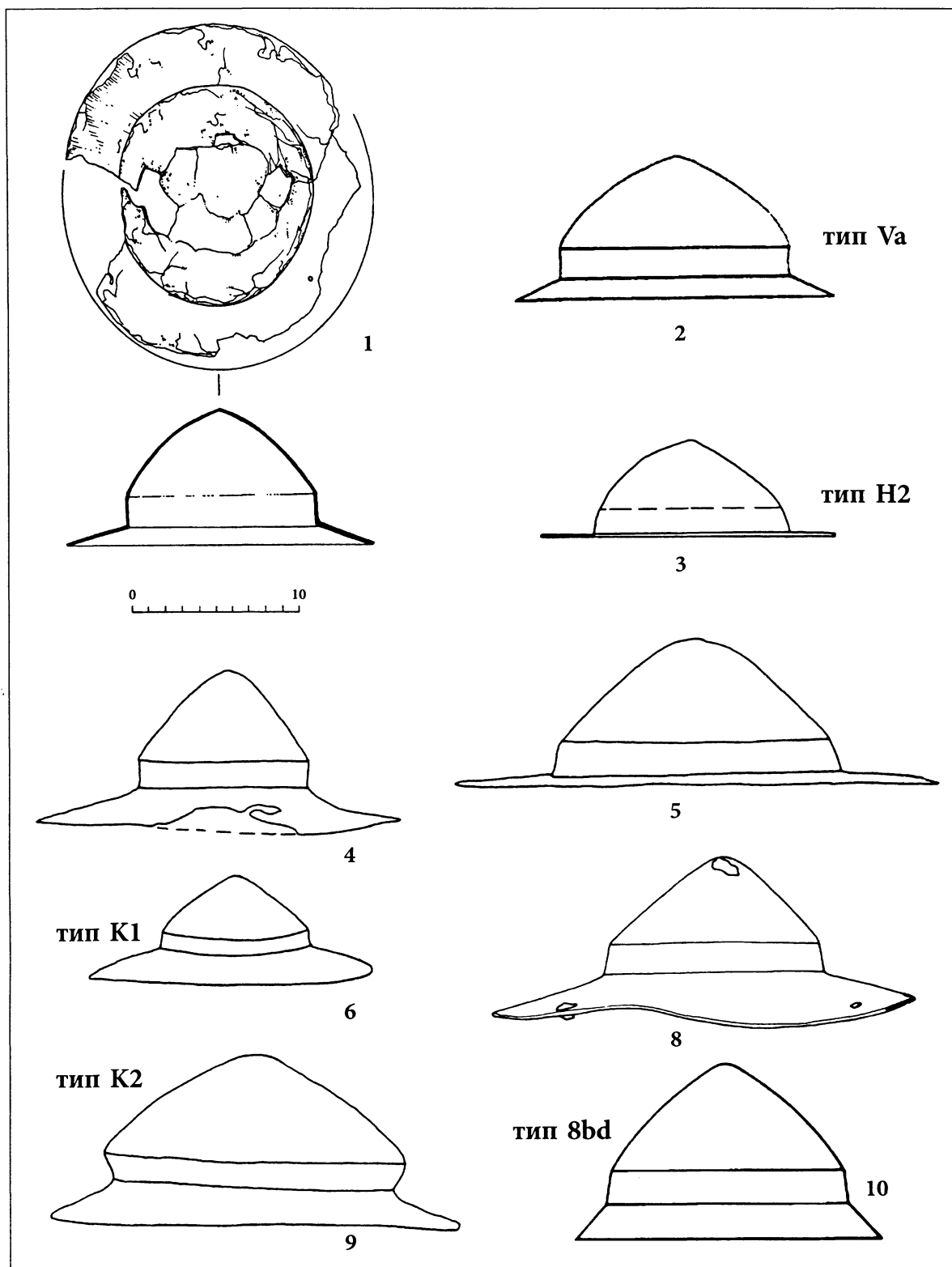

Рис. 8. Умбон из могилы № 4 Чатыр-Дага и аналогии из Скандинавии и Европы

1 — Чатыр-Даг;

2 — тип Va по Я. Бёманну;

3, 5, 8 — тип H2 по Н. Цилингу;

4, 6 — тип K1 по Н. Цилингу;

9 — тип K2 по Н. Цилингу;

10 — тип 8bd по Й. Илькеру

126). Может быть сопоставим и с типом X классификации П. Качановского конца ступени C1, т.е. середины III века н.э. (Kaczanowski, 1995, s. 20—21, tabl. X—5).

2.3. ТОПОРЫ

Топор-тесло или топор-мотыга из могилы № 3 (Таб. 7—2; Рис. 6, 3) Узколезвийный, проушной. Длина— 19,2 см. Откован из пакетного металла. Заготовка сварена из полос железа и мягкой стали. Подобные изделия были широко распространены с раннего римского времени во всем римском мире (Вознесенская, Левада, 1999, с. 256). Широко использовались римскими легионерами при постройке походных лагерей, что можно видеть на некоторых рельефах.

Топор, найденный на территории некрополя (Таб. 15—9) проушной, ассимметричный, узколезвийный, со скошенным к низу оттянутым обухом и серповидным лезвием (Рис. 6, 4). Длина изделия 14,1 см, диаметр проушины 2,3–2,6 см. При его изготовлении была использована операция двухсторонней поверхностной цементации лезвия. В раннеримский период топоры такого типа, видимо, были распространены в среде меотских племен. Во всяком случае, весьма близкий по форме предмет встречен при раскопках Цемдолинского могильника под Новороссийском (Мальшев, Розанова, Терехова, 1997, Таб. 2—11, с. 213), правда, изготовлен он в совершенно иной технологической традиции (Вознесенская, Левада, 1999, с. 262). Хорошо известны подобные топоры и в Центральной Европе позднеримского времени (Kieferling, 1994). Чатыр-Дагский экземпляр ближе всего к топорам типа D классификации Гжегоша Доманьского для любошицкой культуры междуречья Эльбы–Одера (Domanski, 1979, S. 51–52). Сходное по форме изделие происходит из погребения № 132 Усть-Альминского некрополя, которое Т.Н. Высотская датирует II–III вв. н.э. (Высотская, 1994, Таб. 28—10, табл. 44—9, с. 88–89). Наиболее поздние топоры этого типа известны по раскопкам памятников цебельдинской культуры, где они датируются в широких пределах IV–VII вв. н.э. (Воронов, Шенкао, 1982, Таб. 3—13, 15, с. 127). По мнению М.Е. Левады в Крыму такой вид вооружения распространяется не ранее середины или второй половины III в. н.э. (Вознесенская, Левада, 1999, с. 257).

2.4. УМБОНЫ, РУЧКИ ЩИТОВ

Умбон из могилы № 3 (Таб. 7—4; Рис 8, 1). Умбон железный, шлемовидный, с широким рантом, диаметром 19,0 см и высотой 7,5 см. В четырех местах на поле ранта сделаны парные отверстия для крепления на деревянную основу щита. Заклепки не сохранились. Купол умбона сфероконический, низкий, но заостренный. Калотта низкая, с одной стороны слегка расширяется от купола к ранту, с другой слегка сужается. В целом, можно признать эту центральную часть умбона близкой к цилиндрической

Фрагмент умбона, (Таб. 23—2) находившийся в заполнении могилы 20, очень мал и не дает полного представления о форме изделия. Его купол не сохранился. По подъему ранта и слегка наклоненной к центру форме калотты этот фрагмент в равной степени можно отнести к типу H2 Н. Цилинга (Рис. 8—8), типу Va Я. Бёманна (Рис. 8—2) и типу 8bd Й. Иллькера (Рис. 8—10).

Ручка от щита из могилы № 3 (Таб. 7—5) представляет собой железную пластину длиной 15,0 см с расширяющимися концами, на которых имеются отверстия для крепления к щиту. Центральная часть ручки профилированная, вогнуто-выпуклая, шириной 2,2 см. Соответствует типу 5c ручек по Й. Иллькеру и датируется, начиная с позднего C16 по C3 (6–11 хронологические группы) (Ilkjær, 1990, S. 36, 297, Abb. 23, 200).

3. ОРУДИЯ ТРУДА

Предметы, которые могли быть связаны с производственной деятельностью населения, оставившего некрополь, сопровождали 13 погребений. Кроме того, некоторые из них найдены в подъемном материале. Представлены изделия из железа (серпы, ножи, шилья, иглы), бронзы (игла), глины (пряслица) и камня (оселки).

3.1. СЕРПЫ

3 экземпляра, обнаружены в трех воинских захоронениях (мог. № 2, Таб. 6—5; Рис. 9—1; мог. № 3, Таб. 7—3; Рис. 9—2; мог. № 55, Таб. 52—6; Рис. 9—3). Морфологически они очень близки между собой. У всех изделий

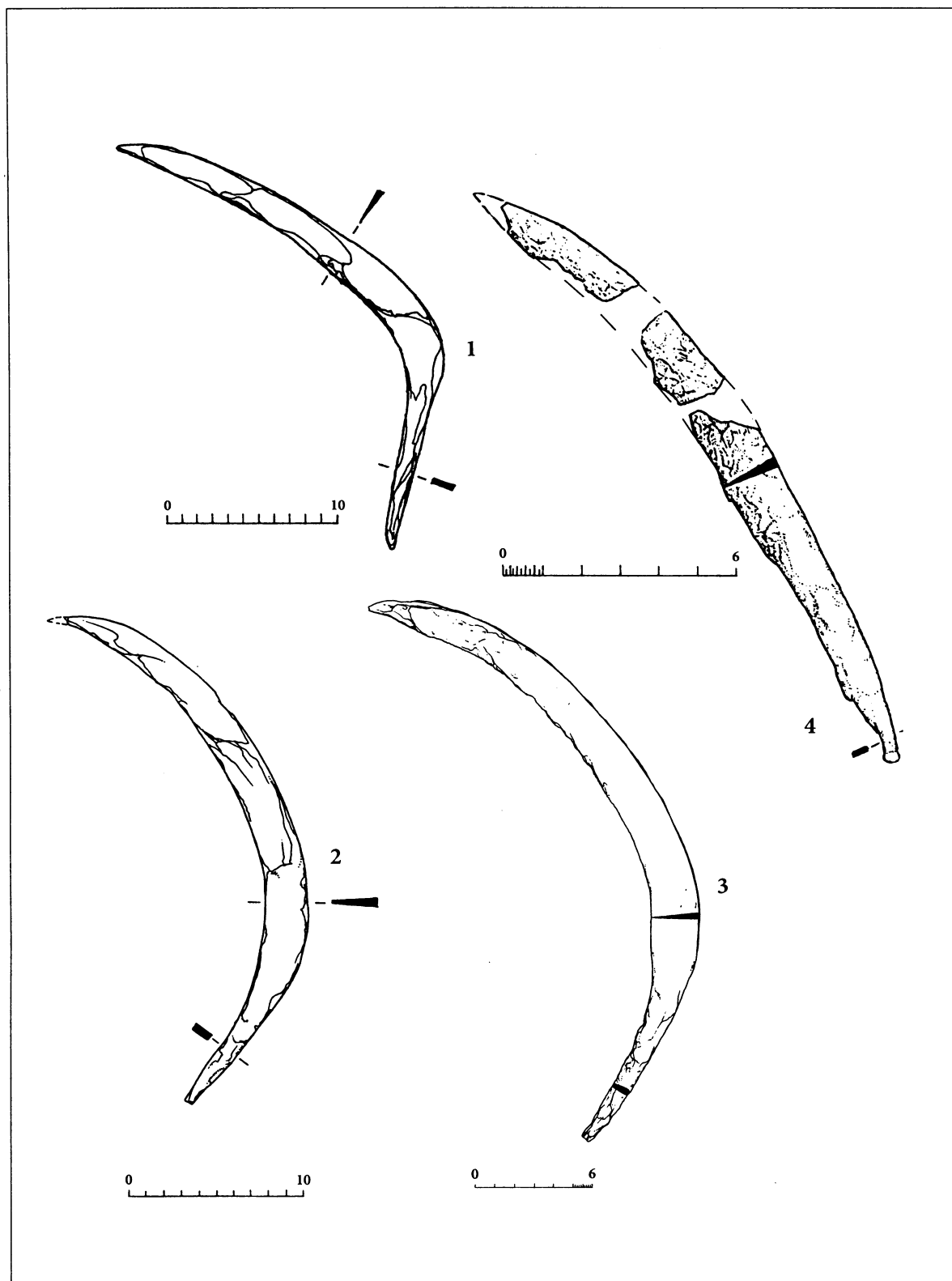

Рис. 9. Серпы и серповидный нож из погребений некрополя Чатыр-Даг

1 — могила 2;
2 — могила 3;

3 — могила 55;
4 — разр. могила (реконструкция).

переход от лезвия к рукояти более или менее плавный, конец рукояти загнут, образуя пяту. На лезвиях местами сохранились зубцы в виде насечек, нанесенных по одну сторону клинка. Длина серпов соответственно 29,0, 29,0 и 29,5 см, максимальная ширина лезвия 2,3, 2,3 и 2,4 см. Орудие из могилы № 2 отковано из заготовки пакетного металла, составленной из полос кричного железа и мягкой сырцового стали. Серп из могилы № 3 откован из заготовки пакетного металла, представляющего собой слабо науглероженное кричное железо. Изделие из могилы № 55 отковано из заготовки кричного железа (Вознесенская, Левада, 1999, с. 257–258). Возможно, обломки еще одного изделия такого же типа присутствуют среди подъемного материала, в составе «переотложенного комплекса», образовавшегося, видимо, при разрушении еще одного воинского захоронения на северном участке некрополя (Таб. 3 — 3; Рис. 9—4). Форма этих серпов, по мнению Г.А. Вознесенской и М.Е. Левады, относится к римской традиции (Вознесенская, Левада, 1999, с. 262).

По нашему мнению, при всем общем морфологическом сходстве этих экземпляров, есть и несомненные отличия. У серпа из могилы 2 четко виден тупой угол, образованный рукоятью и обушковой частью серпа. Лезвие почти прямое, чуть изгибается к концу. Таких серпов встречено в материалах позднеримского времени немного (Кругликова, 1984, таб. LV, 19–32) Это прежде всего находки из Илурата и Семеновки, т. е. комплексов погибших в третьей четверти III века н. э. (Рис. 17, 26, 28). Такие серпы не характерны для крымских памятников предшествующего времени, вероятно это привнесенная традиция. Возможные параллели, по нашему мнению, можно найти среди материалов, происходящих из погребений в каменных оградках по обряду кремации в Эстонии или комплексов *Tarandgräberkultur* позднеримского времени (Moora, 1938; Шмидельхельм, 1955, рис. 12, 16, 26, 31) Эстонские экземпляры, близкие чатырдагским находкам имеют более резкий переход от лезвия к рукояти и относятся по типологии С. Лаул и Э. Тыниссона ко второму типу «ножикосы» и особому первому варианту первой группы IIa1, называемому «косарями» (Laul, Tõnisson, 1991, с. 79, 90, joon 4, 5). Орудия этого варианта распространены только в северо-восточной Эстонии и датируются там II веком н. э. В одном из достаточно редких комплексов с оружием *Tarandgräberkultur* в

Ябаре, в западном углу оградки могильника E такой косарь встречен вместе с умбоном и ручкой щита (Шмидельхельм, 1955, рис. 26). По большой сильнопрофилированной фибуле, которая является местным развитием фибул IV группы O. Альмгрена (Almgren, 1923, Taf IV, 93) комплекс может датироваться рубежом III–IV вв. (Шмидельхельм, 1955, с. 92, рис. 22 — 4). Серпы из могил №3 и №55 имеют более плавный переход от обуха к ручке и более сильный изгиб лезвия к концу. Тем не менее они достаточно сильно отличаются морфологически от обычных причерноморских серпов этого времени (Рис. 17, 25, 29–32) и также тяготеют к группе серпов Семеновка-Илурат (Рис. 17, 26–28). Серп из разрушенного погребения с очень плавным изгибом лезвия и черенок является как бы его продолжением. Тем не менее, у него присутствует небольшой уступ в месте перехода рукояти в лезвие, чего не прослежено на трех предыдущих экземплярах. Такие серпы, которые более напоминают длинные, чуть изогнутые ножи, очень редки в причерноморских материалах и, вероятно, параллели им нужно искать в иных регионах. Эти серпы в Эстонии называются «серповидными ножами» и по типологии С. Лаул и Э. Тыниссона относятся к первому типу первой группы Ia. (Laul, Tõnisson, 1991, с. 77–78, 90, joon 1, 2) Они также распространены в Северо-Восточной Эстонии и датируются там I–II вв. н. э.

Конечно, это только предварительные аналогии, необходимо в дальнейшем рассмотреть подробно синхронный материал из близлежащих регионов. Нас побудил к поискам далеких аналогий тот факт, что обычай сожжения в каменных ящиках с оружием и серпами был привнесен извне, и поэтому вполне можно допустить, что и оружие и «сельскохозяйственный инвентарь» мог быть принесен с собой мигрантами. Есть еще одно важное обстоятельство, которое позволило нам сузить направление поисков аналогий. Эстонские могильники в каменных оградках — это третий уголок Европы, где, пусть и редко, но встречены погребения по обряду кремации, содержащие в комплексе серп и предметы вооружения — щит и копье. Конечно, это не полная аналогия чатырдагским и норвежским комплексам, так как в каменных оградках совершались коллективные захоронения в течении нескольких столетий. Тем не менее, отдельные комплексы погребений в ряде случаев выделить можно. Может быть,

находка в Ябаре — это и есть одно из свидетельств продвижения через Балтику переселенцев из далекой Норвегии? В одном из писем М. Казанский указал на ряд комплексов с оружием из Зап. Пруссии, где также встречены сочетания серпа и оружия, правда, в ингумациях (см. Nowakowski, 1996, Tab. 38, 53, 65 и др.)

Вообще, стоит задуматься, насколько серпы, анализируемые здесь, и топоры-мотыги — сельскохозяйственные орудия? А если они полифункциональны? И серп и топор, насаженные на длинные рукояти, могут быть весьма грозным оружием. Но это в данный момент не более чем вольное предположение, несомненно, нужны дополнительные изыскания в этой области.

3.2. НОЖИ ОДНОЛЕЗВИЙНЫЕ

Семь из них встречены в 6 наиболее богатых погребениях (мог. № 1, Таб. 4—4; мог. № 2, Таб. 6—6; мог. № 4, Таб. 8—5; мог. № 14, Таб. 18—18; мог. № 55, Таб. 53—9). Четыре ножа, обнаруженные в погребениях «северной» части некрополя побывали в огне, в значительной степени оплавлены и корродированы. Три ножа из могил «южной» группы и два ножа, представляющие собой случайные находки, сохранились лучше (Таб. 15, 3, 4). Один из последних отличается узким лезвием и наличием на нем двусторонней выемки, начинающейся от черешка (Таб. 15—4). Однако, принадлежность именно этого предмета к некрополю вызывает сомнения. Формы остальных ножей обычны для крымских памятников античного времени. Все они имеют прямую спинку и остроконечный черешок. Три ножа, найденные в могилах №№ 1, 2, 4 подвергались металлографическому анализу. Они откованы, соответственно: из пакетной заготовки кричного железа, из сырцового стали и из кричного железа (Вознесенская, Левада, 1999, с. 258).

3.3. ШИЛЬЯ

Обнаруженные на некрополе, все фрагментированы или повреждены. Из них 2 найдены в могилах (мог. № 44, Таб. 42—4; мог. № 55, Таб. 52—8) и 1 является подъемным материалом (Таб. 15—2). Одно шило довольно крупное, длиной до 12,0 см (мог. № 55), изготовлено из квадратного в сечении стержня, заостренного с двух сторон, скругленного у

острия. Один близкий по форме изогнутый экземпляр (из могилы № 44) небольшой, длиной 5,3 см. Изготовлен из ромбического в сечении стержня. Возможно, эти инструменты крепились в деревянных рукоятях.

Четырехгранные в сечении в средней части и округлые у острия шилья распространены на памятниках черняховской культуры (Баран, 1981, с. 111, табл. XXXIV—I; Рикман, 1960, Таб. 9—8; Федоров, 1960, Таб. 14—4; Сымонович, 1960, Таб. 3—5). Для крымских некрополей I—сер. III вв. н. э. железные шилья не характерны. Среди инвентаря могильников Дружное, Суворово и поздних склепов Совхоза-10 в погребениях сер. III—IV вв. н. э. такие артефакты встречаются (Храпунов И., Мульд, 1997, Таб. 151—9, 10; Храпунов И., Храпунов Н., 1999, Таб. 3—16, 19, 21; Зайцев, 1997, Таб. 63; Высотская, 1998, Таб. 17). К сожалению, сохранность вещей не дают возможности составить полное представление о форме сечения этих изделий.

3.4. ИГЛЫ

Сопровождали два захоронения (мог. №№ 14, 51). Обе они фрагментированы. Игла из могилы 14 (Таб. 18—11) бронзовая, округлая в сечении. Предмет того же типа, обнаруженный в погребении № 51 (Таб. 49—3), изготовлен из железа. Сохранился нижний край ушка для продевания нити. Подобные изделия, в основном бронзовые, известны по раскопкам крымских некрополей первых веков нашей эры (см. напр. Сымонович, 1983, табл. XXXVIII, Таб. 22—29; Высотская, 1994, с. 92 и др.).

3.5. ПРЯСЛИЦА

В могилах №№ 28 и 51 найдено, также, два глиняных биконических **пряслица** диаметром 2,5 см (Таб. 49—4; Таб. 62—3).

3.6. ОСЕЛКИ

Оселки входили в состав 4 комплексов (мог. № 28, Таб. 62—1, 2; мог. № 39, Таб. 38—1; мог. № 43, Таб. 41—3; мог. № 48, Таб. 46—6). Все они изготовлены из мелкоструктурного песчаника. Целых точильных камней не найдено и поэтому длину их определить сложно. Сохранившееся лучше других изделие из могилы

№ 43 изначально могло достигать длины 12 см. Ширина оселков колеблется в пределах 1,3–2,4 см. Они ладьевидной формы, прямоугольные или трапециевидные в сечении. Ближе к одному из краев (примерно в 3 см) на центральной оси каждого камня просверлено отверстие, во всех случаях с наклонным каналом. Скорее всего, этот наклон не случаен и обусловлен особенностями ношения или использования инструмента. Поверхность оселка между отверстием и ближним к нему краем шершавая, видимо, здесь его держали. Противоположная сторона отполирована (сработана). Кроме того, в заполнении могилы № 28 обнаружена плитка мелкоструктурного песчаника размером 1,7×4,2×15,0 см, использовавшаяся в качестве оселка (Таб. 62—1). Вероятно, эти инструменты применялись для тонкой доводки лезвийного железного оружия или орудий труда.

4. МОНЕТЫ

Монеты обнаружены в заполнении 5 погребальных сооружений (мог. №№ 1, 4, 14, 21, 55), относящихся к категории наиболее богатых могил некрополя (монетный «кружок» из могилы № 39 настолько деформирован, что трудно определить его функциональное назначение в период образования комплекса). Всего найдено 27 монет, число их варьировало: от 1 (мог. №№ 4, 55) до 15 (мог. № 1) в каждом погребении. Из них 7 штук, происходящие из могилы № 14, истерты или деформированы под действием огня (среди них 2 медные, видимо, боспорские II–III вв. н. э. и одна серебряная римская III в. н. э.). Остальные отличаются прекрасной сохранностью и до момента археологизации, видимо, использовались как платежные средства. Довольно широко представлены римские монеты — серебряные антонианы Требониана Галла (251–253) и Галлиена (253–268), медные фоллисы Диоклетиана (284–305), Констанция I (293–305), Максимиана (293–305), Галерия (284–305), Максимиана Дайи (308–311), Лициния (308–323). Найден, также, серебряный боспорский статер Рескупорида IV, чеканенный в 266/67 г. н. э. (все определения монет выполнены В. А. Анохиным, за что авторы приносят ему большую благодарность).

Преимущественное применение в качестве погребального инвентаря низкопробных антонианов и медных фоллисов объясняется,

возможно, их относительно низкой ценностью. Для создания сокровищ использовались, видимо, сравнительно полновесные «старые» серебряные денарии и золото (см. напр. Джанов, Юрочкин, 2001, с. 70–72). В то же время именно медные римские монеты конца III — начала IV вв. н. э. находились в обращении довольно длительное время, вплоть до VI–VIII вв. н. э. (см. Амброз, 1994, с. 34). Однако в чатырдагских комплексах даты таких монет в целом соответствуют современным представлениям о периоде бытования вещей, с которыми они найдены, а разница между датами выпуска монет из могилы № 1 (15 шт.) не превышает 40 лет. В связи с этим очевидна определенная значимость большинства обнаруженных в могилах монет как хроноиндикаторов. От них, как от малоценных, при необходимости (такой, например, как жертвоприношение мертвым), вероятно, старались избавляться в первую очередь. Таким образом, приведенные выше доводы, а также хорошая сохранность монет позволяют предполагать, что они довольно быстро выпали из обращения.

5. ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ

Среди металлических функциональных деталей костюма, найденных на некрополе, 15 пряжек, а также 7 фибул и их обломков. Кроме того, обнаружено 2 истертых монеты с парой отверстий в каждой, использовавшиеся, возможно, в качестве пуговиц. Большинство этих предметов фрагментировано или оплавлено. Некоторые из них являются подъемным материалом (рамка от железной пряжки), часть найдена на древней дневной поверхности (железная фибула и обломок бронзовой иглы) и среди остатков разрушенных погребений (2 бронзовые фибулы, 4 пряжки и 2 щитка от пряжек). Остальные вещи происходят из нетронутых захоронений.

5.1 ПРЯЖКИ

Наиболее многочисленны пряжки, сопровождавшие 7 погребений (мог. №№ 14–16, 21, 48, 52, 55). Они могли использоваться для застегивания поясных, обувных или каких — либо иных ремней, например, на конской сбруе. Обнаружено 15 пряжек и их фрагментов: 7 бронзовых и 8 железных. В одной могиле на-

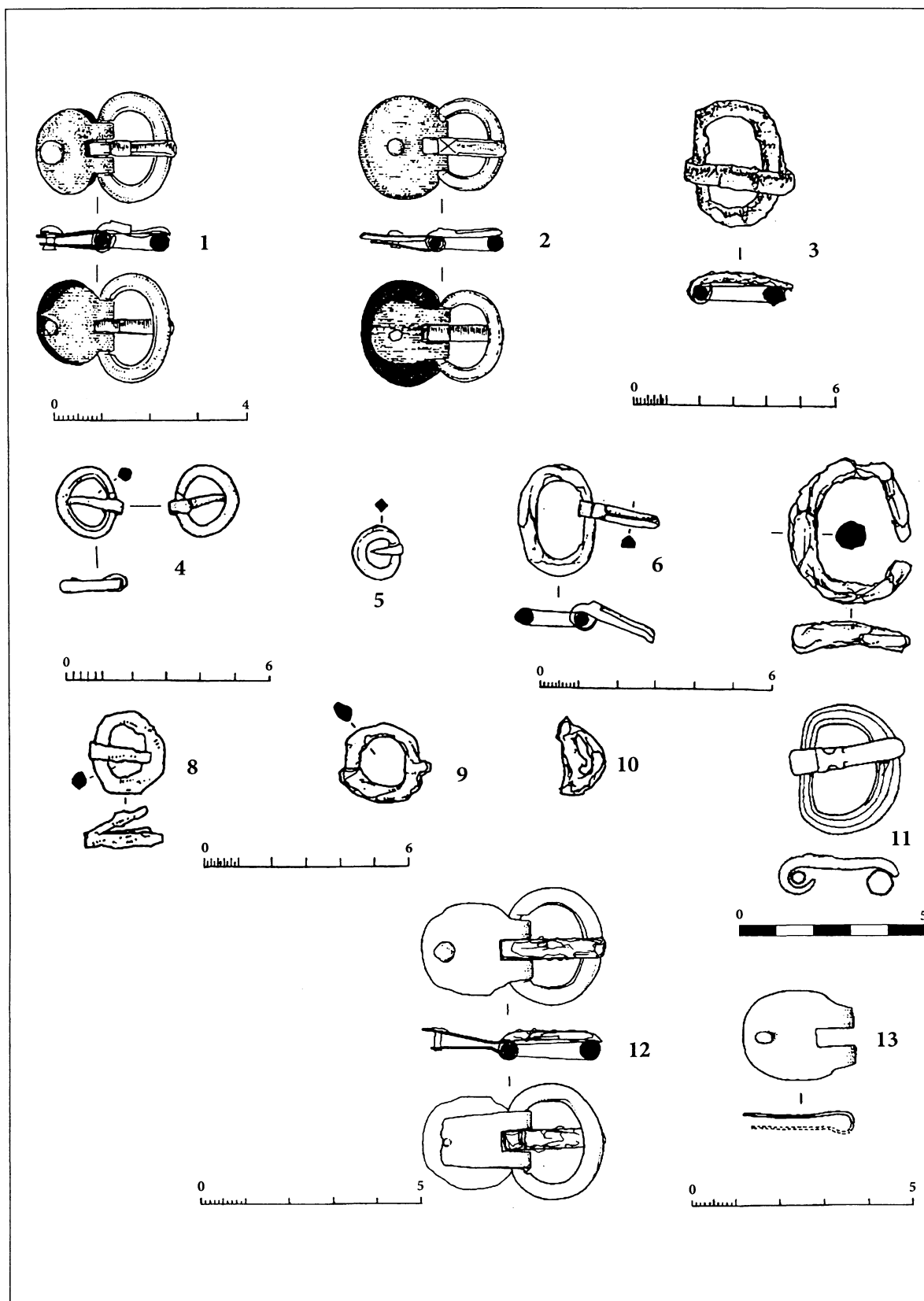

Рис. 10. Пряжки из погребений некрополя Чатыр-Даг (№ 11 по: Вознесенская, Левада, 1999, рис. 10—1)

ходило от 1 до 3 таких изделий. Они весьма разнообразны по особенностям формы отдельных частей (рамки, язычка, щитка). По сочетаниям этих признаков можно с достаточной долей условности разделить найденные пряжки на 5 вариантов.

1. *Железная пряжка из могилы № 21* (Таб. 25—6; Рис. 10, 8). Рамка сегментовидная, в передней части в сечении четырехгранная. Ширина внутреннего контура 1,45 см. Язычок прямоугольный в сечении, обломан. Подобные изделия в Крыму известны по раскопкам Усть-Альминского некрополя, где они обнаружены в комплексах I—II вв. н. э. (Высотская, 1994, с. 105, Таб. 31, 12—3). В центральных районах Северного Кавказа схожие по форме вещи встречаются в погребениях I—III вв. н. э. (Абрамова, 1998, с. 209—211, Таб. 1, 1—4, 22), на Верхней Кубани — в захоронениях II—первой половины III вв. н. э. (Абрамова, 1998, с. 215, Таб. 2, 1—4). В могиле № 21 публикуемого некрополя данной пряжке сопутствуют антониан Требониана Галла (251—253 гг.), антониан Галлиена (253—268 гг.) и статер Рескупорида IV (чеканен в 266/67 гг.). Таким образом, в целом такие артефакты, видимо, следует датировать I—III вв. н. э.

2. *Бронзовая пряжка из могилы № 52* (Таб. 50—4; Рис. 10, 5). Рамка сегментовидная, в сечении подквадратная, в передней части более массивная. Ширина внутреннего контура — 0,80 см. Язычок очень короткий, не достигающий до передней части рамки, огибают тыльный конец пряжки петлей, сделан из плоской проволоки, в сечении прямоугольный. Щитка не обнаружено. Аналогий найти не удалось. По формальным признакам условно сопоставима с вар. I классификации А. И. Айбабина, который он датирует III—перв. пол. IV вв. н. э. (Айбабин, 1990, с. 27).

3. *Бронзовая пряжка из могилы № 48* (Таб. 46—3, Рис. 10, 4). Рамка овальная, в сечении округлая (слегка подграненая), в передней части немного более массивная, согнута из обрезка дрота, концы которого затем сварены. Ширина внутреннего контура — 1,35 см. Язычок короткий, едва достающий до передней части рамки, огибают тыльный конец пряжки петлей, в центре прогнут, сделан из плоской проволоки, в сечении подпрямоугольный. Щитка не обнаружено. Это изделие также, видимо, следует относить к I варианту классификации А. И. Айбабина, (III—перв.

пол. IV вв. н. э.). Близкие по форме предметы найдены среди инвентаря сарматского захоронения III в. н. э. в кургане № 9 могильника у с. Нагорное в низовьях Дуная (Гудкова, Фокеев, 1984, с. 45, 47, Таб. 14, 14), а также при раскопках богатого погребения в кургане 13 у с. Кишпек (Северный Кавказ), датированного концом III — началом IV в. н. э. (Абрамова, 1998, с. 213, Таб. 1, 44). В погребении № 48 пряжка сочетается с хорошо сохранившейся, хотя и превращенной в подвеску, серебряной монетой Септимия Севера (193—211).

4. *Железная пряжка из культурного слоя разрушенных могил №№ 2 и 3* (Таб. 8—3; Рис. 10, 11). Рамка овальная, в сечении овальная, в передней части значительно более массивная. Ширина внутреннего контура — 2,2 см. Язычок короткий, прямой, слегка загнутый на конце и немного выступающий за передний край пряжки, огибают тыльный конец рамки петлей. Щитка не обнаружено. Близкая по форме пряжка найдена при раскопках Градештского курганного могильника в захоронении, датированном исследователями последней четвертью IV в. н. э. (Дзиговский, Субботин, 1986, с. 155—156, Таб. 2, 11). Сходный предмет встречен среди инвентаря склепа № 5 могильника «Совхоз № 10» IV — начала V вв. н. э. (Высотская, 1998, с. 257, 268, Таб. 5, 8). А. И. Айбабин отнес эту пряжку к I варианту своей классификации (III — перв. пол. IV вв. н. э.) (Айбабин, 1990, с. 27, Таб. 22, 2).

5. *Бронзовая пряжка из могилы № 15* (Таб. 19А, 3; Рис. 10, 12). Рамка овальная, в сечении круглая, с тыльной стороны заужена двумя уступами для крепления щитка. Ширина внутреннего контура 1,85 см. Язычок железный, короткий, прямоугольный в сечении, слегка выступающий за передний край пряжки. Щиток овальный, продольно вытянут (перпендикулярно длинной оси рамки), вырезан и перегнут через рамку. Прикреплялся к ремню гвоздиком (заклепкой) с округлой шляпкой, немного выступающей на внешней поверхности щитка.

Частями сходных по форме изделий являются, видимо, аналогичный описанному щиток из могилы № 16 (Таб. 19Б, 1) и фрагмент щитка из могилы № 15 (Таб. 19А, 2), поверхность которого декорирована двумя концентрическими линиями «пуансонного» орнамента, расположенными вокруг крепежного отверстия. Впрочем, последний предмет мог скорее всего служить и декоративной бляшкой.

Такие артефакты довольно часто встречаются при исследовании погребальных сооружений Северного Кавказа в комплексах середины — второй половины III в. н. э. и, возможно, начала IV в. н. э. (Абрамова, 1998, с. 211–212, 215–216, Таб. 1, 32, 34, 35; 2, 15, 16, 23–25).

6. *Бронзовые пряжки из могилы № 14* (Таб. 17—3; Рис. 10, 12). Рамки овальные, в сечении округлые (подграненные), в передней части более массивные, тыльная сторона заужена двумя уступами для крепления щитка. Ширина внутренних контуров 1,25–1,45 см. Язычки короткие, слегка выступающие за передний край пряжек, овальные в сечении, слегка прогнуты в центре, с прямоугольным выступом сверху, в одном случае украшенным крестообразной гравировкой. Щитки овальные, вытянуты параллельно длинной оси рамки, вырезаны и перегнуты через рамку. Прикреплялись к ремням гвоздиком (заклепкой) с округлой шляпкой, выступающей на внешней поверхности щитка. Очень близкая по форме пряжка найдена в погребении № 5 (неограбленная грунтовая могила с одиночным мужским захоронением в деревянном гробу) могильника у с. Суворово в комплексе с монетой Рескупорида IV хорошей сохранности (242–276 гг. н. э.) (Зайцев, 1997, с. 102, Таб. 52, 5). По типологии В. Б. Ковалевской такие изделия соотносимы с типом 5, который исследовательница датирует IV–V вв. н. э. (Ковалевская, 1979, с. 16, табл. 1, 12). По классификации А. И. Айбабина эти пряжки наиболее схожи с вариантом 2, который автор относит к первой половине IV в. н. э. Подобный предмет обнаружен среди инвентаря погребения в кургане 13 у с. Кишпек, которое большинство исследователей датирует концом III — началом IV в. н. э. (Абрамова, 1998, с. 212–213, Таб. 1, 47). К этому же времени относят появление пряжек данного варианта. Период их бытования мог длиться до конца IV или начала V столетия.

7. *Бронзовая пряжка из могилы № 55* (Таб. 53—11; Рис. 10, 6). Рамка овальная, в сечении округлая, подграненная, с тыльной стороны слегка заужена двумя небольшими уступами. Ширина внутреннего контура 2,00 см. На тыльной части рамки имеется выемка для фиксации язычка. Язычок короткий, слегка выступающий за передний край рамки и загнутый вокруг него, треугольный в сечении (подграненный), сзади косо ступенчато срезан, сверху ук-

рашен прямоугольным выступом. Щиток не обнаружен. Близкие по форме пряжки найдены при раскопках позднесарматских могильников Понизовья Дуная: в урочище Чауш в богатом погребении конца III — начала IV вв. н. э. (Фокеев, 1986, с. 160, Таб. 1, 7) и на Градештском курганном могильнике в захоронении, датированном последней четвертью IV в. н. э. (Дзиговский, Субботин, 1986, с. 155–156, Таб. 2, 2, 4, 5). Такие изделия, видимо, также следует относить к варианту 2 классификации А. И. Айбабина (перв. пол. IV в. н. э.). В могиле № 55 пряжка найдена с хорошо сохранившимся фоллисом Диоклетиана, чекненным между 284–287 гг.

8. *Крупные железные пряжки из могил №№ 14 и 55* (Таб. 18—15; Таб. 53—7). Полностью сохранилась одна из них. Рамка овальная, в сечении округлая, возможно, подграненная. Ширина внутреннего контура 2,60 см. Язычок довольно массивный, обломан, видимо, был коротким, граненым, с выступом, огибает тыльный край рамки петлей. Щиток не обнаружен. Подобные вещи были широко распространены в Причерноморье в позднеантичное и ранне-средневековое время (Абрамова, 1998, с. 216, Таб. 3, 1; Высотская, 1994, с. 105, Таб. 31; 12, 1; Высотская, 1998, с. 268, Таб. 5, 7, 9–11; Дзиговский, Субботин, 1986, с. 155, Таб. 2, 11–13 и др.)

5.2. ФИБУЛЫ

Фибулы и их фрагменты обнаружены среди инвентаря 5 захоронений, по 1 в каждом. 2 найдены на древней дневной поверхности. Всего на данном участке некрополя найдено 2 целых и фрагменты 5 разломанных металлических застёжек. В 3 случаях они были «закрыты», сохранность остальных не позволяет выяснить их состояние в момент археологизации. Более или менее уверенно определимы 4 изделия, относящиеся к разным типам (Рис. 11).

1. *Бронзовая фибула из могилы № 26* (Таб. 29А, 1; Рис. 11, 3). «Смычковая», одночленная, с нижней тетивой. Такие застёжки были распространены, в основном, в Крыму. А. К. Амброс датирует период их бытования концом I — началом II вв. н. э. — III в. н. э. (Амброс, 1966, с. 47, табл. 6–11, 12, 13, 14). В погребальных сооружениях некрополя «Совхоз 10» подобные вещи встречаются в комплексах с монетами IV в. н. э. (Высотская, 1994, с. 96).

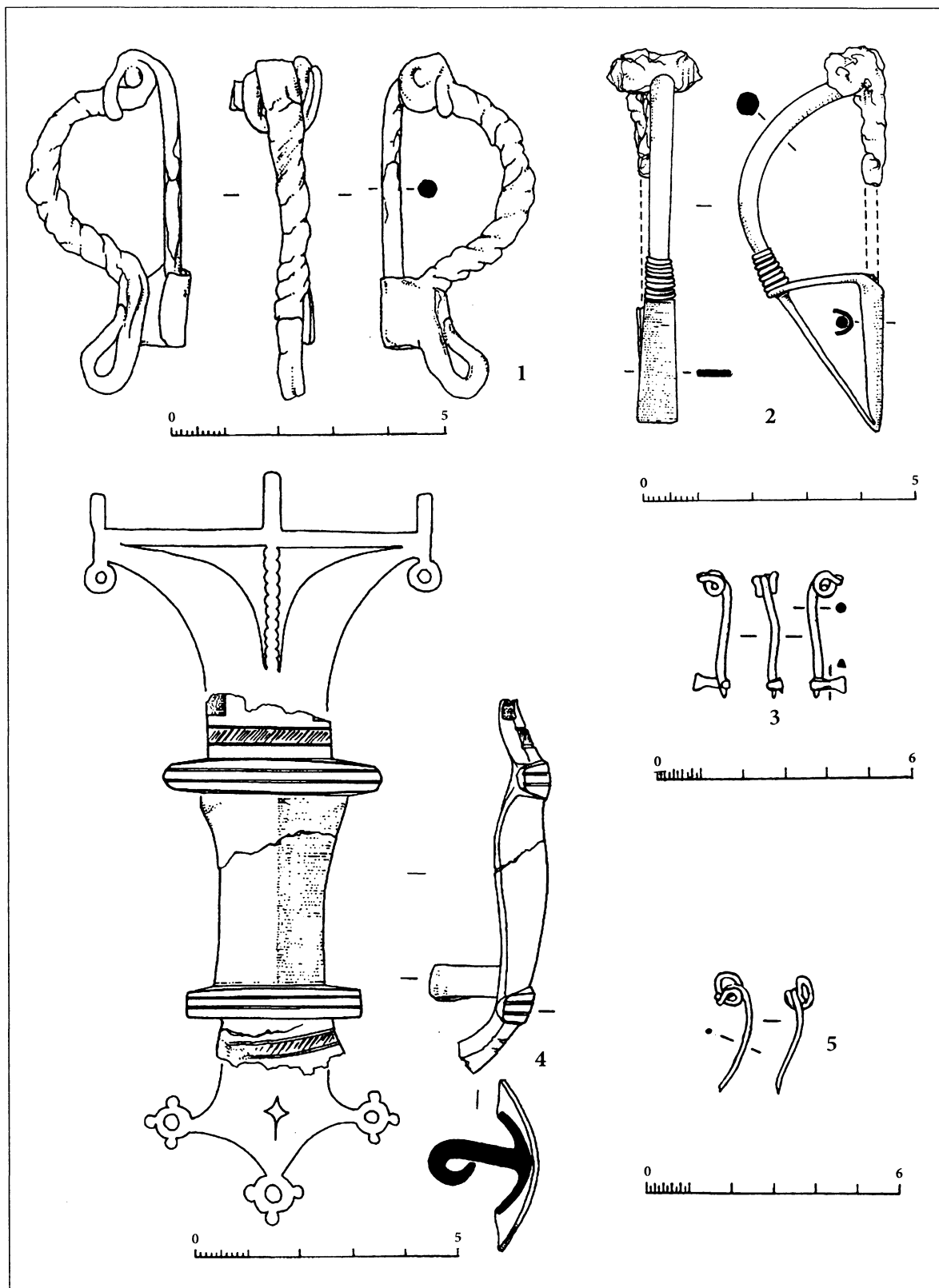

Рис. 11. Фибулы, найденные вне комплексов (№ 1) и из комплексов некрополя Чатыр-Даг

2 — могила 16;

3 — могила 26;

4 — могила 15;

5 — могила 27.

По наблюдениям И. Н. Храпунова «смычковые» фибулы во второй половине III в. н. э. использовались гораздо реже, чем в предшествующее время, т. к. они, например, совершенно отсутствуют среди инвентаря захоронений могильника у с. Дружное (Храпунов, 1998, с. 235).

2. *Бронзовая фибула из могилы № 16* (Таб. 19Б, 3; Рис. 11, 2). Лучковая, двучленная подвязная с гладкой, круглой в сечении дужкой трапецевидной пластинчатой ножкой. Игла и пружина железные, вероятно, после ремонта, тетива не сохранилась. Длина 7 см, высота спинки 2,3 см. По классификации А. К. Амброза такие застёжки безусловно относятся к серии III, варианту 1 подвязных фибул 15 группы, и датируются автором: для региона Северного Причерноморья II—III вв. н. э., а в Поволжье и на Кавказе они существуют и в IV в. н. э. (Амброз, 1966, с. 52, табл. 9—18). Из наиболее важных для хронологии этих фибул комплексов, приведенных А. К. Амброзом, отметим следующие: погребение 9 (35) из могильника Черная Речка, с прогнутой подвязной фибулой раннего I варианта и с монетой Гордиана III (238–244 гг.); погребение 15 того же могильника, где она сочеталась с прорезными эмалевыми брошами и с монетой Марка Аврелия (161–180 гг.); погребение 3—1894 года из Пантикапея, раскопки Ю. А. Кулаковского, с монетой Рескупорида V 268 года, погребение 19(44)-1933 года из Тиритаки, с последней монетой также Рескупорида V 262 года (Амброз, 1966, с. 53). На основании этих комплексов с монетами можно говорить о их появлении в середине — третьей четверти III века н. э. и вряд ли о более раннем времени. Новые материалы из Дружного, погребения 24 и 20/3 подтверждают эти выводы — в них лучковые фибулы III серии, I варианта найдены: в погребении 24 с серебряными монетами Гордиана III (238–244), Филиппа Араба (244–249) и Деция Траяна (249–251), а в погребении III южного подбоя могилы 20 с биллоновой монетой Галлиена (253–268 гг.) (Храпунов, 2004, с. 146–147, рис. 37—45) Эти фибулы существуют до конца III века и встречаются в комплексах конца III — первой четверти IV в. н. э. (Градешка, Тимошевская). Судя по всему, их вполне можно считать синхронными фазе С2 европейской хронологической шкалы По В. Ю. Малашеву, эти фибулы — четкий хроноиндикатор его ступени IIБ — т. е. второй половины III века (Малашев, 2000, с. 207).

А. К. Амброз не сформулировал четких отличий названного варианта от фибул 3 варианта IV серии, которые широко представлены на памятниках цебельдинской культуры в Абхазии (Амброз, 1966, с. 54; Воронов, 2003, Рис. 6, 8, 12; 10, 4; 20, 26, 48; 38, 18, 19; 54, 5, 6; 63, 5; 74, 22) и несколько напоминают нашу находку. Основным отличием IV серии А. К. Амброз называет дуговидный изгиб спинки, в отличие от равномерного овального у лучковых фибул III серии, но этот элемент выражен четко не у всех цебельдинских фибул. Далее, А. К. Амброз отмечал, что фибулы IV серии достаточно крупные (8–10 см), что соответствует размерам большинства фибул цебельды, хотя иногда встречаются и застёжки меньших размеров. На наш взгляд, фибулы из цебельды изготовлены из более тонкой проволоки, имеют иначе оформленную спинку и ножку, часто с различным зигзагообразным орнаментом, очень часто ножка не продолжает овальную или дуговидную линию спинки, а отогнута под косым углом.

3. *Бронзовая фибула из могилы № 15* (Таб. 19А, 1; Рис. 11, 4). Двучленная, с высоким массивным пластинчатым приемником. Относится к числу так называемых перекладчатых или ступенчатых фибул с эмалью. Корпус изделия представляет собой слегка изогнутую дуговидную в поперечном сечении литую пластину, разделенную двумя перекладинами (гребнями). Головка и ножка застёжки утрачены. Спинка гладкая. Перекладки декорированы врезными линиями. Нижняя часть головки и верхний край ножки украшены орнаментальными поясами, образованными врезными линиями, пространство между которыми заполнено тонкой частой косой штриховкой. Чатыр-дагский экземпляр деформирован и имеет значительные утраты. Эти обстоятельства несколько снижают возможность уверенного определения данной фибулы по существующим классификационным схемам. Впрочем, реконструировать общий облик фибулы не так уж и трудно. По особенностям формы корпуса это изделие имеет некоторое сходство с застёжками, происходящими из окрестностей с. Хмельны (Украина, Черкасская обл.), из раскопок городища Дуна (Россия, Тульская обл.), из раскопок кургана у с. Двораки Пикуты (Польша, Белостокское воеводство) (Корзухина, 1978, с. 66, 75, 83, таб. 4, 8; таб. 15, 3; таб. 28, 3). Для реконструкции недостающих частей попорченной огнем фибулы, вы-

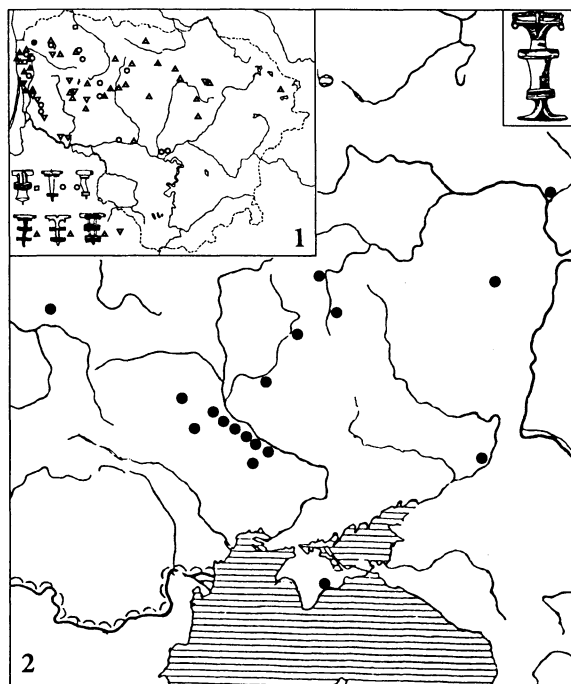

Рис. 11А. 1 — находки «перекладчатых» фибул в Литве (по Atlasas ..., 1978); 2 — находки «перекладчатых фибул» с эмалью по Г.Ф. Корзухиной.

бран экземпляра из с. Нижний Бишкін, как наиболее подходящий и по размерам и по пропорциям (Гороховский и др., 1999, рис. 3, 4). Впрочем, примеры и варианты реконструкции можно увеличить, в своде Г.Ф. Корзухиной собрано 17 экземпляров перекладчатых фибул с эмалью. Г.Ф. Корзухина выделила особый подтип перекладчатых фибул «с треугольным нижним концом», которые датировала IV в. н. э. (Корзухина, 1978, с. 22, 23, 55, 58, 59). Определенная концентрация их намечается на правом берегу среднего Днепра, имеются они в Подесенье и Поочье. Известны находки и в Подонье и в среднем Поволжье. (Рис. 11А) (Щукин, 2002). Некоторые исследователи считают эти вещи этнографической чертой племен, оставивших киевскую археологическую культуру (Гороховский, Кубышев, Терпиловский, 1999, с. 146).

С другой стороны в археологических музеях Каунаса, Вильнюса, Риги в витринах находится обилие перекладчатых фибул самых разных размеров, иногда крупных, и разных вариантов (Moora, 1938, Abb. 19; Lietuvos..., 1978, S. 36–38, pav. 25–3; Michelbertas, 1986, pav. 37, 2–4, S. 268). По всей вероятности, они являются местным дериватом общеевропейских фибул V группы О. Альмгрена 94–98

ступеней B2/C1 и C1 а европейской хронологии (Almgren, 1923, Taf. V). Фибулы с эмалью — тоже один из дериватов европейских застёжек. Правда, Е.Л. Гороховский прототипом перекладчатых фибул считает сильнопрофилированные провинциально-римские застёжки Альмгрена 115 (Гороховский, 1982, с. 136–139, 143). На Среднем Дунае — в Паннонии он видит истоки и эмальерного дела обитателей лесной зоны Восточной Европы.

Но римские эмали имеют другую цветовую гамму — желто-сине-зеленую и сделаны в другой технике, разноцветная эмаль покрывает практически всю поверхность изделия.

В вещах же круга эмалей лесной зоны применяется техника шампелье, то есть, в неглубокие и небольшие выемки на отдельных частях предмета заливается почти исключительно красная эмаль.

Такая техника и такая цветовая гамма была издревле свойственна кельтским мастерам Галлии и Бриттании. Известно, что в период 170–210 гг., на ступени C1 устанавливается «датская» волна импортов по морскому пути вдоль побережья Северного моря от устья Рейна и через датские проливы и волоки вдоль берегов Балтики (Wołagiewicz, 1970; Щукин, 1994, с. 41–42, Таб. 8). Тогда и попал, вероятно, в княжеское погребение Ленг — Пекарски в польском Поморье кельтский бронзовый сосуд с атташе украшенным эмалью. Этим путем в Прибалтику и могли попасть британские или галльские мастера, использовавшие и распространившие изделия с красной эмалью в технике шампелье.

Впрочем, это особая тема, нуждающаяся и в специальном исследовании и в специальном изложении. Находка фибулы «круга эмалей» в Чатыр-Даге — не единственная в Крыму. В одном из каменных ящиков с урнами из некрополя Херсонеса также обнаружена пара треугольных ажурных фибул с красной выемчатой эмалью, аналогичных прибалтийским, приднепровским и приокским, в частности, в составе известного Мощинского клада на Оке (Зубарь, 1982, Таб. 37; Корзухина, 1978, таб. 23, 1–2; Щукин, 1988). Хронология и «закрытость комплекса» находок могилы № 3 в Херсонесе, впрочем, не совсем ясна. Среди разбитых десяти урн, помещенных в каменный ящик, находились материалы, как более раннего, так и более позднего времени (Щукин, 1988).

4. Железная фибула, найденная на древней дневной поверхности в пределах «северной»

части некрополя (Таб. 14 — 5; Рис. 11, 1). Двучленная, с перевитой дужкой и петлевидным завитком на конце пластинчатого приемника. Пружина в 1,5 оборота, тетива нижняя. В Северном Причерноморье такие вещи встречаются редко. Зато они не редкость в кругу раннеславянских и балтских древностей V века между Прибалтикой и Дунаем. И. О. Гавритухин назвал их типом Пильвины (Гавритухин, 1989). Близкая по форме застежка обнаружена при раскопках раннесредневекового могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска в трупосожжении, датированном авторами раскопок втор. пол. VIII–IX вв. н. э. (Дмитриев, 1982, с. 79, Таб. 4, 5). Так принято датировать на Кавказе появление обряда трупосожжения.

6. УКРАШЕНИЯ

Различные предметы, использовавшиеся в качестве украшений, и их обломки обнаружены в заполнении 34 могил. В их числе 2 шейные гривны, 24 браслета, 1 крупная серьга, 6 накладных бронзовых пластинок, 40 разнообразных подвесок, 12 колец и перстней, а также 1 свинцовая, 3 бронзовые, 50 каменных и более 180 стеклянных бус. Часть этих артефактов найдена на древней дневной поверхности (1 браслет, 1 крупная серьга, 1 подвеска и 3 стеклянных бусины) и среди остатков разрушенных погребений (4 браслета, 1 перстень, 4 подвески и 1 бусина). Остальные вещи происходят из нетронутых захоронений.

6.1. ГРИВНЫ

Гривны сопровождали 2 погребения. Обломок одной обнаружен в могиле № 14 (Таб. 18—8), вторая, разломанная надвое, находилась в могиле № 21 (Таб. 25—9). Оба украшения изготовлены из ложновитой проволоки, круглой (могила № 21) или квадратной (могила № 14) в сечении. Одно из окончаний каждого изделия округло расклепано и снабжено отверстием, видимо, для застегивания. Второй конец гривны из могилы № 21 загнут вертикально. На нее насажена крупная чернопастовая бусина. Гривны из ложновитой проволоки иногда встречаются при раскопках позднеантичных некрополей Крыма в погребениях I–II вв. (Сымонович, 1983, с. 94, табл. XXXIII, Таб. 22; Высотская, 1994,

с. 108, табл. 28, Таб. 44) и III–IV вв. н. э. (Корпусова, 1973, Таб. 4, 26). Позднейшие находки такого рода известны по материалам исследований могильников цебельдинской культуры и Дюрсо, где они обнаружены в захоронениях втор. пол. IV—перв. пол. VI вв. н. э. (Гей, Бажан, 1997, с. 23, табл. 26, 10; Дмитриев, 1982, с. 84, Таб. 6).

6.2. БРОНЗОВЫЕ БРАСЛЕТЫ

Браслеты найдены в 7 могилах, от 1 обломка до 7 целых изделий в заполнении каждого из этих погребальных сооружений, а также на древней дневной поверхности (1 обломок). Единой классификации северопричерноморских браслетов не существует. Обычно исследователи при публикации материалов раскопанных ими некрополей всякий раз создают отдельную типологию, основанную, как правило, на особенностях технологии изготовления, формы и ornamentации изделий. Из 24 браслетов, найденных на данном могильнике, более или менее определимы 22. Их можно подразделить на 5 типов.

1. Цельнолитой браслет из могилы № 21 (Таб. 25—2г). В сечении округлый. Аналогии неизвестны.

2. Браслеты с несомкнутыми концами. Украшения этого типа наиболее многочисленны (14 шт. в 6 могилах). Они представлены несколькими вариантами.

а) Браслеты с неутолщенными неорнаментированными концами (4 шт., мог. №№ 13, 14, Таб. 16—6а, б, г; Таб. 18—7б). Изготовлены из довольно толстой проволоки, округлой или овальной в сечении. Подобные предметы встречаются среди инвентаря крымских позднеантичных некрополей в погребениях II–I вв. до н. э.—IV в. н. э. (Сымонович, 1983, с. 93, табл. XXXVI, 10–12, 21, 24; Зубарь, 1982, с. 98, Таб. 61, 14; Высотская, 1994, с. 111, Таб. 33, 11 и др.).

б) Браслеты со слегка утолщенными неорнаментированными концами (10 шт., мог. №№ 1, 4, 13, 14, 16, 21, Таб. 4—2; Таб. 8—4а, б; Таб. 16—6д, е, ж; Таб. 18—7а, д; Таб. 19—2; Таб. 25—2в). Сделаны из сравнительно толстой проволоки, округлой, овальной или квадратной в сечении. Концы одного браслета из могилы № 4 заходят друг за друга. Такие украшения были широко распространены на территории Средней и Восточной Европы, а также на Се-

верном Кавказе в позднеантичное и раннесредневековое время (Сымонович, 1983, с. 93, табл. XXXIII, 16, 20, 23; Зубарь, 1982, с. 99, Таб. 61, 15, 17; Высотская, 1994, с. 110–111, Таб. 33, V) (лит. см.: Хайретдинова, 2000, с. 103).

в) *Браслет с окончаниями, расклепанными в форме стилизованных змеиных голов сглаженных очертаний* (древняя дневная поверхность, Таб. 62 — 9). Сделан из тонкой, округлой в сечении проволоки. Браслеты с окончаниями в виде змеиных голов были очень широко территориально и хронологически распространены. Они являются обычной находкой на крымских некрополях I–IV вв. н. э. Большинство специалистов считает, что такая орнаментация придавала этим украшениям апотропеические свойства (см. напр. Зубарь, 1982, с. 96–98, Таб. 62, 1–8; Богданова, 1989, с. 38–41, табл. XI; Сымонович, 1983, с. 93, табл. XXXIV и др.). Браслеты, схожие с публикуемым, отличающиеся сглаженностью формы, по мнению исследователей, вероятнее всего, долгое время изготавливались любителями (не профессионалами) и хронологического значения не имеют (см. Труфанов А. А., 2001, с. 72, там же библиография).

3. Пластинчатые браслеты с заходящими друг за друга концами (2 шт., мог. № 14, Таб. 18, 7в, 2). В сечении подпрямоугольные или овальные. Изделия такой формы известны по погребениям II–I вв. до н. э., однако, они, как правило, орнаментированы (Сымонович, 1983, с. 93–94, табл. XXXV, 25). Сходный предмет обнаружен в склепе № 89 могильника у с. Лучистое с погребением, датируемым второй четвертью — концом VII в. н. э. (Хайретдинова, 2000, с. 102, Таб. 19, 5).

4. Круглопроволочный браслет, концы которого привязаны к спинке несколькими витками (мог. № 21, Таб. 25 — 2е). Изготовлен из тонкой проволоки. Украшения этого типа были широко распространены в Таврике в первых веках н. э. (лит. см. Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 99). В Северном Причерноморье они появляются в I–II вв. н. э., а, возможно, и ранее. Так, на Усть-Альминском некрополе они встречены среди инвентаря склепа, использовавшегося в конце II — I в. до н. э. (Зайцев, 1997, Таб. 2, 6, 7; 3, 10). По мнению некоторых исследователей эти вещи восходят к кругу латенских древностей (Высотская, 1972, с. 155; Зубарь, 1982, с. 94, Таб. 61, 1–7; Трейстер, 1992, с. 46, Таб. 9, 5).

5. Круглопроволочные браслеты, концы которых скреплены с помощью петли и крючка (3 шт., могила № 21, Таб. 25 — 2а, б, д). Сделаны из тонкой проволоки. Изделия этого типа встречаются в Крыму несколько реже. Известны с I–II вв. н. э. (см. напр. Богданова, 1989, с. 38–39, табл. X, 9) и бытуют, видимо, до раннего средневековья (см. напр. Приходнюк, 2000, с. 155–156, Таб. 8).

Частью пластинчатого, скорее всего, *серебряного браслета*, видимо, является медальон, плакированный золотой фольгой с сердцевидной вставкой из могилы № 21 (Таб. 25 — 7; Таб. 14Б). Фольга украшена рельефным штампованным орнаментом, крепились к бронзовой основе с помощью двух штифтов или заклепок (утрачены). Сердечник овальной, линзовидной в сечении формы, укреплен в гнезде в центре медальона. Известно лишь несколько точных аналогий таким медальонам, украшавшим щитки широких пластинчатых браслетов (щитки прикреплялись к браслетам с помощью шарниров). Все они встречены в наиболее богатых женских погребениях. Одно аналогичное изделие обнаружено в могиле № 9(35) Чернореченского некрополя (Бабенчиков, 1963, с. 99, табл. XIII, 1), два — в могиле № 24 некрополя у с. Дружное (Храпунов, 1994, с. 529, 534, 535, Таб. 5, 4, 5; Храпунов, 1999, с. 152, Таб. 4, 7). Поразительное сходство чернореченского и друженских браслетов между собой позволило И. Н. Храпунову предположить, что они были изготовлены в одной мастерской (Храпунов, 1994, с. 534). По технологическим особенностям к продукции этой же мастерской можно отнести и чатыр-дагскую находку. В Дружном эти изделия найдены в комплексе с римскими антонианами Гордиана III (238–244 г. н. э.), Филиппа II (247–249), Траяна Деция (249–251) (Храпунов, 1994, с. 531), на Черной речке с антонианом Гордиана III (238–244 г.) (Бабенчиков, 1963, с. 99, табл. XIII, 1), на Чатыр-Даге с антонианами Требониана Галла (251–253 г.) и Галлиена (253–268 г.), а также с боспорским деградируемым статером, чеканенным от имени Рескупорида IV в 266/67 г. н. э. Таким образом, эти браслеты были изготовлены, видимо, где-то в начале третьей четверти III в. н. э. и бытовали до 70-х годов столетия (от чатыр-дагского экземпляра сохранился лишь медальон, использовавшийся, вероятно, после поломки браслета, какое-то время вторично). Подобные украшения, отличающиеся от перечисленных выше тех-

нологическими особенностями, орнаментацией и материалом вставки, находят иногда при раскопках крымских позднеантичных некрополей в погребениях середины III—IV вв. н. э. (Гущина, 1974, с. 42, 51, Таб. III, 14; Спицын, 1905, с. 123, Таб. 28; Зайцев, 1997, с. 108, Таб. 58, 9). В целом, по различным хронологическим разработкам время их бытования относят ко второй половине III в. н. э. (Амброз, 1994, с. 77, Таб. 2, 7) или к середине III—первой четверти IV вв. н. э. (Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 244, 245, Таб. 1, 25, 32; 2, 25, 32).

6.3. БРОНЗОВЫЕ ПЛАСТИНЫ С ЗАГНУТЫМИ КОРОТКИМИ СТОРОНАМИ

Пластины (6 шт., могила № 14, Таб. 17—1; Рис. 13, 1–12) украшены пунсонным орнаментом в виде горизонтально вытянутых овалов, во внутреннем поле которых выделено по два соприкасающихся округлых медальона с крупными точками в центрах. Орнаментальная композиция напоминает стилизованное изображение головы птицы «анфас». Функциональное назначение этих предметов, лежавших в могиле с остатками кремации определить на основании аналогичных изделий, найденных в погребениях, совершенных по обряду ингумации, не так сложно. Сходные по форме изделия обнаружены при раскопках трех предгорных позднеантичных могильников — Битак (не опубликовано), Нейзац и Левадки в погребениях второй половины II—первой половины III в. н. э. (Храпунов, 1998, с. 232, Таб. 2, 31; Храпунов, 2004, рис. 26; Мульд, 1999, с. 185, Таб. 8, 3; Мульд, Масыкин, 2003, рис. 3). Известны такие бронзовые пластины, но меньших размеров среди материалов некрополя Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, таб. XXIX, 37–39). Эти пластины в комплексе могильника Битак, в склепе № 20 могильника Левадки и в трех случаях в комплексах могильника Нейзац (могилы №№ 25, 28, 59) удалось зафиксировать *in situ*. Они располагались на черепах погребенных, в ряд, горизонтально (Храпунов, 1998, Таб. 1, II, 12) и представляли собой, видимо, остатки женских головных уборов. Следует отметить и то, что набор из 6 бронзовых пластинок в чатырдагском погребении близок набору пластинок из могил №№ 25, 28 и 59, некрополя Нейзац, составляющим, соответственно, 5, 6 и 7 штук,

что вполне может говорить о близком типе головного украшения. (Рис. 12, 13). Четыре пластинки найдено в склепе № 20 и одна в могиле № 3 некрополя Левадки. Еще один предмет такого рода (находка не опубликована) обнаружен в грабительских отвалах на святилище римского времени на вершине горы Чатыр-Даг — Эклизи-Бурун (см. Тесленко, Лысенко, 2002, с. 251).

Между этими находками при несомненном сходстве существуют и определенные морфологические различия. Чатырдагские пластины плоские, лишь слегка выгнутые, пунсонный орнамент рельефно не выделяется, и у них загнуты назад короткие стороны (Рис. 13—1, 2, 6, 7, 11, 12). Прямоугольные бронзовые пластины из комплексов могильника Левадки (Мульд, Масыкин, 2003, с. 8) также украшены пунсонным орнаментом, который нанесен в виде окружности из мелких точек вокруг центрального круга и образует невысокий рельеф с центральной выпуклостью (Рис. 12—1, 2). У этих пластин загнуты назад длинные стороны. Нейзацкие экземпляры из могилы № 28 частью орнаментированы в невысоком рельефе с центральной выпуклостью (Рис. 12—3, 2, 3), частью не орнаментированы совсем, но достаточно сильно выгнуты (Рис. 12, 3, 1, 4, 5, 8). Прямоугольные пластины из могилы № 59 украшены пунсонным орнаментом в виде 2 концентрических маленьких окружностей, которые лишь слегка рельефно выделены в центре (Рис. 13, 29, 30). У всех нейзацких экземпляров также загнуты назад длинные стороны. Следует отметить, что только одна пластина из склепа № 20 могильника Левадки имеет загнутые назад короткие стороны (Рис. 12—II, 1). Во всех случаях, в комплекте с этими пластинами присутствуют «шумящие подвески» — колокольчики или отдельные элементы, заменяющие их (маленькие ведерки, бронзовые колечки и бусы).

6.4. БРОНЗОВЫЕ КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ

Кольца и перстни обнаружены в 7 могилах, от 1 фрагмента до 4 целых изделий в заполнении каждого из погребальных сооружений. Всеобъемлющая классификация таких артефактов, происходящих из Северного Причерноморья также не разработана. По особенностям технологии изготовления, формы и орнаментации 12 колец и перстней, найден-

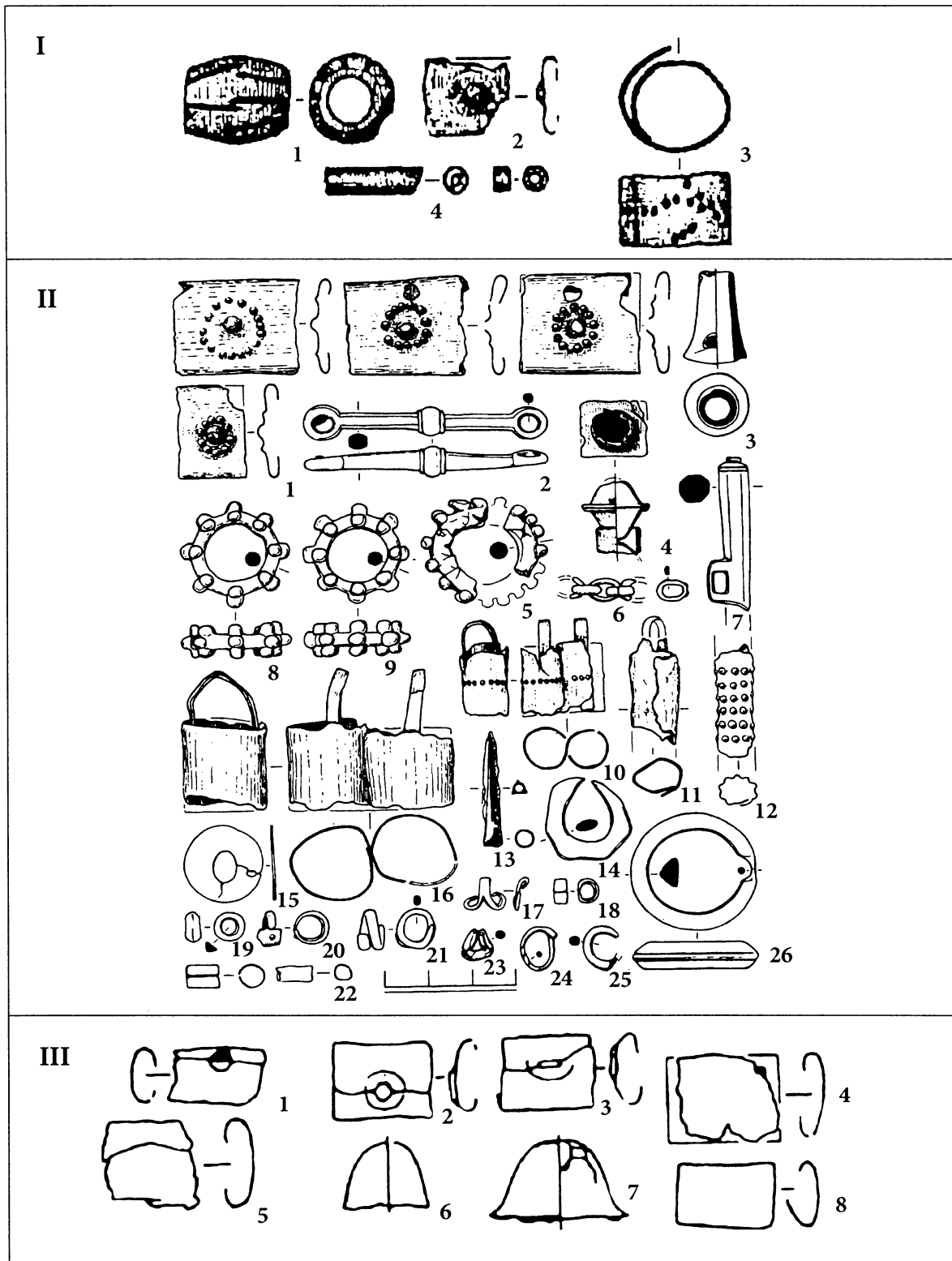

Рис. 12. Детали головных украшений и сопутствующие предметы в комплексах крымских некрополей второй половины II — первой половины III вв. н.э.

I — Левадки, могила 10 (Мульд, 1999, рис. 8);

III — Нейзац, могила № 28 (Храпунов, 1997, рис. 2)

II — Левадки, склеп № 20 (Мульд, Мяскин, 2003, рис. 3);

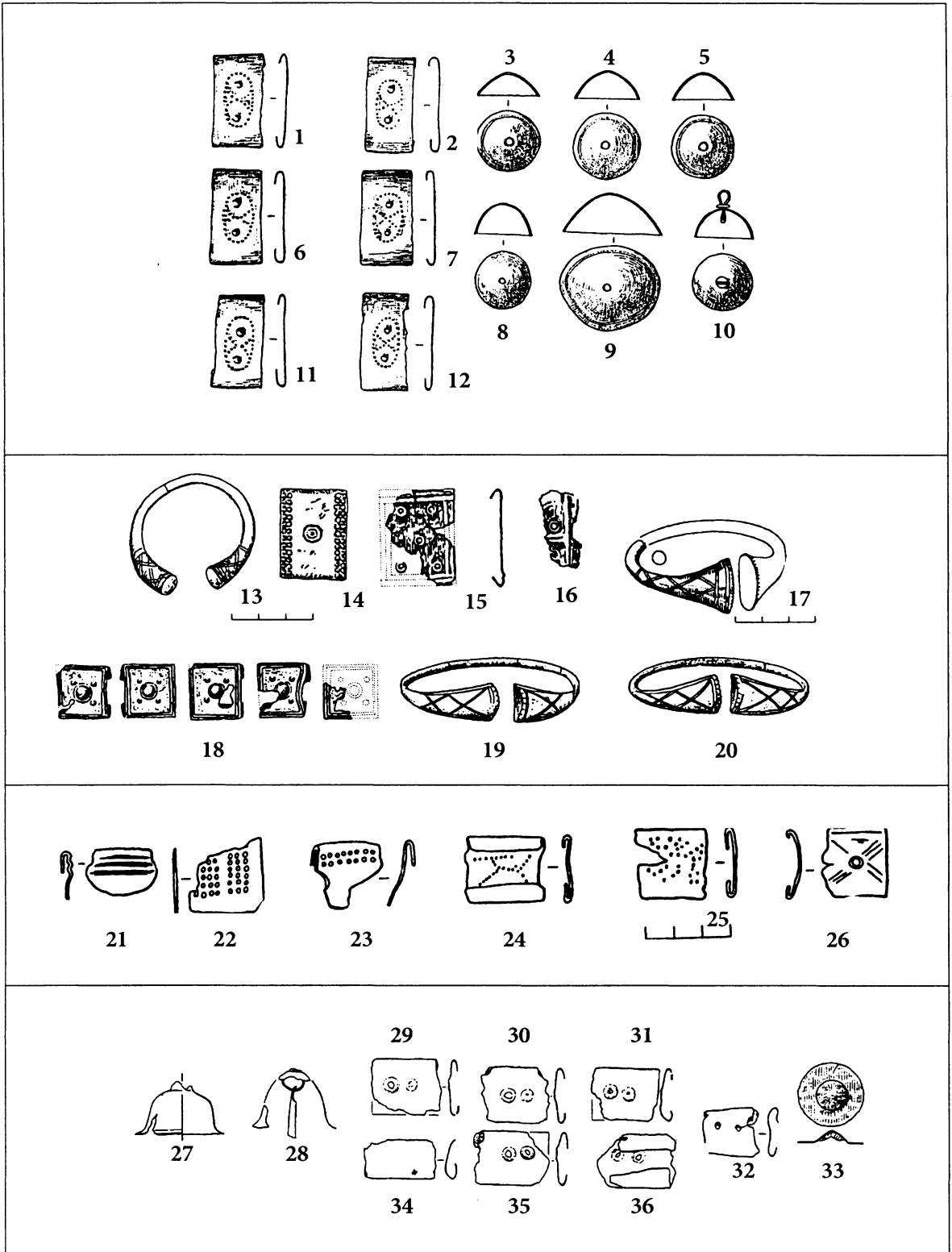

Рис. 13. Детали головных украшений.

1-12 — Чатыр-Даг, могила № 15;
13-14 — Любахин, курган 3;
15-17 — Полибино, курган 6;

18-20 — Репьы, погребение 3;
21-26 — Луковня (№№ 13-26 по:
Казанский, 1999, рис. 3, рис. 5)

27-36 — Нейзац, могила № 59
(Храпунов, 2004, рис. 26).

ные на данном участке могильника, можно разделить на 6 типов.

1. Спиралевидные кольца, свернутые из полосок листового металла, наиболее многочисленны (6 шт. в 3 могилах). Представлены двумя вариантами.

а) 2–3 витковые кольца из сравнительно широких полосок, украшенные врезным орнаментом в виде «елочки» (5 шт., могилы №№ 13, 14, Таб. 16—1; Таб. 18—10в). Точных аналогий найти не удалось. Неорнаментированные экземпляры известны по раскопкам восточного некрополя Неаполя Скифского в погребениях I–II вв. н. э. (Сымонович, 1983, табл. XXX, 48).

б) Неорнаментированное двухвитковое кольцо из узкой полоски металла (могила № 48, Таб. 46—4).

2. Проволочное кольцо с несаянными, заходящими друг за друга концами, выполненными в виде стилизованных змеиных головок (могила № 14, Таб. 18—10б). Подобные изделия известны по раскопкам крымских античных некрополей (например, Неаполя Скифского) в комплексах II в. до н. э.—II в. н. э. (Сыманович, 1983, табл. XXX, 6, 22, 28).

3. Пластинчатое кольцо с несаянными концами, снабженное расширением на лицевой стороне, украшенным пунсонным орнаментом в виде «процветшего креста», образованного треугольниками (могила № 21, Таб. 25—3). Точных аналогий найти не удалось. Вообще схожие по форме кольца известны в Крыму в позднеэллинистическое время (например: Сымонович, 1983, табл. XXX, 21, 27, 33, 41). Бытуют они, видимо, до раннего средневековья (см. напр. Веймарн, Айбабин, 1993, Таб. 87, 22, 30 и др.).

4. Пластинчатые перстни с несаянными расходящимися в виде четырех спиральных завитков концами (могилы №№ 1, 4, Таб. 4—3; Таб. 8—2). Подобные изделия известны из раскопок могильника Неаполя Скифского (Сымонович, 1983, с. 92, табл. XXX, 34, 42), некрополя Золотое (Корпусова, 1983, с. 62, тип 4, Таб. 17, 13), на Черной Речке (Бабенчиков, 1963, с. 100), у села Заветное (Богданова, 1989, с. 42, табл. XIII, Таб. 3), где они датируются в основном I–III вв. н. э. Крымские вещи такого рода некоторые исследователи считают «псевдолатенскими», т. е. изгото-

товленными на месте по латенским образцам (Богданова, 1989, с. 42). Следует, однако, отметить, что подобный декор имеет довольно древние корни на Северном Кавказе, где среди материалов Кобанской культуры XII–VIII вв. до н. э. встречаются браслеты, орнаментированные таким же образом. Изготовлены они, правда, скорее всего, также по европейским прототипам (Козенкова, 1989, Таб. 1, 7, 8). В Европе такие украшения бытуют, видимо, по крайней мере до рубежа IV–V вв. н. э. (Мастыкова, 1999, с. 72, Таб. 12, 18). Еще более поздний комплекс с таким же перстнем известен у р. Северский Донец (с. Мохнач Харьковской области). По литым бронзовым пальчатым фибулам «днепровского» типа и другим предметам авторы публикации датируют его VI—серединой VII вв. н. э. (Аксенов, Бабенко, 1999, с. 216–217, Таб. 1).

5. Перстень с овальной «жуковиной» из листового металла и кольцом из ложновитой проволоки (могила № 14, Таб. 18—10а). Аналогий найти не удалось.

6. Полусферическая вставка из фиолетового стекла (могила № 26, Таб. 29—2). Диаметр 0,75 см, высота 0,38 см. Перстни с такими вставками были широко распространены в Таврике в I–III вв. н. э. (Сымонович, 1983, с. 92; Гущина, 1982, с. 23; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 144; Богданова, 1989, с. 42, табл. XIII, 1; Высотская, 1994, с. 113, Таб. 34, 10 и др.). Встречаются они и в IV в. н. э. (см., например Зайцев, 1997, с. 108, Таб. 60, 20).

6.5. СЕРЬГИ

Крупная серебряная серьга (Таб. 62—10) найдена на древней дневной поверхности. Изготовлена из круглой в сечении проволоки, диаметр изделия—4,5 см. Одно из окончаний серьги овально расклепано и снабжено отверстием, второе выполнено в виде крючка. Расклепанное окончание украшено двумя тянутыми полуовальными выступами и чеканным орнаментом, придающим изделию зооморфный вид (возможно, стилизованное изображение кобры). Близкие по форме вещи обнаружены при раскопках горных святилищ: на Гурзуфском Седле (Новиченкова, 2002, с. 72, рис. 32—15) и на плато г. Чатыр-Даг (не опубликовано). Н.Г.Новиченкова считает такие предметы

характерными для рубежа нашей эры. В связи с этим не исключено, что этот артефакт не имеет прямого отношения к некрополю.

6.6 ПОДВЕСКИ

Довольно многочисленны разнообразные *бронзовые подвески*, обнаруженные в 13 могилах, от 1 до 13 в каждой. По технологическим и формальным признакам 36 подвесок делятся на 7 типов.

1. Колокольчики полусферической формы из тонкого листового металла (12 шт., могилы №№ 14, 21, 55, Таб. 17—2; Таб. 25—5; Таб. 53—5). В верхней части изделий имеются отверстия, в которых крепились петли для подвешивания всего колокольчика и била («язычка») внутри него. По нижнему краю, а часто и вверху, вокруг отверстия, нанесен орнамент в виде концентрических врезных линий. Подобные предметы встречены среди инвентаря многих (в основном, детских и женских) погребений первых веков нашей эры из Северного Причерноморья. В Восточной Европе появление таких колокольчиков, встречающихся иногда в погребениях раннего этапа черняховской культуры, связывают с сарматским влиянием (Бобровская, 1999, с. 155).

2. «Лунницы» (2 шт., могила 14). Представлены двумя вариантами.

а) «Лунница», сделанная из пластинки с треугольным поперечным сечением. Концы заострены, петля для подвешивания образована припаянной пластинкой, на лицевой стороне которой виден орнамент из двух продольных параллельных врезных линий (Таб. 18—126). Сопоставима с вариантом «а» типа 27 классификации Е. М. Алексеевой, который исследовательница датирует второй половиной III—IV вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 25–26, табл. 42, 2).

б) «Лунница», сделанная из плоской пластины. В центре изделия пробито отверстие, в которое вставлена проволока, образующая петлю для подвешивания (Таб. 18—12а). Соотносится с вариантом «в» типа 27 классификации Е. М. Алексеевой, датируемым второй половиной III в. н. э. (Алексеева, 1982, с. 26, табл. 42, 4).

3. Подвески из монет

а) с одним отверстием у края (12 шт., могилы №№ 14, 15, 27, 39, 44, 48, 52, древняя дневная поверхность, строительный отвал, Таб. 14А,

1; Таб. 17, 4; Таб. 19А, 5; Таб. 30, 1; Таб. 38, 4; Таб. 42, 3; Таб. 46, 2; Таб. 50, 1). У края всех монет пробиты отверстия, в трех случаях сохранились продетые в них проволочные кольца. Эти изделия соответствуют типу 6 по Е. М. Алексеевой (Алексеева, 1982, с. 23). Среди монет, использовавшихся для изготовления подвесок 3 римские (могила № 14—истерта, III в. н. э.; могила № 39—расплавлена; могила № 48—денарий Септимия Севера) и 10, видимо, боспорских (могилы №№ 15, 44—сильно истерты; могила № 14—истерты, II–III вв. н. э. (?); могила № 27—истерта, сестерций I–II вв. н. э.; могила № 52—двойной денарий Савромата II времени Коммода). Узко датировать такие украшения достаточно сложно. Следует лишь отметить, что бронзовые боспорские монеты I—первой трети III вв. н. э. встречаются совместно в кладах, тезаурированных не ранее 20–30-х годов III в. н. э. (Фролова, 1989, с. 196–197; Фролова, 1997, с. 168–169, комплексы №№ 3, 4), т. е. весьма вероятно, что в это время они могли участвовать в обращении одновременно. В более поздних кладах второй половины III—IV вв. н. э. боспорские медные монеты I–II вв. н. э. не известны, а денарии Рескупорида II (212–229 гг. н. э.) единичны (Таракташский клад 1908 г.) (Фролова, 1997, с. 173–176). В связи с этим, видимо, не будет большой ошибки в предположении, что верхней границей периода обращения основной массы медных боспорских монет I—первой трети III вв. н. э. можно считать середину III в. н. э. Весьма возможно, что позже их начали массово «использовать вторично», в том числе и в качестве подвесок. Кроме чатыр-дагских находок эта версия может быть подтверждена наличием большого комплекса подвесок из таких монет (14 шт.) в пещерном некрополе Глазастая (III в. н. э.) (Мыц, 1984, с. 7–15; Он же, 1988, с. 299–300; Лысенко, 2003, с. 90, 92).

б) с двумя отверстиями (у края и в центре), истертые, выпавшие из обращения, обнаружены в двух могилах—№ 48 (Таб. 46, 1) и № 51 (Таб. 49, 7). Вообще пробитые монетные кружки находят в погребениях позднеантичных крымских некрополей нечасто (см. напр. Сымонович, 1983, с. 99, Таб. 15, 7, 8, 11, 13; Высотская, 1994, с. 132; Мыц, 1984, с. 9–12; Арсеньева, 1970, с. 82 и сл.). Большинство их пробито лишь у края и использовалось как подвески. Монеты с отверстиями в центре встречаются еще реже. По положению их на костяке, зафиксированному в одном случае, можно предположить, что они могли служить

конструктивными элементами застежек для обуви (Сымонович, Голенко, 1960, с. 265 и сл.).

4. **Бронзовая «ажурная» подвеска** (могила № 4, Таб. 8, 3). Такие изделия были широко распространены в Крыму во II–III вв. н. э. (Сымонович, 1983, с. 98, табл. XIV, 1–4; Богданова, 1983, с. 95 и сл.; Гущина, 1974, Таб. III, 13; Богданова, 1980, с. 84, Таб. 1, 11, 12; Высотська, 1970, с. 190, Таб. 10, 1, 2; Высотская, 1972, Таб. 46, 1, 2, 48, 56) и, видимо, использовались в качестве амулетов. Подобные предметы находят на обширной территории от Северного Кавказа (Богданова, 1980, с. 84) до Дуная в сарматских погребениях II–III вв. н. э. (Vichir, 1977, pl. 23, 5). Появление «ажурных» подвесок в Северном Причерноморье исследователи связывают с кельтским влиянием (Кухаренко, 1959, с. 36).

5. **Бронзовые плоские подвески из обрезков листового металла.** Представлены двумя вариантами.

а) *Ромбовидная неорнаментированная пластинка* (могила № 21, Таб. 25, 8). У одного из углов, на длинной оси ромба пробито отверстие для подвешивания.

б) *Прямоугольная неорнаментированная пластинка* (могила № 27, Таб. 30, 3). Изделие слегка винтообразно изогнуто. У одной из коротких сторон пробито отверстие для подвешивания. Возможно, этот артефакт генетически связан с плоскими прямоугольными подвесками, являющимися элементами мужского костюма носителей черняховской культуры. Исследователи датируют такие предметы началом IV—началом V вв. н. э. (Бобровская, 1998, с. 57)

6. **Пронизи, свернутые из тонких полосок листового металла** (4 шт., могилы №№ 14, 27, Таб. 18, 13; Таб. 30, 2, 16). Такие изделия встречаются иногда при раскопках погребений римского времени на Боспоре (Корпусова, 1973, Таб. 4, 17) и в Юго-Западном Крыму (Высотская, 1994, табл. 8, Таб. 25). В могиле № 172 (II–III вв. н. э.) некрополя Танаиса две такие пронизи, очень схожие по форме и размерам с обнаруженными в могиле № 27 Чатыр-Дагского некрополя, найдены *in situ* в области шеи погребенного (Арсеньева, 1977, с. 17, 18, табл. XXXI, Таб. 17).

7. **Проволочные подвески.** Представлены 4 вариантами.

а) *Кольцеобразные подвески из круглой или овальной в сечении бронзовой проволоки с сомкнутыми концами* (3 шт., могилы № №

27, 43, 52, Таб. 30, 7; Таб. 41, 2; Таб. 50, 3). Такие изделия известны по раскопкам крымских некрополей римского времени (Высотская, 1994, табл. 1, Таб. 10).

б) *Фрагмент серьги или височного кольца* (2 шт., могила № 13, Таб. 16, 4) *из тонкой бронзовой, округлой в сечении проволоки.* Один конец изделия заканчивается петлей, второй утрачен (возможно, был оформлен в виде крючка). Полная форма изделия не реконструируется.

в) *Кольцо из тонкой бронзовой проволоки со спаянными концами* (1 шт., могила № 27, Таб. 30, 6). Видимо, этот предмет является фрагментом какого-то более сложного изделия, использовавшимся в качестве подвески.

г) *Пронизь в виде короткой узкой трубки, образованной свернутой в спираль тонкой бронзовой проволокой* (1 шт., могила № 27, Таб. 30—9). Сопоставима с типом 31 классификации Е.М. Алексеевой, характерным, в основном, для I–II вв. н. э. (Алексеева, 1982, с. 26).

6.7. БУСЫ

Одной из наиболее многочисленных категорий находок на некрополе являются *бусы*. Найдено более 300 различного рода бус в заполнении 26 погребальных сооружений. В каждом из них встречено от 1 до 50 бусин. Примерно 80% всех бус испытали на себе действие огня, около 17% полностью деформированы под действием высокой температуры. Оплавленные бусы происходят, в основном, с северной части некрополя.

Весь этот материал должен стать темой специального исследования. Здесь же приводится лишь общая характеристика бус некрополя по классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева, 1975; 1978; 1982)—несколько устаревшей, но наиболее полной на сегодняшний день сводке античных бус Северного Причерноморья.

В коллекции представлены бусы, изготовленные из стекла (одноцветного, многоцветного, с внутренней металлической прокладкой), фаянса, металла, камня и раковин моллюсков.

I. Бусы из одноцветного стекла наиболее многочисленны. Обнаружено 114 экземпляров (не считая сильно оплавленных) в 21 могиле. По окраске они подразделяются на 11 групп, включающих не менее 30 типов.

1. *Бусы из белого прозрачного (бесцветного) стекла.* Представлены округлые (мог. №№ 27,

34, 38, Таб. 30, 10 б, в, г, д, е, ж; Таб. 35—1д, ж, з, и; тип 17 (Алексеева, 1978, с. 65), яйцевидные (мог. № 27, тип 44—Алексеева, 1978, с. 66), цилиндрические (мог. № 34, Таб. 35—10, тип 70—Алексеева, 1978, с. 68), биконические (мог. №№ 14, 18, Таб. 18—16о, тип 96—Алексеева, 1978, с. 69), в форме параллелепипедов (мог. № 27, тип 111—Алексеева, 1978, с. 69).

2. *Бусы из стекла глухого белого цвета.* Обнаружены округлые пропорциональные и поперечно сжатые (мог. №№ 27, 30, 47, Таб. 32—1д; Таб. 45—1г, д, ж, з; тип 2—Алексеева, 1978, с. 63), удлиненные бочковидные (мог. № 39, тип 20—Алексеева, 1978, с. 65), бочковидные поперечносжатые (мог. № 14, Таб. 18—16а, б, ж, л; тип 21—Алексеева, 1978, с. 65), цилиндрические (мог. № 21, Таб. 25—10, тип 55—Алексеева, 1978, с. 67), призматической формы (мог. №№ 22, 52, Таб. 50—2г, тип 116—Алексеева, 1978, с. 69).

3. *Бусы из стекла глухого красного цвета.* Встречены округлые (мог. № 27, тип 3—Алексеева, 1978, с. 63), цилиндрические (мог. № 47, Таб. 45—1е, тип 57—Алексеева, 1978, с. 67), в форме параллелепипеда (мог. № 39, Таб. 38—3г, тип 104—Алексеева, 1978, с. 69), призматической формы (мог. № 27, Таб. 30—10а, тип 117—Алексеева, 1978, с. 70).

4. *Бусы из красно-коричневого прозрачного стекла.* Обнаружены грушевидные (мог. № 30, Таб. 32—1а, г), цилиндрическая (мог. № 34, Таб. 35—1о) и бочковидная (мог. № 39, Таб. 38—3в) бусины. В сводке Е.М. Алексеевой они отсутствуют.

5. *Бусы из синего прозрачного стекла.* Найдены округлые (мог. №№ 18, 22, 38, Таб. 37—1д, е, м; тип 15—Алексеева, 1978, с. 64–65), в форме плоских дисков (мог. №№ 44, 46, Таб. 42—1е, ж, з; Таб. 44—1, тип 75—Алексеева, 1978, с. 68), биконические (мог. №№ 26, 37, Таб. 29—4; Таб. 36—2, тип 95—Алексеева, 1978, с. 69), в виде параллелепипедов (мог. №№ 21, Таб. 25—10, тип 109—Алексеева, 1978, с. 69).

6. *Бусы из голубого прозрачного стекла.* Представлены цилиндрические (мог. № 30, Таб. 32—1в, тип 69—Алексеева, 1978, с. 67) и в виде неправильного четырнадцатигранника (мог. № 45, Таб. 43—1, тип 137—Алексеева, 1978, с. 70–71).

7. *Бусы из прозрачного стекла купоросного цвета.* Найден всего один экземпляр—округлая бусина (мог. № 38, тип 12—Алексеева, 1978, с. 64).

8. *Бусы из прозрачного лилового стекла.* Встречены призматические (мог. № 38, Таб. 37—1в, тип 118—Алексеева, 1978, с. 70) и в виде неправильного четырнадцатигранника (мог. № 21, Таб. 25—10, тип 137—Алексеева, 1978, с. 70—71).

9. *Бусы из прозрачного сизо-зеленого стекла.* Обнаружены призматические (мог. № 14, тип 122—Алексеева, 1978, с. 70) и в виде четырнадцатигранников (мог. № 21, Таб. 25—10, тип 132—Алексеева, 1978, с. 70).

10. *Бусы из желтого прозрачного стекла.* Встречен всего один экземпляр—бобовидной формы, овальный в сечении (мог. № 30, Таб. 32—1б). В сводке Е.М. Алексеевой отсутствует.

11. *Бусы из стекла глухого черного цвета.* Определению поддается один экземпляр—бочковидная поперечносжатая бусина (мог. № 21, Таб. 25—10, тип 18—Алексеева, 1978, с. 65).

II. Бусы из стекла с внутренней металлической прокладкой также довольно многочисленны. Найдено 68 таких пронизей в 10 могилах. По особенностям формы они подразделяются на 4 типа. В том числе: округлые пропорциональные и поперечносжатые бусы с продольной структурой и закраинками вокруг отверстий, иногда объединенные по 2–3 в нерасчлененных столбиках (мог. №№ 14, 21, 26, 27, 34, 38, 44, 51, 52, Таб. 25—10; Таб. 29—3; Таб. 35—1 а, б, в, г, е, ж, з, и, к, л; Таб. 37—1а, б, ж, з, и, к, л; Таб. 42—1а, б, в, г, д, и, к; Таб. 49—5а, б, г, д, ж, з, и; Таб. 50—2а, в, тип 1, вариант «б»—Алексеева, 1978, с. 29–30); удлиненные бугристые пронизи (мог. № 14, тип 20—Алексеева, 1978, с. 32); бочковидные бусы с валиками по краям (мог. № 51, Таб. 49—6в, тип 22—Алексеева, 1978, с. 32); пронизи, комбинированные из нескольких дисков с неправильными очертаниями (мог. №№ 34, 47, Таб. 35—1м, н; Таб. 45—1б, в, тип 25—Алексеева, 1978, с. 32).

III. Бусы из многоцветного стекла встречаются сравнительно редко. Учтено 8 экземпляров в 7 могилах. Все они отличаются сравнительно

крупными размерами и настолько оригинальны, что каждая бусина представляет собой, видимо, отдельный тип. По особенностям декора многоцветные бусы делятся на 4 группы.

1. *Бусы с пятнистым орнаментом.* Обнаружено два экземпляра: округлая поперечно-сжатая бусина из черного на вид стекла, украшенная хаотично расположенными, в основном крупными плоскими пятнами из стекла глухого красного, оранжевого, голубого, белого и желтого цвета (мог. № 14, Таб. 18—16, з, тип 13 (?) — Алексеева, 1975, с. 57–58) и подобная округлая бусина, декорированная более мелкими и гуще расположенными пятнами из стекла глухого красного, голубого, зеленого, желтого и фиолетового цветов (мог. № 21, Таб. 25, 10). Большинство учтенных изделий такого рода происходит из комплексов I—IV вв. н. э.

2. *Бусы с глазчатым орнаментом.* Найдено две таких пронизы: округлая бусина из стекла глухого синего цвета, украшенная небольшими плоскими, видимо, слоисто-щитковыми желто-черными глазками из непрозрачного стекла (мог. № 8, Таб. 12, 1); бочковидная бусина из стекла глухого зеленого цвета, украшенная небольшими выпуклыми («бородавчатыми») глазками из стекла глухого синего цвета (мог. № 21, Таб. 25, 10). В сводке Е.М. Алексеевой такие бусы не учтены.

3. *Бусы с фестончатообразным или перистым орнаментом.* Встречена одна такая бусина — округлая, из стекла глухого черного цвета, украшенная, видимо, одной линией фестонов, сделанных из двух спаянных нитей стекла глухого красного и белого цвета (мог. № 41, Таб. 39, 1, тип 259, вариант «в» — Алексеева, 1978, с. 48). Подобные изделия характерны для комплексов второй половины II—III вв. н. э. Исследователями зафиксирована концентрация находок этих бус в Западном Крыму (Алексеева, 1978, с. 38).

4. *Бусы с поперечно-волнистым орнаментом.* Обнаружен один экземпляр — усеченно-коническая бусина из прозрачного зеленоватого стекла. Внутри ядра видна прокладка из стекла глухого белого цвета, видная на поверхности бусины в виде колец, обрамляющих отверстия. Орнамент образован двумя линиями из стекла глухого белого цвета (мог. № 55). В сводке Е.М. Алексеевой аналогий этому артефакту нет. Всего в этой работе учтено 38 бус с таким орнаментом, происходя-

щих из Северного Причерноморья. Все они встречены в комплексах II–IV вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 39).

Помимо этого найдено еще две сильно оплавленные бусины из многоцветного стекла, форму и тип орнамента которых уверенно определить невозможно. В их числе бусина из темно-синего стекла, с накладным орнаментом из стекла глухого белого цвета (мог. 44), а также бусина из стекла глухого белого цвета с накладным орнаментом из нитей стекла глухого желтого и голубого цвета (мог. № 50).

IV. Бусы из египетского фаянса также многочисленны. Обнаружено 9 изделий в 3 могилах. Представлены округлые гладкие бусы бирюзового цвета с широким цилиндрическим каналом отверстия, грубой беловатой основой и яркой глазурью (мог. №№ 14, 21, Таб. 18, 16, в, е; Таб. 25, 10, тип 3, вариант «г» — Алексеева, 1975, с. 31), а также округло-ребристые бусы бирюзового цвета двух вариантов — с одинаковыми, глубокими дольками мягких очертаний, параллельными каналу отверстия и начинающимися у его краев (мог. 14, Таб. 18, 16и, к, тип 16, вариант «б» — Алексеева, 1975, с. 33–34), и небрежные, с глубокими, начинающимися у краев отверстий дольками, имеющими на одном экземпляре разные очертания, ширину и наклон по отношению к направлению канала отверстия (мог. № 14, Таб. 18, 16д, з, тип 16, вариант «г» — Алексеева, 1975, с. 34).

V. Бусы из цветных металлов. Найдено 4 таких изделия в 4 могилах. По материалу делятся на две группы.

1. *Бусы из свинца.* Представлены одним экземпляром — литая бусина полушаровидной формы с валиком вокруг отверстия на плоской стороне (мог. № 13, Таб. 16, 3). У Е.М. Алексеевой не учтена.

2. *Бусы из бронзы.* В их числе: литая бочковидная продольно вытянутая бусина (мог. № 21, Таб. 25, 4, тип 2 — Алексеева, 1982, с. 23); короткоцилиндрическая пронизь, скрученная из массивной пластинки таким образом, что края ее смыкаются, образуя продольный шов (мог. 27, Таб. 30, 8, тип 5 — Алексеева, 1982, с. 23); литая усеченно-биконическая бусина, орнаментированная косыми насечками, обрамляющими края отверстия (в канал от-

верстия вставлена выполненная из тонкой бронзовой пластины спираль), нанесенными, видимо, по застывшему металлу (мог. № 43, Таб. 41, 1, у Е.М. Алексеевой не учтена).

VI. Бусы из камня. Встречено 50 изделий в 3 могилах. По материалу подразделяются на три группы.

1. *Бусы из агата.* Большинство из найденных 48 экземпляров представляют собой бочковидные поперечносжатые бусы с узким каналом, просверленным с одной или двух сторон (мог. №№ 5, 9, Таб. 9, 1; Таб. 11, 1, тип 5 — Алексеева, 1982, с. 20).

2. *Бусы из горного хрусталя.* Обнаружено 2 экземпляра в могиле № 5. По объективным причинам осмотреть их не удалось.

3. *Бусы из гагата.* Представлены одной короткоцилиндрической неорнаментированной бусиной с гладкой блестящей поверхностью и узким каналом, отверстия которого расположены на плоских торцах, срезанных вертикально (мог. № 52, Таб. 50, 26, тип 27, вариант «а» — Алексеева, 1978, с. 14).

VII. Подвески из раковин морских моллюсков. Обнаружено лишь одно такое украшение (мог. № 14, Таб. 18, 17, тип 7, вариант «г» — Алексеева, 1982, с. 31).

7. ПРЕДМЕТЫ НЕЯСНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Эта категория находок немногочисленна. Помимо разного рода аморфных или сильно фрагментированных артефактов к ней отнесено два сравнительно неплохо сохранившихся предмета, утилитарные функции которых однозначно определить сложно.

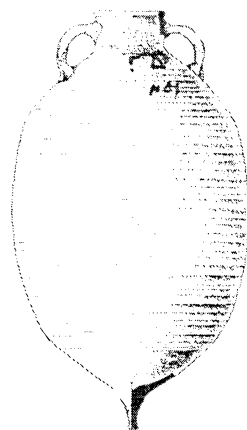
1. *Обломки бронзового изделия из могилы № 27* (Таб. 30, 9). По всей видимости, это фрагменты ключа с петельчатой бородкой от шкапулки, изготовленного из полуовального в сечении бронзового дрота. Полностью форма артефакта не реконструируется. Ключи именно такого устройства, как, очевидно, и соответствующие им замки, применялись, видимо, сравнительно редко. При раскопках некрополей Центрального и Юго-Западного Крыма

ключи аналогичной конструкции встречены в небольших количествах в погребениях I–III вв. н.э. Верхние части всех этих изделий оформлены в виде герм (как считают некоторые исследователи, со стилизованным изображением бога торговли Гермеса) (Сымонович, 1983, с. 35, 88, табл. XXIV, Таб. 11, 15, 17; Богданова, 1989, с. 48, табл. XIV, Таб. 5, 6; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 147, Таб. 7, 9; 8, 82 и др.). В каком качестве использовался ключ до погребения его хозяина, а затем был положен в могилу, сказать сложно. Не исключено, что он был сломан задолго до этого и его обломки служили обычными шумящими подвесками (в могиле № 27 обнаружен без малого десяток различных бронзовых подвесок и пронизей, которые могли составлять «шумящий комплект»).

2. *Литое бронзовое кольцо из могилы № 48* (Таб. 46, 5). Размер изделия 3,2×3,6 см, в сечении оно округлое. Такие предметы встречены во многих погребальных комплексах римского времени по всему Северному Причерноморью. Они присутствуют среди материалов практически всех некрополей Крыма этого периода. Уверенно определить их назначение не всегда возможно. Иногда такие изделия находят в составе уздечных наборов, где они использовались в конструкции удила (Орлов, 1987, с. 112, Таб. 4, 12; Сальников, 1950, с. 119, 120, Таб. 38, 3; Зайцев, 1997, с. 102, Таб. 58, 5). В то же время в степных позднесарматских подкурганских погребениях аналогичные кольца обычно встречаются по одному и с удилами никак не связаны (Мелюкова, 1962, Таб. 6, 4; Максименко, Безуглов, 1987, с. 189, Таб. 4, 4). В этих случаях, возможно, они являлись конструктивными элементами арканов. В крымских некрополях, в основном, в женских погребениях, бронзовые литые кольца нередко находят вместе с продетыми в них фибулами (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, Таб. 2, 27; Сымонович, 1983, табл. XXVIII, Таб. 3; Зайцев, 1997, с. 108, Таб. 61, 23; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 85, Таб. 3, 7 и др.). Исследователи считают, что обычай одевания колец на фибулы появился в Юго-Западном Крыму не ранее II в. н.э. и присущ только этому региону (лит. см. Храпунов, 1994, с. 534). Вероятно, кольцо с фибулой могли составлять какой-либо оберег или кольцо на фибуле играло роль дополнительного украшения в одежде (Высотская, 1994, с. 115). Сами по себе кольца, видимо, можно было использовать так же, как элементы поясных наборов (Сымонович, 1983, с. 86).

Часть III

К ХРОНОЛОГИИ НЕКРОПОЛЯ ЧАТЫР-ДАГ

К хронологическим определениям тех или иных вещей найденных на некрополе мы уже обращались при описании захоронений, теперь кратко нужно подвести итоги, тем более, что у исследователей, так или иначе оперировавших материалами некрополя, сложились весьма противоречивые впечатления о времени его существования. Одни склонны считать, что он функционировал в IV — первой половине V вв., другие думают о второй половине III — начале или первой половине IV вв. Получается почти столетний интервал, а от разницы хронологических определений зависит и историческая интерпретация материалов. К заключению, близкому последнему пришли О. А. Гей и И. А. Бажан, посвятившие специальную главу хронологии могильников Чатыр-Даг и Харакс в своей монографии (Гей, Бажан, 1997, с. 31–35). Но им тогда не были доступны еще материалы из раскопок 1990–2002 гг., публикуемые только сейчас. Попробуем дать, по возможности, более или менее объективную оценку.

Вначале коснемся находки труположения в каменном ящике, обнаруженном в 1877 г. на склоне Чатыр-Дага и датированном V веком н. э. (Лашков, 1890). Его точная локализация на сегодняшний день не известна, имеет ли эта находка какое-либо отношение к интересующему сейчас нас памятнику, не ясно. Так или иначе, погребение было обнару-

жено на склонах Чатыр-Дага и содержало монеты от 177 до 232 гг., а по определению Ф. А. Ребеца и одну истертую монету V в. н. э. Ни Ф. Ф. Лашков, ни Ф. А. Ребец не были специалистами-нумизматами, а всего лишь любителями-аматарами. Поэтому в какой мере их определения точны, остается под вопросом.

Перейдем к анализу погребального инвентаря достоверно закрытых комплексов.

Могила 1 (Таб. 3–4) Каменный ящик с трупосождением дал наиболее представительный набор хронологических индикаторов. Прежде всего, это 15 медных римских монет хорошей сохранности: Диоклетиана (284–305 гг.), две Констанция Хлора (305–306 гг.), одна Максимиана (285–306 гг.), целых восемь монет Галерия (305–311 гг.), три монеты Максимиана Дайи (308–313 гг.) и последняя Лициния (307–323 гг.) Все монеты указывают, таким образом, на весьма сложный в истории Римской Империи период так называемой Тетрархии. По замыслу Диоклетиана, реставратора Империи, после кризиса III в. она делилась на две части — восточную и западную, в каждой управлял свой «Август», назначавший, усыновлявший, своего соправителя и приемника «Цезаря». Идея была хороша, но не учитывала человеческий фактор. Между августами и цезарями тут же разгорелась борьба за власть

и влияние, вплоть до открытых военных столкновений. В детали у нас сейчас нет возможности вникать. В конечном итоге все закончилось установлением единовластия Константина Великого. Варвары-федераты в эту борьбу за власть тоже оказывались втянутыми, некие группировки готов сражались на стороне Лициния, другие на стороне Константина. Именно готские охранники, по свидетельству Иордана (Iord., Get., 111), убили Лициния. Быть может, монеты тетрархов из погребения 1 в Чатыр-Даге являются частью платы или за помощь Лицинию, или за его убийство? Но нам этого знать не дано.

Весьма противоречивы свидетельства о хронологии амфоры-урны этого погребения. В свое время В. Л. Мыц (1987, с. 148–150), а недавно и А. И. Айбабин (1999-Б, с. 264) приводили некоторые данные о существовании такого типа амфор вплоть до первой половины V в., т. е. на сто лет позже помещенных в эту же могилу свежечеканенных монет. Ситуация вызывает некоторые сомнения. Не отрицая самой возможности долгого существования типа — нужны еще специальные разработки — укажем, однако, на недостаточную корректность одного из приводимых аргументов. Речь идет об отсылке на подобную амфору, якобы найденную в составе знаменитого «Суджанского клада» V в. в Курской области. Во-первых, нет никаких твердых данных, что хранящаяся в фондах Курского музея амфора действительно входила в состав «клада». Это не более чем вольное предположение А. Л. Якобсона и он сам ставит здесь знак вопроса (Якобсон, 1979, Таб. 1:5). Находчики, обнаружившие «клад», а точнее два разрушенных погребения в пойме реки Суджи, ничего об амфоре не сообщали (Мацулевич, 1934). Во вторых, даже если бы амфора происходила из погребения с серебряным кувшином, то на нем имеется клеймо Константинопольской мастерской, функционировавшей где-то между 383 и 408 гг., на рубеже IV и V вв. (Мацулевич, 1934, с. 31–34). Если бы она происходила из второго погребения с золотой гривной с медальоном со вставками красных гранатов и зеленого стекла, то тоже есть основания думать скорее о рубеже IV–V вв. или даже ранее, — о конце III–IV вв., чем о более позднем времени вплоть до середины V в. (Бажан, Щукин, 1990; Shchukin, Bazhan, 1995; Щукин, 2005, с. 381–382 Таб. 139).

Думается, что достаточно хорошим обоснованием времени появления этого типа ам-

фор является находка амфоры из рыбозасолочной ванны в Мирмекии, которую прекратили использовать в конце III — первой половине IV вв. (Ланговая, 1941, с. 289–291; Гайдукевич, 1952, с. 206, Таб. 124).

Не много информации о хронологии добавляет нам и находка в погребении 1 бронзового пластинчатого перстня с четырьмя волютами на концах, тип не очень частый, но существовавший длительное время от эпохи Латена (Кухаренко, 1959, с. 36, Таб. 2: 15) до позднеримского времени. Аналогичные в Крыму зафиксированы в погребениях I в. н. э. могильника Золотое (Корпусова, 1983, с. 61, 111–112, рис 17: 13) и в захоронении 36 Чернореченского могильника с фибулой второй половины III в. (Мыц, 1987, с. 151). О бытовании же таких перстней в Западной Европе и в более позднее время свидетельствует аллеманнское погребение из Шлетхайм-Хебсак второй половины IV — начала V вв. (Мастыкова, 1999, с. 172, Таб. 12–18; Ruckstuhl, 1988).

Краснолаковая миска из погребения 1 относится к форме I понтийской сигилляты по Дж. Хейсу. Это сосуды на кольцевом поддоне с вертикальным бортиком (Hayes, 1985: 93, Таб. XXII, 6–10; XXIII, 1).

Форма I понтийской сигилляты — самая распространенная и разнообразная форма среди понтийской сигилляты и она широко была представлена на большинстве памятников Северного Причерноморья в первых веках нашей эры (Журавлев, Ломтадзе, 1999: 99, рис. 3–17). В большом количестве они встречены при раскопках Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Танаиса (Книпович, 1929: 29; Книпович, 1952, с. 314, рис. 11, 1, 2; Гайдукевич, 1952, с. 33, рис. 27 и т. д.).

Сразу следует сказать, что точных аналогий этому сосуду нам найти не удалось, так как, несмотря на основные морфологические признаки сходства с большинством краснолаковых сосудов группы понтийской сигилляты, заметны и сильные различия. Прежде всего, данный сосуд не относится к категории тарелок, а является миской по всем параметрам. Практически все сосуды формы I понтийской сигилляты несомненно относятся к категории тарелок, как и определено в дефинициях у всех авторов. Лишь у Т. Н. Книпович, 1952 в поздней группе керамики тип 20 Тиритаки определен как *миска с отвесным бортиком*, и у Л. Ф. Силантьевой, 1958 для III века типы А32–33 Илурата описаны

как миски с вертикальным краем. Практически у всех сосудов формы I выпуклое тулово и, либо горизонтальное дно, либо дно понижается к центру, в то время как у сосуда из Чатыр-Дага *слегка вогнутое тулово и сильно выпуклое в центре дно*. Достаточно близкой аналогией можно, по нашему мнению, считать «глубокие неорнаментированные тарелки» типа III варианта Д-4 с непрофилированным бортиком, и косой, *часто выгнутой стенкой*, на очень низком кольцевом поддоне по А.В. Труфанову (Труфанов, 1997: 189, 191). Несмотря на обобщенное описание данного типа, в частности, что дно у сосудов горизонтальное или имеющее некоторое понижение (Труфанов, 1997: 189), у сосудов на приведенном рисунке видна *небольшое повышение дна к центру*.

Сосуды этого типа найдены в комплексах конца II — первой половины III века н. э. (Неаполь, погребение 76; Черноречье, склеп 1/6) и являются «*судя по глине продукцией местных крымских мастерских*» (Труфанов, 1997, с. 189, 191).

Чатыр-Дагский сосуд имеет сильно выпуклое внутри дно и, на наш взгляд, при всем сходстве многих признаков с краснолаковыми сосудами типа IIIД-4, необходимы еще более близкие параллели. Сосуды с таким оформлением дна известны в материалах Танаиса (Арсеньева, 1985: 77, рис. 2). Сосуды первой группы по Т.М. Арсеньевой неизвестного малоазиатского центра имеют одинаково оформленное дно, на нем снаружи небольшая вмятина, внутри ей соответствует небольшая выпуклость, дно покоится на низкой кольцевой подставке, глина мелкозернистая, желтоватого оттенка, иногда серого, лак коричневый или серый, на отдельных экземплярах красный и блестящий. Вся керамика найдена в помещениях, разрушенных в середине III века н. э. во время разгрома города варварами. Тарелки формы I по Т.М. Арсеньевой соответствуют форме I Дж. Хейса и имеют именно такое оформление дна, как у чатыр-дагского сосуда. Наиболее близок ему по параметрам (диаметр венчика 15,2 см; высота 5,2 см, диаметр поддона 6,8 см) сосуд из помещения «Б» усадьбы XIV Танаиса (Арсеньева, 1985: 77, рис. 2, 15, табл. 1, Т73).

Такое оформление дна как технологическая деталь известна на разных типах сосудов со II века н. э. На Афинской агоре в слое III позднего II века н. э. встречена нижняя часть амфоры или кувшина на широком кольце-

вом поддоне группы M именно с таким оформлением дна (Robinson, 1959: 90, 93, Pl. 22, 73–M94). В материалах некрополя Калвака вблизи Бутово также встречены краснолаковые кувшины на кольцевом поддоне типов 2 и 6 с сильно выпуклым внутри дном. Богдан Султов полагает, что они производились в керамическом центре Павликены и датирует их второй половиной II века н. э. (Sultov, 1985: 71–73, XXXIII–3, 6).

На основании вышесказанного, мы считаем, что данный сосуд из Чатыр-Дага можно предварительно датировать концом II — первой половиной III в. н. э. (Шаров, 2005, в печати).

В целом же проблемы с хронологией этого захоронения быть не может, 15 медных монет, практически почти не побывавших в обращении, последняя из которых чеканена при Лицинии в 307–323 гг., являются вполне надежным хронологическим индикатором, и ранее 307 года захоронение произойти не могло. Очевидно, что погребение было совершено в десятих–двадцатых годах IV века и вряд ли позднее. Серьезных оснований для сдвига этой даты в сколь-нибудь значительно более позднее время мы не имеем.

Могила 2 (Таб. 5). Это погребение в каменном ящике было разрушено строителями, но сохранившиеся обломки амфоры-урны позволяют реконструировать ее форму

Амфора красноглиняная, с коническим рифленым туловом, с острой ножкой, имеет воронковидный венчик и желобчатые ручки (Мыц, 1987, Таб. 5: 10, с. 153–154). А.И. Айбабин (1999Б, с. 264) сопоставил эту амфору с типом XXIX по классификации амфор Западного Средиземноморья, созданной С. Кейем (Keay, 1984, p. 225, 227, fig. 26, 1; 95, 1), которые находились в употреблении с V века. Сопоставление не было очень удачным, поскольку названный западносредиземноморский тип имеет очень характерную профилировку венчика с бороздкой по верхнему краю, вероятно под крышку, что отсутствует на экземпляре из Чатыр-Дага. Предлагавшееся ранее сопоставление этой амфоры с находкой из могилы 26 в Хараксе первой половины IV века (Мыц, 1987, с. 154; Блаватский, 1951, с. 273–274, Таб. 13: 1; Зеест, 1960, с. 121, табл. XI, 102 б) сохраняет свою силу, хотя новые разработки, безусловно, необходимы.

Мечевидный наконечник копья с длинным пером и сравнительно короткой граненой

втулкой из этого комплекса представляет особый интерес, поскольку подобные находки самым странным образом концентрируются в двух весьма отдаленных регионах, с одной стороны в странах Балтии (Казакявичус, 1988, с. 41–42, Таб. 15; Казакявичус, 1993), с другой стороны на восточном побережье Черного моря, в Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982 с. 124–126, Таб. 2: 5; Гей, Бажан, 1997, Табл. 2: 4–6). Феномен этот еще не получил своего исторического объяснения. С хронологией их тоже далеко не все ясно. Витас Казакявичус в свое время относил их к концу V–VII вв., но тут нужно учесть общую и давнюю, восходящую еще к XIX веку, тенденцию постоянного завышения скандинавской и прибалтийской хронологии по отношению к центральноевропейской (Гавритухин, 1999), давний спор сторонников «короткой» и «длинной» хронологии (Щукин, 1994, с. 37). После блестящих работ Ганса-Юргена Эггерса (Eggers, 1951; 1955) преимущества «короткой» хронологии вроде бы стали очевидными, но тенденция к «удлинению», в значительной мере, вероятно подсознательная, в среде скандинавских и прибалтийских коллег сохранилась. В музеях Вильнюса и Каунаса до недавних пор висели этикетки с обозначением «V–VI вв.» для памятников заведомо конца II—начала III вв. Сказывается эта тенденция и в некоторых вполне серьезных работах. С прибалтийской хронологией, очевидно, еще предстоит разбираться отдельно.

В Абхазии Ю.Н. Воронов и Н.К. Шенкао датировали такие наконечники в широких пределах IV–VII вв. (Воронов, Шенкао, 1982, с. 124–126), а О.А. Гей и И.А. Бажан, создавшие корреляционную схему цебельдинской культуры, связывают их с I периодом этой культуры, который, исходя из ряда сопоставлений с центральноевропейской системой и некоторых соображений исторического порядка, относят к 240–270 годам (Гей, Бажан, 1997, табл. 24: 7). Впрочем, близкие по форме наконечники с граненой втулкой имеются и в периоде 7 цебельдинской культуры (400–425 гг.), и в периоде 8 (425–450 гг.), и в периоде 9 (450–550 гг.) (Гей, Бажан, 1997, табл. 28: 27; 29: 3; 30: 15–19). Тип действительно долго существующий и нужна еще более детальная типологическая разработка, пока, увы, не сделанная.

В Центральной Европе эти копыя сравнительно редки, с ними могут быть сопоставлены хотя и не совсем идентичные наконечники типа XX по классификации Петра Ка-

чановского (7 экземпляров), относимые им к ступени C₂ то есть приблизительно к 260–310 гг. (Kaczanowski, 1995, s. 25, tabl. XIV, 4). По последним разработкам (Щукин, 1999) дата существования набора вещей, характеризующих эту ступень, может быть несколько уточнена и расширена. В двух погребениях в могильнике Лейна, безусловно относящихся к ступени C₂, были найдены рельефные терра-сигилляты, производившиеся в мастерской Рейнцаберн мастером Респектинусом, работавшим в 30–50-е годы III в. (Godlowski, 1994, Abb. 6, 42, 43; Bernhard, 1981; Щукин, 1999, 2002, 2005, Таб. 27). Приходится учитывать это обстоятельство, хотя, конечно, расцвет вещей этой ступени действительно приходится на 60–70-е годы III в., существуют они и дольше, вероятно, до 310–320-х годов (Шаров, 1992).

Здесь, вероятно, следует сделать небольшое отступление теоретического порядка. Нам то и дело приходится обращаться к аналогиям из Центральной Европы, а, следовательно, и к разрабатываемой европейскими коллегами вот уже более столетия единой хронологической системе, которая не является застывшей схемой, хотя иногда такой и кажется. Система постоянно совершенствуется и модернизируется, вспомним последние удачные разработки Казимежа Годловского (Godlowski, 1992, 1994), Ярослава Тейрала (Tejral, 1986, 1987, 1997), Фолькера Бирбрауера (Bierbrauer, 1985, 1989, 1992) и др.

Тем не менее, как между разными исследователями, так и в позициях одних и тех же авторов, то и дело возникают противоречия и разногласия, а рассудить, кто в каком случае больше прав, кому больше верить, бывает трудно. Дело в том, что горизонты сонаходок, определяющих ту или иную фазу ступени, мыслятся как сравнительно резко сменяющие друг друга, в виде неких квадратов, прямоугольников — достаточно посмотреть на любые обобщающие таблицы. В реальности же все происходило несколько иначе. Новые типы вещей зарождаются еще в пределах существования предыдущих, получают свое массовое распространение в течении наибольшей жизнеактивности одного поколения и лишь затем, понемногу выходят из употребления. Эти, в общем-то банальные соображения заставили нас изменить саму парадигму нашего хронологического мышления, от «квадратного» перейти к «ромбическому», когда «ромбы» ступеней в значительной мере оказываются перекрывающимися друг друга, иногда почти па-

раллельными. (Шукин, 1999, Таб. 5; Shchukin, Sharov, 1999; Шукин, Шаров, 2000, Шукин, 2004, 2005). Кстати, близко к этой идее подошел Ярослав Тейрал в его разработке хронологии памятников эпохи Великого переселения народов в Европе (Tejral, 1997). Если бы такой же подход применить к системе раннесредневековых древностей Восточной Европы, созданной А.К. Амброзом (Амброс, 1971) и к системе древностей Крыма у А.И. Айбабина (1984; 1990; 1999), то можно было бы снять целый ряд существующих хронологических неувязок, но это тема большой специальной работы и в наши задачи пока что не входит.

Система же европейской хронологии позднеримского времени и начала эпохи переселения народов могла бы теперь приобрести следующий вид (Рис. 13А). Полную аргументацию мы, к сожалению, вынуждены оставить за пределами данной работы, она будет дана в другом месте. (Шукин, 2005, с. 317–339, прил. 2 и 3). Здесь мы кратко прокомментируем только основные хронологические реперы начала и конца ступеней позднеримского времени, которые на самом деле начинаются в предыдущей ступени, если их строго делить общепринятым способом, и заканчиваются, глубоко перекрывая следующую.

Переходная ступень от раннеримского времени к позднеримскому, начинается еще, как считал и К. Годловский (Godłowski, 1970, p. 105–112), в середине II в. около 150 г., параллельно в употреблении находятся еще вещи раннеримской ступени B₂, вплоть до 170 г. Пик распространения вещей ступени B₂/C₁ приходится на период Маркоманнских войн и вскоре после них, на 160–180 г.н.э. После этого они выходят из употребления, вероятно около 200–210 г. Еще до начала Маркоманнских войн появляются первые вещи ступени позднеримского времени C_{1a} постепенно вытесняющие другие, пик развития вещей этого стиля приходится, вероятно, на рубеж II–III вв., а исчезают они в эпоху Александра Севера, к 230 годам. На эту же эпоху приходится расцвет стиля C_{1b} — первые прорывы германцев через Рецийский и Дунайский лимес — хотя самые ранние вещи стиля C_{1b} появляются значительно раньше, еще в сочетании с терра-сигиллятой мастера Комициалеса из Вестендорфа, работавшего в 180–200 г.

Стиль ступени C_{1b} выклинивается к 260 г., а вытесняющий его стиль ступени C₂ начинается еще в 30-е годы III в., он хорошо

был представлен у участников «скифских» или «готских» войн 40–70-х годов, а особенно ярко в погребениях так называемого горизонта Лейна-Хаслебен, в могилах германцев, служивших Галльским узурпаторам, золотые монеты которых 259–273 гг. и были помещены в германские могилы. Вещи ступени C₂ доживали, вероятно, и до начала IV в., до эпохи Константина Великого (Шаров, 1992; Шукин, 1979, Шукин, 2002, Шукин, 2005).

Вернемся, после этого небольшого отступления вновь к интересующему нас инвентарю могилы 2. В этой могиле представлен еще один наконечник копья.

Наконечник копья относится к достаточно широко распространенному общеевропейскому типу, по классификации Петра Качановского — это тип X/2, характерный для ступеней B₂–C₁ европейской хронологической системы (Kaczanowski, 1995, s. 20–21, tabl. X: 5), то есть где-то в интервале от 70-х годов I в. н. э. до 60-х годов III в. Более точно указать невозможно. Аналогичные наконечники имеются и в составе знаменитой болотной находки-святилища в Иллерупе в Дании. Тщательно обработавший эти материалы Юрген Илькер отнес наконечники типа 4 к ступени B₂ европейской хронологии, то есть к 70–170 г.н.э. (Ilkjær, 1990, S. 48–52, Abb. 1987).

Длинный двулезвийный меч. Такие клинки были широко распространены издревле как в сарматском мире евразийских степей (Хазанов, 1971), восприняты воинами Боспорского царства (Сокольский, 1954), так и в кельто-германском мире Центральной Европы. Подмечено, что мечи первой, «сарматской» группы, чаще имеют скошенные плечики при переходе от клинка к штырю рукояти, а «германские» римского времени чаще с прямыми плечиками (Вознесенская, Левада, 1999, с. 253, 261). Поскольку меч из трупосожжения 2 в Чатыр-Даге имеет прямые плечики и, кроме того, был нарочито поврежден, согнут, что соответствует ритуалу свойственному населению Центральной и Северной Европы и, прежде всего, носителям удивительно насыщенной оружием пшеворской культуры Польши, то в поисках аналогий в первую очередь, очевидно, следует обратиться в эту сторону. Хронология и типология пшеворских мечей весьма основательно разработана Марцианом Биборским (Biborski, 1978). Наш меч ближе всего типу X этой классификации, принимаемой за изделия ступени C_{1b} и вплоть до на-

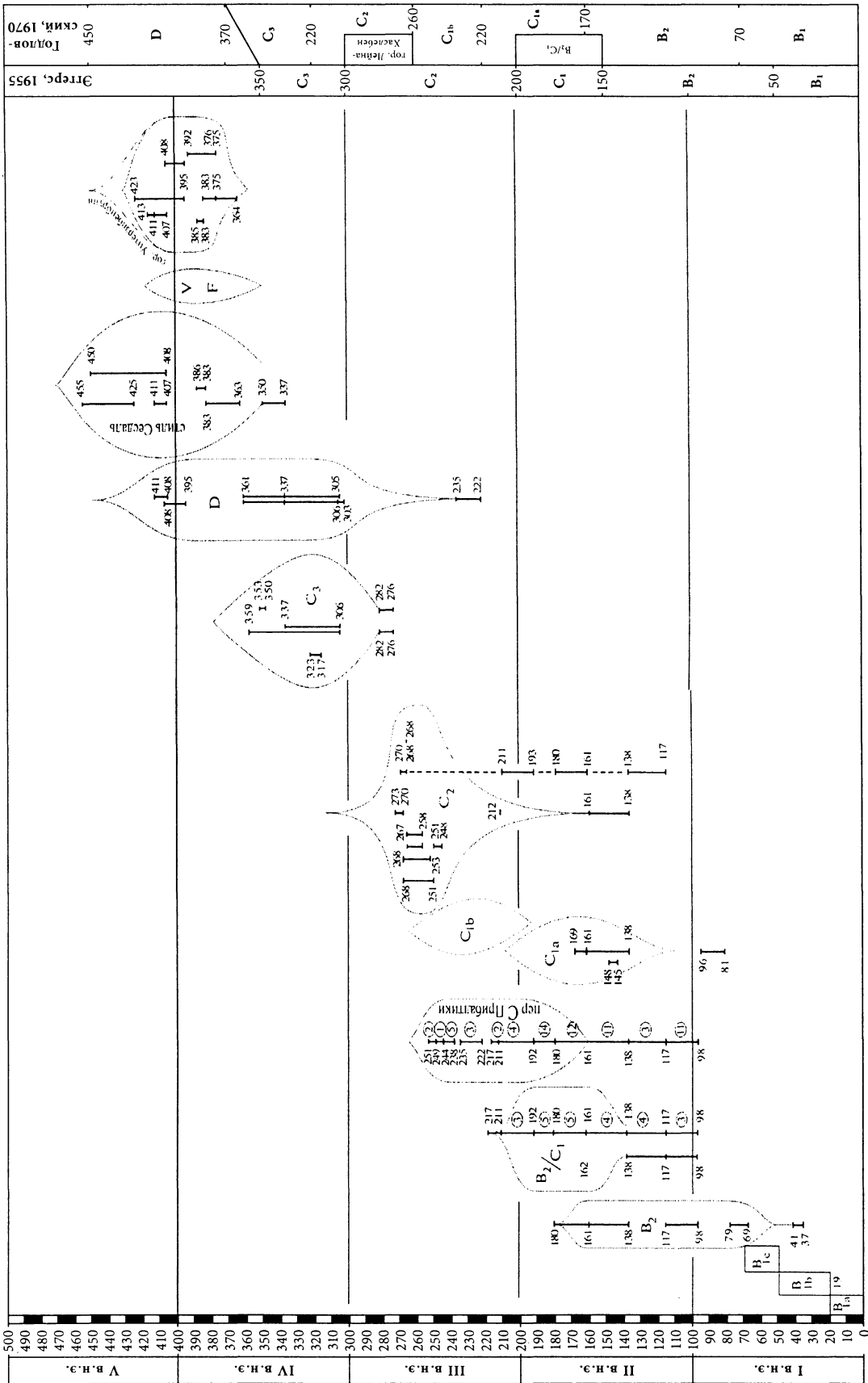

Рис. 13А. Положение ступеней относительной хронологии Центральной Европы позднеримского времени с учетом монетных находок (даты чеканки указаны полосками и цифрами) по данным К. Годловского и Я. Тейрала (Godłowski, 1970, Tejral, 1973) для стиля Сёсдаль и горизонта Унтерзибенбрунн. Цифры в кружках означают количество монет на памятниках культуры западных балтов

чала ступени D в понимании К. Годловского, то есть приблизительно с начала III в. до середины IV в. н. э. (Biborski, 1978, s. 91–95; Godłowski, 1970). Меч, правда, имеет свою специфику, отверстие в верхней части штыря для насадки рукояти, чего не известно ни на пшеворских, ни на сармато-боспорских мечах.

Что же касается других изделий этого погребения, серпа и ножа, то поскольку специальные разработки на этот счет находятся в состоянии разработки, то хронологических уточнений эти вещи не вносят.

Как можно заметить вещи этого комплекса могут «плавать» в широких пределах от начала II в. до начала V в., но встречаемость их в одной могиле наиболее реальна в пределах второй половины III—первой половины IV вв.

Мои́ла 3. (Таб. 5; Таб. 7). *Амфора* этого погребения напоминает ягнятинскую амфору, найденную на поселении черняховской культуры в Ягнятине, Житомирской области (Кропоткин, 1970, с. 9, № 139, Таб. 34–35. 12), которая в свое время была «камнем преткновения» при датировке верхней границы черняховской культуры. В давней дискуссии о хронологии и этнической интерпретации черняховской культуры «средневековый облик» амфоры позволял использовать именно ее как один из самых существенных аргументов для отнесения этой культуры к VI–VII вв. (Sczukan, 1975). Затем, однако, выяснилось, что типологически сходные амфоры на Афинской Агоре находятся в слое, связанном с осадой города герулами в 267 г., что аналогичная найдена в погребении 46 могильника «Совхоз 10» под Херсонесом в сочетании с краснолаковой чашечкой даже второй половины III в. (Щукин, 1968, с. 54, Таб. 3), а также в комплексе стеклоделательной мастерской IV в. в Херсонесе (Мыц, 1987, с. 154; Белов, 1968, с. 83, Таб. 24) и в других комплексах той же эпохи. Проблема поздней датировки этого типа амфор отпала.

Умбон из могилы № 3 (Таб. 7–4; Рис 8). По М. Казанскому—это тип K2 по Н. Цилингу, который датирует их периодом C2/C3 (260–375 гг.), не исключая их бытования в период D (Kazanski, 1994, p. 438–440, Fig. 2–13; Kazanski, 2002, p. 410, Fig. 10–8; Zielsing, 1989, S. 123–124) Нам кажется, что это не совсем точная аналогия, и чатыр-дагский умбон вообще достаточно трудно атрибутировать в силу некоторой деформированности калотты. И. А. Бажан и С. А. Каргопольцев писали,

ссылаясь на М. Б. Щукина, что в IV веке, уже представлены гибридные формы умбонов, соединяющие римские (купол сферический) и германские (купол конический) морфологические традиции. Умбоны IV века, главным образом, уже конические, но сравнительно низкие, почти не заостренные, с широким рантом (Каргопольцев, Бажан, 1992, с. 116; Šćukin, 1992, Fig. 4). При этом тип умбона из Чатыр-Дага авторы не определили, просто отнеся его к типам, характерным как для памятников черняховской культуры (Компанийцы, Малаешты), так и для памятников Крыма (Озерное III, Харакс, Бельбек I в IV веке н. э. (Каргопольцев, Бажан, 1992, с. 116, Рис. 1–22).

Обратимся еще раз к работе Н. Цилинга, который создал типологию умбонов на основе наиболее полной сводки находок с территории Свободной Германии (Zielsing, 1989). Можно заметить, что у всех умбонов с низким овально-коническим куполом калотта либо сильно сужается к ранту (тип K2 по Н. Цилингу (Zielsing, 1989, Taf. 14-3, 4), либо расширяется (тип H2 по Н. Цилингу (Zielsing, 1989, Taf. 11-4), поэтому эти параллели нам кажутся не совсем точными. Чатыр-дагский умбон из всех европейских параллелей, известных нам по работам К. Годловского и Н. Цилинга, ближе всего умбону типа K1 из погребения № 2А могильника Жаби́нец (Zielsing, 1989, Taf. 14-2). Он вместе с умбоном типа Кожень относится к одному из основных типов умбонов горизонта 3 погребений с оружием пшеворской культуры по К. Годловскому (Godłowski, 1970, Pl. III-2; Godłowski, 1994, Abb. 20–3;) Дата таких умбонов—C2/C3 позднеримского времени, т. е. вторая половина III—первая половина IV вв. По Норберту Цилингу этот тип может датироваться и более поздним временем—только C3 и D, т. е. всем IV веком, с пиком около середины столетия (Zielsing, 1989, S. 121–122, Taf. 14-2) К сожалению при всем общем морфологическом визуальном сходстве, калотта у экземпляра из погр. 2А могильника Жаби́нец уже расширяется и купол хотя и низкий, но конический без сфероидности, а у умбона из погребения № 25 могильника Кожень калотта сужается и он уже имеет высокий конический купол. Поэтому мы и эту наиболее близкую параллель считаем не точной и решили искать параллели в скандинавском материале. По нашему мнению, наиболее близкие параллели представлены в Норвегии и Шлезвиг-Гольштейнии. Это тип Va по Яну Бё-

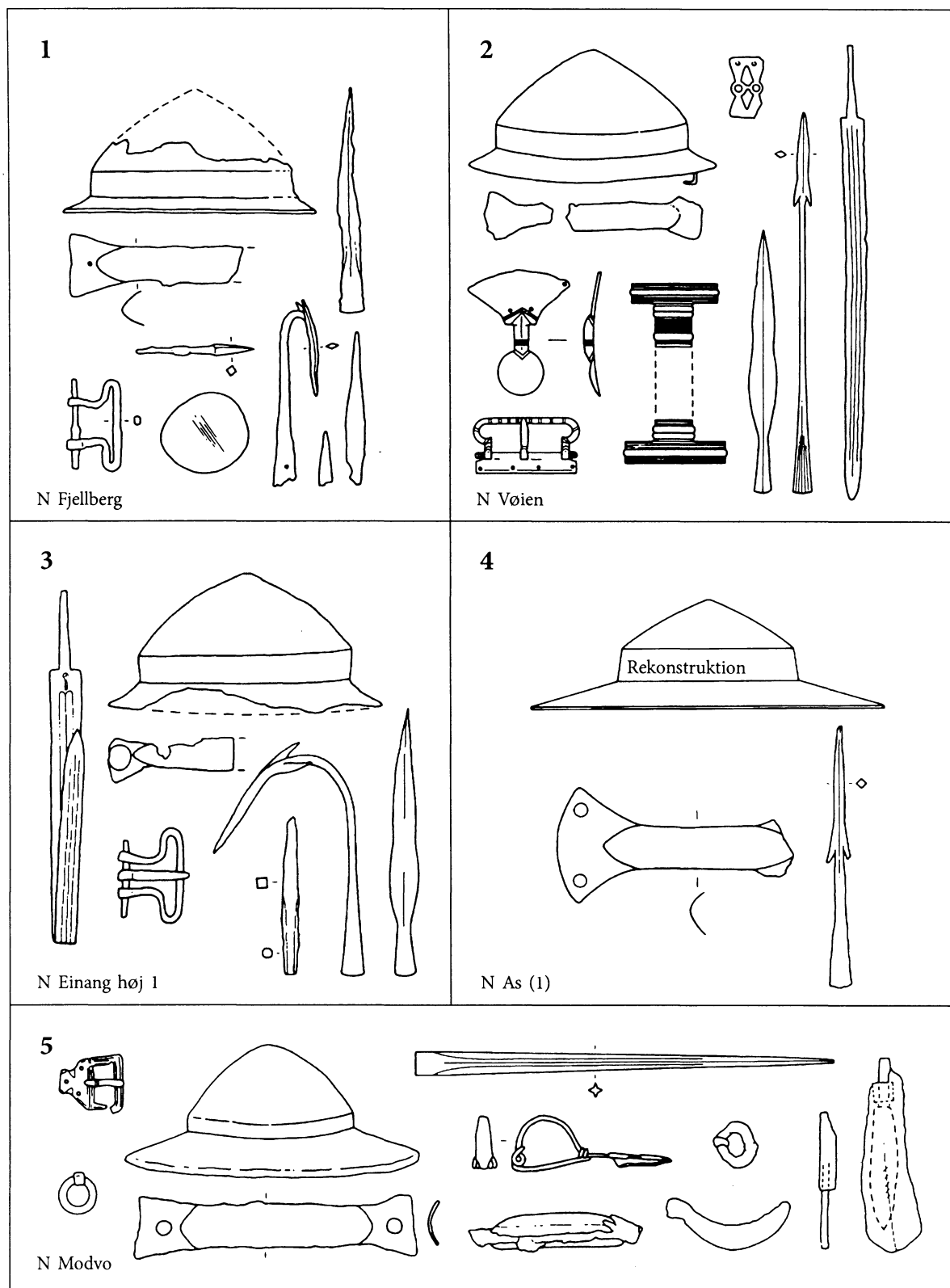

Рис. 14. Погребения с оружием из Норвегии, в которых представлены умбоны близких типов

1-3 — комплексы 9 хронологической группы по Й. Иллькеру;

4-5 — комплексы 10 хронологической группы по Й. Иллькеру;

манну (Vemann, Nahne 1999, S. 463, Abb. 84). Умбоны этого типа имеют сферо-конический купол, как правило цилиндрическую калотту. Рант находится под углом к калотте в 15–37 градусов. Средние размеры умбонов этого типа весьма близки чатыр-дагскому: их высота 6,7–7,1 см, диаметр 15–17 см. Они распространены прежде всего в Норвегии (Рис. 14) и датируются временем Vøien-Gruppe погребений с оружием Скандинавии по Я. Бёманну (Vemann, Nahne 1999, S. 308–312) Эта хронологическая группа, в которой представлены *Vügelknorpfibel*, и которая в корреляционной таблице лежит раньше горизонта выступления фибул типа Ньюдам, соответствует по Яну Бёманну европейской ступени С3 по Э. Келлеру и датируется первой половиной IV века н. э. (Vemann, Nahne 1999, S. 312). В Дании чатыр-дагскому умбону мы не нашли точных соответствий, он как бы находится морфологически между умбонами типа 8ad (соответствующих типу K2 Н. Цилингу) и умбонами типа 8bd по Й. Илькеру (соответствующих типу K1 по Н. Цилингу) (Ilkjær, 1990, S. 35, 297, Abb. 190, 191, 199). Умбонов со сферо-конической формой купола и цилиндрической калоттой мы в материалах, происходящих из других регионов Скандинавии, также не обнаружили. Таким образом, мы получаем еще одну ниточку связей с Норвегией, откуда могли придти некоторые из обитателей Чатыр-Дага, принеся не только свои традиции погребального обряда, но и некоторые детали вооружения.

Ручка от щита из могилы № 3 (Таб. 7—5) представляет собой железную пластину длиной 15,0 см с расширяющимися концами, на которых имеются отверстия для крепления к щиту. Центральная часть ручки профилированная, вогнуто-выпуклая, шириной 2,2 см. Соответствует типу 5с ручек по Й. Илькеру и датируется, начиная с позднего С16 по С3 (6–11 хронологические группы) (Ilkjær, 1990, S. 36, 297, Abb. 23, 200).

Наконечник копья, как заметили уже Г. Вознесенская и М. Левада (1999, с. 236), сопоставим с пшеворскими типа ХХ/2 по классификации Качановского, относимым к ступени С₂, «быть может к С₃/D», но у последних отсутствует валик у основания втулки. (Kaczanowski, 1995, s. 25, tabl. XIV, 5), то есть может датироваться в широких пределах от 30–50 годов III в. приблизительно до середины IV в. н. э. с пиком на 260–320 гг.

Что же касается римского топора-тесла, (Рис. 6—3) полифункционального шанцевого инструмента легионеров, то известны рельефы, где показаны работы по возведению лагеря именно с помощью таких орудий. Специальные разработки типологии и хронологии этой категории предметов нам не известны.

Сочетание же всех рассмотренных вещей указывает на интервал *второй половины III — начала IV в.*, как на наиболее вероятное время совершения захоронения.

Из могил № 2 и № 3 происходит, вероятно, еще несколько мелких вещей, их нашли в грунте, выброшенном строителями при разрушении могил. (Табл. 8А) Это обкладка от ножен меча, круглая позолоченная бляшка с пунсонным орнаментом, возможно, украшение навершия меча или кинжала, и бронзовая пряжка (Рис. 10–11). А.И. Айбабин отнес эту пряжку к 1 варианту своей классификации и датировал III — первой половиной IV вв. (Айбабин, 1990, с. 27, Таб. 22; 2).

Мои́ла 4. (Таб. 5; Таб. 8) Хронологическими индикаторами этого комплекса является медная монета Максимиана Дайи (308–311 гг.) и краснолаковый кувшин.

Краснолаковый кувшин. По классификации О.В. Шарова (2005, в печати) он относится к типу 1, варианту 1 кувшинов с яйцевидным рифленным туловом (максимальный диаметр в верхней части), на кольцевом поддоне, с цилиндрическим горлом, переходящим в верхней части в воронку и украшенных валиками или уступами в месте перехода горла в воронку и у его основания. Венчик специально не выделен. Близкий к типу 1, варианту 1 кувшин происходит из раскопок поселения у д. Семеновки на Керченском полуострове (Кругликова, 1963, с. 46, рис. 17, 7). Помещение № 32, в котором он был найден под слоем пожара, датируется монетой Рескупорида V (263–265 гг. н. э.) (Кругликова, 1963, с. 46). При совпадении целого ряда признаков (яйцевидное рифленое тулово, горло цилиндрическое, переходящее в верхней части в раструб или воронку, в месте перехода горла в воронку и у основания горла есть валики, венчик на верхней части горла-воронки не выделен валиком) есть важное отличие — максимальное расширение тулова кувшина из Семеновки находится в средней части. Поэтому

опираться на эту аналогию для определения хронологии бытования кувшинов типа 1 Чатыр-Дага мы не считаем возможным. В Херсонесе краснолаковые кувшины с подобным яйцевидным, но более приземистым туловом, валиками в местах перехода тулова в горло и горла в венчик в виде раструба, В. И. Кадеев и С. Б. Сорочан относят к продукции неизвестных центров первой половины III века н. э. (Кадеев, Сорочан, 1989: 51, рис. 27, 1; ГХМ, инв. № 23560).

Подобные кувшины происходят также из материалов Усть-Альминского некрополя и относятся к типу VII-3 по Т. Н. Высотской (Высотская, 1994, 78–79, табл. 24, 11). Они характеризуются как имеющие высокое расширяющееся книзу горло с венчиком воронкообразной формы и датируются автором I–III вв. При общих основных признаках (яйцевидное тулово с максимальным расширением в верхней части и цилиндрическое горло, заканчивающееся воронкой, подчеркнутое отделение основания горла от тулова и воронки на горле) кувшины из Усть-Альминского некрополя более приземисты, у них более длинное цилиндрическое горло, и воронковидные части менее высокие, чем у кувшина из Чатыр-Дага. Наиболее близкие параллели происходят из могил № 84 и № 121, которые по инвентарю датируются II — первой половиной III века н. э. (Высотская, 1994, 78–79, табл. 24, 11; 40, 43). Есть и более близкие параллели к чатыр-дагскому кувшину. Это кувшин типа 1 по Богдану Султову, который очень типичен для материалов античных некрополей и поселений Истрии и Никополя. Известны находки таких кувшинов во всех трех открытых керамических производственных центрах, — в Хотнице, Бутово и Павликенах. (Sultov, 1985, p. 71, Tab. XXXIII, 1). По мнению автора, подобные кувшины характерны вообще для большинства восточных и западных римских провинций, начиная с эллинистической эпохи вплоть до поздней античности. Один из кувшинов, приведенный в качестве аналогии типу 1 Б. Султовым, относится к группе F, выделенной Генри Робинсоном для Афинской Агоры и датируется последней третью 1 века до н. э. (Robinson, 1959, p. 17, Pl. 2, F67). Он имеет длинное цилиндрическое горло, сужающееся кверху и небольшой раструб в верхней части, яйцевидное тулово с расширением в верхней части и, возможно, может являться прототипом для кувшинов рассматриваемого типа. В этом случае многие кувшины

из ранних комплексов I века н. э. Усть-Альминского могильника могут рассматриваться как переходные в типологическом ряду от афинского прототипа к более поздним краснолаковым кувшинам III века н. э. (см: Высотская, 1994, табл. 12–18; 16–14; 22–6, 27; 42–28).

На основании приведенных выше наиболее близких аналогий из керамического комплекса некрополя Усть-Альмы и материалов раскопок Херсонеса, мы бы ограничили время производства и массового распространения таких кувшинов концом II — первой половиной III века н. э., хотя не исключены случаи их использования в более позднее время.

Двуручный кубок-канфар. По классификации краснолаковой керамики могильника Бельбек III Д. В. Журавлева этот сосуд относится к форме 34 варианту 1. Д. В. Журавлев отклоняет идею пергамского производства этих сосудов и склоняется к тому, что глина и характер лакового покрытия причерноморских канфаров идентичны изделиям понтийской сигилляты. По форме наш канфар близок кубку формы X b по Дж. Хейсу и не исключено, как полагает Д. В. Журавлев, что эти сосуды изготавливались в одних и тех же мастерских, но лишь не ранее середины II века началось производство канфаров с налпами на ручках (Журавлев, 2005, в печати). Близкие по форме одно-двуручные канфары бытовали длительное время и известны по раскопкам Танаиса в слое середины II в. н. э. (Шелов, 1972, с. 130 и сл.), Никония в слоях II–III вв. н. э. (Секерская, 1984, с. 133, рис. 4, 4), Горгиппии (Алексеева, 2002: рис. 9: 10), и некрополя Херсонеса (склеп № 3) (Тахтай, 1984, с. 37, рис. 5). Аналогичный сосуд с посвящением Зевсу Димеранскому найден во время подводных археологических исследований у западного берега Стрелецкой бухты близ Херсонеса (Золотарев, 1981, с. 56–57, рис. 1) В. И. Кадеев и С. Б. Сорочан также склоняются к этой дате — рубежа II–III вв., так как один из канфаров в Херсонесе был найден с монетой Септимия Севера (Кадеев, Сорочан, 1989: с. 48) У канфаров более позднего времени упрощаются ручки, налпы становятся почти незаметными, а толщина стенок увеличивается. Такой сосуд происходит из могильника Тас-Тепе, который датируется уже IV в. н. э. Подобные поздние канфары известны из комплексов могильников Дружное и Черная Речка. В Дружном (могила № 5, одно погребение

ние) найден такой канфар с выгнутым вверх дном (аналогичное дно у миски из погребения № 1 Чатыр-Дага, такое дно вообще *признак первой половины — середины III в.*). И. Н. Храпунов могилу датирует IV веком (Храпунов, 2003: 67). В том же могильнике Дружном есть канфар формы 34 по Журавлеву (могила № 21), но стенки у него более вертикальные, по И. Н. Храпунову погребения в следе датируются второй половиной III–IV вв. Известна находка краснолакового канфара в погребении IV в. н. э. (могила № 189) некрополя Каллагис (Румыния) (Preda, 1980, p. 28, pl. XII; pl. LXXII, p. 100).

Наш тонкостенный канфар по морфологическому анализу должен относиться к более раннему времени — концу II — середине III вв. н. э., но мы не знаем тип ручки с напелами, что не позволяет нам на этой дате настаивать. Вполне возможно более длительное бытование формы тонкостенных краснолаковых канфаров в варварской среде, чем в античных центрах и их ближайшей округе.

В любом случае хронологическими индикаторами этого комплекса является медная монета Максимиана Дайи (308–311 гг.).

Ажурные бронзовые сферические подвески из могилы № 4 аналогичны подвескам, представленным в скифских и сарматских комплексах Крыма II–III вв. (Мыц, 1987, с. 157; Богданова, 1998, табл. XVI, 1; Дашевская, 1991, табл. 70, 22–24; Ахмедов, Гуцина, Журавлев, 2001, с. 179, Таб. 3: 6, 7 и др.). К IV в. н. э. такие украшения-амулеты вышли из употребления.

Перстень с четырьмя завитками-спиралями аналогичен находке из могилы 1 и его хронологическую позицию мы уже рассматривали: от I в. н. э. до второй половины III в. с одним известным нам исключением более поздней находки второй половины IV — начала V вв. в Западной Европе.

По сочетаемости вещей в могиле 4 получается, что монета Максимиана Дайи может оказаться *наипозднейшей находкой комплекса*, во всяком случае, ранее 308 года захоронение не могло быть совершено, а найденные в комплексе вещи могли быть в употреблении от первой трети III до второй трети IV в. н. э.

Могила № 8 (Таб. 12 А) К датирующим это погребение находкам можно отнести только археологически целый краснолаковый кувшин.

Краснолаковый кувшин относится к типу II варианту 2 одноручных кувшинов с грушевидным туловом (максимальное расшире-

ние в нижней части) и вытянутыми плавными очертаниями. Горло плавно переходит в раструб-воронку и не отделено от тулова валиком или уступом, венчик не выделен (Шаров, 2005, в печати). По классификации Н. А. Богдановой для краснолаковой посуды из с. Заветное наш кувшин можно отнести к ее типу IX (Богданова, 1989, 29; табл. III, 32–34). По классификации Д. В. Журавлева для могильника Бельбек IV это форма 39, которая характерна прежде всего для первой половины III века н. э. (Журавлев, 2005, в печати). По классификации И. И. Гуциной для могильника Бельбек — это кувшины типа II, которые встречаются в комплексах II — начала III вв. н. э., так как в комплексе погребения 18 кувшин данного типа был найден с монетой начала III в. н. э. (Гуцина, 1974, с. 35, 54, рис. VII, 1). В погребениях № 1 в Танковом такой кувшин встречен в комплексе с монетой Каракаллы, в погребении № 3 вместе с одночленной лучковой подвязной фибулой с обмотанной спинкой, которые датируются концом II — первой половиной III века (Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 83, рис. 2, 2).

В материалах горизонта А1 второй четверти III века н. э. Неаполя Скифского можно увидеть прямые параллели кувшину из Чатыр-Дага (Зайцев, 2003, рис. 132–2; 139–2). Отличие состоит только в иной профилировке ручек, по остальным признакам — это несомненно сосуды типа II, варианта 2.

В материалах Усть-Альминского некрополя Т. Н. Высотская выделяет морфологически почти идентичные чатыр-дагскому кувшину краснолаковые кувшины типа VII–2. Глина этих сосудов без видимых примесей, они покрыты жидким красноватым лаком, образующим подтеки. Шесть кувшинов происходят из погребений I–III веков (Высотская, 1994: 78). Автор пишет, что подобные кувшины неизвестны по публикациям на Боспоре, но широко представлены в Херсонесе, его ближайшей округе (могильник «Совхоз 10») и в некрополях Юго-Западного Крыма. Наиболее близкие кувшины происходят из склепа № 5 (Высотская, 1994: 78, табл. 2, 1) и склепа № 125, которые датируются первой половиной III века н. э. (Высотская, 1994, рис. 40; табл. 41–40). В могильнике Скалистое III в юго — западном Крыму также встречены кувшины типа II варианта 2 в комплексах II — первой половины III века. Это кувшины более приземисты и неизвестен профиль ручек. Они происходят из

погребений 21 и 29 (Богданова, Гущина, Лобода, 1976, рис. 7, 91; 8, 53)

Тот факт, что кувшины типа II Чатыр-Дага использовались в IV веке подтверждается находками кувшинов типа XIV (без описания признаков) по И.Н. Храпунову в *закрытых комплексах* могильника Дружное (Храпунов, 2002: 60). Во всех погребениях (№№ 3, 36, 58, 73, 76, 84) такие кувшины встречены с инвентарем только IV века н. э., варианты 1 и 2 по И.Н. Храпунову различаются только по наличию или отсутствию четкого валика у основания горла. Но следует заметить, что только у одного кувшина типа XIV варианта 2 из Дружного (погр. № 84) тулово грушевидное, с максимальным расширением в нижней части, вытянутые пропорции и плавные очертания, как у сосуда из Чатыр-Дага (Храпунов, 2002: 60, рис. 199–13).

Но этот кувшин из Дружного имеет валик у основания горла, иное оформление венчика и другую профилировку ручки, т. е. его можно отнести к нашему варианту 1 типа 2. Возможно, именно это и есть признаки более поздних кувшинов одного типологического ряда.

Если следовать наиболее близким аналогиям по перечисленным выше признакам (грушевидное тулово с максимальным диаметром в нижней части, вытянутые пропорции, ручка профилированная, подпрямоугольная в сечении, горло без валиков, плавно переходящее в раструб), то наш кувшин должен датироваться концом II — первой половиной III в. н. э. и наиболее близкие ему аналогии происходят из материалов могильников Бельбека, Усть-Альмы и Неаполя Скифского.

Могилы 12 (Таб. 15А). Это следующий комплекс, который позволяет сделать некоторые хронологические заключения.

Кинжал или короткий меч с вырезами у основания клинка. О назначении, распространении и способах использования мы уже рассуждали выше.

В свое время А.М. Хазанов (Хазанов, 1971, с. 17, 24) выделил их в V тип сарматских мечей и датировал II–III вв. опираясь на определения Н.И. Сокольского (Сокольский, 1954, с. 159, табл. VIII, 2) и В.Б. Виноградова (Виноградов, 1963, с. 77). Но как заметили И.Н. Храпунов и Н.И. Храпунов (Храпунов, Храпунов, 1999, с. 251) в основе всех определений как этих исследователей, так и последовавших за ними, лежала находка из разрушенного в 1902 г. склепа на горе Митридат в Керчи, где действительно

но были вещи II–III вв., но так же и фибулы-цикады конца IV–V вв. Ранняя дата таким образом «повисает в воздухе». Однако нет особых сомнений, что уже на рубеже III–IV вв. такое оружие употреблялось, например комплекс погребения 13 в Кишпеке (Бетрозов, 1980), погребение 4 Дербента (Кудрявцев, Гаджиев, 1991 и др.). Наибольшее же распространение кинжалы получают, вероятно, в конце IV–VI вв., бытуют даже в VII в. (Soupault, 1996), хотя последнее и ставится под некоторое сомнение (Вознесенская, Левада, 1999, с. 254).

Наконечник копья. Особый интерес представляет наконечник копья из могилы 12 (Таб. 15А, 7). Это заостренный железный, а точнее стальной, квадратный в сечении стержень с граненой втулкой длиной 32,6 см. Такие достаточно широко распространены по всему Рейнско-Дунайскому лимесу, начиная с раннеримского времени (Waurick, 1994, s. 15). Их находки отмечены в знаменитой болотной находке в Иллерупе в Дании (Шкжær, 1990, s. 53–59, 79–85, Abb. 197). В это болото было сброшено огромное количество оружия и амуниции, в том числе и римского, вероятно, трофейного. В целом набор вещей отсюда соответствует ступеням C1 и C2 европейской системы, но как полагает исследователь этого памятника Й. Илькер, основное жертвоприношение было совершено или во время Маркоманнских войн 166–180 гг. или вскоре после них (Шкжær, 1990, s. 79–85). Отмечены находки таких копий и в Абхазии (Воронов, Шенкао, 1982, Таб. 2: 25, 26, с. 124–126), где предполагается наличие римских вспомогательных войск из германцев. В Абхазии такие наконечники датируют второй половиной IV — началом VI вв.

В Крыму, кроме Чатыр-Дагского экземпляра есть всего лишь одна находка из раскопок Раевского городища (Онайко, 1959, Таб. 23: 10). М. Левада знает подобные из области черняховской культуры (Вознесенская, Левада, 1999, с. 255), но в пшеворской они отсутствуют, Петр Качановский их не отмечает. Нет, насколько нам известно, таких наконечников и в Прибалтике. Имеются основания думать, что это оружие специфически римское, а находки за пределами Империи следует рассматривать как импорты или трофеи.

Сравнительная редкость таких броневых наконечников по сравнению со всеми прочими типами копий, позволяет предположить — не служили ли они окончанием болта баллисты? Идея, конечно, еще нуждается в тщательной проверке.

И если бы мы оказалась правы, невольно напрашивалась бы ассоциация с известиями об отрядах баллистариев в Крыму во времена Диоклетиана и позже, упоминаемых Константином Багрянородным, хотя и сам источник, и хронология описанных там событий подвергаются, не лишнему оснований, сомнению.

Кстати, «хирробалисты» (баллисты, поставленные на повозки) постоянно были на вооружении римской армии. В поле они ставились позади тяжеловооруженной пехоты. В легионе обычно было 55 карробалист (Вегетий, кн. 1, 25; 1996, 208).

Что же касается датировки могилы № 12, то разброс бытования обоих найденных здесь предметов чрезвычайно широк, но сочетание их где-то в пределах конца III или на протяжении первой половины IV вв. более вероятен, чем в другое время.

Могилы 14 (Таб. 17, 18). Хронологическое значение здесь могут иметь четыре небольших бронзовых пряжки (Таб. 17 — 3а, б; Таб. 18 — 15).

Пряжки. Они близки варианту 2 пряжек по классификации Айбабина (Айбабин, 1990, с. 156), который он датирует первой половиной IV в. и, действительно, аналогичная есть в Кишпеке (Бетрозов, 1980), но такая же в погребении 5 могильника Суворово найдена с монетой Рескупорида IV (242–276 гг.) хорошей сохранности (Зайцев, 1997, с. 102, Таб. 52: 5). В.Б. Ковалевская датировала сходный тип 5 ее классификации IV–V вв. (Ковалевская, 1979, с. 16, табл. 1: 12) Можно думать, что пряжки появились еще в середине — второй половине III в., активно бытовали в первой половине IV в., доживая до конца века, возможно, заходя и в следующий.

Бронзовые пластинки. Коснемся вопроса хронологии данного типа украшений, а также появления в Крыму традиции ношения таких сложных головных уборов во второй половине II-первой половине III вв.

Определенные параллели нашим находкам можно увидеть в головном уборе из Мощинского клада III–IV вв., где три длинных узких бронзовых пластинки скреплены или разделены через равномерное расстояние широкими прямоугольными бронзовыми обоймицами, загнутыми назад по длинной стороне. Отличие заключается в том, что судя по рисунку загнуты не оба края, а либо полностью загнут до верха один край (Рис. 15), либо это согнутая в узкую петлю уплощен-

ная обоймица, в которую вставлены тонкие длинные бронзовые пластинки (Седов, 1982, таб. XV). Схожие пластинки встречаются, по мнению И.Н. Храпунова, среди инвентаря раннесредневековых могильников бассейна Оки V–VII вв. (Спицын, 1901, таб. XIX, 10, XXIII–18: по: Храпунов, 1998, с. 235; Казанский, 1999, с. 407). Здесь эти «обоймицы» входили в состав сложных женских головных уборов, причем, по мнению И.Н. Храпунова, крымские и приокские находки даже в мелких деталях соответствуют друг другу. Отметим также особо, что у пластин, найденных в Кузьминском могильнике, загнуты именно короткие стороны, как в комплексе Чатыр-Дага (Спицын, 1901, рис. 22, 23; см: Храпунов, 1998, прим 2). Вопрос заключается в том, что при всей близости этих аналогий, окские находки отдалены от крымских значительным временным отрезком и выявленные типологические связи не решают вопроса о появлении традиции ношения специфических головных уборов в Крыму во второй половине II века н. э. Мы согласны с И.Н. Храпуновым, что можно только предполагать невыявленное звено, которое могло бы связать столь отдаленные во времени и пространстве памятники (Храпунов, 1998, с. 235).

М. Казанский приводит более обширный ряд комплексов лесной зоны позднеримского времени и эпохи переселения народов, в которых встречены подобные головные пластинки. Это упоминаемые уже выше Мощино и Кузьминский могильник, а также Шатрищи, Луконья (Рис. 13, 21–26), Синьково, Полибино (Рис. 13, 15–16), Кузнечики, Любахин (Рис. 13, 14), Безводное, Репьи (Рис. 13, 18–20) (Казанский, 1999, с. 407, рис. 3). Причем в погребении 67 Безводнинского могильника такие пластинки встречены с пряжками типа Келлер А (Казанский, 1999, с. 407;), которые появляются на рубеже III–IV вв. и существуют весь IV век (Шаров, 1992, с. 177–178). По нашему мнению, приведенные на рисунках 13 и 16 пластинки из комплексов длинных курганов также, судя по сопровождающим их типам находок, должны датироваться скорее всего IV веком н. э., или по крайней мере не позднее рубежа IV–V вв. (Полибино, к. 6; Слобода Глушица, к. 11; Цурковка, к. 2 и т. д.; комплексы см: Седов, 1974, таб. 22–27).

Известны подобные детали женских головных украшений, называемых по латышски «вайнаги», и в Прибалтике (Рис. 16, 3, 4), прежде всего у летто-литовских племен (Се-

дов, 1982, с. 51–52; Vaskeviciute, 1992; Казанский, 1999, с. 407). Главная особенность балтских головных венков заключается в том, что ранние венки и их прототипы III века н. э. были изготовлены на кожаной основе, на которую крепились отдельные бронзовые пластины и бляшки в виде кнопок. По мнению И. Вашкявичуте, начиная со второй половины IV века появляется мода на цельнометаллические венцы, которые состоят прежде всего из 2–6 рядов длинных бронзовых спиралек, разделенных 6–10 бронзовыми прямоугольными пластинками-вайнагами, но все пластины цельнолитые с отверстиями для металлических спиралек (Vaskeviciute, 1992, par. 6, 9, 10; Седов, 1982). Лишь в VIII–IX вв. появляются венки, где вместо цельнолитых пластинок используются выпуклые орнаментированные бляшки, согнутые с двух сторон сзади, чтобы охватить все ряды спиралей (Vaskeviciute, 1992, с. 131, par. 11) Наиболее ранние бляшки с загнутыми краями в составе металлического головного убора известны в балтийских материалах на могильнике Кивты VIII века (Зариня, 1986, с. 180, рис. 60 в; по: Казанский, 1999, с. 407).

Следует отметить несколько важных обстоятельств.

Исходя из материалов крымских находок, речь ни в одном из случаев не идет о металлическом головном венце, а лишь об отдельных его деталях. Причем, в силу того, что целый ряд погребений был не разрушен и все пластины лежали *in situ* на черепе, мы имеем дело с другим типом головного убора, который явно включал несохранившиеся органические части. Далее, на наш взгляд, важно отметить и то, что в комплексах смоленских длинных курганов и в окских древностях IV–V вв. практически не встречено в составе реконструируемых головных уборов с прямоугольными бляшками-обоймицами колокольчиков, но зато встречены трапецевидные бронзовые подвески и металлические спиральки. В то же время, для латгальских головных украшений середины-второй половины I тыс. н. э. характерны, как и для более ранних крымских, «шумящие подвески» - колокольчики (Рис. 16-4). При этом, для всех открытых на сегодняшний день крымских комплексов с подобными пластинами совершенно не характерны даже отдельные металлические спиральные части головных венцов, которые так характерны для балтских культур и культуры длинных курганов.

По нашему мнению, крымские головные венцы были не полностью металлические как и самые ранние латгальские венцы III века (Vaskeviciute, 1992, с. 134), а были изготовлены из кожи и украшены отдельными бронзовыми пластинками-бляшками, но которые крепились в отличие от балтских загнутыми краями с двух сторон за кожаную основу. Также составной частью таких головных украшений были «шумящие подвески»-колокольчики.

Исходя из этого, мы можем предположить: на основании находок кожанометаллических венцов в III веке в Прибалтике (Vaskeviciute, 1992, с. 134, прежде всего у латгалов и земгалов (Вашкявичуте, 1982) и вполне вероятного выявления в восточнобалтских материалах их прототипов середины-второй половины II века н. э., что традиция ношения составных женских головных венков связана с притоком нового населения с берегов «Венедского залива» на берега Черного моря. При этом речь в данном случае идет не о раннем переселении готов, а о более ранней, предшествующей балтской волне, которая начинает выявляться в крымских материалах второй половины II—первой половины III вв. прежде всего в мужской субкультуре (Шаров, доклад в мае 2001 года на «Боспорских чтениях» в Керчи; Шаров, доклад в ноябре 2005 года на «Боспорском феномене» в Санкт-Петербурге; Васильев, 2005, рис. 1–3). Это прежде всего пряжки мужских поясов типов 14, 24, 25, 31, 36, 37, 45 группы G по Ренате Мадыде, которые представлены прежде всего в Прибалтике и характерны для позднего отрезка фазы B2 и фазы B2/C1 (Madyda, 1986, Taf. 14–18, Karte 38, 41)

Находка перекладчатой прибалтийской фибулы на Чатыр-Даге в могиле № 15, как и головные бляшки-вайнаги из могилы № 14, яркое подтверждение этих устойчивых связей.

Монеты. Семь найденных в могиле монет или сильно обожжены, или истерты. Точное определение их невозможно. Ясно только, что две из них медные боспорские II–III вв., а одна серебряная римская III в.

Прочие находки из погребения — браслеты разного вида, перстни, пронизки, подвески, колокольчики и пр. пока для хронологических определений нейтральны, бытовали в слишком широких пределах. Сочетание же пряжек и «венчика» указывает на середину III в., как на наиболее реальную дату, хотя все может измениться при дальнейших типологических разработках материала.

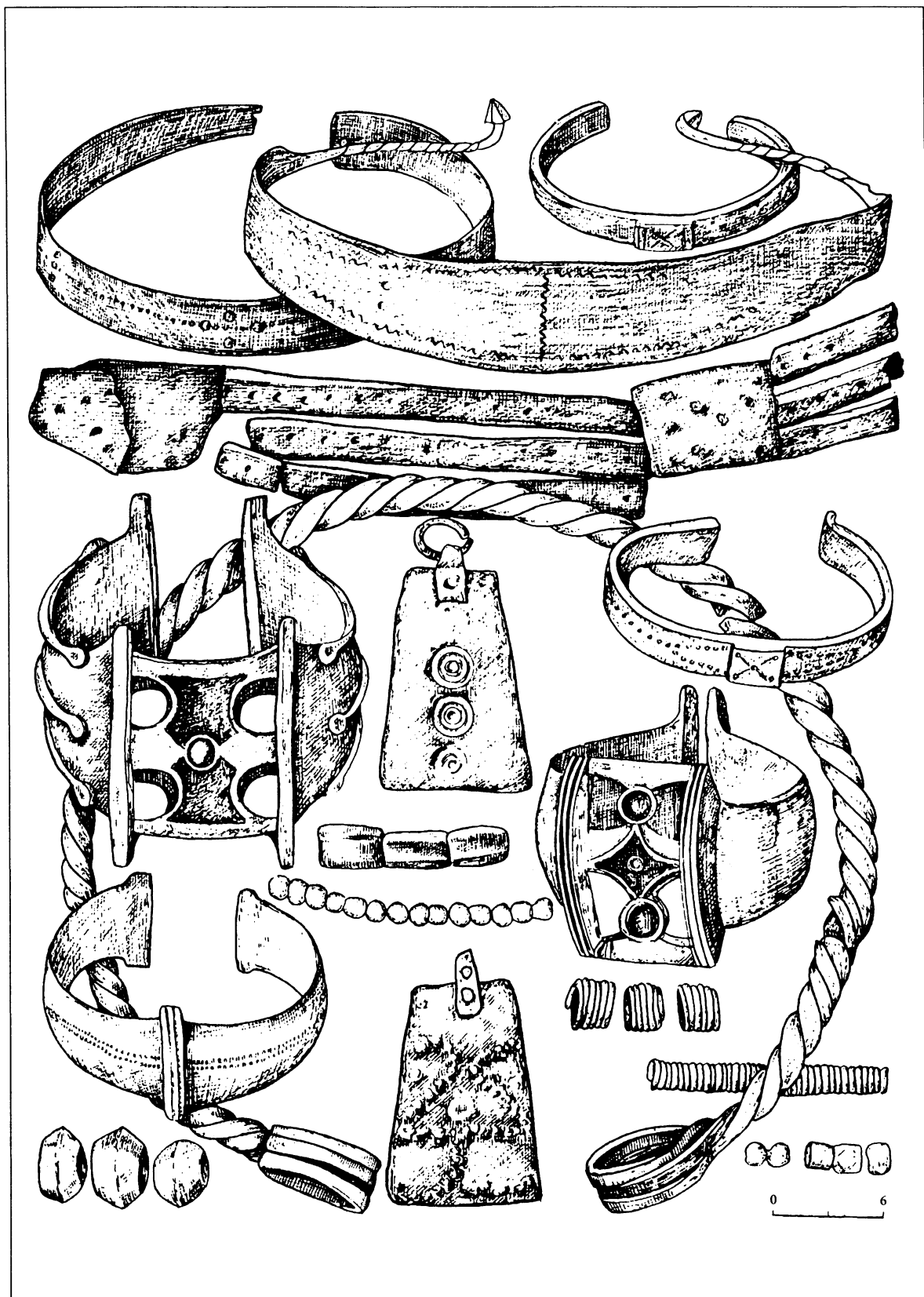

Рис. 15. Предметы из Мощинского клада (Седов, 1982, табл. XV)

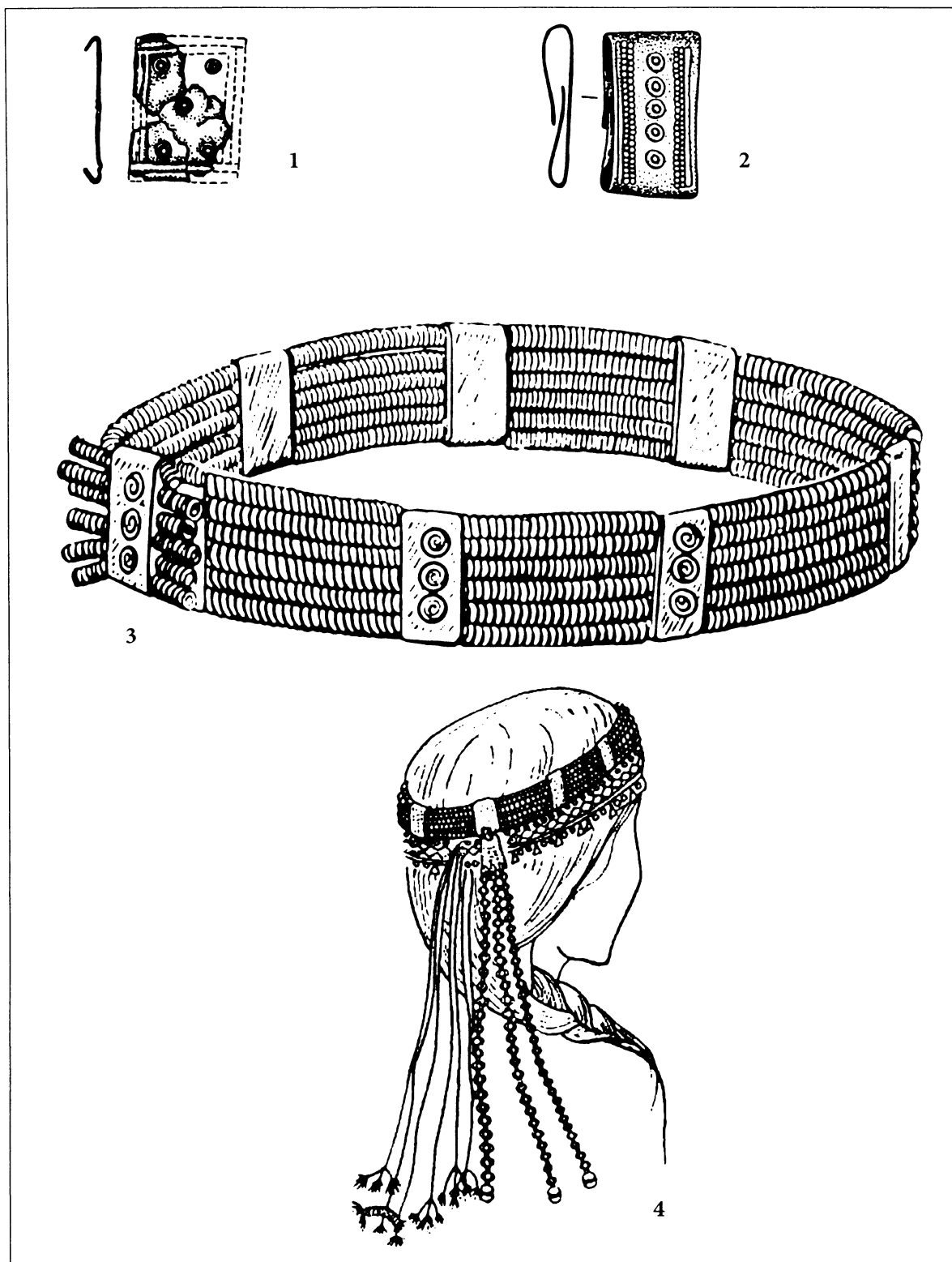

Рис. 16. Балтские головные украшения середины — второй половины I тыс. н. э. в древностях длинных курганов

1 — Полибино, к. 6;

2 — Цурковка, к. 2 (1-2 — Седов, 1974, таб. 25-26);

3 — головное украшение латгалов

4 — реконструкция головного убора

Могила 15 (Таб. 19А). Здесь сделана одна из самых интригующих находок могильника — два обломка крупной перекладчатой фибулы, украшенной эмалью. Мы уже говорили об этой находке, теперь коснемся вопроса ее хронологии.

Перекладчатая фибула. В свое время, в 60–70 годы прошлого века все изделия с выемчатой эмалью в технике шампелье в Восточной Европе было принято относить к эпохе переселения народов, к V–VI вв. из-за некоторого отдаленного сходства с гранатово-золотыми украшениями той же эпохи (Корзухина, 1978). Это было общим местом.

Но затем Е.Л. Гороховский в ряде статей продемонстрировал, что вещи с красной эмалью появляются в Восточной Европе еще на исходе II века и бытуют в основном на протяжении III–IV вв. (Гороховский, 1982). Теперь этот факт стал общим местом и действительно сомневаться особенно не приходится. Что касается чатырдагского экземпляра, то по предложенной Е.Л. Гороховским и его соавторами классификации перекладчатых эмалевых фибул (Гороховский, Кубышев, Терпиловский, 1999), наша застежка могла бы занять место между «жукинским» и «межигорским» этапами эволюции этих фибул. Тогда рубеж III–IV вв. был бы для нее наиболее приемлемой датой.

Пряжка, найденная в той же могиле 15 бронзовая пряжка более всего напоминает те, что встречаются в памятниках середины — второй половины III в. и, возможно, начала IV в. по определениям М.П. Абрамовой (Абрамова, 1998, с. 211–212, 215–216, Таб. 1: 32, 34, 35; Таб. 2: 15, 16, 23–25).

Таким образом, датировки перекладчатой фибулы и пряжки практически совпадают и не уточняют друг друга. Захоронение было совершено где-то в том же интервале. К сожалению, найденная здесь боспорская монета-подвеска слишком стерта и не подлежит определению.

Могила 16 (Таб. 19Б). Дата определяется лишь по фибуле.

Лучковая подвязная фибула относится к серии III варианта 1 лучковых подвязных фибул по А.К. Амброзу (1966, с. 52–53, табл. 9, 18) и достаточно хорошо датируется сочетанием в разных комплексах с монетами 161–180 гг., 238–244 гг., 253–268 гг., и т. д. Большинство исследователей полагает, что несмотря на ранние монеты конца II первой половины III вв. н. э., время их бытования в Крыму можно отнести к середине — второй

половине III века н. э. (Малашев, 2000; Храпунов, 2004) Мы не исключаем и более позднего развития этих фибул на Кавказе, вплоть до времени формирования IV серии таких фибул, т. е. до середины — второй половины IV в. н. э., которые представлены прежде всего в цебельдинской культуре (Амброз, 1966, с. 54). Эти фибулы больших размеров, чаще всего уже имеют дуговидную спинку и украшенную и отогнутую под углом ножку. Фибула, близкая по форме к цебельдинским, была обнаружена в склепе 52 некрополя Лучистое, где она датируется рубежом IV–V вв. (Айбабин, Хайретдинова, 1998, с. 277, Таб. 5–6).

Бронзовые браслеты с расширяющимися концами имеют очень длительный период бытования, известны как в римское время, так и позже, общей типологии их пока не создано.

Щиток от пряжки идентичен щитку от пряжки из могилы № 15 и соответственно также датируется серединой III — началом IV вв.

Таким образом, дата этого комплекса также находится в интервале второй половины III — начала IV вв. н. э.

Могила 20 (Таб. 23). О хронологии комплекса можно судить лишь по находке копья из этого погребения.

Наконечник копья совершенно точных аналогий не имеет. По форме пера он мог бы соответствовать типу XIX/2 классификации П. Качановского и относиться к ступени C₂ (Kaczanowski, 1995, s. 25. Tabl. XIV: 2), то есть мог быть датирован в интервале от 30-х годов III в. до начала IV в., с максимальным пиком распространения в 60–80 годы III в.

Могила 21 (Таб. 24, Таб. 25). В комплексе было найдено три монеты: антониан Требониана Галла (251–253 гг.), антониан Галлиена (253–268 гг.) и статер Рескупорида IV, чеканенный в 266/267 гг.

Золотая бляшка с сердоликовой вставкой, с двумя отверстиями для крепления по всей видимости является деталью широкого пластинчатого браслета с овальным или круглым медальоном в центре, вроде тех, что неоднократно находили на позднеантичных некрополях типа Дружного, Нейзаца и других в комплексах второй половины III в. — первой трети IV в. (Храпунов, 1999, с. 152, Таб. 4: 7; Труфанов, Юрочкин, 1999, Таб. 1: 32; Таб. 2: 32) В погребении 21 Чатыр-Дага была, очевидно, во вторичном использовании.

Ложновитая гривна из бронзового прута с насаженной на нее крупной чернопастовой бусиной, застегивающаяся с помощью крючка и отверстия в расплющенной пластинке, находит аналогии (чаще, правда, без бусин) с одной стороны, на позднескифских и сарматских памятниках I–II вв. (Сымонович, 1983, с. 94, табл. XXXIII, Таб. 22; Высотская, 1994, с. 108, табл. 28, Таб. 44), с другой стороны на могильниках цебельдинской культуры и могильнике Дюрсо на Кавказе, где они обнаружены в захоронениях второй половины IV — первой половины V вв. (Гей, Бажан, 1997, с. 23, табл. 26: 10; Дмитриев, 1982, с. 84, Таб. 6).

Краснолаковый кувшин относится к типу III, варианту 2 одноручных кувшинов с сферическим, расширяющимся книзу рифленным туловом на широком кольцевом поддоне. Цилиндрическое горло четко отделено от тулова без валиков и уступов и слегка расширяется к венчику, который плавно продолжает линию горла и слегка выделен желобком (Шаров, 2005, в печати) Точных аналогий нам, к сожалению, пока найти не удалось. Краснолаковые кувшины со сферическим, расширяющимся книзу туловом на широком поддоне, но более приземистых пропорций, появляются еще в I веке н. э., но форма горла и венчика сильно варьирует и по целому ряду признаков совершенно отличается от описанного выше сосуда. (Богданова, 1989, табл. III, 19; Алексеева, 1997, табл. 214, 3; Высотская, 1994, табл. 11, 8; 23, 12) Из фрагментарных материалов, происходящих из раскопок Горгиппии представляют интерес для нашего анализа фрагменты верхней части горла — с плавным изгибом к венчику, происходящие из помещения 69 дома № 6. Материал из комплекса относится к концу II — первой половине III века (Алексеева, 1997, рис 113—13, 14, 215, 7, 9). По этому одному признаку, несомненно, это близкая параллель к выделенному нами типу III, но для точных аналогий и хронологических привязок необходимо комплексное сравнение по целому ряду других признаков.

Из заполнения подвала ДИ, усадьбы 10 Танаиса происходит нижняя часть краснолакового кувшина на широком поддоне с шаровидным туловом с расширением в нижней части. (Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 56, 8). Подвал существовал только во II веке, так как в первой половине III века над ним находилось лишь наземное сооружение. Исследователи считают, что это продукция малоазийских центров (Ар-

сеньева, Науменко, 1992: 31). Конечно, это тоже не пример для проведения хронологических параллелей ввиду использования в сравнительном анализе только части признаков.

Кувшины со сферическим туловом и цилиндрическим, расширяющимся кверху горлом, не отделенным валиком от тулова, известны в материалах могильника у с. Дружное. Наиболее близкий по описанным выше признакам кувшин происходит из комплекса погребения № 85 уже позднего IV века. Но при общем визуальном сходстве, по нашему мнению есть принципиальные различия: у сосуда из Дружного максимальное расширение тулова в средней части, подтреугольный венчик и иная профилировка ручки. Этот кувшин относится к типу X по И.Н. Храпунову и аналогичные, по его мнению, происходят из погребений 3, 58 и 71 (Храпунов, 2002: 59, рис. 69, 5; 136, 3, 6; 171, 4; 202, 5). Хочется подчеркнуть, что остальные кувшины типа X могильника Дружное имеют, по нашему мнению, также совершенно иные морфологические признаки (раструб начинается сразу за валиком, отделяющим горло от тулова, максимальный диаметр тулова обычно не в нижней части, а в средней, иные профилировки ручек, узкий поддон и т. д.).

Таким образом, сегодня мы предварительно принимаем дату бытования таких кувшинов как II–III вв. н. э., прекрасно осознавая, что она основана только на фрагментарных материалах из Танаиса и Горгиппии.

Исходя из этого, дата могилы определяется только находками монет и золотой подвеской с сердоликовой вставкой (деталью браслета). Скорее всего, захоронение было совершено где-то во второй половине III в. Для более поздней даты нет весомых оснований.

Могилы 26 (Таб. 20). Датированной находкой является лишь «смычковая» фибула из числа распространенных почти исключительно в Крыму и датированных А.К. Амброзом рубежом I–II вв. и III в. (Амброз, 1966, с. 47, табл. 6: 11, 14). И.Н. Храпунов подметил, что во второй половине III в. «смычковые фибулы использовались значительно реже, чем ранее, их, например, совсем нет в могильнике Дружное (Храпунов, 1998, с. 235), однако, Т.Н. Высотская утверждает, что в могилах некрополя «Совхоз 10» они сочетаются и с монетами IV в. (Высотская, 1994, с. 96). С какими именно монетами и в каких комплексах в тексте публикации, к сожалению, не указывается.

Могила 28 (Таб. 61, 62) Датированными находками является краснолаковая посуда.

Краснолаковый одноручный кувшин мы отнесли к типу IV кувшинов Чатыр-Дага. Изделия с подобной профилировкой венчика, отличающиеся, однако, выраженным плечом (ребром) на тулове известны в комплексах римского времени некрополей Юго-Западного Крыма, в частности, Бельбекской и Альминской долин, в погребениях I—начала II вв. н. э. (Гущина, 1982, с. 21, Таб. 2, 7; 3, 1, 11, 48; 4, 37, 57; 5, 22; 6, 10) и I—III вв. н. э. (Богданова, 1989, с. 25–28, табл. III, 5). Более близкие (по форме корпуса) с публикуемым сосуды встречаются на этих памятниках в контексте II—III вв. н. э. (Гущина, 1982, с. 21, Таб. 6, 52). Фрагменты верхней части весьма близкого по форме сосуда найдены при раскопках позднеантичного святилища на скале Алигор в Партените (Жук и др., 1995, с. 140, Таб. 84). Этот кувшин и фрагменты сходных по форме венчиков кувшинов обнаружены в слое длительного накопления, связанном с функционированием капища и датированном по фрагментам амфор, стеклянных стаканов и перстня, бронзовой фибуле, а также по монетам последними десятилетиями II—первыми десятилетиями IV вв. н. э. или III—началом IV вв. н. э. (Мыц и др., 1997, с. 204). Близкие по профилю венчика, но отличающиеся формой корпуса и наличием на горле горизонтальных круговых выступов сосуда найдены в могиле № 36 некрополя на мысе Ай-Тодор, отнесенной К. К. Орловым к III в. н. э. (Орлов, 1987, с. 120–121, Таб. 7, 1) и при исследовании могильника у с. Курское (Восточный Крым) в одном из погребальных сооружений, которое авторы раскопок датируют последней третью III—первой половиной IV вв. н. э. (Труфанов, Колтухов, 2001, с. 189, Таб. 2, 17). По мнению А. А. Труфанова, специально занимавшегося разработкой хронологии краснолаковой керамики римского времени на крымских материалах, кувшины, отличающиеся расположением верхнего прилепа ручки под венчиком (как и изделие из могилы № 28), характерны для комплексов III в. н. э. Ручки более ранних сосудов—II в. н. э.—крепятся, обычно, в средней части горла. Поэтому мы, на основании этих аналогий, можем предварительно говорить о бытовании данного типа кувшинов в III, возможно, даже в начале IV вв.

Краснолаковая округлобокая миска с резко отогнутым наружу венчиком и закраиной

внутри для крышки не имеет точных аналогий. Более крупный сосуд подобной формы найден при раскопках Восточного некрополя Неаполя Скифского, в подбойной могиле № 3, датированной автором публикации I–II вв. н. э. (Сымонович, 1983, с. 60, табл. VIII, 8). Сходная по пропорциям, но более грубые биконические миски с коротким утолщенным венчиком, найдены при исследовании Инкерманского могильника, в подбойной могиле № 41 и в Чернореченском некрополе, в могиле № 8, которые А. И. Айбабин относит к первой и второй половине IV в. н. э. (Айбабин, 1996, с. 293–294, Таб. 7, 7), но по нашему мнению,—эти находки—поздняя, грубая имитация формы краснолаковых мисок более раннего времени.

Могила 30. (Таб. 32) Датированной находкой в этом комплексе является только краснолаковая посуда.

Низкая краснолаковая миска со слегка загнутым внутрь утолщенным и подгранным венчиком. Если считать, что данная миска принадлежит к самой распространенной в Северном Причерноморье группе понтийской сигиллаты, то по классификации Дж. Хейса—это «форма IV». Дж. Хейс выделил эту форму исходя из материалов, изданных Т. Н. Книпович в 1929 году, определив его как близкий аналог ольвийскому типу 26 (Hayes, 1985: 93, Tav. XXIII–4). Тип 14 краснолаковых чашек с округлыми стенками и небольшим поддоном Мирмекия, также приведенный Дж. Хейсом в качестве аналога и деривата формы IV сильно отличается от рассматриваемых выше ольвийских сосудов типов 26 и 32 (Книпович, 1952: 303). У мирмекийских чашек (M/36, 508, 1166, 1300, 1380) очень тонкие стенки и резко загнутый внутрь, слегка утончающийся к венчику бортик. Встречаются такие сосуды по материалам Мирмекия и Керчи не ранее конца I века н. э. (Книпович, 1952: 303–304).

Оба типа ольвийских сосудов и тип 14 из Мирмекия по целому ряду признаков ни в коей мере не могут служить аналогиями сосуду из Чатыр-Дага. У миски из Чатыр-Дага значимыми, по нашему мнению, признаками являются небольшой вертикальный бортик и утолщенный подгранный, слегка загнутый внутрь венчик, чего мы не наблюдаем у рассмотренных выше сосудов формы IV Хейса (тип 26 Ольвии и сосуд из Коринфа), либо ее дериватов (типы 32 Ольвии и тип 14 Мирмекия). На основании этого анализа, мы по-

лагаем, что относить данный сосуд из могильника Чатыр-Даг именно к форме IV понтийской сигиллаты, у нас нет никаких оснований. Кшиштоф Домжалский выделил в материале Нимфея по глине миски понтийской группы, которые отличаются морфологически от описанных выше сосудов формы IV. Он назвал сосуды данной формы — «неклассифицированные сосуды с загнутым внутрь венчиком» (Domžalski, 2000: 14). Мы принимаем в нашей работе именно это обозначение.

Попробуем определить дату, исходя из других значимых признаков — утолщенность и подграненность венчика, маленький вертикальный бортик на тулове.

Как это не странно, но краснолаковая миска типа 1. 1 из погребения 89, которое относится к I веку до н. э. некрополя Золотое по ряду признаков очень напоминает миску из Чатыр-Дага: у нее также небольшой вертикальный бортик и слегка утолщенный, загнутый внутрь венчик. (Корпусова, 1983: 106, табл. XXXIII, 7). Отличие заключается в том, что утолщение венчика крайне незначительно и венчик не огранен по внутреннему краю. Значительное утолщение венчика краснолаковых мисок данной формы прослежено для Илурата Л.Ф. Силантьевой — это типы 40B и 41B уже III века н. э. (Силантьева, 1958: 300, рис. 14, 5–6). К сожалению, появление этого новой детали обработки края поздних краснолаковых мисок никакими комплексами Илурата автор не подтвердила. И. С. Каменецкий, разбирая краснолаковую керамику меотских городищ, выделил варианты 3–4 типа 1 мисок с загнутым внутрь венчиком и утолщенным краем и отнес их ко II–III векам, также без аргументации (Каменецкий, 1993: 45). Уточнить хронологию таких мисок мы можем на основании новой схемы хронологии Неаполя Скифского, которую предложил в последних работах Ю.П. Зайцев. В слое зольника № 3 горизонта В второй половины I — середины II века н. э. встречена краснолаковая миска с маленьким вертикальным бортиком и подграненным утолщенным венчиком. Зольник датируется помимо амфор и стеклянных сосудов монетой Риметалка 150–151 гг. (Зайцев, 2003: 35, рис. 113, 17). Вероятно, это один из самых ранних комплексов, который фиксирует появление утолщенного края мисок этого типа и, конечно, вряд ли можно говорить о появлении этого типа ранее середины II века н. э. Подтверждает эту дату и погребение 68 Битак-

ского могильника, в котором встречена краснолаковая миска с загнутым внутрь утолщенным венчиком. Оно датируется серединой — второй половиной II века н. э. (Пуздровский, 2001: 125, рис. 3–4). Такие признаки как утолщение венчика, небольшой вертикальный бортик, огранка венчика изнутри фиксируются и на ольвийском материале.

В. В. Крапивина выделяет тип 6-Б мисок с этими признаками и относит его в итоговой таблице только ко II веку н. э. (Крапивина, 1993: 108; рис. 46–13; 76 — тип 6-Б). Тот факт, что утолщенный венчик на мисках этого типа, но без огранки встречается и в первой половине III века показывают нам материалы раскопок Танаиса. Форма 5 по Т.М. Арсеньевой первой группы сигиллаты представлена 4 целыми сосудами, среди которых мисочка из усадьбы IV помещения «И» имеет утолщенный венчик (Арсеньева, 1985: 78–79; рис 2, 2). В подвале Д усадьбы XIV, в слое завала камней краснолаковая миска с утолщенным и слегка подграненным снаружи венчиком встречена вместе со светлоглиняными узкогорлыми амфорами типа «D» по Д. Б. Шелову, денарием Рескупорида III, 211–226 гг., статером Ининфимея, 237 года. Авторы эту миску считают по глине боспорского производства (Арсеньева, Науменко, 1992: 97–98; рис. 50, 1).

Нам кажется, что те немногие «местные аналогии», которые мы смогли найти чатыр-дагскому сосуду являлись местным подражанием по некоторым приемам обработки края — (огранке или снятию фаски) форме 27 африканской краснолаковой керамики по Дж. Хейсу, которая датируется им 160–220 гг. н. э. Это большие блюда на очень широком поддоне с подграненным внутри венчиком (Hayes, 1972: 49–51, Fig. 8, 2, 9). Ранних сосудов африканской группы по Дж. Хейсу в материалах выделено пока очень немного, но гораздо больше выделено материалов производства Чандарли. Краснолаковые низкие блюда на очень широком поддоне группы Чандарли из комплексов Танаиса конца II — первой половины III века относятся к форме 4 по Т.М. Арсеньевой и форме 4 Чандарли по Дж. Хейсу и также имеют огранку внутреннего края (Hayes, 1972: 321–322, Fig. 64; Арсеньева, 1985: 83, рис. 3, 7–10). Дж. Хейс датирует время их производства и бытования, как они фиксируются в Танаисе. И, наконец, в конце IV века появляется новая группа сигиллаты, обозначенная Дж. Хейсом, как «позднеримская группа

С» (LRC). Для блюда типа 1 А особо характерен утолщенный подгранный внутри венчик и маленький близкий к вертикальному бортик (Hayes, 1972: 325–326; Fig. 65. 1, 3). Этот тип является развитием формы 4 Чандарли по Дж. Хейсу. То, что наш сосуд, скорее всего, не относится к этой поздней группе Red Pontic Slip Ware, может говорить тип узкого кольцевого поддона, резко скошенного наружу, так как у всех сосудов формы 1А «LRC» широкий кольцевой поддон, скошенный всегда внутрь. Мы полагаем, что чатырдагский сосуд и его немногие аналогии могли быть изготовлены во второй половине II — первой половине III вв., как некое *подражание* по ряду признаков оформления венчика импортным краснолаковым сосудам типа 27 африканской группы либо форме 4 Чандарли, а в остальных деталях — это типологическое развитие формы, известной в Причерноморье со II века до н. э. (Шаров, 2005, в печати).

Могила 43 (Таб. 42). Из датированных вещей в комплексе представлена только краснолаковая керамика.

Коническая краснолаковая миска. Если следовать классификации Дж. Хейса, то данный краснолаковый сосуд из могилы 43 можно несомненно отнести к форме VI понтийской сигилляты (Hayes, 1985: 94, Taf. XXIII, 8). В работе 1985 года, в которой он выделил среди восточной сигилляты отдельно понтийскую группу, английский исследователь опирался прежде всего на фундаментальные разработки Т.Н. Книпович, которая опубликовала в 1929 году в «*Romisch-Germanischen Forschungen*» материалы эрмитажных коллекций из дореволюционных раскопок Ольвии (Книпович, 1929), а в 1952 году в МИА материалы раскопок 1935–1940 гг. Мирмекия и Тиритаки (Книпович, 1952). По классификации Т.Н. Книпович для краснолаковой керамики Ольвии чатырдагский сосуд можно было бы морфологически сопоставить с типом 24А малоазийского производства группы «Е», Т.Н. Книпович датировала сосуды типа 24Аа (2 фрагмента из раскопок Ольвии №№ 22307, 22303) очень широко: второй половиной I—IV вв. н. э. (Книпович, 1929: 37–39; Taf. II, 24Аа), правда, сделав уточнение в конце работы, что тип 24А принадлежит, главным образом, к концу I—II вв. н. э. (Книпович, 1929: 51). Основываясь на приведенном выше материале для датировки своей формы VI Дж. Хейс предложил принять обоб-

щенную дату «I—III вв.», с упором на 2 век и не писал ни в одной из работ о более позднем их производстве (Hayes, 1985: 94).

Анализируя краснолаковую керамику Илурата, Л.Ф. Силантьева к концу II, а возможно, уже к III вв. н.э. отнесла упрощенной формы чашечки типа 21 «с сильно выступающим бортиком из темной глины, покрытые тусклым лаком разных оттенков» (И/48, 532, И/53, 63). Этот признак — сильно выступающий бортик, становится определяющим для краснолаковых чашечек типа 39 уже III века н.э. (Силантьева, 1958: 299–300, рис. 14, 3) Характерные признаки для сосудов III в. — полное отсутствие псевдоручек на выпуклом бортике, резкие врезные пояски на бортике, серовато-желтая или светлокоричневая тусклая поверхность. Л.Ф. Силантьева считает тип 39 Илурата близким ольвийскому типу 24–Аа, но отмечает *более грубое исполнение перегиба у бортика и утолщение стенок сосуда*. Она вслед за Т.Н. Книпович причисляла сосуды этого типа к «изделиями пергамского круга».

В этой работе Лина Федоровна выделяет также и местную, «боспорскую» группу краснолаковой керамики, среди которой есть очень близкие аналогии чашечке из данного комплекса. Этот тип 61 группы «Б», изготовленный из пористой глины с примесью белых и черных вкраплений. Исходя из толщины стенок миски из погребения № 43, грубой выделки поверхности и почти полному отсутствию насечек внутри и псевдоручек на бортике, мы, следуя описанию «местной керамики» Л.Ф. Силантьевой, соотнесли чатырдагский сосуд с этой группой краснолаковой керамики (тип 61–Б) и датировали его, несмотря на обобщенную дату, предложенную Дж. Хейсом, только III веком н. э. (Шаров, 2005, в печати). Эту дату подтверждают целый ряд комплексов. На некрополе Ай-Тодор у стен крепости Харакс краснолаковый сосуд этого типа обнаружен в могиле № 37. Он очень близок по пропорциям сосуду из комплекса погребения № 43 могильника Чатыр-Даг. Комплекс погребения 37 могильника Ай-Тодор датируется автором раскопок и другими исследователями серединой III в. н. э. (Орлов, 1987, с. 124–125, рис. 10, 2; Айбабин, 1999, с. 251, табл. V, 1. 3). На поселении у с. Семеновка в помещении 5 дома 2 краснолаковая миска формы VI Дж. Хейса найдена на полу в слое золы, а в углу у печи были найдены 96 боспорских статов 239–267 гг. (Кругликова, 1970: 21, рис 13–8).

Три краснолаковых мисочки формы VI найдены на полу помещения 14 (Кругликова, 1970: 28, рис. 22, 5) вместе с антропоморфной статуэткой (Кругликова, 1970: 28, рис. 17, 1, 2), фрагментами колхидской амфоры и амфоры мирмекийского типа (Кругликова, 1970: 28, рис. 22, 3, 8). В слое пожара помещения 27 также были найдены две краснолаковые мисочки формы VI (Кругликова, 1970: 50–51, рис. 41, 10, 11). Поселение было разрушено в результате «готских походов» 267–269 гг., о чем свидетельствуют монеты из помещений и — это «*terminus ante quem*» данных комплексов. Исходя из того, что керамика данной формы происходит из слоя пожара, датируемого к тому же монетами 239–267 гг. весь материал из этого слоя можно отнести к последнему периоду функционирования жилых помещений, т.е. ко второй — третьей четверти III века н. э.

Эту дату можно подтвердить и материалами раскопок усадеб Танаиса (Арсеньева, Науменко, 1992). Так в подвале Д усадьбы 20 на полу в завале камней встречены краснолаковые миски этого типа — «чаши с прямым бортиком, украшенные бороздками или желобками у края» вместе с значительным количеством светлоглиняных узкогорлых амфор типа D, статером Ининфимея 237 года и денарием Рескупорида III 211–228 гг. (Арсеньева, Науменко, 1992: 97, рис. 53, 4; 54, 4, 5; 55, 1, 2). В подвале помещения ДЧ усадьбы № 13 также была найдена краснолаковая миска этого типа в засыпи вместе с целой узкогорлой светлоглиняной амфорой типа D и денарием Ининфимея 234–238 гг., который лежал на нижней ступеньке подвала (Арсеньева, Науменко, 1992: 46–47, рис. 57–1). Исходя из имеющихся у нас на сегодня данных, мы бы отнесли производство и бытование данной «предположительно местной» формы сосудов к первой половине — третьей четверти III века н. э.

Очень вероятно, что для Северного Причерноморья III века н. э. уже более характерны сосуды формы VI Дж. Хейса не малоазиатских центров, а «местных — боспорских» и «херсонесских», и прекращается их производство вместе с гибелью большинства крупных городских ремесленных центров и их хоры в 3 четверти III века н. э. (Шаров, 2005, в печати).

Могила 47 (Таб. 45). К датирующим предметам из этого комплекса можно отнести только краснолаковую миску.

Краснолаковую миску с слегка вогнутым в центре вертикальным массивным бортиком, высоким вогнутым коническим туловом и с четко выделенным острым ребром.

Тип миски, описанный выше, относится к числу тех, которые достаточно хорошо известны на позднескифских и сарматских памятниках Крыма — Неаполь Скифский (Сымонович 1983, табл. X, рис. 3), Заветное (Богданова 1989, табл. IV, рис. 18), Бельбек IV (Гущина 1982, рис. 5: 36; 8: 28, 29, 47, 49) и др. Известны сосуды этой формы и в материалах Подонья (Каменецкий, 1993: 145–149, рис. 12, 19), в материалах некрополя Золотое (Корпусова, 1983: 42, табл. XIX, 16, рис. 11, 10, 14; тип 8), материалах Танаиса (Арсеньева, Науменко, 1992, рис. 19, 1–3), Ольвии (Крапивина, 1993: 114, рис. 54, 15, 24, тип 4) и Михайловского городища (Петерс, 1976, рис. 10, 11, тип 5) и т.д. Исследователи этих памятников датируют такую краснолаковую посуду очень широко — либо I–III вв. либо I–II вв.

Дж. Хейс, выделяя эту форму V понтийской сигиллаты как «маленькие конические кубки с вертикальным бортиком», считал, что данная форма соответствует типам 4 и 12 для Мирмекия и типу 5–А Тиритаки, при этом сосуды «*Формы V*» генетически происходят от сосудов «*Формы I*». Низкий кубок из Ольвии типа 27 группы D по Т.Н. Книпович (Книпович, 1929, S. 32; Taf. 2, 27) представляет, по его мнению (Hayes, 1985: 94), связующее звено между этими формами. Дж. Хейс не включил в свой перечень типов сосудов «*Формы V*» еще один тип керамики из Тиритаки, обозначенный ошибочно Т.Н. Книпович в тексте как тип 8–Б. Из описания как типа 8, так и типа 8–Б «чашки с вертикальным, слегка вогнутым и слегка скошенным бортиком, с косыми и слегка вогнутыми стенками, плоским дном» видно, что речь на самом деле идет о типах 5–А и 5–Б (Книпович, 1952: 322, рис. 15). Выделка чашек была так груба и небрежна, стенки так толсты, вся поверхность настолько неровна, что Т.Н. Книпович рассматривала эти сосуды, как имитацию *terra sigillata* в причерноморских мастерских, также как и ольвийскую чашечку типа 33b (Книпович, 1929, Taf. VII, 3).

Для комплексов II века Илурата по Л.Ф. Силантьевой чашки с косыми стенками и вертикальным краем очень характерны, но отличаются от однотипной керамики I века более толстыми стенками, утратой многих орнаментальных деталей и огрублением всей формы. Лак обычно тусклый, серого тона, глина гру-

бая, по цвету и составу разнородная. Это типы 19-Б и 20-Б Илурата (Силантьева, 1958: 292, рис. 6–3, 5). Толстые стенки и грубая выделка плоского дна конусовидной чашечки типа 20-Б сближают ее, по мнению Л.Ф. Силантьевой, с типом 33b поздней ольвийской группы Т.Н. Книпович. В III веке продолжается развитие этой формы на материалах Илурата. Тип 37-Б по своей форме продолжает развитие типа 19-Б II века, но «утрачивает конструктивность простой формы ранних образцов»: край бортика имеет утолщение, на сгибе вместо острого ребра появился толстый валик. У чашки типа 38-Б стенки толстые, также грубо обозначен перегиб у бортика, лак большей частью темный, пятнистый, без блеска. (Силантьева, 1958: 299, рис. 14, 1).

Судя по характеру глины *группы Б местной керамики* по Л.Ф. Силантьевой сосуды формы V Дж. Хейса производили также и в одном из боспорских керамических производственных центров. Помимо глины, напоминающей по структуре глину боспорских амфор и черепиц, эта местная керамика отличается еще более грубой выделкой и более упрощенными формами сосудов. (Силантьева, 1958: 307, рис. 19, 3). У чашки местной группы Б типа 60 переход от бортика к стенке передан очень невыразительным выгибом, стенки толстые (Силантьева, 1958: 309, рис. 19–2).

Такая грубая толстостенная краснолаковая керамика появляется не ранее III века н. э., и, вполне возможно, что и типы 5-Б Тиритаки и 33b Ольвии по Т.Н. Книпович и тип 60-Б Илурата по Л.Ф. Силантьевой, сделаны в одном пока неизвестном керамическом центре на территории Боспора.

Попробуем уточнить хронологию рассматриваемой формы сосудов. По массивности бортика, невыделенности венчика, отсутствию бороздок на бортике наш сосуд из Чатырдагского некрополя должен относиться, исходя из изложенного выше, уже к III веку н. э., но четкое ребро, а не круглый валик на его месте, тонкие стенки тулова и тонкое дно говорят о возможности его более ранней датировки. Уже в первой половине II века н. э. исчезает орнаментация «Формы V» бороздками или желобками по бортику, исчезает четкое выделение острого ребра, появляются плоскодонные сосуды. Об этом говорят комплексы конца I—первой половины II века н. э. из Мирмекия (Гайдукевич, 1963: 27–28, рис. 8, 4), Пантикапея (Журавлев, Ломтадзе, 1999: 99–

100, рис. 3, 24, 25), Михайловского поселения (Петерс, 1976: 91, рис. 1, 11, тип 5–Б) и т. д.

Т.Н. Высотская, разбирая краснолаковую керамику Усть-Альминского городища, сосуды формы V относит к своему типу II, причем чашки с желобками по бортику на кольцевом поддоне она датировала началом I века н. э., чашку без орнамента бортика и без поддона, с выгнутым вверх дном первой четвертью II века н. э., а чашку грубой формы с массивными толстыми стенками и плоским дном рубежом II–III веков (Высотська, 1993: 92–93, рис. 2, 1–4). В.М. Косяненко, разбирая керамику Кобяковского некрополя, сопоставила найденные в погребениях № 1/1962 и № 86/1957 краснолаковые сосуды с типом 12 Мирмекия и отнесла первую миску с плоским дном и массивными стенками без украшения бортика к II–III векам (Косяненко, 1980: 221, рис. 1, 12), а вторую, более тонкостенную, с четким острым ребром и венчиком на бортике к началу II в. н. э. (Косяненко, 1980: 221, рис. 1, 13). В слое II века помещения ИФ усадьбы 17 Тагнаиса была найдена краснолаковая мисочка формы V с толстыми стенками, изогнутым к центру плоским дном, массивным бортиком без желобков и без выделенного ребра. Она лежала в одной из светлоглинянных узкогорлых амфор, которые в основном были представлены типом С по Д.Б. Шелову (Арсеньева, Науменко. 1992: 68, рис. 57, 8).

Одним из достаточно поздних закрытых комплексов, по которым мы можем установить хронологию формы V, является погребение 71/1983 Восточного некрополя Неаполя Скифского, открытое А.Е. Пуздровским (Пуздровский, 1992; Зайцев, 2003: 193, рис 123–9). Оно датируется второй-третьей четвертью II века н. э.

Исходя из вышеизложенных фактов, мы полагаем, что наш сосуд из погребения № 47 Чатыр-Дага нельзя датировать позднее середины III века, тем более, что в слоях разрушения городов и поселений середины—второй половины III века такие сосуды не обнаружены. Нет их и в комплексах позднеантичных крымских могильников, основанных в середине—второй половине III века н. э.

Наблюдения Т.Н. Книпович и Л.Ф. Силантьевой в отношении местной боспорской группы краснолаковой керамики III века очень ценны, но пока не подтверждены ни открытиями самих керамических центров, ни находками в закрытых комплексах даже первой половины III века. Нам при этом хорошо из-

вестны комплексы первой половины — третьей четверти II века н. э. с подобными сосудами. Мы на настоящий момент, исходя из проведенного анализа, можем предложить только широкую дату для данной формы (массивный бортик, четкое ребро, тонкие стенки тулова, плоское дно): II — первая половина III века н. э. (Шаров, 2005, в печати).

Могила 48 (Таб. 46). В погребении был найден превращенный в подвеску денарий Септимия Севера (193–211 гг.) и пряжка.

Бронзовая пряжка относится к первому варианту пряжек по классификации А. И. Айбабина, датируемого им III — первой половиной IV вв. (Айбабин, 1999). Аналогичные пряжки найдены в уже неоднократно упоминавшемся комплексе кургана 13 из Кишпека рубежа III–IV вв. или первой половины IV в. (Бетров, 1980, Абрамова, 1998, с. 211–212, 215–216, Таб. 1: 32, 34, 35; 2: 15, 16, 23–25).

Мы не знаем, сколько лет прошло с момента превращения монеты Септимия Севера в подвеску, это могло произойти и много лет спустя, и вскоре после выпуска, монета не сильно изношена, хорошо читается. При имеющемся раскладе датировок оба предмета могли в принципе оказаться в могиле и спустя сравнительно короткое время после 211 г. Как и когда это случилось, нам не известно, но нет особых оснований думать, что много позже начала IV в. С течением времени вероятность их сочетаемости уменьшается.

Могила 49 (Таб. 47). Дата комплекса определяется лишь по одному типу погребального инвентаря — краснолаковой миске.

Краснолаковая высокая миска, следуя классификации понтийской сигилляты Дж. Хейса относится по пропорциям, как это не парадоксально, в большей степени к его «исходной» форме VI Понтийской сигилляты на таблице XXIII, чем сосуды I–II вв. типов 24 (Ольвии), 9 (Мирмекия) и 6 (Илурата) (Hayes, 1985: 94, Таб. XXIII–8). Это объясняется, по нашему мнению, тем, что в качестве «прототипа» для этой формы он выбрал керамику не из ранних комплексов I века н. э., как следовало бы сделать, исходя из предложенной им даты I–III вв. н. э., а краснолаковый сосуд из помещения № 27 поселения Семеновка, погибшего в пожаре в 267–269 гг.

Мы уже отмечали выше, что Т. Н. Книпович описывая производство краснолаковой керамики Ольвии, выделила более поздние мо-

дификации типа 24А — типы 24Аа и 24Аб, которые Дж. Хейс соотнес с выделенной им формой VI понтийской сигилляты (Hayes, 1985: 94). Т. Н. Книпович датировала сосуды типа 24Аа (№№ 22307, 22303) и типа 24Аб (№ II/17) очень широко: второй половиной I–IV вв. н. э. (Knipowitsch, 1929: 37–39; Taf. II, 24Аа, 24Аб).

Мы уже писали, что у типов 24 и 24Аа по Т. Н. Книпович присутствуют на венчике две псевдоручки-налепа в виде полуovalов и орнамент в виде насечек на внутренней поверхности, что является признаком краснолаковых мисок именно I–II вв. У сосудов типа 24 Аб эти признаки полностью отсутствуют. Лина Федорова Силантьева выделила в краснолаковой керамике Илурата особую «местную» группу сосудов, отличающихся от импортных характером глины, качеством покрытия и отделкой. В этой группе А местной керамики самой распространенной формой являются как раз сосуды данной формы VI Дж. Хейса или более точно сосуды типа 24 Аб по Т. Н. Книпович. Это «чашки типа кубков», тип 49 по Л. Ф. Силантьевой, для которых характерны вытянутые пропорции, довольно тонкие стенки, четко выделенный бортик с резными поясками. Лак этих сосудов практически лишен блеска, очень тонкий и пятнистый. Из материала раскопок Илурата 1948–1953 гг. происходит 19 археологически целых сосудов, которые использовала в своей работе Л. Ф. Силантьева (Силантьева, 1958: 304, прим. 1, 10). Автор, учитывая широкие датировки Т. Н. Книпович типа 24Аб I–IV вв. (Knipowitsch, 1929 г.) или типа 9–Аб концом I — II вв. (Книпович, 1952 г.), предложила отнести производство краснолаковых сосудов типа 49 в одной из керамических мастерских Боспора ко времени не ранее середины II века н. э., а основным временем их активного использования считать III век н. э. (Силантьева, 1958: 305–307).

На материалах раскопок Танаиса поздне-римского времени Т. М. Арсеньева выделила две группы краснолаковых сосудов, которые сделаны в разных малоазийских центрах. Среди разнообразных форм первой группы ее классификации встречена и интересующая нас керамика формы 7 (Арсеньева, 1985: 79, рис. 2, 6, 7). Все сосуды данной первой группы имеют одинаково оформленное дно — в центре снаружи вмятина, а внутри в центре небольшая выпуклость. Все сосуды найдены в помещениях, разрушенных в середине III века н. э. Обломков сосудов этой группы немного, поэтому можно предполагать их импорт в Та-

наис в первой половине III века н. э. (Арсеньева, 1985: 78). К форме 7 Танаиса, соответствующей типу 24 А6 Т.Н. Книпович или форме VI Дж. Хейса (1985: 94, Taf. XXIII, 8) из материалов раскопок Танаиса 1965 года относятся два целых (усадебка IV, подвал И, № 290 и там же, помещение С, № 112) и 10 археологически целых склеенных краснолаковых чаш. Снаружи у этих сосудов при переходе от бортика к стенкам имеется резкое ребро, стенки чаш чаще всего выпуклы внизу и вогнуты вверх, форма четкая и вытянутая (Арсеньева, 1985: 81, табл. 3, Рис. 2, 6, 7).

Сосуд из Чатыр-Дага стройных пропорций, с очень тонкими стенками и 2 врезными линиями по краю наиболее близок краснолаковым сосудам из жилых комплексов Семеновки и Танаиса, описанных выше.

Мы относим этот сосуд по морфологическим показателям к понтийской форме VI Дж. Хейса (Pontic Ware) и датируем его достаточно узко: началом — третьей четвертью III н. э. В IV веке сосуды понтийской группы сменяют более грубые местные (боспорские и херсонесские) подражания или имитации этой формы, которые имеют несколько иные пропорции, две врезные линии на бортике и иное покрытие (Шаров, 2005, в печати).

Могила 52 (Таб. 50). Здесь была найдена подвеска из потертой боспорской монеты Савромата II (180–190 гг.) и бронзовая пряжка, не находящая себе пока близких аналогий. *Пряжка*. Более всего она напоминает пряжки варианта 1 по классификации А.И. Айбабина, тогда это вторая половина III — первая половина IV вв. (Айбабин, 1990, с. 27).

Могила 55 (Таб. 51–53). Одно из самых ярких захоронений могильника в каменном ящике, совсем не потревоженное строительными работами. Хронологически значимыми являются следующие находки.

Римская бронзовая монета прекрасной сохранности — фоллис чеканки императора Диоклетиана (284–305 гг.).

Амфора, служившая урной, того же «ягнятинского типа», что и в могиле 3, только целая. (Табл. 52, 2). Поскольку об этом типе уже шла речь выше, не будем повторяться. Датируется второй половиной III–IV вв.

Крупная бронзовая пряжка (Табл. 53, 11) может быть сопоставлена с вариантом 2 по классификации А.И. Айбабина, датироваться в

таком случае первой половиной IV в., но могут быть приведены аналогии как несколько более ранние, например, из богатого сарматского погребения Чауш в Низовьях Дуная еще конца III в. (Фокеев, 1986, с. 160, Таб. 1: 7), и из того же региона — Градешты конца III в. (Дзиговский, Субботин, 1986, с. 155–156, Таб. 2: 2. 4. 5).

Наконечник копья (Табл. 53, 10) имеет форму весьма распространенную в разные времена, но может быть сопоставлен и с типом XXII/2 по классификации Петра Качановского (Kaczanowski, 1995, s. 26, tabl. XV, 2, tabl. XX), типом, впрочем, тоже долго существовавшим, от ступени C_{1a} до C₃/D, то есть от конца II в. до середины или третьей четверти IV в.

Прочие вещи комплекса — серп, керамика, колокольчик — скольнибудь надежных хронологических привязок пока не имеют.

Таким образом, с наибольшей определенностью хронологию определяют амфора и, конечно, монета Диоклетиана. По любезной информации французского нумизмата Жаклин Пеле, видевшей материалы могильника в 1994 г., во время конгресса «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннем средневековье IV–VI вв.» в Алуште, найденный фоллис был чеканен до денежной реформы Диоклетиана 287 г. Монета не потертая, и попала в могилу вероятно, ненадолго позже чеканки.

Думается, мы не сильно ошибемся, если предположим, что захоронение было совершено где-то на рубеже III–IV вв. или в первых десятилетиях IV в.

Вне погребений, на самом гребне холма, на котором расположен могильник, было найдено еще три предмета, вероятно, также имеющие отношение к некрополю.

Наконечник копья (Таб. 1Б, 5) точных аналогий не имеет. С одной стороны, он близок типу X классификации пшеворских копий П. Качановского (Kaczanowski, 1995, tabl. X–4, 5; tabl. XX). Хронологическая позиция этого типа тоже не очень определена, в основном ступень B₂ (70–170 гг.), но известны и на ступени C_{1a} и, под знаком вопроса, на ступени C_{1b}, то есть от 160 до 260-х гг. С другой стороны, сходные копья встречаются в материалах могильников конца IV–V вв. цебельдинской долины (Воронцов, Шенкао, 1982, Таб. 2: 20, 27, с. 124, 126), но и для цебельдинской культуры они не очень типичны, во всяком случае в сводку форм оружия, составленную О. А. Гей и И. А. Бажаном, не включены (Гей, Бажан, 1997, табл. 2).

Топор (Табл. 15Б–9). Абсолютно точных аналогий тоже не имеет. В наиболее полной сводке топоров Центральной Европы, составленных Гжегожем Киферлингом (Kieferling, 1994) идентичные отсутствуют. Ближе всего он, пожалуй типу В по классификации Гжегожа Доманьского (Domanski, 1979, s. 51–52). Это тип распространенный в основном на ступенях С₁ и С₂, хотя появляется еще и в фазе В_{2b}.

Тип существовал, таким образом, долго — приблизительно от 140 до 310 гг., естественно с пиком массового распространения где-то в средней части интервала.

В Крыму сходные топоры происходят из погребения 132 Усть-Альминского некрополя, которое Т.Н. Высотская относит ко II–III вв. (Высотская, 1994, Таб. 28: 10, табл. 44: 9, с. 88–89), а также из могильника Дружное (Khrapunov, 1998, Pl. Ш, 7) и некоторые другие. По мнению Г.А. Вознесенской и М.Е. Левады в Крыму топоры этого вида появляются не ранее середины или второй половины III в. (Вознесенская, Левада, 1999, с. 256–257. Топор был ошибочно отнесен к погребению 28).

Есть сходные топоры и на Кавказе, например на Цемдолинском могильнике под Новороссийском (Малышев, Розанова, Терехова, 1997, Таб. 2: 11, с. 213) в комплексе II–III вв. Им мог бы соответствовать тип 2 по классификации Воронова-Шенкао (1982, с. 127), который датируется ими в широких пределах IV–VII вв. По корреляции комплексов цебельдинской культуры О.А. Гей и И.А. Бажана такие топоры (ХИ–5) попадают в первую фазу развития мужской субкультуры (4 случая) и во вторую (1 случай). Эти фазы датируются ими соответственно 240–310 гг. и 310–335 гг. (Гей, Бажан, 1997, Табл. 1: 1–3, Табл. 22).

Железная фибула с витой дужкой (Таб. 14–5). С первого взгляда она напоминает так называемый тип «Прага» середины — второй половины V в., представленный на ряде раннеславянских памятников — Кодын, Михайловка, Колодезный Бугор и др. (Kazanski, 1996, p. 326, fig. 2: 19, 23, 24), но впечатление обманчиво, поскольку тип Прага не имеет характерного, загибающегося вверх завитка на конце приемника, как на экземпляре из Чатыр-Дага. Аналогии нашему экземпляру действительно находятся в том же кругу раннеславянских и балтских древностей V в. между Прибалтикой и Дунаем, но тип это другой, более редкий. И.О. Гавритухин назвал его «типом Пильвины» (Гавритухин, 1989).

Таким образом, это находка самая поздняя в Чатыр-Даге, хронологически заметно отрывающаяся от прочих по крайней мере на 100 лет. Для объяснения этого феномена возможны два варианта. Либо фибула не имеет никакого отношения к могильнику, попала сюда случайно, совсем в другую эпоху. Либо следует учесть замечание И.О. Гавритухина, что в Прибалтике такие фибулы датируются периодом D местной хронологии по Отто Тишлеру в целом, соответственно на протяжении всего IV в., V в. и возможно начала VI в. В таком случае фибула могла попасть на Чатыр-Даг еще в начале бытования типа в IV в. в период функционирования могильника, демонстрируя еще раз наличие далеких Балтийско-Крымских связей.

Следует упомянуть еще находку похожей фибулы в одном из трупосожжений могильника Дюрсо под Новороссийском (Дмитриев, 1982, с. 79, Таб. 4: 5). Исследователь датировал комплекс второй половиной VIII—IX вв., как и общепринято датировать время появления трупосожжений на Кавказе (Джигунова, 2000). Здесь мы выходим на еще одну интересную тему, когда и как обряд трупосожжения возник на Кавказе, но это проблема уже находится за пределами нашего исследования.

Некоторые общие замечания

Итак, подведем некоторые итоги. Все приведенные выше сопоставления хронологии различных артефактов и их сочетаемости в комплексах по принципу «узких датировок» (Шукин, 1978, 2004) изображены на Рис. 18, 19. Учитываются все предлагавшиеся датировки каждого предмета, несмотря на существенные расхождения между цитируемыми авторами в отношении датировок тех или иных предметов. Мы старались быть объективными. Далее мы сделали элементарный подсчет. Оказалось, что вещей, существование которых может приходиться на конец I в. всего 6, тех, которые, кроме этого, бытовали и в первой половине II—9; а для второй половины II—начала III века уже 18. Затем начинается резкое увеличение: на середину III века приходится 27 предметов, а на рубеж III–IV уже 32. Это по нашему мнению, период наиболее интенсивного использования некрополя.

Далее начинается спад, на середину IV века приходится уже 19 предметов, на рубеж IV–V вв. — 14, а тех, которые могли существовать и в V веке всего 8.

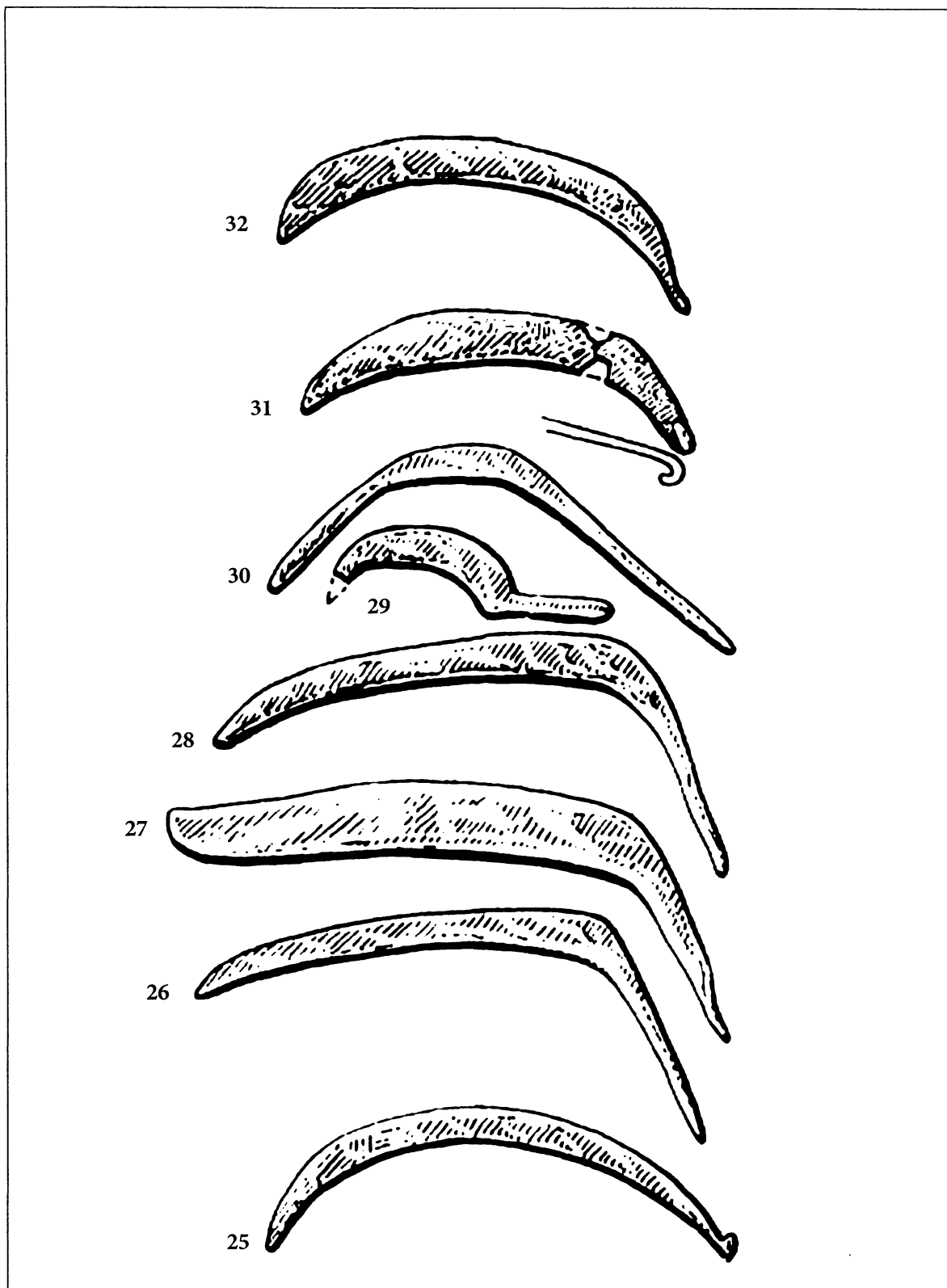

Рис. 17. Серпы с территории Северного Причерноморья

25 — Танаис;
26 — Илурат;

27, 28 — Семеновка;
5 — Танаис;

30 — Батарейка II;
31 — Горгиппия;

32 — Харакс.

Всю эту статистику и данные всей хронологической таблицы мы, используя «ромбический» подход (Щукин, 2005) свели в некий график, отражающий статистическую вероятность использования некрополя на разных хронологических отрезках. Получилась следующая фигура (Рис. 19). В поле фигуры также введены хронологические положения тех могил, где сочетание артефактов позволяет говорить об «узкой» датировке. Здесь можно было бы применить и математические расчеты. Ю. М. Лесман предложил соответствующую методику (Лесман, 1988), но мы предпочли несколько упрощенный, но наглядный график вместо математических формул.

По имеющейся ситуации, достаточно трудно определить, когда именно могильник начал функционировать, когда были совершены первые захоронения. В принципе, не исключается и первая половина III века, в частности, тогда могли быть совершены погребения № 14, № 20, № 30, № 48, № 52. С наибольшей вероятностью к этому времени относятся могилы № 48 и № 52. Но вероятность использования могильника в тот период значительно меньше, чем во второй четверти и середине III века. Ясно, что на рубеж III–IV вв. приходится пик использования некрополя, т. е. на эпоху первой и второй Тетрархии. Тогда, очевидно, были совершены захоронения в могилах № 1, № 4, № 15, № 16, № 21, № 35. С середины IV в. число захороненных сокращается, а данных о функционировании могильника в V веке у нас практически нет.

Лишь два предмета — кинжал «меотского типа» и фибула «типа Пильвины» позволяют допустить такое. Но, как говорилось выше, и в этих случаях возможно иное решение. Не исключено существование в V веке мечевидных копий того типа, что найден в могиле № 8, если учесть датировки В. Казакивичуса и А. И. Айбабина, но для того же типа имеются и более ранние хронологические определители (см. Рис. 18, 19).

Поэтому, по нашему мнению, вероятность функционирования некрополя в V веке ничтожно мала.

В целом, на этом можно поставить точку в данной дискуссии о хронологии памятника. Во всяком случае, использовать тезис о прекращении захоронений на Чатыр-Даге в середине V века и строить на том какие-то исторические реконструкции, связанные с «готами-тетракситами», вряд ли стоит.

Не исключено, также, что косвенно на верхнюю дату публикуемого некрополя указывает факт полного отсутствия среди материалов, полученных при его исследовании, обломков посуды «черняховского типа». Это обстоятельство примечательно тем, что при раскопках большинства крымских некрополей, функционировавших до второй половины IV — начала V вв. н. э. («Совхоз — 10», Инкерманский, Тас-Тепе, Ай-Тодор, Суворово, Озерное III, Красная Заря, Чернореченский, Дружное), некоторое количество таких артефактов обнаружено. В датированных комплексах их сопровождали монеты римских императоров Гордиана III (238–244 гг.), Максимиана (284–305 гг.), Галерия (293–311 гг.), Лициния (307–324 гг.), Константина I (306–337 гг.), и предметы, бытовавшие в первой — третьей четвертях IV в. н. э. (последняя сводка см. Юрочкин, 1999, с. 266–269). Таким образом, не исключено, что изученная часть Чатыр-Дагского некрополя перестала активно использоваться (учитывая возможность «запаздывания» монет) до появления в Крыму черняховских сосудов в самом начале периода их бытования на полуострове, т. е. где-то на рубеже первой — второй трети IV в. н. э.

Как видно из приведенного выше анализа вещи, дающие некоторое представление о времени совершения захоронений, обнаружены в 18 погребальных сооружениях. Более или менее обоснованные узкие даты, базирующиеся на совстречаемости нескольких артефактов, имеют всего 8 могил. В связи с этим сделать какие-либо определенные выводы о внутренней относительной хронологии некрополя довольно сложно. Возможны лишь некоторые общие замечания по этому поводу.

Из 43 могил северной части некрополя сравнительно надежная хронологическая позиция определена для 6. В пределах южной части таких объектов 4. Все эти погребальные сооружения содержали довольно богатые захоронения 1, 2 и 3 вариантов. Для окончательных выводов о синхронности или разновременности открытых частей некрополя этого явно недостаточно. Следует лишь отметить, что среди инвентаря северной группы погребений встречаются подвески из боспорских и римских монет I — первой половины III вв. н. э. и монеты хорошей сохранности второй половины III в. н. э. (антонианы Требониана Галла и Галлиена, а также статер Рискупорида IV 266/67 гг. из могилы № 21; дореформенный фоллис Диоклетиана из могилы № 55),

в то время как в могилах южной группы преобладают римские монеты хорошей сохранности последних десятилетий III—первой четверти IV вв. н. э. (Максимиана, Констанция Хлора, Галерия, Максимиана Дайи, Лициния). Этот факт, кажется, позволяет предполагать, что «северная» группа погребений возникла несколько раньше «южной». Не исключено, также, что в дальнейшем обе части некрополя какое-то время функционировали параллельно.

Хронологическое соотношение западного и восточного участков в пределах северной части некрополя также не совсем ясно. Западный образован могилами, содержащими сравнительно богатые погребения, самые ранние из которых совершены, скорее всего, во второй половине III в. н. э. Погребальный инвентарь могил, составляющих восточный участок, в целом выглядит несколько более ранним. В связи с этим возникает впечатление, что некоторые безурновые захоронения в неглубоких ямах вариантов 8 и 9, возможно, совершены еще в первой половине III в. н. э., т.е. до того, как на некрополе появились урновые погребения в могилах с каменными конструкциями вариантов 1, 2, 3. Во всяком случае, к подобному выводу для некрополя на мысе Ай-Тодор пришли О. А. Гей и И. А. Бажан, анализируя погребальный обряд и хронологию этого памятника (Гей, Бажан, 1997, с. 32–33). Чатыр-Дагские материалы, как представляется, не дают пока надежных оснований для такого заключения, т.к. для определения дат могил западного и восточного участков северной части некрополя использовались различные категории вещей, хронология которых находится в разной степени разработанности. Из находок, происходящих с западного участка хронологически значимыми являются предметы вооружения, амфоры и металлические элементы костюма, находящиеся себе, как правило, широкий круг аналогий в хорошо датированных комплексах на территории Причерноморья, Восточной Европы и на Северном Кавказе, а также монеты хорошей сохранности. Среди небогатого инвентаря восточного участка набор артефактов, которые можно использовать в качестве хронологических ориентиров, значительно скромнее. Совстречаемость их в одной могиле (не более двух предметов) зафиксирована лишь в двух случаях, что не позволяет надежно датировать комплексы. Сравнительно ранний облик этому участку придают, в основном, краснола-

ковые чашки которые плохо представлены в соседних богатых погребениях. Сходные по форме сосуды хорошо известны по раскопкам крымских некрополей II—первой половины III вв. н. э. Однако уверенно определить верхний хронологический рубеж их бытования довольно сложно. В большинстве своем эта посуда представляет собой, Pontic Ware, которая была распространена почти исключительно в пределах Черноморского бассейна. К большому сожалению хронология и типология понтийской сигиллаты, предварительно намеченная Дж. Хейсом пока еще далека от совершенства (Домжалский, 1998, с. 23). Уже довольно давно замечено, что краснолаковая посуда, встречающаяся при исследовании северопричерноморских памятников IV–V вв. н. э. в значительной степени отличается по набору форм, орнаментации и качеству покрытия от керамики, найденной при раскопках объектов II–III вв. н. э. Некоторые исследователи объясняют это явление упадком в середине III в. н. э. старых центров по производству краснолаковой посуды и формированием впоследствии в IV веке н. э. где-то в Причерноморье новых (Лордкипанидзе, 1962, с. 253–255). Судя по материалам упоминавшегося выше Таракташского святилища, к середине IV—рубежу IV–V вв. н. э. смена ассортимента краснолаковой керамики в Крыму уже полностью завершилась. Однако, как представляется, процесс этот протекал в течение некоторого времени и «архаичная» посуда вышла из употребления не сразу. Таким образом, не исключено, что верхний предел существования «ранних» краснолаковых сосудов лежит где-то во второй половине III в. н. э., что, в общем, не противоречит датировке, данной исследователями группе «Pontic Sigillata» в целом: середина—конец I—конец III вв. н. э. (Hayes, 1985, p. 92–96; Domzalski, 1996, p. 99–104; Domzalski, Zin'ko, 1999, p. 75–80). В этом случае, восточный участок северной части Чатыр-Дагского некрополя вполне может оказаться синхронным западному. Тогда, наблюдаемые различия в погребальном обряде не имеют хронологического значения и объясняются особенностями обрядовых норм, бытовавших в среде оставившего могильник населения. Возможно, также, что в данном случае наблюдается проявление общей особенности погребального обряда варварского мира, выражающейся в различии темпов попадания однотипных вещей в мужские и женские погребения (см.: Бажан, Еременко, 1992, с. 15–16).

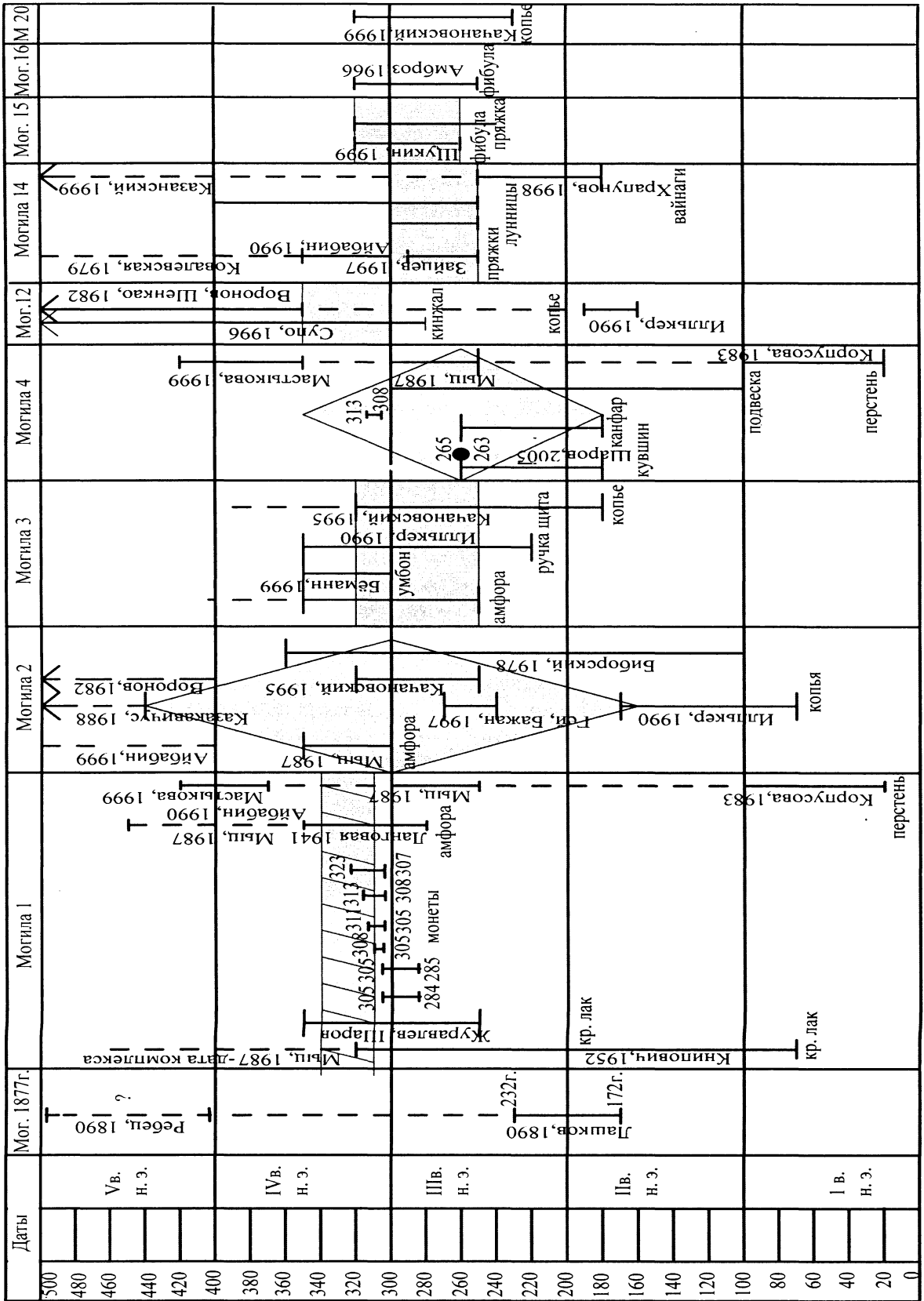
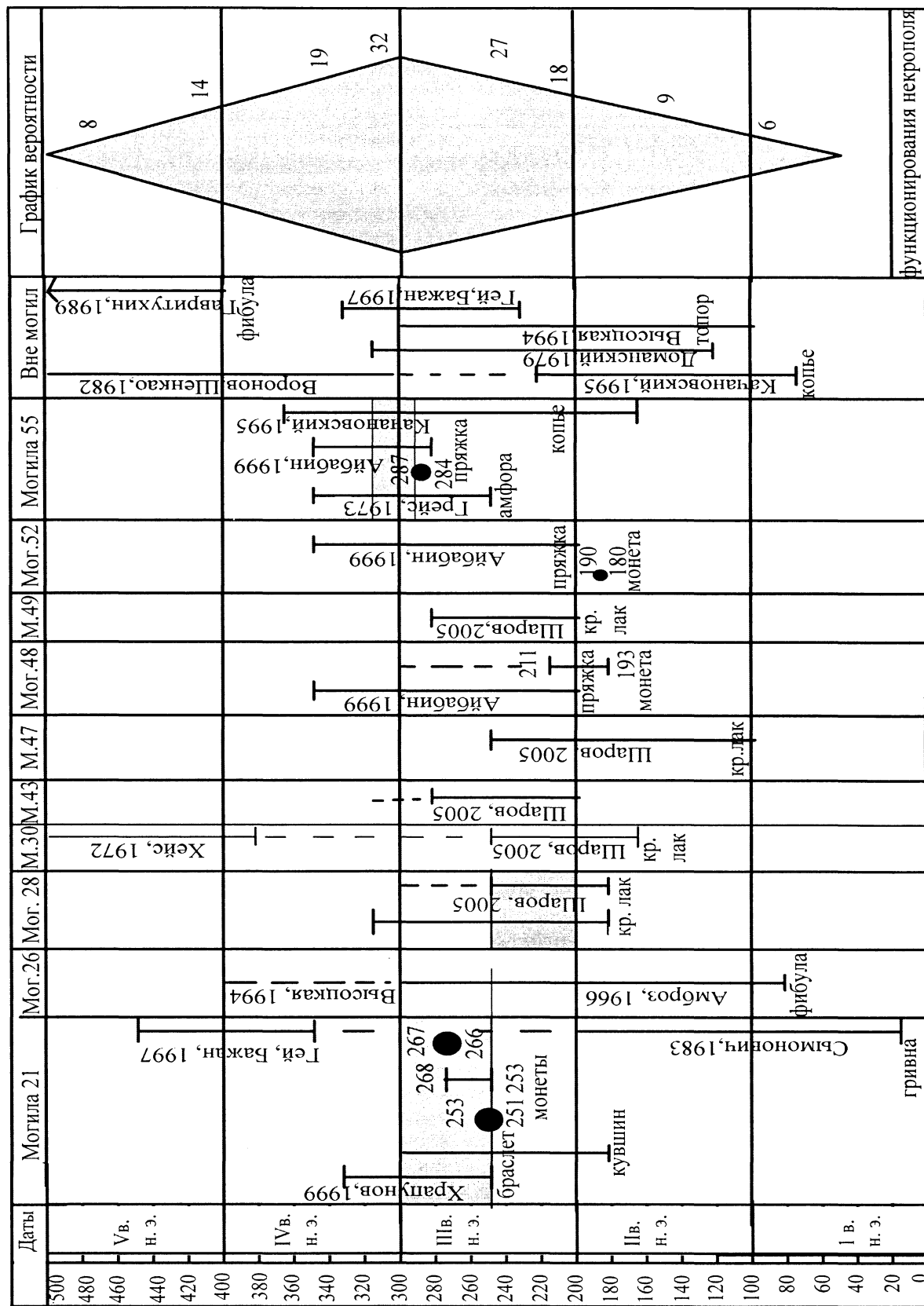

Рис. 18, 19. Хронологические таблицы

Часть IV

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

О причинах и условиях возникновения и прекращения использования Чатыр-Дагского некрополя и сходных с ним памятников, а также их возможной этнической принадлежности существует довольно обширная литература, в том числе и обобщающего характера. Однако в связи с полной публикацией чатырдагских материалов представляется целесообразным еще раз вкратце рассмотреть круг вопросов, связанных с крымскими некрополями римского времени, на территории которых совершались погребения остатков кремаций.

Впервые сведения об этих памятниках появились, видимо, еще в конце XIX в. (Бертье-Делагард, 1886, с. 247). К настоящему времени имеются данные (разной степени достоверности) по крайней мере о 15 таких пунктах: на Гераклейском полуострове в урочище Александриада и у с. Флотское; в Инкерманской долине; на берегу р. Черная; на северо-западных склонах Телеграфных высот; у подножия юго-восточного окончания Федюхиных высот; на их северо-западном и восточном склонах; у совхоза «Севастопольский»; у с. Верхне-Садовое; на территории могильника Бельбек I; на территории некрополя у с. Танковое; на территории могильника Скалистое — III; на склоне горы Чабовского близ Алма-Кермена; на мысе Ай-Тодор и на склоне горы Чатыр-Даг (лит. см. Пиоро, 1990, с. 88–98; Зубарь, 1993, с. 78; Зубарь, 1994, с. 124, Таб. 51; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 85–86, Таб. 4, 2, 4; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 124). В послед-

нее время активно анонсируется открытие еще двух некрополей с погребениями остатков кремаций на Южном берегу Крыма: в Нижней Ореанде и в Партените (Сидоренко, 1994–А, с. 13–14; Сидоренко, 1994Б, с. 68; Айбабин, 1999А, с. 14; Айбабин, 1999Б, с. 244–245; Пиоро, 1999, с. 76). О первом памятнике известно лишь его примерное местоположение и сам факт его существования. С информацией о втором, расположенном на скале Алигор в пгт. Партенит, произошло, видимо, досадное недоразумение. В 1994 г., в течение более чем двух месяцев этот объект исследовался Партенитским отрядом Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАНУ и был раскопан полностью. В результате проведенных работ удалось установить, что на скале в III–IV вв. н. э. располагалось небольшое варварское святилище. В обрядовой практике оставившего его населения применялся огонь, жертвоприношения в отдельных случаях совершались в небольшие фависсы, имеющие очень мало общего с могилами, содержащими остатки трупоожжений. Предварительная информация о результатах исследований святилища опубликована (Мыц и др., 1997, с. 202–204).

Картографирование сельских некрополей с погребениями остатков кремаций (Таб. 63) показывает, что в большинстве своем они сосредоточены в ближайшей округе Херсонеса (на расстоянии 8–25 км от него), некоторые практически на территории хоры города. В значительном удалении (около 54 км к юго-

востоку), на Южнобережье, у стен римского укрепления Харакс, на эпонимном мысе расположен могильник Ай-Тодор. Крайним восточным пунктом (в 70 км к северо-востоку от Херсонеса) является Чатыр-Дагский некрополь, находящийся в непосредственной близости от двух сравнительно удобных горных проходов — Ангар-Богаз и Кебит-Богаз.

Степень изученности некрополей с захоронениями продуктов трупосожжений различна. Часть из них только разведана. В работах, посвященных результатам исследования некоторых содержатся весьма скудные сведения. Более или менее определенные данные о количестве и характере погребений опубликованы лишь для шести памятников. В урочище Александриада раскопано 11 погребений с трупоположениями и с остатками кремаций, у с. Флотское (бывш. Корань) также зафиксирован биритуальный некрополь, на котором в качестве урн использовались небольшие оссуарии. В пределах могильника Бельбек I (в устье эпонимной реки) раскопано 22 погребальных сооружения, 4 из которых представляли собой небольшие ямки, содержавшие остатки кремаций без каких либо вместилищ. На Чернореченском некрополе изучено 87 могил (по мнению исследователей, это лишь 1/8 памятника (Высотская, 1972, с. 85), в 33 из которых находились урны с остатками трупосожжений. У совхоза «Севастопольский» (раскопан, видимо, практически полностью), помимо нескольких сотен погребальных сооружений с трупоположениями, открыто 562 урны с остатками кремаций, располагавшихся, в основном, в грунтовых могилах и «каменных ящиках» (полная публикация памятника подготовлена Т.Н. Высотской, но пока не осуществлена). Некрополь у с. Танковое сильно пострадал при строительных работах. Одна из 6 изученных здесь могил (небольшая яма) содержала безурновое погребение продуктов кремации. В пределах некрополя Скалистое-III среди 120 могил с трупоположениями обнаружена небольшая яма, в которой находился лепной горшок с остатками трупосожжения. На мысе Ай-Тодор (границы памятника не ясны) к настоящему времени раскопано 47 погребальных сооружений (опубликовано 37), в 45 из которых обнаружены захоронения остатков трупосожжений различных вариантов. На склоне Чатыр-Дага во всех 55 могилах содержались останки кремированных умерших. Всего в пределах этих некрополей исследовано более 700 погребений

остатков кремаций, однако полностью опубликовано менее 20% комплексов.

Несмотря на явный недостаток введенной в научный оборот информации по формальным признакам (локализации памятников, количеству обнаруженных в их пределах захоронений продуктов трупосожжений и особенностям погребального обряда) предварительно (условно) эти объекты можно разделить по крайней мере на 3 группы.

1. В первую объединяются некрополи сарматского облика, датированные исследователями II—первой половиной III вв. н. э., расположенные северо-восточнее Херсонеса, в Предгорье и на границе Степи (Бельбек I, Скалистое III, Танковое). На их территории обнаружено незначительное количество маловыразительных, безурновых или урновых захоронений останков кремированных (1–18% от общего числа изученных могил) в небольших ямах (Печенкин, 1905, с. 32–37; Высотская, 1972, с. 75; Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 124; Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 85–86). Из-за бедности или отсутствия сопровождающего инвентаря хронологическая позиция этих комплексов по отношению к доминирующим на перечисленных могильниках трупоположениям не ясна.

2. Вторую группу образуют биритуальные некрополи, находящиеся в ближайшей округе Херсонеса — в долине р. Черная и на Гераклеиском полуострове (Совхоз 10, Чернореченский, возможно Флотское и Александриада). Они содержат значительное количество урновых погребений остатков трупосожжений (40–60%) различных вариантов (Стржелецкий, 1959, с. 139 и сл.; Веймарн, 1963, с. 15 и сл.; Стржелецкий, 1949–1955, мог. № 22; Бороздин, 1925, с. 21–23). На территории двух наиболее полно изученных памятников — Совхоз 10 и Чернореченский — помимо захоронений продуктов сожжений обнаружены «позднескифские» погребения II–III вв. н. э. (Стржелецкий, 1959, с. 143–144; Высотская, 1972, с. 85–86) и участки с «сармато-аланскими» грунтовыми склепами продольноосевой конструкции IV в. н. э. (Высотская, 1972, с. 85–86; Высотская, 1998, с. 256 и сл.), объединяющие эти могильники с группой некрополей типа Озерное-Инкерман (Юрочкин, 1997, с. 129). Среди характерных особенностей памятников второй группы преобладание урновых погребений остатков трупосожжений в грунтовых ямах, причем многие урны стояли в могилах вертикально, были огорожены каменными плитками и накрыты

крышками (чашки, обломки стенок крупных сосудов, камни), наличие многоактных захоронений урн с остатками кремации в «каменных ящиках», которые иногда удлинились при совершении подзахоронений и присутствие останков 2–5 умерших в одной урне (коллективные погребения), использование в некоторых случаях в качестве урн каменных оссуариев из местного известняка, наличие труположений детей в амфорах, преобладание безынвентарных погребений, сравнительно большое количество стеклянных сосудов, а также присутствие отдельных вещей «германского» облика среди погребального инвентаря.

3. Третья группа — единственная получившая название и определенное признание в научной литературе — памятники типа «Ай-Тодор», включает в себя два некрополя, расположенные на сравнительно удаленных от Херсонеса южном (Южный берег Крыма) и юго-восточном склонах Главной гряды — соответственно эпонимный и Чатыр-Дагский (Казанский, 1991, с. 56 и сл.; Казанский, 1997, с. 51 и сл.). Материалы этой группы памятников на сегодняшний день, пожалуй, наиболее полно опубликованы и обработаны. В числе характеризующих ее признаков исследователи называют абсолютное доминирование на первой стадии посмертного обращения кремации (96–100%), преобладание урновых погребений продуктов трупосожжений, «часто в «каменных ящиках» (Чатыр-Даг) или под каменными вымостками (Ай-Тодор)» (Казанский, 1997, с. 51), сравнительно большое количество воинских погребений с оружием (иногда ритуально испорченным), деталями конской сбруи и орудиями труда (серпы).

Вопрос о гомогенности группы памятников типа Ай-Тодор не подвергался серьезной разработке в литературе и вряд ли может считаться решенным окончательно, хотя от взглядов на эту проблему во многом зависит последующая этно-политическая интерпретация обоих некрополей. В связи с этим представляется целесообразным привести здесь краткую характеристику памятника на мысе Ай-Тодор и попытаться сравнить его с публикуемым Чатыр-Дагским некрополем.

В 47 могилах некрополя на мысе Ай-Тодор прослежены следующие варианты погребального обряда (см. Блаватский, 1951, с. 275–276; Орлов, 1983, с. 8–28; Орлов, 1985, с. 8–20; Орлов, 1987, с. 109–131). Захоронения остатков кремации: урновые погребения в открытых

грунтовых ямах (22 могилы — 46,8%); безурновые погребения в открытых грунтовых ямах (8 могил — 17%); урновые в ямах под каменными закладами (5 могил — 10,7%); во вместилище из органического материала, уложенном в грунтовую яму (4 могилы — 8,5%); безурновые в ямах под каменными закладами (2 могилы — 4,3%); урновые в ямах, покрытых плитами, под общим каменным закладом (2 могилы — 4,3%); безурновое в открытой яме под миской (1 могила — 2,1%); урновое в открытой яме, борта которой выложены камнями (1 могила — 2,1%). Труположение: коллективное в открытой яме (1 могила — 2,1%); одиночное под каменным закладом (1 могила — 2,1%).

В числе других особенностей обряда необходимо отметить следующие. В одном случае зафиксировано повторное проникновение в могилу с остатками трупосожжения и расширение ее для последующего подзахоронения. В одной из могил обнаружено труположение ребенка в урну, уже содержащую остатки кремации. Костные останки кремированных погребенных, находившиеся в урнах, иногда лишь слегка деформированы под действием высокой температуры (т.е. трупы не подвергались полной кремации) и вполне поддаются антропологическому определению без дополнительных специальных исследований. В сосуды они укладывались таким образом, что кости посткраниального скелета часто располагались ниже остатков черепа. На территории некрополя обнаружены «поминальные» ямы и площадки, располагавшиеся между могил. На них встречены кости животных, керамика, иногда мелкие металлические предметы.

Все 6 погребений, сопровождавшиеся оружием, представляют собой захоронения по обряду кремации. 3 из них урновые, 1 — во вместилище из органического материала, 2 — безурновые. 5 помещались в открытых грунтовых ямах, 1 — в яме под закладом. В 5 случаях кремация совершалась на стороне, в 1 — на месте погребения. Сравнительно полный набор вооружения (кинжал, умбон и ручка от щита) в комплексе с серпом обнаружен как раз в этой могиле. Среди прочих два погребения сопровождали топоры, одно — топор и наконечник копья, одно — наконечник копья и одно — кинжал.

Конские удила найдены в заполнении двух могил, ничем иным от остальных погребальных сооружений особо не отличающихся. Среди других предметов, обнаруженных в могилах,

довольно много стеклянных сосудов. Большинство монет, сопровождавших погребения, сравнительно неплохой сохранности и перед археологизацией служили, видимо, платежными средствами (подвески единичны). Среди керамики, происходящей из могил, встречено несколько гончарных сосудов «черняховского» облика. В некоторых погребальных сооружениях (около 15%) обнаружены кости рыб и домашних животных.

При сопоставлении этих данных с Чатыр-Дагскими материалами прослеживаются как общие для обоих памятников черты так и различия между ними. К общему следует относить предполагаемую сравнительно небольшую величину некрополей, доминирование в обрядовой практике оставившего их населения кремации, наличие на территории кладбищ отдельных участков с преобладанием урновых или безурновых погребений, а также расположение «более раннего» участка к северу от «более позднего» (для Ай-Тодора см.: Гей, Бажан, 1997, с. 32), наличие воинских захоронений с оружием и серпами (правда, для Ай-Тодора лишь в одном случае), присутствие безурновых захоронений в открытых ямах (для Ай-Тодора сравнительно небольшое количество), обломки вторично обожженной керамики и оплавленные изделия из стекла и цветных металлов в заполнении некоторых могил. Отличия наблюдаются, в основном, в деталях погребального обряда и в ассортименте инвентаря. Среди них наиболее значимыми представляются следующие. На Ай-Тодоре, в отличие от Чатыр-Дага, доминируют урновые захоронения в открытых ямах и отсутствуют характерные богатые погребения в «каменных ящиках». На Чатыр-Даге, в отличие от Ай-Тодора, отсутствуют отдельные трупоположения, не зафиксировано подзахоронений в могилы с кремациями, костные останки кремированных чаще всего практически полностью деформированы, среди инвентаря нет гвоздей, конских удиц, стеклянных сосудов и т.д. Отсутствие в могилах Чатыр-Дагского некрополя керамики «черняховского» облика и украшений «германского» круга, возможно, как уже упоминалось, объясняется хронологической позицией этого памятника.

Всесторонняя оценка значимости признаков сходства и различия двух некрополей может стать темой отдельного, довольно обширного исследования. В первом же приближении

ситуация, как нам кажется, выглядит следующим образом.

Часть признаков, присущих обоим памятникам (локализация, «размеры», отсутствие на их территории скифо-сарматских и сармато-аланских могил, наличие воинских погребений) свидетельствует о том, что эти некрополи были заложены на «новых» местах, не использовавшихся кем либо ранее для совершения захоронений и в каждом случае принадлежали, скорее всего, немногочисленному, культурно сравнительно однородному населению, расселившемуся в стратегически важных пунктах побережья, вероятно, в качестве военных поселенцев.

Различия в деталях конструкции погребальных сооружений, способов обращения с останками умерших и составе инвентаря однозначно объяснить сложно, так как обряд погребения, даже в пределах одного памятника, весьма разнообразен. Это могут быть его локальные особенности. В то же время не исключено наличие различий в этнической принадлежности или политической ориентации (ангажированности?) оставившего некрополи населения. Во всяком случае нетрудно заметить, что некоторые специфические черты захоронений Ай-Тодора (преобладание урновых погребений в открытых ямах, подзахоронения и коллективные погребения, иногда слабая деформация костных останков кремированных и особая последовательность их укладки в урну, состав инвентаря и пр.) находят соответствия в материалах могильников «Совхоз № 10» и Чернореченского. Чатыр-Дагский же некрополь по обряду выглядит несколько более обособленным.

Вопрос о политической принадлежности отдельных частей Южного берега (на котором находятся памятники типа «Ай-Тодор») в позднеантичное время разработан довольно слабо. Существует давнее, не совсем четко выраженное мнение о том, что граница между владениями Боспора и Херсонеса в античный период пролегла где-то в районе г. Чатыр-Даг (Formaleoni, 1789, p. 82; Кёппен, 1837, с. 97). К сходным выводам пришел обратившийся недавно к данной теме В.М. Зубарь. Принимая во внимание особенности размещения римских войск в Таврике, а также наличие у пос. Гаспра, на западном склоне г. Аю-Даг и в Алуштинской долине памятников, в слоях которых содержатся обломки амфор II–III вв. н. э. (эти объекты, в большинстве своем, пока только разведаны), исследователь заключил, что укрепление Харакс являлось

центром обширного региона, подконтрольного во II–III вв. н. э. римской военной администрации, располагавшейся в Херсонесе. Восточная граница этого региона, как считает автор гипотезы, проходила где-то в окрестностях современной Алушты (Зубарь, 1994, с. 61–62; 76–77; Зубарь, 1998, с. 113). Не отвергая полностью этого предположения, следует заметить, что на несколько иную ситуацию косвенно указывают происходящие с побережья нумизматические находки. Впервые на их значение обратил внимание А. Л. Бертье-Делагард, анализируя монеты I–IV вв. н. э. из Ауткинского святилища (Ялтинская долина) и сопоставляя их с монетами Харакса (середина I–II — середина III вв. н. э.). На крепости найдены исключительно римские и херсонесские монеты, в то время как на капище в десятке километров восточнее были еще и боспорские, втрое превышавшие по численности херсонесские. Исходя из этого ученый сделал вывод о том, что Харакс с начала своего существования служил пограничным пунктом владений Херсонеса, а восточнее простиралась зона влияния Боспорского государства (Бертье-Делагард, 1907, с. 24–26). Не противоречат этому и открытые впоследствии нумизматические комплексы IV в. до н. э.—III в. н. э. на месте предполагаемого святилища на склоне г. Аю-Даг (Голенко, 1963, с. 113–114), I в. до н. э.—IV в. н. э. на святилище у перевала Гурбет-Дере-Богаз (Гурзуфское седло) (Новиченкова, 1994, с. 54–55; Новиченкова, 2002, с. 46–50, 170–171, 177), III — начала IV вв. н. э. на святилище Алигор в Партените (Мыц и др., 1997, с. 204).

Каких либо достоверных следов присутствия римских войск (например, надписей, кирпичей или черепицы с легионными клеймами, находимых, как правило, в местах дислокации имперских воинских контингентов) на южном побережье полуострова восточнее Ялтинской долины пока не известно. Все немногочисленные эпиграфические памятники, обнаруженные на этой территории (Партенит, Судак) боспорские и датируются исследователями временем правления Савромата II (КБН, № 955; Саприкин, Баранов, 1995, с. 137–140). Известно, что Савромат II проводил проримскую политику и активно боролся с пиратами на морских коммуникациях, связывавших Боспор с провинцией Вифиния-Понт (лит. см. Зубарь, 1994, с. 112; Зубарь, 1998, с. 115–116; Зубарь, 2003, с. 146). Это, а также наличие здесь в то же время большого количества римских монет, не игра-

вших скольнибудь существенной роли в денежном обращении собственно Боспора (Фролова, 1997, с. 171), наводит на предположение о том, что контроль над частью побережья мог осуществляться боспорскими правителями с помощью варварских контингентов, в среде которых римские монеты использовались как «международные».

Судя по датам монет такая геополитическая ситуация в регионе, вероятно, перманентно, могла сохраняться довольно долго — по крайней мере до последней трети III в. н. э. О политическом положении Южного берега в конце III — середине IV вв. н. э. судить сложно, так как в этот период, в связи с прекращением выпуска Херсонесом собственной монеты, его денежный рынок отчасти стал обеспечиваться за счет боспорских деградированных статеров (Гилевич, 1968, с. 16). В результате боспорские монеты (в том числе и статеры Фофорса и последнего Рескупорида, найденные в могилах на мысе Ай-Тодор (Блаватский, 1951, с. 290–291; Гей, Бажан, 1997, с. 31–35), утратили значение индикаторов политической принадлежности той или иной местности (Лысенко, Тесленко, 2002, с. 66, 68).

Таким образом, предварительно можно предполагать, что группа памятников типа «Ай-Тодор» с высокой долей вероятности гомогенна лишь по признаку «рода деятельности» хоронивших на этих кладбищах людей. По некоторым особенностям погребального обряда некрополи обнаруживают различия. При этом памятник на мысе Ай-Тодор по отдельным характеристикам более близок биритуальным могильникам Инкерманской долины. Отчасти это, возможно, объясняется тем, что некрополи возникли на территориях, в то время или незадолго до этого находившихся под экономическим, и, видимо, культурным влиянием различных политических центров позднеантичной Таврики — Херсонеса и Боспора.

Проблема происхождения крымских сельских некрополей с захоронениями остатков кремаций позднеимперского времени, в том числе и Чатыр-Дагского, традиционно вызывает повышенный интерес исследователей, что обусловило наличие довольно обширной историографии по данной теме. В большинстве трудов по этно-политической истории позднеантичной Таврики их авторы так или иначе касались этого вопроса, однако, его окончательное решение, кажется, пока не найдено. Существует два основных мнения по этому поводу.

Ряд специалистов, многие из которых непосредственно изучали памятники, считает, что нехарактерный для местного населения Юго-Западного Крыма римского времени погребальный обряд распространился здесь в I–II–IV вв. н. э. в результате многопланового влияния на сельские регионы мегаполиса Херсонеса, часть жителей которого (греки, а затем и римляне) практиковала кремирование умерших по крайней мере с эпохи эллинизма до III, а, возможно, и IV вв. н. э. (Блаватский, 1951, с. 289–290; Высотская, 1972, с. 99; Высотская, 2000, с. 91; Масленников, 1984, с. 57; Орлов, 1987, с. 131; Амброз, 1994, с. 39–40; Юрочкин, 1999, с. 280).

По второй версии, доминирующей в современной литературе, обряд кремации привнесен в Крым в середине—начале второй половины III в. н. э. мигрантами из Восточной, Центральной, Северной Европы. Некогда, в послевоенное время советские ученые определяли их как славян—носителей черняховской культуры (Веймарн, Стржелецкий, 1952; Смирнов, 1953). Позже возобладала точка зрения о том, что трупосожжения на крымских позднеантичных некрополях принадлежат германцам—участникам «готских» походов, носителям вельбарской, пшеворской, черняховской культур (Пиоро, 1990, с. 89–108; Пиоро, 1999, с. 76; Мыщ, 1987, с. 160; Айбабин, 1987, с. 193; Айбабин, 1990, с. 66; Айбабин, 1999 А, с. 36; Айбабин, 1999Б, с. 244–245; Казанский, 1991, с. 57; Пуздровский, 1992, с. 132; Пуздровский, 1994, с. 56; Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215; Сидоренко, 1994А, с. 13–14; Сидоренко, 1994 Б, с. 66–68; Зубарь, 1994, с. 124; Гей, Бажан, 1997, с. 34; Ушаков, 2001, с. 9–10 и др.).

В соответствии с изложенными выше взглядами их последователями, на основании имеющихся исторических и археологических источников, разработаны схемы развития этно-политической ситуации на полуострове в III–IV вв. н. э. В систематизированном виде сначала сформулирована вторая версия, наиболее полно представленная и аргументированная в многочисленных работах А. И. Айбабина и, благодаря этому, широко известная.

В основе этой схемы лежат анализ хронологии (Айбабин, 1999Б, с. 244) и погребального обряда (Пиоро, 1999, с. 76–77; Пиоро, 1999, с. 231–233; Айбабин, 1999Б, с. 244–245) крымских некрополей с захоронениями остатков трупосожжений и многочисленные, а потому, видимо, достоверные сообщения пись-

менных источников о вторжении в первой половине III в. н. э. в Северное Причерноморье разноименных племен германцев (лит. см. Буданова, 1990, с. 72–82; Хайретдинова, 1995, с. 517–518; Айбабин, 1999Б, с. 242–243 и др.). В самом общем виде реконструируемая последовательность событий выглядит следующим образом. Проникнув в Причерноморские степи германцы поселились у северных берегов Меотиды, на землях алан. Впоследствии, после того, как римляне в 40-х годах III в. н. э. вывели свои войска из Крыма (кроме Херсонеса), германцы с примкнувшими к ним аланами прошли по суше на Боспор, переправились через пролив и разорили хору каких-то городов. А. И. Айбабин полагает, что варвары попали в пределы Боспора пройдя через Перекопский перешеек, т. е. с северо-запада. По пути они останавливались на территории покинутого к тому времени Южно-Донузлавского городища, затем разрушили позднескифские города Усть-Альму, Алма-Кермен и Неаполь, после чего проникли в Юго-Западный Крым. Вследствие этого на Южном Берегу и на границе хоры Херсонеса в 252–256 гг. н. э. возникли некрополи с погребениями по обряду кремации. Одновременно по всему Предгорью расселяются аланы (памятники типа Озерное-Инкерман), бывшие, очевидно, союзниками германцев. В течение следующей четверти века варвары совершали рейды в провинции Империи с территории Боспора. Однако, вторжения их в Европейскую часть царства были кратковременными и не привели к изменениям в этническом составе ее населения, поэтому погребальный обряд здесь остался традиционным (Айбабин, 1996, с. 296–298; Айбабин, 1999А, с. 32–36, 38; Айбабин, 1999Б, с. 242–244). На Южный берег, по мнению некоторых исследователей, германцы прошли через Ангарский перевал между горами Чатыр-Даг и Демерджи (Пуздровский, 1992, с. 132; Пуздровский, 1994, с. 56). По другому варианту развития событий варвары пришли на Боспор с востока и впоследствии продвигались на запад отдельно—аланы по предгорьям, а германцы—по побережью. По пути они, видимо, расселялись, в результате чего к северу от Главной гряды Крымских гор возникли некрополи типа Озерное-Инкерман, а на Южном берегу—типа Ай-Тодор. В Юго-Западном Крыму два миграционных потока объединились. Поселившиеся здесь германцы и аланы стали совместно использо-

вать некрополи, расположенные в округе Херсонеса (Храпунов, 1995, с. 75–76), чем и объясняется наблюдаемый на них биритуализм.

В порядке критики мнения о происхождении обряда кремации на сельских некрополях из Херсонеса указывается, что херсонесские трупосожжения по обряду «не похожи» на горно-крымские и что к середине III в. н. э. жители города отказались от практики кремирования покойников (Айбабин, 1987, с. 188; Айбабин, 1999А, с. 26; Айбабин, 1999Б, с. 245). По этому поводу следует заметить, что погребальные сооружения херсонесского некрополя, содержавшие остатки трупосожжений, исследованы в большинстве своем еще в конце XIX — начале XX вв. и очень слабо документированы (Зубарь, 1982, с. 4). В связи с этим полноценно сравнить обряд и хронологию городского и сельских могильников довольно сложно. Кроме того, попыток сделать это пока никто не предпринимал.

Среди наиболее существенных слабых звеньев приведенной схемы необходимо отметить следующие. Ни в одном из известных нарративных или эпиграфических источников, содержащих информацию о «готских» походах, нет сведений о проникновении их участников вглубь Таврики вообще и в Юго-Западный Крым в частности. Нет в них, также, данных о «гото-аланском союзе». При обосновании нижних дат некрополей не разрабатывалась хронология каждого памятника, а привлекались отдельные вещи или комплексы, происходящие из раскопок разных объектов и датированные иногда лишь по дальним аналогиям. При этом часто не указывался весь хронологический диапазон бытования того или иного артефакта. Датировка разгрома Неаполя и всей Крымской Скифии до сих пор дискуссионна и колеблется сейчас в пределах первой четверти (Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 243–244) — рубежа первой и второй четвертей III в. н. э. (Зайцев, 1995, с. 22) — или 240 г. н. э. (Пуздровский, 1999, с. 217). Кроме того, судя по опубликованным материалам исследований некрополя «Совхоз № 10», на его территории изучено достаточное количество могил с урновыми захоронениями остатков трупосожжений, которые помещались в амфорах I–II вв. н. э. и иногда сопровождалась соответствующим по времени инвентарем (Высотская, 2000, с. 83–84, 87, 91, табл. I, 1, II, 1, 2, 4, 7, IV, 2). Видимо, эти погребения были совершены задолго до «готских» походов.

В рамках этой же версии находится несколько отличная от приведенной выше схема этно-политической ситуации в позднеантичной Таврике, предложенная В. М. Зубарем. Автор, базируясь, в основном, на эпиграфических и археологических источниках, полагает, что в конце II в. н. э. Крымская Скифия была завоевана Боспорским царством при поддержке войск Империи и затем территориально разделена по р. Альме на две зоны влияния — римско-херсонесскую и боспорскую (Зубарь, 1994, с. 124–126). Не касаясь дальнейших перипетий военно-политических событий в эпоху «готских» походов, исследователь указывает, что могильники с захоронениями остатков кремаций (или погребения продуктов трупосожжений на могильниках) возникли уже после этих войн. Оставило их население, входившее в разнотнический готский союз племен. По видимому, варвары осели в стратегически важных пунктах полуострова в результате мероприятий, предпринятых римской администрацией по согласованию с Херсонесом, в качестве военных поселенцев (квазифедераты или *symmacharii*) (Зубарь, Козак, 1992, с. 130; Зубарь, 1994, с. 124–126). Позже автор, видимо, признал возможность проникновения участников упомянутых походов в Юго-Западную и Южную Таврику с севера в конце 60-х — начале 70-х гг. III в. н. э. Пришлое население осело здесь и вскоре «стало союзниками Империи» (Зубарь, 1998, с. 145–146, 150, Таб. 76).

Еще одна «миграционистская» схема приводится в диссертационной работе В. А. Сидоренко. Она основана на сопоставлении исторических, нумизматических, эпиграфических и археологических источников с информацией о боспоро-херсонесских отношениях, содержащихся в главе 53 сочинения императора Константина Багрянородного «Об управлении империей». По мнению диссертанта готы и герулы проникают на южное побережье и в юго-западный Крым летом-осенью 268 г. и, видимо, частично оседают здесь. После окончания правления победившего варваров боспорского правителя Тейрана (279 г.). Боспор выходит из под контроля Рима и начинает грабежи провинций Империи. По этой причине, начиная со времени правления императора Диоклетиана между Боспором и Херсонесом, выступившим на стороне Рима, происходит серия военных конфликтов, победы в которых одержали херсонесские войска. После первой войны (285/6 гг.) под властью победителей оказа-

лась большая часть побережья (от Символона до Феодосии), а после второго (318–319 гг.) и третьего (328/9 г.) столкновений за Боспором осталась лишь «сорокамильная зона». Одним из результатов последнего конфликта стало принудительное переселение части побежденного войска («людей из Боспора, у которых „была отнята земля“» — гото-сарматов северного побережья Меотиды) на новые земли херсонских владений, т.е. на Южный берег. Контингент переселенцев влился в родственную им среду уже находившихся здесь герулов, готов и сармат Приазовья. С этими людьми сюда и попали многочисленные римские монеты. Характерный обряд кремации доминирует на южнокрымских некрополях вследствие главенствования герулов в среде перемещенных варваров (Сидоренко, 1994–А, с. 12–14; Сидоренко, 1994Б, с. 66–68).

Иная схема, учитывающая в некоторой степени недостатки версии, оформившейся ранее, изложена пока только в тезисной форме в трудах В.Ю. Юрочкина и А.А. Труфанова. Она построена, главным образом, на анализе хорошо датированных крымских погребальных комплексов II–IV вв. н.э., а также на упоминавшихся выше сведениях из главы 53 сочинения императора Константина Багрянородного «Об управлении империей».

В результате изучения совстречаемости типов вещей в погребениях авторам удалось разбить процесс развития местной культуры в III–IV вв. н.э. на 6 фаз протяженностью 20–40 лет. При наложении на эту периодизацию данных археологических, эпиграфических и исторических источников получена следующая гипотетическая последовательность этно-политических событий в регионе.

Политическая гибель Крымской Скифии, как и в схеме В.М. Зубаря, связывается с завоеванием ее и последующим разделом между римской военной администрацией и Боспором и приурочивается к концу II в. н.э. Неаполь разгромлен боспорскими войсками в 218–219 гг. н.э. Сельские поселения Центрального Крыма при этом не пострадали. В эпоху «готских» походов среди инвентаря захоронений, совершенных на предгорных могильниках, появляются отдельные вещи западноевропейского и балканского происхождения. Это объясняется тем, что часть жителей Крымской Скифии могла принимать участие в «готских» войнах. После победы боспорского правителя Тейрана над «готами», в течение почти 25 лет терроризировавшими государство, Бос-

пор вновь контролирует прежнюю территорию. Во время правления императора Диоклетиана между Херсонесом и Боспором происходит военный конфликт, возникший из-за агрессии последнего против северо-восточных провинций Империи (Колхида, Понт). Для участия в походе боспорский правитель (Фофорс?) привлек варваров с северного берега Меотиды, в культуре которых сочетаются позднесарматские и германские черты. Херсонес выступил на стороне Рима, используя в качестве воинов жителей ближайших окрестностей города. Характерной чертой погребальной обрядности этого населения, по крайней мере с середины II в. н.э., был биритуализм. В результате победы Херсонеса в 293 г. н.э. боспорское войско вернулось на полуостров. По пути часть примеотийских варваров могла осесть на территории современной Абхазии и принять участие в формировании цебельдинской археологической культуры, возникшей во второй половине III в. н.э. и известной присущими ей трупосожжениями с ритуально согнутым оружием. После этого Империя возлагает на Херсонес охрану стратегически важных пунктов побережья. Здесь размещаются гарнизоны, сформированные из жителей Инкерманской долины — участников войны 291–293 гг. н.э. Они и оставили памятники типа «Ай-Тодор», сходные по обряду с некролями «Совхоз № 10» и Чернореченский. Новый этап херсонесо-боспорского противостояния начинается при Константине I. Херсонес побеждает в двух войнах подряд, в результате чего граница территориальных владений враждующих сторон отодвигается: в начале к местности Кафа (328 г. н.э.?), а затем до Узунларского вала (337–341 гг. н.э.). После последнего конфликта победители удерживают часть плененного войска (среди которого были и меотийские варвары) и расселяют этих людей на запустевших землях Крымской Скифии. Здесь распространяются памятники типа Озерное-Инкерман (Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 338–343; Юрочкин, 1999, с. 279–281).

Поскольку подробная аргументация этой схемы пока не опубликована, объективно оценить ее довольно сложно. Как представляется, для ее обоснования помимо прочего должны быть проведены детальный сравнительный анализ погребального обряда крымских некролей с захоронениями остатков трупосожжений и критика используемого нарративного источника. Не менее важны поиск и

исследование некрополей на северном берегу Азовского моря. Пока здесь изучены лишь поселения (?) второй половины III—IV вв. н. э. со значительным «германским» элементом в материальной культуре (Гудименко, 1994, с. 15–17). Погребальный обряд населения, оставившего эти памятники, не известен.

Таким образом, все приведенные версии и схемы, сейчас не могут быть окончательно опровергнуты или подтверждены по ряду причин, обусловленных, в основном, недостатком введенного в научный оборот фактического материала, что сказывается на качестве хронологических разработок и, соответственно, исторических реконструкций. Недавно, при подготовке к публикации результатов изучения некрополя «Совхоз № 10», появился «компаративный» вариант объяснения сложной обрядности этого памятника. По нему участники «готских» походов — смешанные носители «аланской» и черняховской культур — в III—IV вв. н. э. проникли со стороны Боспора на территорию юго-западного Крыма и поселились в округе Херсонеса. Здесь они восприняли обряд кремации от местного романизованного населения. Не исключается, также, возможность того, что эти люди и ранее, до проникновения в Крым, сжигали своих покойников (Высотская, 2001, с. 173–174). Воздерживаясь сейчас от критики отдельных положений этого мнения, следует заметить, что если принять во внимание такие факты, как наличие на некрополе «Совхоз № 10» могил с погребениями продуктов трупосожжений I—II вв. н. э. и несомненное сходство многих элементов обряда захоронения остатков кремации на некоторых крымских сельских некрополях середины III—IV вв. н. э. с таковым на северо-и восточноевропейских могильниках, то не покажется столь уж невероятным предположение о том, что появление на полуострове варварских некрополей с трупосожжениями могло быть обусловлено как проникновением в Крым германцев, так и «эллинизацией» или «романизацией» местного населения. Последнее относится, видимо, по большей части к могильникам Инкерманской долины и довольно близкому к ним по многим деталям обряда некрополю на мысе Ай-Тодор.

Прежде чем перейти к сопоставлению материалов Чатыр-Дагского некрополя с изложенными выше уже существующими взглядами на причины и условия его возникновения необходимо остановиться на некоторых особенностях памятника. Эти данные не на-

шли отражения в опубликованных работах, однако косвенно указывают на возможные пути проникновения в Горный Крым оставившего могильник населения.

В заполнении нескольких могил «ранней» (северной) части некрополя найдено 9 подвесок, изготовленных из истертых бронзовых боспорских монет I — первой трети III вв. н. э. Еще один такой предмет обнаружен на древней дневной поверхности памятника. Анализ географии находок кладов и отдельных экземпляров таких монет показывает, что до того, как выпасть из обращения, они использовались в основном на Боспоре, а на сопредельных территориях встречаются единично (Фролова, 1997, с. 171–175). Как уже указывалось выше, «выпали» они, скорее всего, не позднее середины III в. н. э. и уже в дальнейшем использовались вторично. Сам факт наличия пробитых монетных кружков в могилах свидетельствует, видимо, о том, что в среде пользовавшихся данным некрополем людей по наследству такие украшения, по крайней мере в некоторых случаях, не передавались. Исходя из приведенных соображений можно предполагать, что это население, незадолго перед тем, как осесть на склоне Чатыр-Дага, некоторое время находилось в зоне обращения медной боспорской монеты I — первой трети III вв. н. э., т. е., скорее всего, в пределах Боспорского государства. Это кажется еще более вероятным ввиду того, что ни одной херсонесской монеты на памятнике не обнаружено. В связи с этим показательно, что наличие в верхних слоях Тиры боспорских монет середины — второй половины III в. н. э. исследователи связывают с пребыванием на территории этого города варваров — участников «скифских» войн, прибывших сюда в 269–270 гг. со стороны Боспора (Сон, 1993, с. 54–55).

С учетом изложенных выше обстоятельств и в рамках предложенной хронологии можно сформулировать несколько предположений относительно причин возникновения Чатыр-Дагского некрополя.

Принимая раннюю (менее вероятную) датировку появления некрополя (вторая четверть — середина III в. н. э.), видимо, придется согласиться с теми исследователями, которые полагают, что Чатыр-Дагский могильник заложен участниками «готских» походов, осевшими в Горном Крыму сразу же (см. о возможной дате появления германцев на Боспоре (Хайретдинова, 1995, с. 523) после проникно-

вения их на полуостров. Не исключено, также, что некоторые их группы проникали в Крым, в частности, на Боспор, еще до «готских» походов (Храпунов, 2003; Васильев, 2005).

Более обоснованной представляется «поздняя» нижняя дата памятника — последняя четверть III — рубеж III–IV вв. н. э. Принимая ее, следует полагать, что некрополь возник после известных побед Тейрана 275–276 гг. (КБН, № 36), в период относительной стабильности (фаза 4 по периодизации А.А. Труфанова, В.Ю. Юрочкина — Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 245) на территории, скорее всего, на момент появления могильника или незадолго до этого подконтрольной проримски ориентированному (см. Кулаковский, 2002, с. 118–119; Айбабин, 1996, с. 299; Айбабин, 1999–А, с. 45, 48; Зубарь, 1998, с. 152–153; Зубарь, 2003, с. 146) боспорскому правителю. Вероятно, памятник оставлен небольшим контингентом военных поселенцев, сформированным из варваров, видимо, германского происхождения. Если присмотреться к лепной керамике некрополя, например, высокие лепные мисочки из погребений № 25, 28, 29, 43, 44, 46, 50, то, подобные им нетрудно обнаружить и в вельбаркской культуре и в других регионах Северной Европы, но мы не будем сейчас рассматривать эту тему, так как готовится специальная работа на этот счет.

Возможно, это были бывшие участники «готских» походов, после их окончания оказавшиеся на Боспоре и поступившие на службу Империи, а затем перемещенные на Чатыр-Даг.

Конкретное содержание событий, повлекших за собой появление в Алуштинской долине населения, кремировавшего умерших, сейчас восстановить сложно, так как большинство известных здесь и на Южном берегу Крыма в целом памятников позднеимперского времени не изучено. Возможно, варвары осели на склоне Чатыр-Дага еще до предполагаемых боспоро-херсонесских конфликтов, описанных Константином Багрянородным и «на месте» подчинялись тогда еще проримскому Боспору. Не исключено, также, что их появление обусловлено ходом и результатами указанных столкновений. Однако хронология этих событий в работах авторов, допускающих вероятность того, что они происходили, весьма дискуссионна (см. Юрочкин, 1999А, с. 279–281; Болгов, 2002, с. 9–15).

Тем не менее, не исключено, что в руках Константина Багрянородного в 948–952 гг., ког-

да он писал свой трактат «Об управлении империей» действительно были некие «Херсонесские хроники», повествующие, в частности, о событиях интересующего нас рубежа III–IV вв. (Константин Багрянородный, 1989, с. 247–259). Рискнем напомнить описанный им эпизод.

При правлении Диоклетиана (284–305 гг.) «некий Савромат из боспориан, сын Крискорона, собрав савроматов, населявших берега Меотиды, выступил против ромеев... дошел до реки Галлис», то есть вторгся в пределы Малой Азии. Судя же по нумизматическим данным, царем Боспора в это время был некий Фофорс, Савромат же был, возможно, его соправителем (Болгов, 1996, с. 36). Как на самом деле обстояло дело нам неизвестно.

Противодействовать «савроматам» был направлен «трибун Констант». Комментаторы единодушно полагают, что имеется в виду Констанций Хлор, отец будущего императора Константина Великого. В таком случае события, если они действительно имели место, происходили до 293 года, когда Констанций, став цезарем Запада, уже не мог вмешиваться в дела Востока. Диоклециан и Констант, по тексту Константина Багрянородного, обращаются к херсонеситам с предложением ударить Савромата в тыл, выступить в поход, разорить страну боспориан и савроматов, пленить их семьи.

Херсонеситы успешно осуществляют это, причем их войска располагают установленными на повозках хировалистами и баллистами, которые Вегеций называл карробалистами, своего рода легкой полевой артиллерией (Вегеций, Краткое изложение военного дела, кн. 1, 25, 1996). Именно с помощью оставленных в засаде хировалистр херсонеситы добились полной победы, заняли столицу Боспорского царства и захватили в заложники членов семьи Савромата. В результате длительных переговоров тот вынужден отступить из Малой Азии, выплатить выкуп за родственников и оплатить расходы херсонеситов по осуществлению операции.

В Крыму изменилась, по нашему мнению, политическая ситуация. Теперь уже не Боспор, а непосредственно Римская империя платила деньги обитателям Чатыр-Дага, занимавшим важную стратегическую позицию. Отсюда обилие монет тетрархов на могильнике.

Очень похоже на то, что в дополнение к некоторым выходцам с севера Европы, проникшим сюда через Боспор или другим путем (вельбаркские формы лепной керамики),

добавилась новая группировка воинов-профессионалов, хоронивших своих представителей в каменных ящиках.

Как на Чатыр-Даге, так и на могильнике Ай-Тодор, в этих захоронениях есть один весьма специфический элемент. В могилы помещается и оружие, и «сельскохозяйственный инвентарь»: серпы, топоры, мотыги. Такого не наблюдается нигде: ни в ближайшей округе, ни на Кавказе, ни в Центральной Европе.

Как показал в ряде работ М. Казанский (Kazanski, 1991, p. 496, Kazanski. 2002) подобное сочетание — каменный ящик, урна с сожженным прахом, оружие и сельскохозяйственные орудия — наблюдаются в Европе только в одном месте, на берегах фьордов южной Норвегии. М. Казанский перечисляет целый ряд памятников — Снипсад, Уаре Стабу, Гиле, Конгсенген, Снортхайм, Валле, Фьельберг и другие (Kazanski, 1991, p. 496). Не исключено, что сравнительно небольшая группа выходцев из Норвегии проделала длинный путь до Крыма, чтобы послужить тетрархам. Ничего удивительного для данной эпохи в этом бы не было.

Возможно, греки и херсонеситы воспринимали их как готов, но это были другие германцы, не те, которые некогда в I веке н. э. переплыли Балтику и поселились в польском Поморье, а затем двинулись в земли Скифии, далее в Причерноморье, отсюда организовывали морские набеги на Империю. Эти германцы были носителями вельбаркской и ранней черняховской культур, для которых совсем не характерно помещение оружия в могилу.

Судя по находкам на Чатыр-Даге эмалевой перекладчатой фибулы (Таб. 19А, 1) и остатков налобных венчиков-вайнаг (Таб. 17, 1), а также треугольных ажурных эмалевых фибул в погребении 3 некрополя Херсонеса (Зубарь, 1982), тоже в каменном ящике с урнами, и некоторых других вещей, можно предположить, что путь ряда германских группировок из Скандинавии пролегал через Прибалтику и лесную зону Восточной Европы, обходя ареал вельбаркской культуры (Shchukin, 2000).

Мишель Казанский предположил, что германцы, поселившиеся на склонах Чатыр-Дага, назвались евдосами или евдусианами. Дело в том, что группировка под таким названием зафиксирована Тацитом в конце I века н. э., как жители Скандинавии (Тас., Germ., 40), а перипл Псевдо-Арриана VI века знает неких евдосиев на Кавказском побережье Черного моря. М. Казанский думает, что они могли попасть

туда вместе с готами-тетракситами. Чатыр-Даг мог бы быть промежуточным пунктом.

На деле все не так просто. Во-первых, местоположение евдосов Тацита не очень четкое: они живут где-то недалеко от кимвров, обитателей Кимврского полуострова — нынешней Ютландии, где-то к северу от лангобардов нижнего Поэльбья, и упомянуты в первом ряду с другими племенами — ревидгинами, авионами, англиями, варианами, свардонами и нуитонами. Как располагались эти племена по отношению друг к другу из описания «Германии» не совсем ясно. Известно лишь, что они защищены реками и лесами, живут на острове среди Океана, и сами по себе ничем не привлекательны» (Тас., Germ., 40).

О возможных причинах исчезновения в среде населения Таврики практики кремации существует несколько мнений. Некоторые исследователи считают, что это произошло в V в. н. э. «безусловно, под воздействием христианства» (Пиоро, 1990, с. 109; Пиоро, 1999, с. 77; Айбабин, 1987, с. 194; Амброз, 1994, с. 39) или в результате ассимиляции «готов» «аланами» (Айбабин, 1987, с. 194; Ушаков, 2001, с. 11). Чатыр-Дагский некрополь заброшен, видимо, где-то в конце первой трети — середине IV в. н.э, т.е., вероятно, несколько ранее Ай-Тодорского и могильников Инкерманской долины. Скорее всего, это произошло в связи с уходом использовавшего кладбище населения. Какими политическими или иными предпосылками обусловлено это событие в настоящий момент однозначно определить трудно. Возможно, новая миграция группы воинственных варваров связана с перемещением боспоро-херсонесской границы на восток, к Узунларскому валу и укреплению Киммерик (см. Голенко, 1999, с. 47).

Следует отметить, что как раз к моменту исчезновения или постепенного затухания активности использования Чатыр-Дагского некрополя во второй половине IV века на противоположной стороне Алуштинской долины, как раз напротив Чатыр-Дага закладывается известный некрополь у села Лучистое, где многолетние исследования ведет А. И. Айбабин. (Айбабин, 1994/1995; Айбабин, Хайретдинова, 1998; Хайретдинова, 1997 и т. д.). И обряд погребения — склепы с труположениями, и материальная культура захороненных здесь людей иная, чем на Чатыр-Даге. Мы не будем сейчас вникать в проблему, кем они были —

аланами, готами, гото-аланами или кем-то еще. Встречались ли они друг с другом и как складывались отношения, не совсем ясно. Возможно, оба некрополя некоторое время существовали параллельно. Малая вероятность того, что Чатыр-дагский некрополь продолжал функционировать и в V веке, не позволяет предположить, сколь бы это не было соблазнительно, что обитатели Чатыр-Дага, горы Трапезус, принимали участие в событиях середины V века, описанных Прокопием Кесарийским и связанных с переселением гуннов-утигуров и готов-тетракситов на кавказский берег. (Procop. Bell. Got., VIII, 5).

Хотя и в V веке кто-то еще посещал старое кладбище и совершал жертвоприношения на сакральной площадке — находка фибулы типа Пильвины (Табл. 14А, 5).

О предполагаемой этнической принадлежности населения, оставившего сельские некрополи с погребениями остатков трупосожжений в Юго-Западном Крыму выше уже упоминалось. Пытаясь определить ее, исследователи комбинируют два подхода — изучение археологического материала и обращение к письменным источникам. На первом этапе анализу, как правило, подвергается такой важный элемент этнической культуры как погребальный обряд. Применительно к Чатыр-Дагскому некрополю, при современном состоянии источников, видимо, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что многие прослеженные здесь особенности обращения с останками умерших находят соответствия в погребальных обычаях носителей восточноевропейских культур полей погребений, в числе которых было немало германцев (Мыц, 1987, с. 160; Пиоро, 1990, с. 98–99; Пиоро, 1999, с. 76; Айбабин, 1996, с. 295; Айбабин, 1999А, с. 24–26; Айбабин, 1999Б, с. 244–245), однако точные аналогии крымским памятникам среди восточно-или центральноевропейских древностей пока не известны (Казанский, 1997, с. 51). Кроме того, по мнению некоторых специалистов, археологическая структура «кремаций» чаще всего индифферентна к этнокультурным особенностям (Петраускас, 2002, с. 41–42).

Исследуя состав погребального инвентаря можно заметить, что среди вещей, представляющих мужскую субкультуру (в основном, оружие), имеется значительное количество предметов, изготовленных в центральноевропейских технологических традициях (Вознесенская, Левада, 1999, с. 262), а отдельные артефак-

ты, пока уникальные для Крыма (наконечник копья из могилы № 2), находят аналогии в балтских древностях. Вряд ли набор предметов вооружения сам по себе обладает значительной этнической спецификой, так как подобные изделия могут быстро распространяться на обширных территориях в результате частых военных столкновений между отдельными племенами. Однако, как уже упоминалось, характерное именно для Чатыр-Дагского некрополя сочетание в богатых урновых воинских захоронениях в «каменных ящиках» оружия с серпами (могилы №№ 2, 3, 55, а также вещи из разрушенного погребения на северной части могильника) находит соответствие в погребальной обрядности, прослеженной на могильниках римского времени Южной и Средней Норвегии (Казанский, 1997, с. 51).

Женская субкультура в материалах памятника представлена, в основном, украшениями. Эти предметы, видимо, являются деталями этнографического костюма погребенных — одной из ярких черт этнической культуры. В большинстве своем они находят многочисленные аналогии на обширной территории Северного Причерноморья среди сарматских древностей, а также в инвентаре местных, крымских некрополей, обнаруженном в скифо-сарматских и сармато-аланских захоронениях конца II — второй трети III вв. н. э. и середины III — второй половины IV в. н. э. В то же время несколько изделий (бронзовая «перекладчатая» фибула из могилы № 15 и железная фибула с перевитой дужкой типа «Пильвине»), уникальных пока для раннесредневековой Таврики, и характерны для балто-славянских древностей.

Комбинация перечисленных выше этнически специфических признаков в пределах некрополя позволяет предполагать, что среди мужской части оставивших памятник людей, возможно, были германцы-мигранты из Северной Европы. Среди женщин, видимо, преобладали представительницы местного населения или иных народов, обитавших в III–IV вв. н. э. в Северном Причерноморье (см. Вознесенская, Левада, 1999, с. 263). Вероятно, влившись в пришлый коллектив, они в той или иной мере восприняли соответствующую идеологию, а вместе с ней и комплекс погребальных обычаев. Сходная ситуация прослежена при изучении трупоположений некрополя Косаново. Анализ антропологического материала, полученного при исследовании этого памятника показал, что женские черепа серии принадле-

жат к «сарматскому» типу, а мужские — к северо-европейскому (Великанова, 1975, с. 74–86).

При анализе письменных источников большинство исследователей, основываясь на результатах изучения погребального обряда крымских могильников с трупосожжениями, исходило из того, что оставившие эти некрополи люди были участниками «готских» походов. Часто авторы соответствующих работ, вслед за древними писателями и историками, называют их «готами» (Айбабин, 1987, с. 193; Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215; Ушаков, 2001, с. 10 и др.). В большинстве случаев, вероятно, имеются в виду просто члены «союза племен» вне зависимости от их этноса (Пиоро, 1999, с. 76). Греко-римская нарративная традиция сохранила наименования нескольких народов, перманентно или постоянно входивших в состав этого надплеменного образования и, возможно, находившихся некоторое время на северном побережье Меотиды и в пределах Боспорского государства. В их числе помимо готов упоминаются бораны, герулы, буругунды. Этнос перечисленных варваров специалисты, основываясь на различных косвенных исторических данных, определяют по-разному: германцы, иранцы (или скифо-сармато-аланы), славяне (Хайретдинова, 1995, с. 517–523). Применяя эти сведения для выяснения этнической принадлежности горнокрымских некрополей некоторые сторонники версии о германском происхождении боранов, готов и герулов связывают появление на полуострове трупосожжений с первым проникновением варваров на Боспор и, соответственно, опираясь на сообщения позднеантичных и средневековых авторов об участниках вторжений 50-х годов III в. н. э. считают, что могильники с кремациями оставлены боранами и готами (Айбабин, 1996, с. 297; Айбабин, 1999–А, с. 33; Айбабин, 1999–Б, с. 245). В качестве дополнительного аргумента в пользу этого предположения привлекаются строки из трактата византийского историка VI в. н. э. Прокопия Кессарийского «Война с готами», где при описании событий середины V в. н. э. сообщается о готах-тетракситах или готах-трапезитах. Анализировавший эти данные А. А. Васильев счел возможным связать прозвище «трапезиты» с грекоязычным оронимом находящейся близ современной Алушты горы (Чатыр-Даг), отождествляемой с упомянутой еще Страбоном горой Трапезус (Strabo, VII, 4, 3; Vasiliev, 1936, p. 64–69). Таким обра-

зом, не исключено, что Прокопий знал о тех «готах», которые хоронили на Чатыр-Дагском некрополе (Айбабин, 1990, с. 67; Айбабин, 1999–Б, с. 245–246). В связи с этим материалы памятника используются иногда для иллюстрации и конкретизации содержания событий, описанных у Прокопия, независимо от других источников (Мыц, 1994, с. 44–45). По этому поводу следует отметить, что отождествление г. Чатыр-Даг с г. Трапезус Страбона традиционно, но пока бездоказательно, поэтому оценить корректность допущения А. А. Васильева, а также применимость его к интерпретации Чатыр-Дагского некрополя сложно. Исследователи, связывающие возникновение могильников с кремациями с походом варваров 268 г. указывают на герулов, как на возможных носителей необычного для полуострова погребального обряда (Сидоренко, 1994Б, с. 67–68). К сходному выводу пришел М. М. Казанский. Принимая во внимание наличие в погребальной обрядности, прослеженной на памятниках типа «Ай-Тодор», северо-европейских черт он приписывает эти могильники варварам, соответствующее (в частности, скандинавское) происхождение которых предполагается по тем же письменным источникам — евдусианам или герулам. При этом автором указывается на присутствие в составе их коллективов элемента негерманского происхождения (Казанский, 1997, с. 51). С этой версией перекликается также мнение некоторых лингвистов о связи языка герулов с «крымско-готским» (Топоров, 1983, с. 240–241).

В случае принятия «ранней» датировки возникновения Чатыр-Дагского некрополя, логические построения, приведшие к формированию «борано-готского» варианта этнической атрибуции памятника, видимо, имеют определенный смысл, хотя и нуждаются во всесторонней проверке. В то же время предложенная А. А. Васильевым «топографическая» трактовка прозвища «готов» Прокопия, как и принадлежность их к германским народам далеко не бесспорны (Сидоренко, 1991, с. 110–111, 113). Имеет право на существование и «герульская» версия В. А. Сидоренко. Если же признать верной «позднюю» (более вероятную) нижнюю дату могильника, следует констатировать, что приведенные выше построения «не работают». Тогда наиболее корректным представляется предположение М. М. Казанского о северогерманских выходах, находящее определенное подтверждение в археологическом материале.

ABSTRACT

CHATYR-DAG: A NEKROPOLIS OF ROMAN PERIOD IN THE CRIMEA BY V. L. MYTS, A. V. LYSENKO, M. B. SHCHUKIN, O. V. SHAROV.

This book is a publication of one of the most interesting and intriguing burial-grounds in the Crimea with cremation burials in stone cists, which are quite unusual for the Crimea. Similar graves are known here only in two places.

The burial-ground in question is situated on the southeastern slope of the mount Chatyr-Dag in 8 km from the health resort city Alushta and 557 m over the sea level. The excavations were carried out with long interruptions from 1980 until 2002 by the Crimean Branch (head Victor Myts) of the Ukrainian Institute of Archaeology and the Slavic-Sarmations Expedition (leader Mark Shchukin) of the State Hermitage Museum of St.-Petersburg also joined in 1994 the investigation. The excavations were partially funded by a grant of INTAS within wider projects.

The book consists of two parts. The first one (**Chapter 1**) contains a detailed description of all 55 graves discovered there and also 11 objects which we call “waking pits”. They contained some traces of fire, sometimes burnt items, but there were no human bones. This part also includes 63 plates representing plans and cross-sections of every grave as well as funeral Roods in them. grave in this abstract we will only refer to the most outstanding ones.

The second part (**Chapters 2–4**) of the book is analytical. Burial rites and objects found in graves are discussed here. There are amphorae, red-slip vessels, hand-made ceramics, weapons, implements, buckles, fibulae and other ornaments, beads and so on. A special part is de-

voted to the controversial problem of chronology. In the Conclusion we give an account of various attempts to interpret the cemetery Chatyr-Dag that already appeared in the literature. Then we compare Chatyr-Dag with the necropolis Harax near Yalta, where cremation graves in stone boxes containing combination of weapons and agricultural tools are also present. (Блаватский, 1951; Орлов, 1987).

Finally we attempted to put Chatyr-Dag into the historical context of relations between the Bosphorian Kingdom, Rome, Chersoneses, the Goths and other people.

One has to say few words about the layout of the cemetery in question. If one looks at a standard map of the site (Plate 1), one can notice that the graves are not distributed equally, but form two areas, “bushes”,—the southern and the northern ones. A distance between them is around 80 m.

The first excavations were carried out by Victor Myts in 1980–1982 after the destruction of several stone-boxes on the southern spot by contemporary construction workers. Eleven graves were discovered there and the most interesting was *grave number 1*. (*Plates 3, 4*). An amphora has been placed into a sandstone cist. Fifteen bronze coins have been scattered inside the cist. These were the coins of Roman Emperors of the Tetrarchy: Diocletian (284–305), Constantius Chlorus (305–306), Maximinus Daia (308–313) and Licinius (307–323).

Graves 2 and 3 (*Plates 5, 6, 7*) were destroyed during the construction works, but funeral goods

were preserved. Both graves were also stone-boxes with amphorae-urns and sets of weapons and implements. In grave 2 there were discovered a bent sword, a spearhead, a javelin-head and also a sickle. **Grave 3** consisted of a shield boss, a shield handle, a spearhead, a sickle and an axemattoc or axe-adze. Such multifunctional implements were widely used by the legionaries of the Roman army when marching camps were erected.

Graves of the northern “spot” situated on a glade occupied the top and the eastern slope of a small stony hill (**Plate 1: Plate 13**). The construction works conducted at the foot of the hill in 1988 destroyed several graves with stone constructions. The rescue excavation was done by Victor Myts and 11 more graves were investigated.

In 1994, the investigations began at the northern spot on the slope and the top of the hill with a wider area of excavations. Totally 43 burials and 11 “waking pits” were discovered. On the slope of the hill, mainly pit-cremation graves were found (**Plate 13**) and one more sandstone box, **grave 55 (Plates 51, 52, 53)**, that hadn’t been disturbed by modern builders.

A large amphora containing cremated human bones, several hand and wheel-made vessels, various bronze and iron objects were found in the cist. Among them was a bronze coin by emperor Diocletian minted in 284–287 AD. A spearhead and a sickle have been placed behind the stone slabs.

As for the “waking pits”, they were concentrated mainly on the top of the hill (**Plate 13**). The most interesting among them is the **pit number 8 (Plate 57A)**, where a piece of wooden square bar was found. It seems likely that a large square pole had been put into the pit, perhaps an idol or a totem,

Several **separate items** were found on the ground on the top the hill (**Plates 14A; 15B**). These were a spear-head, three knives, a pair of awls, a pendant made from a rubbed bronze Bosphorian coin, fragments of iron rings, several rivets perhaps for shield bosses or other objects, an iron axe thrust into the ground.

It is not impossible that the top-ground had been used as a place for sacrifice, wakes or some similar ritual.

An iron **fibula of the so-called Pilviny type** dated from 5–6 centuries (Гавритухин 1989) was also found at this place (**Plate 14A**). It is the latest item found on the necropolis. In this time

the funerals apparently were done on the slope of the hill. Among them apart from the aforementioned grave number 55 the following ones are the most interesting.

Grave 12 (Plate 15A). The burial was destroyed by construction works, but the workers passed to the Alushta Regional Museum two objects: a dagger or a short sword (the blade is 51,2 cm long) and a bayonet-like lance-head.

The dagger has two cuts on the upper part of the blade near handle. The arms of such kind are usually called in Russian archaeological literature the “daggers of Maeothian type”, because they are often found at the Northern Caucasus and the Lower Don basin, although as a matter of fact they spread over a vaster area up to the Danube, where they are called “Micia type” (Хазанов 1971, с. 72–78; Harchoiu 1988; Sulpault 1996).

There is some disagreement concerning the function of such weapon and the intention of the cuts on the upper part of the blade. The first version: the daggers were rather often found in graves together with long swords. A question arises, whether daggers were weapons for the left hand during the fencing. Such method is well known from old handbooks of fencing. (Šćukin 1993, p. 327).

The second version: the cuts were made in order to tie the dagger to a staff transforming it into a lance (Схатум 2004) or, to be more precise, into a kind of halberd.

As a matter of fact these debates are superfluous, the weapon might have had double function. The daggers of the “Maeothian type” first appeared at the turn of the 3-rd — 4-th centuries and existed until the 6-th century, mainly during the late 4-th — early 5-th centuries (Souppault 1996).

As for the bayonet-like armour-piercing spearhead (**Plate 15A, 2**) similar items are not found very often but some finds are known along the Rhein-Danubian Roman limes (Waurick 1994, S. 15). One piece originates from the famous bog-site Illerup in Denmark (Ilkjaer 1990. S. 53–59, 79–85, Abb. 197), which is dated from the period of the Marcomannic Wars of 166–180 or a little bit later. Similar piercers are also known in Abkhazia at the Caucasus, where they date back to the second part of the 4-th–5-th centuries (Воронов, Шенкао 1982, рис. 2, 25, 26, с. 124, 126).

One could assume that bayonet-like points were used as protective heads for ballistae, which

were used by the Roman army; every legion had 52 ballistae in its disposition (Vegetius I, 25). According to the information by Constantine Porphyrogenius a special detachment of ballistae mounted on vehicles was stationed in Chersonesus in the Crimea (Const Porph. 53) exactly in the period of Diocletian and Constantine the Great.

The burial rite of *the grave 13 (Plate 16)* is quite unusual. A comparatively small stone box (0.5×0.3×0.2 m) was placed in a rather deep pit. Inside of the stone-box there were put cremated bones as well as fragments of bronze bracelets, rings, bead of lead and so on.

The grave 14 (Plates 17, 18) is similar in construction. Stone box of the size of 60×34×34 cm was placed into the pit of the size of 70×40×80 cm. The northern slab of the box was larger than other ones and towered over the box over 12 cm. It was noticeable from the ground even nowadays. Apparently it marked the place of the burial. The stone-box was filled with products of burning including human bones and various small objects. There were fragments of bronze bracelets, a torque, finger-rings, pendants, numerous beads including the ones made of blue Egyptian faience. Except that, there were also found two bronze and one iron buckles as well as 6 small bronze bells and 6 small bronze rectangular decorated plates with two borders bent for fastening.

The purpose of the plates is unclear, they could decorate different objects. However, in the inhumation graves of the burial-grounds Bitak and Nejsats in the Crimea similar items were discovered in situ on the foreheads of female skeletons. Those graves were dated from the turn of the 2-nd—3-rd centuries. (Храпунов 1998, рис. 1:1, 12). Apparently the plates once decorated either a headdress or kind of diadem or forehead wreaths.

The plates and small bells of the tomb 14 in Chatyr-Dag were used perhaps for same purpose.

It can be noticed that such decorations were rather rare in the Crimea and Northern Black Sea coast during the Roman Period, however a custom to wear forehead wreaths, the so-called “vainagi”, was very popular among the women of Eastern Balticum (Vaskevicyte, 1992, p. 128–132) — Latvia, Lithuania, Estonia. Ornamentation of the plates resembles the plaques from a burial-ground in the Kama river basin (Васюткин 1980 Табл. 3, 1-30).

It seems that these finds demonstrate certain contacts with population of the forest zone of

the Eastern Europe — the Balts, Proto-Slavs and Finno-Ugrians.

The same direction of contacts could be shown by a find from *the grave 15 (Plate 19A)*. Unfortunately the tomb was destroyed during the building works although the remains of the burial were found as a spot of dark earth, which included burnt bones, charcoal, fragments of sandstone slabs and several objects. Among them the most important is a fragment of a bronze large fibula of the so-called “cross-stepped” or “cross-pieces” type.

Such objects until that moment were not known in the Crimea and the Northern Black Sea coast, but the brooches of that kind in various variants are rather typical for the archaeological sites of Latvia, Lithuania, Sambian peninsula and Mazuria (Lietuvos, 1978, p. 36–38, pav. 25, 3; Michelbertas, 1986, pav. 37: 2–4, p. 368; Moora, 1938, Abb. 18–19. S. 81–100). Probably they were a local derivation of fibulae Almgren 94–98 widespread over the territories of the Central Europe during the stages B2/C1 and C1a of the Roman Period, that is the second part of the 2-nd and early 3-rd centuries (Almgren, 1923, Taf. IV–V; Godliowski, 1970). The local variants appeared perhaps a little bit later.

Sometimes the large “cross-pieces” fibulae are decorated with red enamel in the champleve technique. The brooch from the grave 15 in Chatyr-Dag obviously belongs to the same type.

The objects decorated by red champleve enamel (fibulae, pendants, links of chains and so on) are typical feature of various archaeological cultures of the Eastern Europe between the Baltic and Black Seas littorals, the Vistula and the Volga. They were catalogued by G.F. Korzukhina in 1978 (Корзухина, 1978) and dated from 5-th—6-th centuries. However E.L. Gorokhovskij argued then that most of the ornaments dated from the late 2-nd—4-th centuries (Гороховский, 1982).

Among the finds of the enamelled objects G.F. Korzukhina noticed 17 “cross-pieces” fibulae. Their finds concentrate on the right bank of the Middle Dnieper and several ones are also marked as coming from the basin of the rivers Desna, Don and Volga (*Fig. 11A*).

According to the latest research most of them dated from the turn of the 3-rd—4-th centuries (Гороховский, 1982; Гороховский, Кубышев, Терпиловский 1899; Щукин, 2000). Judging by the size and the configuration, the fragment of the fibula found in Chatyr-Dag is closest to examples from Nizhnij Bishkin (Гороховский, Кубышев,

Терпиловский 1999, с 146, рис. 3,7) and Khmelna in the Middle Dnieper basin, the one found during the excavation of the earthwork Duna near the town of Tula not far from Moscow and the fibula from Dworaki Pikuty in Eastern Poland (Корзухина, 1978, с. 23, 55, 58, 59).

Grave 21 (Plates 24–25) is rather peculiar. It is two-storied. A funeral pit (1,05×0,85×0,63 m) was faced and covered with sandstone slabs. The slabs of the western wall of the stone-box were higher than the others and towered over the surface, thus marking the place of the grave. Inside of the stone-box there were placed the remains from the cremation. On the bottom of the pit there was a hollow of the size of 0,45×0,60×0,30 covered with sandstone slabs. A corpse of a baby almost completely decayed was discovered here. A red-slip jug (Plate 25, 1) and various objects were placed near the baby. There were 5 bronze bracelets, bronze finger-ring, bronze torque with a large black bead string on it, beads of glass and some other items (Plate 25). Three silver coins were also found – Trebonian Gallus (251–253 AD), Gallienus (253–268 AD) and a coin by a Bosphorian king Rescuporis IV printed in 266 AD.

A gold oval medallion was found in the upper part of the tomb. A bronze oval base-plate was covered by a gold leaf with stamped ornamentation and a large cornelian was inlaid in the centre of the medallion. (Plate 25, 7; Plate 14B).

It looks like the medallion was used for the second time. Originally, it was probably a central part of a wide gilded bracelet of hinge construction. Specimens of such jewellery are rather well known among the antiquities of the Crimea. For example such bracelets were discovered on the cemeteries Chernaja Rechka (Бабенчиков, 1963 с. 99, Таб. XIII, 1) and Дружное (Храпунов, 1994 с. 524, 531, 534, 535. рис. 5: 4, 5; Храпунов, 1999 с. 152, рис. 4: 7). They were found together with coins by Gordian III (238–244 AD), Philipp the Arab (247–249 AD), Trajan Decius (249–251 AD). Similar ornaments existed also in later time, in the burials of the middle of the 3-rd and first half of the 4-th centuries (Гущина, 1974, с. 42, 51, рис III, 14; Спицын, 1905, с. 123, рис. 28; Зайцев, 1997, с. 108, рис. 58: 5). Most of the scholars believe that the bracelets of this sort were mainly in vogue during the middle of the 3-rd and the first half of the 4-th centuries (Амброз, 1994, с. 77, рис. 2: 7; Труфанов, Юрочкин, 1999, с. 244–245, рис. 1: 25, 32).

As for the *others burials of the necropolis* they are mainly pit-cremations. The corpses were

burnt anywhere outside, the burnt bones and the remains of the funeral fire were put into the pits of various depth and form. Sometime the pits were covered with stones. Various goods were placed into the pits such as ceramics, ornaments and so on. The form and the configuration of the pits very often depended on the uneven surface of the rock that formed the base of the hill (Fig. 1, 2).

As for the **chronology of the cemetery**, the dating of every type of the objects and every grave is discussed in the corresponding part of the book. Apart from this, all data are shown on the fig. 18, 19, where the chronological position of every type of objects and their assemblages in graves are shown according to the method of “short dating” and “rhombus approach” (Щукин, 1978; Shchukin, Sharov, 1999; Щукин, 2004). We came to the following conclusions.

There is a certain small probability that the earliest graves were made already in the first part of the 3-rd century; however, it is more likely that they were done in the middle of the 3-rd century. It is exactly the cemetery that was used during the later 3-rd – early 4-th centuries during the Tetrarchy from Diocletian to Licinius. At any rate it was a period approximately between 280 and 320 AD when the majority of the people buried in the necropolis were particularly active in their life. The period of the middle of the 4-th century also should not be excluded, although it is less probable. Most of the graves in the stone cists perhaps were done at the same times.

The likelihood of functioning of the cemetery in the late 4-th and in the 5-th centuries is minimal.

The fibula of the type Pilviny (Plate 14A, 5) found separately on the upper sacral ground of the hill could be explained by two reasons. Either it is an accidental find or somebody still visited the already neglected cemetery.

Conclusion. Some scholars suppose that the cremation burial rite appeared on the peninsula in connection with the penetration in the middle of the 3-rd century of the Germans and other northern tribes, the participants of the so-called “Scythian” or “Gothic” Wars, when the bands of the invaders tormented the Balkan and Asia Minor provinces of the Roman Empire. As a matter of fact there is no direct evidence in the written sources for the presence of the Germans on the southern coast of the Crimea during the period in question, although according

to some indirect evidence of archaeology one could suppose that.

At any rate some form of hand-made ceramics from Chatyr-Dag resembles pottery of Northern Europe (*Fig. 5*)

The most intriguing fact is that one could see on Chatyr-Dag a combination of the following features: cremation in stone cists, bent weapons and agricultural implements placed into the graves together. This phenomenon is known in the Crimea only in one place. It is the burial ground Harax near Yalta (Блаватский, 1951; Орлов, 1987). There is nothing similar on the surrounding territories neither in the Ukraine nor in the Northern Caucasus, neither in Central nor in Eastern Europe. Never.

As Michel Kazanski has once noticed, there is only one rather remote place in Europe, where one could see similar combination of these features. It is Southern Norway. He listed a series of sites: Snipstad, Øvre Stabu, Gile, Burel, Evang, Haakenstad, Valle, Sunkenstad, Ringm, Krabe, Konsengen, Egge, Brntehangen-Einung, Fjellberg, Snortheim, Ula, Vahaugen, Medladen and so on (Kazanski, 1991, p. 496).

One could suppose that this is a coincidence, nothing more. However, on the other hand during the period of the great migrations from the Marcomanning and until the Gothic Wars, all long distance movement of the groups of populations who disturbed the borders of the Roman Empire were possible and real.

As it was noticed (Shchukin, 2000), the contacts between the Baltic and Black Seas littorals occurred by three ways. The first and the main

one was the way along the Vistula, the Western and the Southern Bug rivers as well as along the Dniester. This way marked the movement of the population of the Wielbark culture to the South-eastern direction. It was rather remarkable massive migration (Kucharenko, 1967; Кухаренко, 1980; Szczukin, 1981; Wołagiewicz, 1993 and so on).

However, there also existed other ways. The second western one was a way along the Vistula to the Tisza and then to the Lower Danube region. The third eastern one came by the Eastern Europe along the Neman or the Western Dvina to the Upper Dnieper or the Desna rivers and further to the South. The existence of all the three ways is supported by the distribution of the archaeological finds. (Shchukin, 2000).

Because of a rather dense population of the regions on both western and eastern routes, only certain comparatively small groups of traders and travellers could penetrated by these two ways. Since the "cross-pieces" fibula was found in the grave 15 and the objects of such kind are typical solely for Eastern Europe, one could suppose that the small group of travellers going from Scandinavia reached the Crimea by the eastern route.

It is likely that the emperors of the Tetrarchy used the newcomers as mercenaries to control an important mountain road along the southern coast of the Crimea from Chersoneses to Theodosia. Both Chatyr-Dag and Harax lay exactly on this road.

Of course, all these speculations are nothing more than a hypothesis.

*Writed by Mark Shchukin
Corrected by Anastasya Lukina*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П.* Подкумский могильник.— М.: Наука, 1987. 179 с.
- Абрамова М. П.* Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н. э. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 209–229.
- Айбабин А. И.* Проблемы хронологии могильников Крыма позднееримского периода. // СА. 1984. № 1. С. 104–121.
- Айбабин А. И.* Этническая принадлежность могильников Крыма IV — первой половины VII вв. н. э. // МЭИК.— К.: Наукова думка, 1987. С. 164–199.
- Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднееримского и раннесредневекового времени. // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 4–86.
- Айбабин А. И.* Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 290–303.
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма.— Симферополь: Дар, 1999—А. 350 с.
- Айбабин А. И.* О дате вторжения германцев в Крым. // Сто лет черняховской культуре.— К., 1999—Б. С. 242–246.
- Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма. // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 211–222.
- Айбабин А. И., Хайретдинова Э. А.* Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.
- Аксенов В. С., Бабенко Л. И.* Случайная находка у с. Мохнач. // Древности. 1997–1998.— Харьков: «Бизнес-Информ», 1999, с. 216–217.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. // САИ. 1975. Вып. Г1–12.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. // САИ. 1978. Вып. Г1–12.
- Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. // САИ. 1982. Вып. Г1–12.
- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. 1997. М.
- Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР II–IV вв. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30.
- Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА, 1971, № 2; № 3;
- Амброз А. К.* Юго-Западный Крым. Могильники IV–VII вв. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 31–88.
- Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.
- Арсеньева Т. М.* Могильник у деревни Ново-Отрадное. // МИА, 1970. № 155, с. 82–149.
- Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса.— М.: Наука, 1977. 152 с.
- Арсеньева Т. М.* Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 1985. №182. С.77–84.
- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Усадьбы Танаиса. М., 1992.

- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В. Некрополь Танаиса (раскопки 1981-1995 гг.). М., 2001.
- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ.—2001.— Вып. 118.—С. 175–186.
- Бабенчиков В. П. Черноріченський могильник. // АП УРСР. 1963. № 13. С. 90–123.
- Бажан И. А., Щукин М. Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля cloisonné (эпохи Великого переселения народов), АСГЭ, Л., вып. 30. 1990.
- Бажан И. А., Еременко В. Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке. // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени.—СПб., 1992. С. 14–21.
- Баран В. Д. Черняхівська культура.—К.: Наукова думка, 1981. 263 с.
- Белов Г. Д. Стеклодельная мастерская в Херсонесе. // КСИА АН СССР. 1969. Вып. 115. С. 80–84.
- Бертъе-Делагард А. Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма. // ЗООИД. 1886, т. XIV, с. 166–279.
- Бертъе-Делагард А. Л. Случайная находка древностей близ Ялты. // ЗООИД. 1907, т. XXVII, ч. V. С. 19–27.
- Бетровоз Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века.—М., 1980.
- Блаватский В. Д. Харакс. // МИА, 1951. № 19, с. 250–291.
- Бобровская О. В. Бусы и подвески раннего этапа черняховской культуры (по материалам могильников). // Сто лет черняховской культуре.—К.: Товариство Археології та Антропології, 1999, с. 150–170
- Богданова Н. А. Семантика и назначение некоторых амулетов из могильников Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным.—М.: ГИМ, 1980. С. 79–88.
- Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное. // АИНЮВЕ.—М.: ГИМ, 1989, с. 17–70.
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое-III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.). // СА. 1976. № 4. С. 121–152.
- Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского царства позднеантичного времени. Белгород, 1996.
- Болгов Н. Н. Боспор, Херсонес и Рим в конце III—первой половине IV вв. (к проблеме интерпретации Const. Porphy. De adm. Imp., 53). // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья.—Керчь, 2002. С. 9–15.
- Бороздин Н. И. Новые археологические открытия в Крыму.—М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 29 с.
- Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов.—М.: Наука, 1990. 232 с.
- Васильев А. А. Германские воинские пряжки и наконечники ремней нп Боспоре. Боспорские исследования, вып IX, с. 279–292, Симферополь-Керчь, 2005
- Вашкявичуте И. Древнейшие головные венки земгалов. // Древности Белоруссии и Литвы. С. 56–61, 1982
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г. Могильник римского времени у с. Танковое. // Проблемы истории и археологии Крыма.—Симферополь: Таврия, 1994, с. 82–88.
- Вегацкий Ренат. Краткое изложение военного дела, М., 1996
- Веймарн Е. В. Археологічні роботи в районі Інкермана // АП УРСР. 1963. № 13. С. 15–89.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник.—К.: Наукова думка, 1993. 203 с.
- Веймарн Е. В., Стржелецкий С. Ф. К вопросу о славянах в Крыму // ВИ. 1952. № 4. С. 94–99.
- Великанова М. С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья.—М., 1975.
- Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа.—Грозный, 1963.
- Власов В. П. Лепная керамика из некрополя III/IV вв.н.э. Дружное в Крыму//Сто лет черняховской культуре, Киев, 1999, сс. 322–372.
- Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии.—Сухуми, 1969, 81 с.
- Воронов Ю. Н. Могилы апсидов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пушино, 2003.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков.—М.: Наука, 1982. С. 121–192.
- Вознесенская Г. А., Левада М. Е. Кузнечные изделия из могильника Чатыр-Даг: попытка

- технологического анализа и технология производства. // Сто лет черняховской культуре.— К., 1999. С. 252–276.
- Висотська Т. М. Городище Алма-Кермен у Криму. // Археологія. 1970. Т. 24. С. 179–193.
- Высотская Т. Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— К.: Наукова думка, 1972. 189 с.
- Висотська Т. М. Червонолакова кераміка Усть-Альмінського городища. // Археологія. 1993. № 4. С. 90–105.
- Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь.— К.: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 207 с.
- Высотская Т. Н. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 256–273.
- Высотская Т. Н. Амфоры редких типов из могильника «Совхоз № 10» (Севастопольский). // Донская археология. 2000. № 3–4. С. 83–92.
- Высотская Т. Н. О некоторых этнических особенностях погребенных в могильнике «Совхоз № 10» (на основе лепных погребальных урн). // Поздние скифы Крыма.— М.: ГИМ, 2001, с. 167–174.
- Вязьмитина М. И. Золотобалковский могильник.— К.: Наукова думка, 1972. 190 с.
- Гавритухин И. О. Кодынские фибулы (типы и проблемы интерпретации) //Vikarų baltų archeologija ir istorija. Klajpeda, 1989.
- Гавритухин И. О. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. // Сто лет черняховской культуры. Киев, 1999., с.48–86.
- Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА., № 25, с. 135–220., 1952.
- Гайдукевич В. Ф. Керамический комплекс II в. н. э. из Мирмекия. // КСИА, № 95, с.26–30., 1963
- Гей О. А., Бажан И. А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа).— М.: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 143 с.
- Гилевич А. М. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса. // НиС. 1968. Вып. 3. С. 3–61.
- Голенко В. К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук. // ХСб. 1999. Вып. X. С. 39–49.
- Голенко К. В. Находка монет у подножия горы Аю-Даг. // НЭ. 1963. Вып. IV. С. 110–117.
- Гороховский Е. Л. Хронология пряжек черняховской культуры // Тез. докл. симпозиума. «Позднейшие судьбы черняховской культуры». Каменец-Подольский. 1981.
- Гороховский Е. Л. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры.— К.: Наукова думка, 1982, с. 115–151.
- Гороховский Е. Л., Кубышев А. И., Терпиловский Р. В. Украшения круга выемчатых эмалей из села Воронькив на Киевщине. // Сто лет черняховской культуре.— К.: , 1999. С. 144–149.
- Грязнов М. П. О кенотафах. // Тез. конф. «Проблемы археологии и этнографии Сибири».—Иркутск, 1962. С. 98–99.
- Гудименко А. В. К вопросу о взаимосвязи походов и поселений второй половины III–IV вв. н. э. в дельте Дона. // Тез. конф. «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)».—Симферополь, 1994. С. 13–15.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э.— К.: Наукова думка, 1984. 119 с.
- Гущина И. И. Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму (по материалам могильников). // АИНЮВЕ.— М.: ГИМ, 1974. Ч. I, с. 32–64.
- Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века нашей эры. // АИНЮВЕ.— М.: ГИМ, 1982. Ч. II, с. 20–30.
- Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму // САИ.— 1991.— Вып. Д1–7.
- Дельбрюк Г. Германцы. // История военного искусства в рамках политической истории.— М.: Воениздат, 1937. Т. 2. 399 с.
- Джанов А. В., Юрочкин В. Ю. 2001. Новый Таракташский клад (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому Музею Древностей. Материалы международной конференции. Керчь, с. 69–73;
- Джигунова Ф. Население северо-западного Предкавказья в эпоху раннего средневековья. Дисс. канд. ист. наук. Кафедра археологии СПбГУ, 2000 (рукопись)
- Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003.

- Дзиговский А. Н., Субботин Л. В.* О верхней дате сарматских памятников Понизовья Дуная. // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья.— К.: Наукова думка, 1986, с. 150–157.
- Дмитриев А. В.* Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков.— М.: Наука, 1982. С. 69–107.
- Домжалский К.* Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства. // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье.— М.: ГИМ, 1998, с. 17–30.
- Домжалский К., Чистов Д. Е.* Итоги работ на участке «Н» (1994–1998) // Материалы Нимфейской экспедиции. 2003. Вып. 1.
- Жук С. М., Лысенко А. В., Мыц В. Л., Татарцев С. В., Тесленко И. Б.* Отчет об охранных работах Горно-Крымской экспедиции в Партените в 1994 году. // НА ИА НАНУ—Симферополь, 1995. 150 с.
- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика группы ESB из могильника Бельбек I в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М., 1997. С. 227–260.
- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. ТГИМ. № 102. 1998. С. 31–51.
- Журавлев Д. В.* Краснолаковая керамика могильника Бельбек III в Юго-Западном Крыму. М., 2005, в печати.
- Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Керамический комплекс II в. н. э. с акрополя Пантикапея // Древности Боспора. 1999. Т.2. 98–113.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский во II в. до н. э.— III в. н. э.: Автореферат дис.... канд. исторических наук / ИА НАНУ—К., 1995. 25 с.
- Зайцев Ю. П.* Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах. // АИК. 1994 год.— Симферополь: Сонат, 1997. С. 102–116.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь скифский во II в. до н. э.— III в. н. э. 2003. Симферополь.
- Зариня А. Е.* Одежда жителей Латвии VII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. С. 172–189, М., 1986.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора. // МИА, 1960. № 83. 179 с.
- Золотарев М. И.* Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округа Херсонеса. // КСИА, 1981. Вып. 168, с. 56–58.
- Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического.— К.: Наукова думка, 1982. 144 с.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху.— К.: Наукова думка, 1993. 140 с.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории.— К.: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 180 с.
- Зубарь В. М.* Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н. э.— первая половина VI в.).— К.: РВЦ ИА НАНУ, 1998. 200 с.
- Зубарь В. М.* Римское военное присутствие и население Таврики во II—первой половине III в. Vita Antiqua, № 5–6.— К.: ВПЦ «Київський університет», 2003. С. 136–152.
- Зубарь В. М., Козак Д. Н. Рец.: Пиоро И. С.* Крымская Готия (Очерки этнической истории Крыма в позднеримский период и раннее средневековье).— К.: Лыбидь, 1990. // Археологія. 1992. № 1. С. 127–131.
- Кадеев В. И., Сорочан С. Б.* Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.— V в. н. э. (на материалах Херсонеса).— Харьков: Выща школа, 1989. 135 с.
- Казакявичус В.* Редкая форма наконечников копий на территории Литвы // Древности Литвы Белоруссии. Вильнюс, 1998.
- Казанский М. М.* О происхождении могильников типа Ай-Тодор. // Тез. конф. «Проблемы истории Крыма».— Симферополь: Гортитопография, 1991. С. 56–57.
- Казанский М. М.* О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье. // Тез. конф. «Византия и Крым».— Севастополь: 1997. С. 48–51.
- Казанский М. М.* О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов.. // Археологические вести № 6, СПб, 1999
- Каменецкий И. С.* Городища донских меотв. Вопросы датировки. М, 1993.
- Каргопольцев С. Ю. Бажан И. А.* Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (К вопросу о хронологии и исторической интерпретации) ПАВ 1992, № 2
- Кастанаян Е. Г.* 1958. Лепная керамика Илурата // МИА №85. с.266–282;

Константин Багрянородный. Об управлении Империей. Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева, 2-е изд. М., 1991

Кёппен П. И. Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических.— СПб.: ИАН, 1837. 409 с.

Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА, 1952. № 25, с. 289–326.

Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. // САИ. 1979. Вып. Е1–2, 57 с.

Козенкова В. И. Инновации и процесс формотворчества в кобанской культуре Кавказа (на примере зооморфных браслетов) // СА.—1989.—№ 3.—С. 27–34.

Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V—первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. // САИ. 1978. Вып. Е1–43, 123 с.

Корпус боспорских надписей.—М.-Л.: Наука, 1965. 951 с.

Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору. // Археологія. 1973. № 8. С. 27–45.

Корпусова В. Н. Некрополь Золотое.—К.: Наукова думка, 1983. 183 с.

Косьяненко В. М. Краснолаковая керамика из некрополя Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.) // СА, № 3, 1980, М., с. 214–223.

Кравченко Н. М., Корпусова В. Н. Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри. // Археологія. 1975. Вип. 18. С. 20–42.

Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. Москва, 1980.

Крапивина В. В. Ольвия: материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.

Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ. 1970. Вып. Д1–27. 277 с.

Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ, Д4–4, 1961.

Кругликова И. Т. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки // КСИА АН СССР. 1963. Вып. 95. С. 43–51.

Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.

Кругликова И. Т. Раскопки поселения у д. Семеновки // 1970. МИА. №155. С. 4–81.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья. М, Наука, 1984, с. 154–162.

Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века.—Махачкала, 1991.

Кулаковский Ю. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды.—К.: Стило, 2002. 225 с.

Кутайсов В. А. Городище первых веков н. э. на горе Тас-Тепе в Крыму. // Население и культура Крыма в первые века н. э.—К.: Наукова думка, 1983. С. 144–149.

Кухаренко Ю. Н. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. // СА. 1959. № 1. С. 31–51.

Кухаренко Ю. Н. Могильник Брест-Тришин.—М.: Наука, 1980. 128 с.

Ланговая О. Э. Позднеримская амфора из Мирмекия. // СА. 1941. № 7. С. 289–291.

Лаишков Ф. Ф. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии.—Симферополь, 1890.

Лордкипанидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды. // Вестник отделения общественных наук АН Груз. ССР № 1. (на груз. языке).

Лесман Ю. М. Вероятностная датировка комплексов однократного формирования. Stratum+Петербургский археологический вестник. СПб-Кишинев, 1997.

Лысенко А. В. Пещерные некрополи Горного Крыма эпохи раннего железа — позднеантичного времени (IX в. до н. э.—IV в. н. э.) // Vita Antiqua, № 5–6.—К.: ВПЦ «Київський університет», 2003. С. 85–107.

Лысенко А. В. Исследования Чатыр-Дагского некрополя в 2002 г. // Археологічні відкриття на Україні 2002–2003 рр.—Вип. 6.—Київ: ІА НАН України; Шлях, 2004.—С. 36–39.

Лысенко А. В. Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя (последняя треть III—IV вв. н. э.) // У Понта Эвксинского (памяти П. Н. Шульца).—Симферополь: Изд-во Крымского научного центра, 2004–А.—С. 226–239.

Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг. // Алушта

- и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.— К.: «Стилос», 2002. С. 59–88.
- Малашев В. Ю.* Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000, с. 194–232.
- Магомедов Б. В.* Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.
- Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса.— Люблин: W-wo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2001. 290 с.
- Магомедов Б. В., Левада М. Е.* Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 304–323.
- Максименко В. Е., Безуглов С. И.* Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. 1987. № 1. С. 183–192.
- Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое.— М.: Мысль, 1988. 271 с.
- Мальшиев А. А., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.* Наступательное вооружение из погребений (I–III вв. н. э.) Цемдолинского могильника. // РА. 1997. № 1. С. 203–217.
- Масленников А. А.* Харакс. // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР.— М.: Наука, 1984. С. 56–57.
- Мастыкова А. В.* О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье. // Сто лет черняховской культуре.— К.: 1999. С. 171–202.
- Мацулевич Л. А.* Погребение варварского князя в Восточной Европе. М., Л., 1934.
- Мелькова А. И.* Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты. // СА. 1962. № 1.
- Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы: Бронзовый и железный век.— К.: Наукова думка, 1974. 407 с.
- Мульд С. А.* Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в Центральном Крыму. // ХСб. 1999. Вып. X. С. 181–193.
- Мульд С. А., Масякин В. В.* Позднескифский склеп № 20 могильника у с. Левадки. // МАИЭТ, вып. 10, с. 5–31, 2003.
- Мыц В. Л.* Отчет об археологических разведках в Горном Крыму в 1978 г. // НА ИА НАНУ, инв. № 95.— Симферополь, 1979. 7 с.
- Мыц В. Л.* Позднеантичный могильник на южном склоне г. Чатырдаг. // Население и культура Крыма в первые века н. э.— К.: Наукова думка, 1983. С. 153–156.
- Мыц В. Л.* Отчет об охранных работах и разведках в Горном Крыму. // НА КФ ИА НАНУ, инв. № 233, п. 509.— Симферополь, 1984. 84 с.
- Мыц В. Л.* Могильник III–IV в. в. н. э. на склоне Чатырдага. // МЭИК.— К.: Наукова думка, 1987. С. 144–164.
- Мыц В. Л.* Новый позднеантичный памятник Караби-яйлы. // Тез. конф. «Проблемы античной культуры».— Симферополь, 1988. С. 299–300.
- Мыц В. Л.* Позднеантичные памятники Алуштинской долины. // Тез. конф. «Скифия и Боспор».— Новочеркасск, 1989. С. 77–78.
- Мыц В. Л.* Чатырдагский могильник последней трети III—первой половины V вв. н. э. (к вопросу о первоначальном месте расселения готов-тетракситов). // Тез. конф. «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)».— Симферополь, 1994. С. 44–45.
- Мыц В. Л., Жук С. М., Лысенко А. В., Татарцев С. В., Тесленко И. Б.* Об охранных работах в Партените. // АИК. 1994 год.— Симферополь: Сонат, 1997. С. 202–204.
- Мыц В. Л., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б.* Отчет о раскопках могильника первых веков нашей эры на южном склоне г. Чатыр-Даг. // НА КФ ИА НАНУ, инв. № — Симферополь, 1995. 207 с.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б., Шукин М. Б.* Исследования Чатырдагского некрополя. // АИК. 1994 год.— Симферополь: Сонат, 1997. С. 211–221.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Жук С. М.* Пещерный позднеантичный некрополь на г. Ай-Никола // Херсонесский сборник. 1999. Вып. 10. С. 169–180.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В.* Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму. // Тез. конф. «Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства».— СПб.: Изд-во ГЭ, 2001.— С. 96–100.
- Никитина Г. Ф.* Систематика погребального обряда племен черняховской культуры.— М.: Наука, 1985. 209 с.
- Никитина Г. Ф.* Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка.— М.: Наука, 1995.

Новиченкова Н. Г. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло. // Боспорский сборник. 1994. Вып. 4. С. 53–57.

Новиченкова Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло.— Ялта: РИО КГГИ, 2002. 215 с.

Онайко Н. А. Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК.— 1959.— Вып. 77.

Орлов К. К. Отчет о раскопках Ай-Тодорского некрополя в 1983 г. // НА КФ ИА НАНУ, инв. № .— Симферополь, 1983. 163 с.

Орлов К. К. Отчет о раскопках Ай-Тодорского некрополя в 1984 г. // НА КФ ИА НАНУ, инв. №.— Симферополь, 1985. 182 с.

Орлов К. К. Ай-Тодорский некрополь. // МЭИК.— К.: Наукова думка, 1987. С. 106–133.

Пачкова С. П. Поховальний обряд зарубинецької культури на Середньому Подніпрів'ї. // Археологія. 2002. № 3. С. 27–39.

Петерс Б. Г. Краснолаковая керамика из раскопок Михайловского поселения. // КСИА, вып. № 145, М., 1976.

Петраускас О. В. Про «культовий шар» і поховання с трупоспаленнями на могильниках черняхівської культури. // Археологія. 1993. № 2. С. 36–51.

Петраускас О. В. Типи археологічних комплексів трупоспалень черняхівської культури. // Археологія. 2002. № 3. С. 40–65.

Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях Севастополя. // ИТУАК. 1905. Вып. 38. С. 34–37.

Пиоро И. С. Крымская Готия.— К.: Лыбидь, 1990. 198 с.

Пиоро И. С. Готи в Гірському Криму. // Vita Antiqua, № 1.— К.: Товариство Археології та Антропології, 1999. С. 75–79.

Пиоро И. С. Черняховская культура и Крым. // Сто лет черняховской культуре.— К., 1999. С. 252–276.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий.— М.: Индрик, 2002. 488 с.

Приходнюк О. М. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и антропологических источников). // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 134–167.

Прокопий Кессарийский. Война с готами. О постройках./ пер. Ю. Кондратьева. М., 1996

Пуздровський О. Є. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е.—перш. пол. III ст. н. е. // Археологія. 1992. № 2. С. 125–135.

Пуздровський А. Е. Могильник III–IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму. // Тез. конф. «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)».— Симферополь, 1994. С. 55–56.

Пуздровський А. Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э.—III в. н. э.) // ХСб. 1999. Вып. X. С. 208–225.

Пуздровський А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э.—III в. н.э. // ВДИ. 2001. №1. С. 86–117.

Рикман Э. А. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху). // МИА, 1960. № 82, с. 302–327.

Рикман Э. А. Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии (о связях черняховцев с античным миром). // СА. 1970. № 2. С. 180–197.

Рыжов С. Г. Керамический комплекс III–IV вв. н. э. из северо-восточного района Херсонеса. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры.— К.: Наукова думка, 1986, с. 130–139.

Сазанов А. В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. 3. С. 16–21.

Самойлова Т. Л. Основные типы амфор I–IV вв. н.э. из Тиры // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.

Сальников К. В. Сарматские погребения в районе Магнитогорска. // КСИИМК. 1950. Вып. 34.

Саприкін С. Ю., Баранов І. А. Грецький напис із Судака. // Археологія. 1995. № 2. С. 137–140.

Седов В. В. Длинные курганы кривичей. М., Наука, 1974.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII веках. М., Наука, 1982.

Секерская Н. М. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из Никония. // Северное Причерноморье.— К.: Наукова думка, 1984. С. 129–135.

Сидоренко В. А. «Готы» области Дори Прокопия Кессарийского и «длинные стены» в Крыму. // МАИЭТ. 1991. Вып. II. С. 105–118.

Сидоренко В. А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть

- III—начало VIII вв.): Автореферат дис.... канд. исторических наук / СПбГУ–СПб., 1994-А. 21 с.
- Сидоренко В. А.* Некоторые ключевые моменты раннесредневековой истории Таврики. // Тез. конф. «Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.)». — Симферополь, 1994-Б. С. 65–69.
- Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. №85 1958. С.283–311.
- Скалон К. М.* Об одной находке в Абхазии. // АСГЭ. 1978. № 19. С. 67–73.
- Смирнов А. П.* К вопросу о славянах в Крыму. // ВДИ. 1953. № 3 (45). С. 32–45.
- Смирнов К. Ф.* Сарматские погребения Южного Приуралья. // КСИИМК. 1948. Вып. 22. С. 80–86.
- Смирнов Ю. А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения.—М.: «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.
- Сокольский Н. И.* Боспорские мечи. // МИА, 1954. № 33, с. 123–196.
- Сон Н. А.* Тира римского времени.—К.: Наукова думка, 1993. 156 с.
- Спицын А. А.* Древности бассейнов Оки и Камы. Вып. 1 // МАР № 23, СПб, 1901
- Спицын А. А.* Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб 1904 г. // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 115–126.
- Страбон. География. В 17 кн. / Пер., комментарии Г. А. Стратановского. М. 1964.
- Стржелецкий С. Ф.* Паспорта на памятники, находившиеся в ведении Херсонесского музея в 1949–1955 гг. // НА НЗХТ, 1949–1955, д. № 1391–1392/1–11. 645 л.
- Стржелецкий С. Ф.* Позднеантичный могильник в Инкерманской долине. // КСИА АН УССР, 1959. Вып. 8. С. 139–145.
- Суботин Л. В., Дзиговский А. Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. Киев., 1990, вып I, II.
- Схатум Р. В.* О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V–VII вв. // Магистеріум, вып 2. Краснодар, сс. 40–47, 2004
- Сымонович Э. А.* Памятники черняховской культуры у с. Кринички (по материалам С. Гамченко и раскопкам 1957–1958 гг.). // МИА, 1960. № 82, с. 239–252.
- Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского государства (по материалам Восточного могильника Неаполя Скифского).—К.: Наукова думка, 1983. 174 с.
- Сымонович Э. А., Голенко К. В.* Монеты из некрополя Неаполя Скифского. // СА. 1960. № 1. С. 265–268.
- Тахтай А. К.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. // ХСб. 1948. Вып. 4. С. 19–43.
- Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История.// Пер. А. С. Бобовича, Я. М. Боровского, М. Е. Сергеева. Серия: Литературные памятники АН СССР. М., 1969.
- Терпиловский Р. В., Абашина Н. С.* Памятники киевской культуры (Свод археологических источников)—К., 1992. 224 с.
- Тесленко И. Б., Лысенко А. В.* Археологические разведки в Горном Крыму. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр.—К., ІА НАНУ, 2002, с. 249–251.
- Топоров В. Н.* Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы. // Балто-славянские исследования. 1982.—М., 1983. С. 227–263.
- Трапи М.* Культура цебельдинских некрополей. // Труды в 4-х томах.—Тбилиси, 1973. Т. III.
- Трейстер М. Ю.* Кельты у Північному Причорномор'ї. // Археологія. 1992. № 2. С. 37–50.
- Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье. // Раннесредневековые восточнославянские древности.—Л.: Наука, 1974. С. 40–118.
- Труфанов А. А.* Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма). // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. I. С. 181–192.
- Труфанов А. А.* К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени). // Труды ГИМ. 2001. Вып. 118. Поздние скифы Крыма. С. 71–77.
- Труфанов А. А., Колтухов С. Г.* Могильник III–IV в. н. э. у с. Курское на западной периферии Боспора. // Тез. конф. «Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства».—СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 186–189.
- Труфанов А. А., Юрочкин В. Ю.* Боспорохерсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии III–IV вв. н. э. //

Тез. конф. «Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира». — СПб.: Синтез-Полиграф, 1999. С. 338–343.

Ушаков С. В. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму III — первой половины VI в. н. э. // ХСб. 1999. Вып. X. С. 232–241.

Ушаков С. В. Етнічна ситуація в Південно-Західному Криму на межі античності та середньовіччя (III — середина VI ст. н. е.): Автореферат дис... Канд. Історичних наук / ІА НАНУ.— К., 2001. 16 с.

Федоров Г. Б. Малаештский могильник // МИА, 1960. № 82, с. 253–302.

Фокеев М. М. Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. — К.: Наукова думка, 1986, с. 157–161.

Фролова Н. А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 196–206.

Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э.— середина IV в. н. э.). Часть II. Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э.— М.: Эдиториал УРСС, 1997. 536 с.

Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов, М., 1971

Хайретдинова Э. А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 517–527.

Хайретдинова Э. А. Женский костюм с орлино-головыми пряжками второй половины VI–VII вв. по материалам могильника Лучистое // Византия и Крым. Тез. докладов. Симферополь, 1997

Хайретдинова Э. А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками. // МАИЭТ. 2000. Вып. VII. С. 91–133.

Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. 1991. Вып. 2. С. 3–33.

Храпунов И. Н. Погребение середины III в. н. э. из могильника Дружное // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 529–544.

Храпунов И. Н. О населении Крыма в поздеримскую эпоху (по материалам могильника Дружное). РА, № 2, 1999, с. 144–156.

Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы.— Симферополь: Таврия, 1995. 83 с.

Храпунов И. Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 230–236.

Храпунов И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 313 с. 2002.

Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования, вып. III, 2003.

Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования, Вып. 6. Симферополь-Керчь, 2004, 239 с.

Храпунов И. Н. Наконечник пояса с боспорским знаком из могильника Фонтаны. Боспорские исследования, № 9, с. 271–278, Симферополь, 2005.

Храпунов И. Н., Власов В. П. Подбойная могила с многократными погребениями из могильника Дружное в Крыму. // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 239–255.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 1997. Вып. I. С. 76–155.

Храпунов И. Н., Мульд С. А. Завершение исследований могильника Дружное. // АИК. 1994 год.— Симферополь: Сонат, 1997. С. 256–262.

Храпунов И. Н., Храпунов Н. И. Склеп с захоронениями IV в. н. э. из могильника Дружное в Крыму. // ХСб. 1999. Вып. X. С. 242–256.

Шаров О. В. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. сс. 152–208.

Шаров О. В. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. СПб, 2005, в печати.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры.— М., Наука, 1972. 349 с.

Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. № 156. С. 16–21.

Шмидельхельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Эстонское государственное издательство, Таллин, 1955, 270 с.

Шукин М. Б. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. // СА. 1968. № 2. С. 41–51.

- Щукин М. Б. К истории Нижнего Поднепровья в первые века н. э. // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 54–67.
- Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура. // АСГЭ. 1977. N 18.
- Щукин М. Б. Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978
- Щукин М. Б. К предистории черняховской культуры: тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 66–89.
- Щукин М. Б. Ажурные эмалевые фибулы из некрополя Херсонеса и некоторые вопросы Балто-Черноморских связей // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988 гг. Тез. докладов. Севастополь. 1988
- Щукин М. Б. Раскопки у хутора Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990.
- Щукин М. Б. На рубеже эр: опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.—I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. Спб., 1994.
- Щукин М. Б. Работы Славяно-Сарматской экспедиции в 1995 году. Отчетная археологическая сессия. Тезисы докладов. СПб, 1996, с. 8–9.
- Щукин М. Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуры. Киев, 1999.
- Щукин М. Б. Феномен черняховской культуры эпохи Константина—Констанция или что такое черняховская культура. // Stratum plus, 1999 № 4; Кишинев, 1999-А
- Щукин М. Б. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней.—К.: «Стилос», 2002. С. 7–15.
- Щукин М. Б. О первых свидетельствах появления готов в Дунайско-Причерноморском регионе и начале черняховской культуры // Европа-Азия; проблемы этнокультурных контактов. Спб, 2002-А.
- Щукин М. Б. Река времени (некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи латена и римского времени // Боспорский феномен. Том II. СПб, 2004.
- Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб, 2005.
- Щукин М. Б., Шаров О. В., Руссев Н. Д., Фокеев М. М., Бейлекчи В. В., Ткачук М. Е. Работы Славяно-Сарматской экспедиции в 1996 году (Чатыр-Даг—Суворово—Рудь) Отчетная археологическая сессия за 1996 год. Спб, 1997, с. 14–16.
- Щукин М. Б., Шаров О. В. Еще раз о проблеме верхней даты черняховской культуры // Stratum+, 2000, № 4; Время великих миграций. Кишинев, 2000.
- Щукин М. Б., Щербаклова Т. А. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И. А. Данчены. Могильник черняховской культуры III–IV вв. н. э. Кишинев, 1986
- Юрочкин В. Ю. Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму. // Тез. конф. «Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект».—Севастополь: 1997. С. 128–133.
- Юрочкин В. Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма. // ХСб. 1999. Вып. X. С. 257–274.
- Юрочкин В. Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии. // Тез. Конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). III Граковские чтения» — Запорожье: Запорожский ГУ, 1999–А. С. 279–281.
- Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.—Л.: Наука, 1979. 163 с.
- Almgren O. Studien über nordeneropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderts mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen, Leipzig, 1923.
- Biborski M. Miecze z okresu wpływów rzymskich na obszarze kultury przeworskiej. Mat. Arch. 18, 1978. p. 91–126.
- Bichir Gh. Les sarmates au Bas-Danule // Dacia. 1977. 11. S. 167–197.
- Bierbrauer V. Zur chronologischen, sociologischen und regionalen Gliederung des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhundert in Südosteuropa // Die Völker in der mittleren und unteren Donau im fünften und sechsten Jahrhunderten. Wien, 1980.
- Bierbrauer V., Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Archaeologia Baltica. VIII., Łódz, 1989.
- Bierbrauer V. Bronzene Bügelfibel des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. Bd.72, 1989-А.
- Bierbrauer V. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische

Einwanderer unter Odoaker und Theodorich nach Italien. Aussagemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992. S. 263–278.

Bierbrauer V. Archaeologia e storia dei Goti dal I al IV secolo // I Goti. Milano, 1994

Bierbrauer V. Archäologie und Geschichte der Goten vom 1.-7. Jahrhundert. Versuch einer Bilanz // Frühmittelalterlichen Studien, N 28, 1994-A. S. 51–171.

Bjelajac L. Amphorae of the Danubian basin in Upper Moesia. Beograd, 1996.

Bemann J., Hahne G. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien. Studien zur Ordnung anhand der norwegischen Funde // Bericht der RGK, Bd. 75, SS. 285–640, 1999.

Diaconu Gh. Getisch-dakische Elemente in der Sintana de Mureş-Kultur. // Thraco-Dacia: Recueil d'études a l'occasion du II Congres International de Tracologie.— Bucuresti, 1976, s. 309–314.

Domański G. Kultura luboszycka między Laba i Oder w II-III wieku. Wrocław, 1978

Domzalski K. Terra sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia. 1996. № 47. P. 95–112.

Domzalski K., Zińko V. N. Roman fine pottery from rescue excavations conducted outside the defensive walls of the town of Nymphaion in 1995. // Archeologia. 1999. № 50. P. 73–82.

Drougou S. Hellenistic Pottery from Macedonia. Thessaloniki., 1991

Dyczek P. Amfory rzymskie z obszaru dolnego Dunaju. Warszawa, 1999.

Eggers H. J. 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.

Eggers H. J. 1955. Zur absoluten Chronologie der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. JRGZM, Jhrg. 2.

Formaleoni O. di V. A. Storia filosofica, e politica della navigazione, del commercio e delle colonie degli antichi nel mar Nero.— Venezia, 1789. 8, cap. 22. T. II.

Godłowski K. 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe, Krakow.

Godłowski K. Chronologia okresu poznorzymskiego i wczesnego okresu wędrówek ludów w Polsce północno-wschodniej // RB. 1974. T.12.

Godłowski K. Problemy chronologii okresu rzymskiego // Scripta archeologica. 1988.

Godłowski K. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Kraków, 1992. S. 23–55.

Godłowski K. Die Chronologie der germanischen Waffengräber in der jüngeren und späten Kaiserzeit. In: Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg. 1994

Godłowski K. Die Synchronisierung der Chronologie des germanischen Fundstoffes zur Zeit der Markomannen Kriege // Markomannen Kriege. Ursachen und Wirkungen. Brno., 1994-A.

Grace V. Imports from Pamphilia // BCH. Supl. 1., 1973. C. 173–208.

Harhoiu R. Das Kurzschwert von Micia — Dacia, vol. XXXII, 1998.

Hayes J. W. Late Roman pottery. London, 1972.

Hayes J. W. The villa Dionysos excavations, Knossos: the pottery // BSA. 1983. № 78 C. 97–169.

Hayes J. W. Sigillate Orientali // Ceramica Romana nel Bacino Mediterraneo. Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale. Rome, 1985. P. 1–96.

Ilkjær J. Illerup Ådal. Die Lanzen und Speere. Aarhus. 1990.

Kaczanowski P. Klasyfikacja grotów broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Kraków, 1995.

Kazanski M. Contribution a l'histoire de la defense de la frontiere pontique au Bas-Empire. // College de France. Centre de recherches d'Histoire et civilization de Byzance. Travaux et mémoires. Vol. 11. 1991.

Kazanski M. Les Goths (Ie-VIIe siècles ap. J.-C), Paris, 1991-A

Kazanski M. Les Goths et les Huns. A propos des relations entre les Barbares sédentaires et les nomades. // Archeologie Médiévale, tome XXII, 1992

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontiques: origine et diffusion // Beiträge zu römischen und barbarischen Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin-Marburg, 1994. S. 429–485.

- Kazanski M.* Les tombes de chefs alano-sarmates au IV-siècle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et es chefs barbares du IIIe au VIIe siècles. Paris, 1995.
- Kazanski M.* Les germains orientaux au nord Mer Noire pendant seconde moitié du Ve s. et au Vie s. // МАИЭТ, вып V, 1996, с.324-337.
- Kazanski M.* Les antiquites germanique de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la région de la Mer d'Azov. // Ancient West and East. Vol.1, N 2, Brill, Leiden, Boston, 2002.
- Keay S. J.* Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence. London, 1984.
- Kelemen M.* Roman amphorae in Pannonia // Acta Archaeologica Hungaricae. 1990. T.XLII/1-4. P. 148-193.
- Knipowitsch T.* Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV. 1929.
- Khrapunow I. N.* A rapport on the cemetery near Druznoye village in the Crimea (3-4 century AD) // Acta Universitatis Lodziensis.—Folia Arhaeologica.—1998.—№ 22.
- Kieferling G.* Bemerkungen zur Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum — Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin-Marburg, 1994. S. 335-356.
- Kolnik T.* Römerzeitliche Gräberfelder in der Slowakei.—Bratislava, 1980. Bd 1. 293 s.
- Laul S., Tõnisson E.* Muistsete sirpide ja vikatite kujunemisloost Eestis // Muinasaja Teadus, Arheoloogiline kogumik., I, Tallin, „Agu“, 1991, s. 75-91.
- Lietuvos TSR archeologijos atlasas I-XIII radiniai. Vilnius, 1978.
- Loeschcke S. V.* Sigillata-Topfereien in Tschandarli // Mitteilungen des Kaiserlichen Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Bd. XXXVII., Athen, 1912. SS. 22-407.
- Madyda-Legytko R.* 1986. Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum.//BAR Int. Ser. 360.
- Michelbertas M.* Senasis geležies amžiuns Lietuvoje. Vilnius, 1986
- Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, Bd.II. 1938
- Nowakowski W.* Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und und barbarischen Welt. Marburg—Warszawa, 1996.
- Preda C.* Callatis necropola romanobi zatina. // Editură Academiei Republicii socialiste România.—București, 1980. 225 s.
- Radulescu A.* Amfore romane si romano-vizantine din Scythia Minor. // Pontika. 1976. IX. S. 99-113.
- Robinson H.* The Pottery of the Roman Period. // The Athenian Agora. 1959. Vol. V.
- Rückstuhl B.* Ein reiches frühalamannisches Frauengrab im Reichengräberfeld von Schleithem-Hebsack. Archäologie der Schweiz, N 11-I, 1988.
- Šarov O.* 1995. Dančeny und Leuna-Hassleben / La noblesse Romaine et Les Chiefs Barbares du III-e au VII-e siècle. Paris.
- Šarov O.* 1994. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč. In: Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburg.
- Šarov O.* 2003. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor. In: Kontakt-Kooperation — Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus, Marburg
- Šcorpan C.* Origini si linii evolutive in ceramica Romano-Bizantina (sec. IV-VII) din spatiul mediteranean si Pontic. // Pontica. 1976. IX. S. 155-158.
- Šcorpan C.* Contribution a la connaissance de certain types céramiques Romano-Byzantins (IV-e — VII-e siècles) dans l'espace Istro Pontique. // Dacia. N. S. 1977. 21. S. 269-297.
- Ščukin M. B.* Das Problem der Černjachow-Kultur in der sowjetischen archäologischen Literatur // Zeitschrift für Archäologie. 1975. Bd. 9.
- Ščukin M.* A propos des contacts militaire entre les Sarmates et les Germains à l'époque Romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et lances) // L'arme romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
- Ščukin M.* Three ways of the contacts between the Baltic and the Black See littorals in the Roman Period.—Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel-und Osteuropa. Łodz, 2000.
- Ščukin M., Bažan I.* L'origine du style cloisonné de l'époque des grandes migrations. // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VII e siècle. Paris, 1995.

Shchukin M., Sharov O. A propos de la date de la fin de la civilization de Tcherniakov // L'Occident romain et l'Europe centrale au debut de l'epoque des Grandes Migrations. Brno, 1999.

Soupault W. A propos de l'origine et la diffusion des poignards et epées a encoches (IVe-VIIe.s.). МАИЭТ, вып.V, с. 60–77, 1996

Sultov B. Ceramic production on the territory of Nicopolis ad Istrum (II–IV century). Sofia, 1985.

Szczukun M. B. Zabytki wielbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk, 1981.

Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nordlich der mittleren Donau zu Beginn Völkerwanderungszeit // Archeologia Baltica. 1986. T. 7. Peregrinato Gotica.

Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südostlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des germanischen Nationalmuseums. 1987.

Tejral J. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten Kaiserzeit in Mitteleuropa. // Probleme der

relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter. Krakow, 1992.

Tejral J. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum.-Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1997.

Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea.— Cambridge; Massachusetts, 1936. 293 p.

Vaškevičiūtė I. IV-XIa. Ivijiniai apgalviai // Lietuvos archeologija, N. 8, с. 128–135, 1992

Waurick G. Zur Rüstung von frühkaiserzeitlichen Hilfstruppen und Verbündeten der Römer. In: Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin—Marburg. 1994. S. 1–27.

Wołagiewicz R. Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju // Archeologia Polski, Tom XV, zeszyt 1, 1970

Wołagiewicz R. Ceramica kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem czarnym. Szczecin, 1993.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit im freien Germanien- Th-1-3. BAR, Int. Ser. 505 (III), 1989.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести
АИК — Археологические исследования в Крыму. Симферополь
АИНЮВЕ — Археологические исследования на юге Восточной Европы
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВПЦ «Київський університет» — Видавнично-поліграфічний центр «Київський університет»
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ РФ — Государственный Эрмитаж РФ
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИА НАНУ — Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАН — Императорская Академия Наук
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КГИ — Крымский государственный гуманитарный институт
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МЭИК — Материалы к этнической истории Крыма
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев
НА КФ ИА НАНУ — Научный архив Крымского филиала ИА НАН Украины. Симферополь
НА НЗХТ — Научный архив Национального заповедника Херсонес Таврический. Севастополь
НиС — Нумизматика и сфрагистика. М.
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
ОГИМ — Одесский Государственный Исторический Музей
ПАВ — Петербургский археологический вестник
ПИФК — Проблемы истории, философии, культуры. Магнитогорск — Москва
РА — Российская археология, М.
РВЦ ІАНАНУ — Редакційно-видавничий центр Інституту археології Національної Академії наук України
РИО КГИ — Редакционно-издательский отдел Крымского государственного гуманитарного института, Ялта
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь
BAR — British Archaeological Reports, Oxford
BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique
BSA — British School at Athens
EAA — Enciclopedia dell'arte Antica, classice e orientale
EAZ — Etnographisch-Archäologische Zeitschrift, Berlin
JRGZM — Jahrbuch der Römisch—Germanischen Zentralmuseums Mainz
Mat. Arch. — Materialy Archeologiczne, Kraków
RGK — Römisch-Germanische Kommission, Frankfurt am Main

Научное издание

В. Л. Мыц, А. В. Лысенко, М. Б. Шукин, О. В. Шаров
ЧАТЫР-ДАГ — НЕКРОПОЛЬ РИМСКОЙ ЭПОХИ В КРЫМУ

Отв. редактор *О. В. Шаров*
Корректор *Т. А. Самарина*
Макет *П. О. Савченкова*

Подписано в печать 24.01.2006. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26.
Тираж 500 экз. Заказ № 251.

Издательство СПБНИИ РАН «Нестор-История»

Отпечатано в типографии СПБНИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812) 235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru